

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

СЕЛИНА КАТРИН

МУАССАНИТОВАЯ
ВДОВА

Annotation

Она – вдова влиятельного аристократа, вынужденная бежать с родной планеты, чтобы найти тихую гавань. Он – раб, давно желающий смерти. Что у них может быть общего? Ничего. Вот только она узнала, что за ней послали команду охотников, и ей срочно понадобился защитник.

- [Селина Катрин](#)
 -
 - [Глава 1. Маэстро душ и желаний](#)
 - [Глава 2. Нежеланные женихи](#)
 - [Глава 3. Новый закон Цварга](#)
 - [Глава 4. Ловушка](#)
 - [Глава 5. Второй супруг](#)
 - [Глава 6. Побег](#)
 - [Глава 7. Оенталь](#)
 - [Глава 8. Полуконтрактник](#)
 - [Глава 9. Знакомство](#)
 - [Глава 10. День первый](#)
 - [Глава 11. Пустой дом, ночной мотылек и «Гаванна»](#)
 - [Глава 12. Шакшука и кофе с шоколадом](#)
 - [Глава 13. Ночной гость](#)
 - [Глава 14. Скользящие во времени тени прошлого](#)
 - [Глава 15. Глиняный рынок](#)
 - [Глава 16. Соседка](#)
 - [Глава 17. Зной Оенталья](#)
 - [Глава 18. Бета-колебания и контракт](#)
 - [Глава 19. Ветер перемен](#)
 - [Глава 20. Нескучный вечер](#)
 - [Глава 21. Коралловая молния кислотного дождя](#)
 - [Глава 22. Обжигающие поцелуи воды](#)
 - [Глава 23. Утро в лесном домике](#)
 - [Глава 24. Знакомый путь не всегда короткий](#)
 - [Глава 25. Сколько стоит правда?](#)

- [Глава 26. Предательство](#)
 - [Глава 27. Цварг](#)
 - [Глава 28. Клиника № 356](#)
 - [Глава 29. Мишель Марсо](#)
 - [Глава 30. Серебряный дом](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Селина Катрин

Муассанитовая вдова

© С. Катрин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1. Маэстро душ и желаний

– Госпожа, посмотрите на этих! Отличные телохранители, работа по контракту от недели до трех месяцев, продление на год, если устроит испытательный срок.

Я бросила взгляд на молодых мужчин разных рас, выстроившихся в шеренгу. Высокие и коренастые, с оттенками кожи от классического бежевого до болотно-зеленого, с рогами и без, с хвостами, клыками и даже крыльями. Все как на подбор молодые, сильные, пышущие здоровьем... Довольные жизнью или делающие вид, что таковыми являются, ведь перед ними состоятельный работодатель. Услышав, что госпожа пришла в дом маэстро за обученным бойцом, часть контрактников разделась до пояса и открыто демонстрировала внушительный рельеф, бравирова железными мышцами. Обнаженные торсы сияли в лучах местной звезды.

Я досадливо поморщилась. Хоть бы рубашки какие накинули или футболки. Никогда не привыкну к базару на Оентале.

Так, Селеста, возьми себя в руки! Представь, что ты на пляже...

Взгляд упал на крайнего в шеренге контрактника, довольно щуплого, но жилистого. Наверное, такой хорошо дерется в ближнем бою, да и не будет выделяться горой мускулов на заднем фоне. Оливковая кожа, но такой оттенок на этой планете весьма популярен, зато никаких рогов или хвостов с шипами – точно не мой соотечественник. Поймав мой изучающий взгляд, незнакомец широко улыбнулся, опустил на колено прямо на молодую траву, склонил голову и протянул руку для поцелуя в запястье. К сожалению, жест настолько напоминал исконно цваргский, что я машинально спрятала ладони в карманы.

«Ну вот, напугал богатую госпожу!» – зашикали на него соседи, локтями пихая под ребра активиста, решившего заполучить мое внимание. Они были уверены, что я не услышу, но врожденный тонкий слух улавливал и не такое.

– Ну что, кого-то выбрали? Хотите проверить рабочие навыки? Стрельба из бластера? Владение плазменными мечами, чтобы не повредить обшивку корабля, когда находитесь в космосе? У меня есть бойцы, владеющие даже докосмическим оружием!

Круглолицый продавец вопросительно приподнял густые медные брови, изучая медлительную госпожу. А я запаниковала. Не так представляла себе общение с маэстро душ и желаний, совсем не так. Слишком много свидетелей.

С возрастающей нервозностью нащупала в кармане короткую цепочку с жемчугом и баснословно дорогое муассанитовое кольцо. Как бы спросить, как можно расплатиться за бойца? Нет, конечно, стоимости этого кольца с лихвой хватит на всю представленную мне армию телохранителей, но начнутся вопросы. Существует лишь одна планета, где добывают муассаниты такой величины и чистоты, а экспорт драгоценностей с Цварга строго запрещен. Боюсь, если я покажу ожерелье продавцу, то вопросов будет – не оберешься. Тем более при такой толпе инкогнито полетит к шварховой матери...

– А сколько стоит контракт вон с тем... – Я указала на приглянувшегося крайнего воина в шеренге и прикинула в голове: – ... Скажем, на один астрономический квартал?

– Девяносто секкеров, госпожа. Но для вас сделаем скидку, можно восемьдесят.

Мысленно перевела секкеры в кредиты, вспомнила, за сколько в местном ломбарде ювелир выкупил последнюю пару жемчужных сережек. У меня, конечно, целый браслет, он явно дороже, но... Гравитационная аномалия! Не хватает! И личным счетом в Межгалактическом Банке пользоваться слишком опасно... Что же делать?!

– Госпожа, возможно, вы хотите что-то *особенное*? – Продавец наклонился к моему уху и лукаво подмигнул.

Мне было не до намеков. Угроза Юдеса, что он найдёт меня, так и стояла перед глазами. Страх ледяными коготками вонзался в сердце и пускал там мясистые корни растения-сорняка.

«Да, мне бы какого-нибудь контрактника подешевле», – хотела ответить, но получилось лишь «Да, мне бы...». Хитрющие глаза маэстро засияли, точно те самые муассанитовые пики гор на Цварге

при лунном свете. Он с поразительной ловкостью подхватил меня под локоток и с бодрым кудахтаньем повел внутрь здания.

– Что ж вы раньше-то не сказали, а то заладили «телохранитель, телохранитель». У меня мальчики на любой вкус, цвет кожи и расу. Сейчас подберем вам подходящего.

Ступеньки, крыльцо, двери... Я с легким изумлением рассматривала аляповатые разноцветные ткани на стенах вместо привычной краски или многофункциональных обоев, длинноворсовые ковры внахлест с плетеными, высокотехнологичную мебель и куст черники в навороченном антигравитационном кашпо... Да уж, местные интерьеры – отдельный вид наслаждения для любителей психоделики.

– Я понимаю, женщины на Оентале разные, много приезжих, поэтому не все открыто могут признаться, чего хотят. Нравы у культур, опять же, отличаются, хотя раньше я думал, что люди весьма либеральны... – Меня просканировали придирчивым взглядом. – Не переживайте, полная анонимность гарантирована!

Только я убедилась, что мы наконец-то остались наедине и можно поднять щекотливый вопрос оплаты, как торговец внезапно прервал речь и бодро подтолкнул меня. Одна из тканей, ошибочно принятая за украшение стены, мягко прогнулась, и мы оказались в другом месте. Ну как в другом... Дом был тот же. Крыша та же. Ковер тот же. На этом сходство с предыдущими помещениями заканчивалось.

Вместо ярких тряпок на стенах висели картины и голограммы такого содержания, что большинство моих соотечественниц, наверное, упали бы в обморок. Головизор на противоположной стене передавал весьма сомнительный контент. Вдоль стен были расставлены странные металлические и деревянные конструкции, к потолку прикреплены весьма оригинальные алые ленточные качели, справа маячил надувной диван в форме волны и стул без сидухи. Но вся обстановка меркла по сравнению с экспонатом в центре комнаты.

На огромном двуспальном лежбище томно потягивалась красивейшая из женщин. Ее длинные малиновые волосы разметались по подушкам, навершия обнаженной груди прикрывались крохотными золотыми колпачками, соединенными друг с другом цепочкой, а на лице застыло выражение неподдельного удовольствия. Изящный тонкокостный парень у изголовья кровати отрывал от кисти

виноградинки и опускал ей прямо в рот, второй мужчина гигантским перьевым опахалом обмахивал шею и живот незнакомки, еще двое, более крупных и крепких, массировали ей ноги. И одежды на последних было в разы меньше, чем на телохранителях... Если сзади так мало ткани, то что же спереди?!

Потрясение от увиденного ввело в легкий гипнотический ступор и на несколько секунд заставило забыть о цели визита к маэстро.

– Да-да, вот так... сильнее... нет, мягче – командовала женщина тем двоим, что стояли на коленях у ее щиколоток.

– Амэрэнта, душа моя, подскажи, какие из мальчиков сейчас свободны?.. – начал было мой сопровождающий, и я наконец отмерла.

Надо срочно останавливать этот фарс. Оенталь, чтоб его!

– Я имела в виду не этот спектр услуг, – произнесла, шумно прочистив горло.

– А что же тогда?! – Продавец резко развернулся и нахмурил рыжие брови. – Дамочка, вы уж определитесь! Вначале заявляете, что вам нужен телохранитель, потом намеками даете понять, что вас интересуют нечто другое! Помимо вас у меня есть и другие клиенты, всех обслужить надо! Или вы решили опорочить мое имя лучшего на базаре маэстро душ и желаний?! У меня самый качественный товар! Глаз-алмаз! Самые выгодные процентные ставки! Да я постоянным клиентам даже рассрочку даю!

Шварх, не хватало засветиться еще и в скандале на базаре...

Мужчина распалялся все сильнее, перешел на пронзительный фальцет, и я, наплевав на приличия, сама подхватила его за локоть и силком вывела через летящий слой занавесок в соседнюю комнату. Толстяк, не ожидавший такой прыти от хрупкой на вид блондинки, замолчал, а я быстро вытащила браслет с жемчугом.

– Вот, у меня только это, – продемонстрировала пухляку, – наличных для оплаты высококвалифицированного телохранителя нет, но я очень хочу, чтобы меня кто-то охранял, понимаете? Может, у вас есть кто-то... не знаю... бракованный, вышедший на пенсию или с застарелыми травмами, из-за чего боец ценится ниже?

Маэстро взял украшение, несколько секунд молча его рассматривал, затем перевел на меня возмущенный взгляд.

– Браслет с речным жемчугом? Вы серьезно?! Да он же даже не с Миттарии!

Отчасти я понимала степень его негодования. Только обеспеченные клиенты могли позволить себе услуги маэстро. Глупо было приходить сюда, не имея денег. Мое платье из смеси натуральных и синтетических тканей было куда дороже пресловутого браслета, но в отличие от одежды драгоценности легче перепродать... Попробуй найти женщину с такой же фигурой и желающую носить именно этот фасон и цвет.

Я лихорадочно соображала, как объяснить ситуацию. К этому моменту я успела уже несколько раз пожалеть, что поддалась сиюминутному страху. Да и четко уверилась, что показывать этому гуманоиду муассаниты будет высшей степенью безрассудства – легче уж транспарант повесить: «Госпожа Селеста Гю-Эль прячется тут».

Внезапно до нас донесся звонкий голос ведущей из головизора:

– Прерывание передачи! Экстренные новости! В секторе Н-63 было зафиксировано нападение на частный круизный межгалактический лайнер. Личности пока не установлены, но предполагается, что это знаменитая банда пиратов, называющих себя «Группа возмездия»...

Рыжий сердито прищелкнул:

– Фу, мерзость какая! Среди бела дня! Лучше бы мы с Космофлотом союз заключили...

Теперь уже я мысленно фыркнула на его реплику. Если бы Оенталь заключил соглашение с Федерацией Объединенных Миров и офицеры Космического Флота время от времени появлялись на этой планете в качестве дежурного патруля, ноги бы моей здесь не было. Но пускай маэстро считает, что я боюсь разбойников... Не успела я додумать мысль, как торговец шумно вздохнул.

– Так вам действительно нужен охранник, а не любовник?

Кивнула и развела ладони в стороны, прекрасно представляя, как выгляжу. Воздушное нежно-голубое платье с трогательно открытыми плечами, светлые волосы и челка, которую я остригла, чтобы выглядеть как можно более непохожей на Селесту Гю-Эль из моего прошлого. Та Селеста должна была подчиниться глупым законам Цварга и выйти замуж за члена Аппарата Управления Планетой, уважаемого и знатного Юдеса Лацосте, а здесь, на базаре, была совсем другая – Леста Эль, человеческая девушка с Захрана. Моложе, симпатичнее, проще и... беззащитнее.

– Да, маэстро. Охранник. Времена нынче беспокойные, сами понимаете. Ну и помощник по хозяйству не помешает: забор покосившийся поправить, навес от дождя поставить, роутер для выхода в локальную инфосеть настроить, – тут же стала перечислять, старательно вспоминая, зачем могут понадобиться мужские руки. Не хотелось бы лишних сплетен... – Возможно, у вас есть контрактники для дома, которые, если что, и оружие в руках держать умеют?

Маэстро душ и желаний – так полностью называлась должность местных агрегаторов рабочей силы – смотрел на меня с подозрением, а я по старой, въевшейся в подкорку привычке следила за его невербальными жестами: пока говорила, рыжий неосознанно скрестил на груди пухлые руки, собрал брови над переносицей и недовольно выпятил подбородок.

В то, что космопираты вдруг нападут на Оенталь, вполне освоенную заселенную планету с какой-никакой армией, я не верила. А если за мной все-таки явится Юдес, то ни один, ни два, ни даже десяток телохранителей не спасут от принудительной депортации на Цварг. Уж он-то раскусит мой маскарад на раз. И денег на излишества у меня все равно нет. Точнее, есть, но воспользоваться могу лишь жемчужным браслетом.

С тоской отметила про себя, что морщинка между рыжих бровей так и не исчезла. Поняв, что госпожа не настолько состоятельна, как кажется на первый взгляд, мужчина передумал продавать мне контракт хоть с кем-нибудь.

– Раз у вас нет никого подходящего, я, пожалуй, пойду, – мягко завершила длинную речь.

Зря я всё-таки сюда пришла... Мало того что телохранителя не купила, так еще и привлекла к себе ненужное внимание.

Не тут-то было.

– Погодите, как вас там... госпожа Леста? Если вы сейчас уйдете, по базару поплывут слухи, что я не удовлетворил ваше желание, не смог найти то, что вам бы понравилось. Это негативно скажется на моей репутации.

– Что вы, я никому не скажу, что обращалась к вам. – Поспешно замотала головой.

Шварх! Точно меня ретроградный Меркурий спутал, когда решила сюда прийти.

– Гуманоиды увидят, что вы, войдя на мой двор, вышли ни с чем, – настаивал продавец.

– Ну приставьте любого охранника, чтобы проводил до дома. Делов-то!

– Не годится. – Упертый делец отрицательно покачал головой и неожиданно понизил голос до едва слышного шепота: – Но мы можем помочь друг другу.

Я напряглась. Мне совершенно не понравилось, как это прозвучало. Как чистокровную цваргиню меня с детства учили улавливать мельчайшие оттенки настроения собеседника. Когда мужчины твоей расы умеют читать эмоции как открытую книгу, без этого навыка никуда. Если собеседник понижает голос – это не к добру, он либо злится, либо задумал что-то нехорошее.

– Помочь? – отозвалась эхом, понимая, что откажусь, что бы мне ни предложили.

Рыжий оглянулся, будто в пустой комнате нас мог кто-то подслушать, и затараторил:

– Мой племянник, насмотревшись, как я веду бизнес, решил тоже в маэстро податься. Правда, глупый он, неопытный. Влез в серый сектор, договорился с непроверенными заказчиками... Ему оплатили за оказанную услугу... живым товаром.

– Живым товаром?!

Дурное предчувствие смутно кольнуло куда-то под рёбра. Формально рабство на Оентале запрещено, но каких-то рабов я время от времени все же видела. Весьма сытых и чистых, но... определенно гуманоидов без общих прав, которые имели граждане Федерации Объединенных Миров. В этом секторе космоса они назывались полуконтрактниками. Номинально бумаги к ним имелись, и согласно местным законам хозяин обязывался о них заботиться, предоставлять спальное место и еду не менее трех раз в сутки. Но, в отличие от наемников, кредитов им не платили, и сменить владельца им тоже не позволялось – только если последний сам не перепродает контракт. Узаконенное рабство, иными словами.

– Да, товаром, – тихо буркнул низкорослый маэстро, который был сам не рад, что его родственник влип в неприятности. – Слава Вселенной, почти всех удалось сбыть с рук... Аюр у меня тот еще

дурак, но понимает, если что-то пойдет не так, его лавочку первой и накроют. Вот только...

– Один раб остался, да? – устало переспросила.

Я не знала наверняка, но это логично вытекало из всей предыстории.

– *Полуконтрактник*. – Собеседник выразительно приподнял брови, принципиально не называя несчастного рабом. – Я предупрежу племянника, что придет госпожа за особым товаром. Он отдаст не торгуясь.

Толстяк снял с себя хлопковую шапочку, обнажив вспотевшую лысину, протер рукавом пот и нахлобучил головной убор обратно. Вновь вопросительно уставился на меня. Уже заранее ненавидя себя за этот вопрос, поинтересовалась:

– Что не так с рабом?

– Почему с ним что-то должно быть не так? – делано удивился маэстро.

На несколько бесконечно долгих секунд в помещении воцарилась пауза. Неужели я похожа на дуру? Если одного раба не удалось сбить с рук, очевидно, с ним что-то не так. Наконец мужчина с горечью сплюнул на пол.

– Да все с ним не так! – в сердцах воскликнул он. – Этот паршивец хочет сдохнуть. Впихнуть в него еду – одно мучение. Ничего не делает или, если попросишь, делает так, что и себя убивает, и переделывать приходится! Месяц назад Аюр попросил перетаскать сваи для фундамента дома, а этот идиот вместо того, чтобы дождаться, когда наутро привезут гравиплатформу и функциональные перчатки, всю ночь на себе таскал железобетон! Утром свалился без сил, надорвал спину и лапищи стесал до крови! Не будем же мы услуги дока оплачивать ради полуконтрактника! Тем более когда ясно, что он... не особенно-то хочет жить.

Вздрогнула. Раба чисто по-человечески было жалко. И хуже всего то, что я прекрасно представляла себе состояние безысходности и отчаяния, в которое он впал, раз наплевал на свое здоровье. Но... Селеста, возьми себя в руки!

– Вы хотите его сплавить мне как неликвидный товар, чтобы его смерть не привела следователей к вашему племяннику? Хотите, чтобы проблемы были у меня?!

– Ой, да какие у вас будут проблемы... – Он глядел меня еще раз с ног до головы. – Даже если кто-то заинтересуется, с невооруженного взгляда будет понятно, что вы – маленькая беззащитная человеческая девушка – искали помощника по хозяйству. На три месяца, как и просили, вам хватит... Раб и забор починит, и что вы там хотели... А издохнет по пути, так будет видно, что не ваша вина. Ну?..

Я отрицательно покачала головой. При мыслях о неизвестном страдающем гуманоиде внутри все сжималось и кололось, но проблемы с властями планеты мне не нужны. Если вскроется, кто я такая, это будет настоящей катастрофой. Мне бы, наоборот, найти способ незаметно слиться с обществом Оенталя и получить разрешение на постоянное место жительства. Полутруп желающего покончить с жизнью гуманоида в эти планы не вписывался никак.

– Спасибо, но... нет. Пожалуй, пойду, – тихо, но непреклонно ответила я.

Развернулась к выходу и почувствовала, как наглый рыжий мужичонка сунул мне что-то крошечное в карман платья.

– Там визитка с адресом. Вдруг все-таки передумаете, – пояснил он поспешно.

Глава 2. Нежеланные женихи

Цварг. Два года назад

– Госпожа Гю-Эль, вы потанцуете со мной?

Приятной внешности брюнет галантно протянул ладонь и лучезарно улыбнулся, а я мысленно его прокляла. Ведь надела же глухое темное платье-футляр, накрасилась бледной молью, встала поближе к выходу, пытаюсь слиться со стенкой. Еще каких-то десять минут, и можно было бы уже тихонечко уйти с мероприятия, не вызвав пересудов. Захотелось застонать от отчаяния. Почему я?! Здесь несколько десятков молодых, красивых и веселых девушек!

Не произнесла ни звука, но лицо цварга удивленно вытянулось. Очевидно, он почувствовал мои эмоции раздражения. Мысленно застонала: «*Совсем ты, Селеста, расслабилась...*»

Глубоко вдохнула, как учат всех девочек еще в пяти-шестилетнем возрасте, представила себе ледяную скульптуру с сияющими гранями. В моем воображении это всегда была застывшая и прекрасная крылатая дева-воительница, ловко перехватившая ассагай за тонкое древко и готовая вот-вот метнуть его во врага. Это произведение искусства однажды показала мама в хрустальном саду, и почему-то именно этот образ помогал мне взять эмоции под контроль.

Вежливо улыбнулась.

– Простите мои бета-колебания, я не хочу сегодня танцевать. Каблуки неудобные, – выдала стандартную светскую отмазку.

– Каблуки?

Мужчина удивленно посмотрел на мои туфли на низком каблукерюмочке, которые было все еще прилично надеть на такое мероприятие. Покойный супруг требовал от меня всегда выглядеть безукоризненно, и теперь, когда могла позволить себе одеваться не только вызывающе эффектно, но и комфортно, я надела черное строгое платье и простейшие босоножки с закрытым носом. «Полнейшая безвкусица», как сказал бы Мартин.

Я продолжала удерживать безмятежно-утонченную улыбку.

– Да, ноги устали.

Цварг чуть наклонился, «принюхался» к эмоциям, но, так и не почувствовав в них лжи, руку спрятал и пожал плечами.

– Ничего страшного, госпожа Гю-Эль. Признаюсь, я не очень люблю танцы. Мне кажется, что танец мужчины и женщины – чересчур интимная вещь, которую не стоит демонстрировать на людях. Могу ли я называть вас Селестой?

– Да, разумеется, – рассеянно кивнула, разглядывая зал.

Кружащиеся пары, радостные лица и воздушные платья... Волшебный голос певицы ласкал слух. Если бы мое согласие на танец не трактовали как проявление благосклонности, я бы присоединилась к цваргиням, но... Когда на планете серьезный демографический перекося, общество и менталитет расы диктуют свои законы. Мельком глянула на часы на противоположной стене просторного зала. Еще чуть-чуть, и можно будет уйти.

– Я Кристоф, – представился брюнет, вновь перетягивая внимание на себя. – Селеста, не считите за дерзость, понимаю, что это не очень культурно – подходить к цваргине, прежде чем она дала согласие на свидание, но... – Он кашлянул, смущенно поправляя галстук-бабочку. – Лаборатория сообщила, что у нас с вами целых шестьдесят три процента совместимости. Представляете? Шестьдесят три...

«И правда немало, но с Мартином совместимость была выше...»

Планетарная Лаборатория в последний раз прислала мне целый ворох анкет мужчин, вероятность зачать от которых казалась хоть сколько-то сносной. И Кристоф там был... А может, не был, шварх его знает. Я чинно проглядела стопку под буравящим взглядом дворецкого, а когда он ушел из кабинета, с облегчением отправила ее в утилизатор.

Быть вдовой на Цварге – лучший социальный статус, который только можно придумать. Нет мужа, никто не давит удушливо-тяжелыми бета-колебаниями, не брюзжит, как ты должна выглядеть или почему от тебя так сильно «фонит кислотной», не читает нотации... Мартина за меня выбрала фактически все та же Лаборатория, которая на Цварге имела власть даже большую, чем Аппарат Управления Планетой. Вкупе с законом о том, что цваргиня к пятидесяти годами обязательно должна выйти замуж, у меня просто не было другого выхода. Ко всему, пока мы с первым мужем были знакомы лишь поверхностно, я наивно полагала, что брак может принести удовольствие. Мартин Гю-Эль на тот момент считался одной

из самых влиятельных фигур на Цварге. Богатый, симпатичный, не старый – в полтора века цварги выглядят по-разному, многое зависит от генетики, но Мартин особенно тщательно следил за своей внешностью. В первый месяц нашего общения он даже старался понравиться мне, правда, поняла я это уже позднее – примерно тогда, когда посыпались многочисленные упреки: платье слишком фривольное, помада чересчур яркая, походка резкая, настоящие аристократки должны плыть по воздуху, словно лебеди по Коралловому озеру... Какое-то время я со всем соглашалась, но потом не выдержала и высказала все, что думаю.

Первая серьезная ссора была из-за того, что перед камерами прессы на ступенях муниципального здания я не взяла супруга за руку. Понятия не имею, почему не взяла, наверное, просто растерялась под вспышками голокамер. Но Мартин рвал и метал: «Ты выступаешь меня идиотом! Собственная жена не взяла за руку! Что скажут горожане, когда будут рассматривать наши снимки в новостной ленте?! – лютовал супруг. – У нас и так уже два года нет детей, еще и ты ведешь себя словно не жена мне!»

«Дорогой, какие два года? Ты смеешься? Многие цварги по двадцать-тридцать лет не могут завести детей, кто-то и все пятьдесят. Это нормально...»

«Абсолютно не нормально! Я женился из-за высокого процента совместимости, Лаборатория сказала, что ты станешь для меня идеальной женщиной, а ты...»

А я наотмашь ударила Мартина. Что было дальше, помню смутно, от ссоры сильно разболелась голова. И в следующие разы, когда я хоть сколько-то повышала тон или отказывалась поступать так, как хочет господин Гю-Эль, голова тут же превращалась в чугунную посудину, по которой долбят молотом. Раскаленная проволока ввинчивалась в череп и буквально кипятила мозги. Мерзко, больно, тошнотворно... Легче было согласиться на все требования мужа, чем терпеть это. Медленно, но верно покойный муж перекраивал меня так, как хотелось ему.

Когда Мартин попал в аварию, я выдохнула с облегчением. Ужасно, конечно, так говорить, но это стало первым глотком свободы. Все вокруг проявляли сочувствие, а я... почти месяц не могла поверить в то, что произошло. Что я больше не обязана ежемесячно есть на

ужин отвратительные сырые яйца, потому что муж верит – это помогает забеременеть. Не обязана надевать неудобные юбки и платья ниже колен, носить чулки в жару, потому что так хочется Мартину; высокие шпильки, чтобы наши совместные кадры выглядели более удачными; тяжеловесные украшения, чтобы все вокруг видели, насколько он щедр. Не обязана пользоваться услугами водителя, да и вообще могу спокойно прогуляться пешком по парку. И – о бескрайний космос! – босиком по траве. Могу громко говорить, потому что мне так хочется, покататься на аттракционах или сходить в антигравитационную комнату. Шварх, я даже могу там оглушительно завизжать, и никто не скажет, что я втоптываю в грязь его репутацию!

– Селеста, – голос Кристофа вернул на землю, – я не знаю, как много у вас еще кандидатов в будущие супруги, но для меня вы самая желанная и потрясающая цваргиня. Если бы я только мог надеяться, что вы согласитесь погулять, чтобы лучше узнать друг друга... Я понимаю, возможно, вы еще скорбите по первому мужу, но одна лишь призрачная надежда, что когда-нибудь вы его забудете и обратите свой взор на живых мужчин...

«Упаси меня Вселенная от второго брака! Ни за что на свете! Никогда!..»

– Простите, Кристоф, я все еще ношу траур по Мартину.

Парень окончательно смутился.

– Простите, наверное, это прозвучало ужасно грубо... Поверьте, меньше всего я хотел вас обидеть. Просто вы такая женственная и утонченная... В последнем выпуске «Дома моды» вас назвали иконой стиля и совершенства...

«Пришлось такой стать, чтобы соответствовать уровню Мартина...»

– Кристоф, – не очень вежливо перебила собеседника, но сил выслушивать сомнительные комплименты не осталось, – я не знаю, когда прекращу скорбеть, честное слово. Оглянитесь, в зале полно более молодых и красивых, чем я! Мне уже семьдесят пять лет...

– Семьдесят четыре.

«Ого, да кто-то вдоль и поперек изучил мою медицинскую карту! Ну да, в пятьдесят я вышла замуж, ровно двадцать лет была идеальной женой и вот уже четыре с половиной года счастливо вдовствую».

Я набрала полные легкие воздуха, чтобы прозрачными намеками отправить на поиски другой кандидатуры в невесты, но в этот момент позади раздался до боли знакомый сухой и ядовито-ехидный мужской голос:

– Кристоф, у вас, видимо, совсем с рогами проблемы. Рекомендую провериться у дока. У госпожи Гю-Эль блестящие воспитание и чувство такта, но от нее явно веет раздражением. Вы ей надоели, как только появились на горизонте. Я вообще сомневаюсь, что такой неандерталец с недоразвитыми антеннами может заинтересовать истинную леди. Сгиньте отсюда, чтобы я не видел вас в радиусе парсека от этой женщины.

Мальчишка задрожал, стремительно побледнел, шумно сглотнул слюну, проблеял «простите-извините» и растворился в толпе, а я смежила веки. Спокойствие, только спокойствие, Селеста. Ты – ледяная скульптура. Ты не испытываешь никаких бурных эмоций. Доброжелательность и скука, ничего более. Дева-воительница, чья кожа холодна настолько, что, дотронувшись до нее, можно получить обморожение.

Когда открыла глаза, передо мной уже стоял тот, кого я хотела бы видеть меньше всего на свете. Соболиного цвета волосы гладко зачесаны назад, отчего кажется, что мощные витые рога чуть подаются на собеседника и лишь в средней секции загибаются к затылку. Чернильные как ночь глаза, прямой орлиный нос и упрямая линия подбородка. Оттенок кожи фиолетовый, как и у всех цваргов, но с легким отливом в кобальтовую синеву – отличительная черта рода Лацосте.

Юдес протянул руку и требовательно сказал:

– Потанцуем.

Это не было вопросом – утверждение или даже приказ.

Вдох-выдох, Селеста. Не место и не время закатывать истерики, тем более при таком скоплении цваргов. Мартин всегда говорил, что лишь плебеи выясняют отношения на публике.

Одним рывком Юдес притянул меня к себе и крепко обхватил за талию. Мои мысли были так далеки от происходящего, что я поняла, какой танец мне предстоит, лишь услышав вступительный аккорд визгливой скрипки. Почти сразу ее подхватили резкие и хлесткие, как удар плетью, металлические звуки банденеона. Самый чувственный

и в то же время самый развратный танец, разрешенный на Цварге. Считалось, если мужчина и женщина танцуют вместе танго-милонгера, это негласно означает, что цваргиня отдала ему предпочтение. Вот же наглец! Мелодию подхватил величественный орган, а у меня замерло сердце.

Все-таки часть моих эмоций явно прорвалась через старательно выстроенный ледяной полог отчуждения, потому что мне шепнули на ухо:

– Ничего не бойтесь, я поведу.

Да я и не боялась. Это было совершенно иное чувство. Мартин так сильно переживал за свою репутацию, что нанял мне репетиторов и заставил выучить все светские танцы. Зачем ему это надо было – так и не поняла, потому что на публике мы не танцевали, а без публики... тоже не танцевали. Это же «вульгарщина» и недостойно аристократов.

Юдес крутанул меня и повел. Идеально прямая спина, уверенные руки, открытый прямой взгляд глаза в глаза. Прикосновения на грани приличий. Музыка стала громче, яркая акцентная часть сменилась более плавной и мелодичной, а вместе с ней цварг совершил поворот и повел спокойнее.

– Странно. Вы хорошо танцуете, Селеста. Я думал, вы волнуетесь из-за того, что у вас не получится.

– Вам показалось, Юдес.

Я взяла себя в руки, и теперь уже не упрекнешь, что от меня фонит бета-колебаниями страха или нервозности.

– Хм, – цварг приподнял брови, – вы намекаете, что у меня бракованные рога?

– Нет, что вы! Я просто хотела сказать, что...

– Вы потрясающе умеете прятать эмоции, – беспардонно перебил он.

Темные глаза буквально впились в меня, а мужская рука на поясище потяжелела.

– Вы так говорите, будто в чем-то обвиняете, – пробормотала, стараясь попадать в музыку и в то же время не прерывать зрительного контакта с партнером. – Всех цваргинь учат этому.

– О нет, Селеста! – Мужчина вдруг рассмеялся. – Я пытался зайти издали и сделать вам комплимент. Что ж, видимо, не получилось. Давайте попробуем еще раз. Теперь я скажу прямо. Селеста,

я двадцать лет рвал на себе волосы и жевал хвост от осознания, что такая восхитительная женщина стала женой моего коллеги, а не моей собственной! Как только узнал о катастрофе, в которой погиб этот овираптор Гю-Эль...

– Вы вообще-то о моем покойном супруге сейчас говорите! – искренне возмутилась я и попыталась оттолкнуть хама, но Юдес не позволил.

– Прошу прощения, Селеста. Я имел в виду, что Мартин во всем был ярким консерватором. Не удивлюсь, если он и секс предпочитал в миссионерской позе и при выключенном свете.

Щеки опалил румянец. Слова Лацосте были верхом неприличия, но каким-то образом он умудрялся вести себя так, что на нас никто не оборачивался. Музыка переливалась всеми оттенками, цварг кружил меня по одному ему видимой схеме, стопы чертили рисунок на паркете. Вкрадчивый голос Юдеса не слышал никто, кроме меня, ну а бета-колебания... похоже, он так же успешно их экранировал.

– Так вот, когда я услышал о катастрофе, то первым делом подал заявку на сравнение наших с тобой образцов крови на совместимость. Восемьдесят два процента, Селеста!

Он незаметно перешел на «ты», но учитывая, сколько лет мы знакомы, я наплевала на отступление от этикета.

– На три процента ниже, чем у нас с Мартином, – произнесла на автомате и прикусила язык, ожидая очередной вспышки неконтролируемых пошлостей.

Додумалась же на светском мероприятии сравнивать, чьи сперматозоиды лучше подходят моей яйцеклетке! Но в ответ услышала лишь веселое хмыканье.

– Поверь, есть вещи, которые измеряются не только процентами.

Как же мне хотелось закатить глаза! Эту фразу я слышала буквально от каждого второго ухажера, пытающегося за мной ухлестнуть.

– Юдес, прошу прощения, но это неэтично. Я ношу траур по супругу и не настроена на отношения.

– Пфф! – А Лацосте закатить глаза не постеснялся. – Можешь и дальше строить из себя несчастную вдову, но на меня это не сработает. У меня очень чувствительные рога, дорогая Селеста. Я не

слышу в тебе и тени сожаления о смерти Гю-Эля. Ты его никогда не любила, а вот я тебе нравлюсь.

Не удержалась и фыркнула.

– Самонадеянно.

Партнер по танцу много раз бывал у нас и в пентхаусе в столице, и в загородном особняке. Они с Мартином оба работали в Аппарате Управления Планетой, а потому частенько запирались в кабинете мужа и решали срочные служебные вопросы. На фоне чопорного и озабоченного общественным мнением супруга его коллега действительно всегда выглядел... живее, что ли? Юдес, будучи у нас в гостях, мог спокойно позволить себе запрокинуть голову и громко расхохотаться или отпустить неприличную шуточку. Замечаний ему Мартин не делал – Лацосте ветвь потомственных аристократов как-никак, но при этом неодобрительно прищипывал языком и надувал щеки точно хомяк.

Танец подходил к концу. Юдес вновь закрутил меня, а на звенящей ноте скрипки буквально распластал по своей каменной груди. Наверное, со стороны это выглядело эффектно, но на деле... Ноги уже гудели, дурацкие крупные серьги оттягивали уши, а муассанитовое кольцо, которое я надела на этот вечер скорее по привычке, намертво вбитой Мартином в подкорку, ощущалось удушливым ошейником. И когда Юдес уложил меня на себя и фактически заставил уткнуться в его шею, я с трудом обуздала вспыхнувшее раздражение. От него пахло терпко-резким цитрусовым мужским одеколоном и неожиданно сладким клубничным шлейфом женских духов. И зачем ему я? Танцевал бы себе с той «клубничкой».

Музыка полностью смолкла. Я попыталась вырваться из железных объятий-тисков, но стоило посмотреть в чернильные глаза напротив, как мир закружился быстрее, чем в танго-милоренго. *В памяти вдруг вспыхнули все моменты, когда Юдес приходил к нам гости, как он отпуская колкости и пытался меня развеселить, как дарил цветы... Как я сравнивала его и мужа и тихо вздыхала, что надо было выбрать другого цварга. Стоп, не было такого! Стоп!!!*

Внутри головы вновь накалилась тоненькая ниточка, маленькие, но гадкие молоточки застучали по вискам. Да не было же такого! А вдруг было? «Я тебе действительно нравлюсь». Бред! Никогда не рассматривала Юдеса ни как любовника, ни как возможного супруга.

Он ничем не отличается от Мартина и привык всех подминать под себя, не считаясь с чужим мнением. Шварх! Да я даже анкеты его не видела, когда мне исполнилось сорок девять лет и из Планетарной Лаборатории пришло письмо со списком оптимальных кандидатов – напоминание, что у меня остался лишь год, чтобы определиться с мужчиной и выполнить «долг перед расой». Юдес появился в моей жизни лишь только после того, как Мартин объявил о нашей помолвке. Я этот день хорошо помню, потому что...

Голова заболела еще сильнее, словно кто-то решил просверлить ее раскаленным буром. Но когда я подумала, что сейчас упаду в обморок как припадочная, изоощренные пытки резко оборвались. Зрение возвращалось неохотно. Все плыло перед глазами, сливалось цветными пятнами, впрочем, как и слух – ленивыми толчками.

«Я тебе действительно нравлюсь».

Что за швархова слуховая галлюцинация?! Мотнула головой, чтобы прийти в себя, и поняла, что мне не послышалось.

– ...Селеста уже давно задела струны моей души, и я благодарен за этот чудесный и полный страсти танец, который она мне подарила...

С последним призрачным ударом молоточков картинка обрела ужасающе четкие очертания. Я во все глаза смотрела на цварга, опустившегося на одно колено и чинно толкающего речь. Вокруг нас образовалось пустое пространство – все разошлись почти по периметру, и в центре танцевальной части помещения были лишь мы. Эта дурацкая пустота ощущалась как пропасть – с одной стороны я и Юдес, с другой – остальные приглашенные. Шаг в сторону – сорвешься.

– ...Дорогая, ты станешь моей женой?

Звонящая тишина опустилась на зал. Все замерли. Не так много рождается девочек на Цварге и не так часто происходят помолвки. Обычно цваргини долго и придирчиво выбирают кандидатов из списка, присланного Лабораторией, ходят на свидания, сближаются с потенциальными женихами. Все происходит постепенно, иногда растягивается на годы. Кто-то уже с тридцати лет рассматривает варианты, чтобы успеть к пятидесяти, кто-то дружит с будущим мужем с глубокого детства. В любом случае помолвка двух цваргов обычно не новость, и уж точно не для невесты.

– Что? – пробормотала я, все еще ошеломленная.

– Ты станешь моей женой? – повторил он мягко, но с напором, глядя в глаза.

Я всеми фибрами души ощутила, как эта наглая рогатая морда вновь пытается использовать ментальное внушение. И как ловко! Все отошли, а Юдес сохраняет визуальный контакт и дополнительно держит меня за кисть – очень тонко! Я бы восхитилась ловкостью рук, точнее рогов, если бы меня уже не тошнило. Изначально воздействие было мягким и теплым, как морская волна, еле уловимым. Если бы не Мартин, который при каждом удобном случае прибегал к этой дряни, я бы и не поняла, что меня усиленно подталкивают к положительному ответу. Однако четкое осознание происходящего и внутренний страх, что история повторится, превратили ментальное влияние в огненное жало, раз за разом свирепо вонзающееся в основание шеи. А вместе с пониманием пришел и холодный липкий пот, выступивший вдоль позвоночника.

Чтобы я! Еще раз! Вышла за цварга?! Да не бывать тому!

– Нет! – не то прорычала, не то прокричала на весь зал, вырывая ладонь.

Восторженная толпа отмерла, цварги зашушукались, а утонченно-аристократическое мужское лицо вытянулось от изумления. Что, тебе никогда отказывали? Ну подавись, ты первый начал!

– Юдес, это просто возмутительно! – Я оглушительно всхлипнула, на миг представив, что было бы, если бы за годы брака не научилась распознавать, когда эмоции мои собственные, а когда мне их старательно навязывают извне. – Я вдова! Я до сих пор люблю своего мужа и согласилась на танец лишь из жалости к вам! – Получай, рогатик! – Оно и понятно, у вас такая серьезная должность, а невесты все нет и нет. Ни одна цваргиня не согласилась стать вашей женой.

– Селеста...

Клянусь, я слышала скрип зубной эмали, но меня понесло.

– Я живу лишь воспоминаниями о своем милом Мартине. Как же жалко, что он погиб практически во цвете своих сил! Ни один мужчина не сравнится с ним! – Горько усмехнулась. В последнем точно не врала. Сравниться с почившим Гю-Элем было сложно, взять хотя бы его маниакальную привычку мыть руки и по восемнадцать раз в день чистить зубы. – Мне очень неловко расстраивать вас отказом,

господин Лацосте, но, видимо, вы что-то не так поняли. Я совершенно не настроена на романтические отношения. Посудите сами...

Вспомнить многочисленные бытовые моменты из прошлого было несложно. «Селеста, неужели ты собираешься под камеры прессы в брюках?!», «Демонстрировать свои эмоции так ярко просто неприлично», «Ты не можешь сесть за управление флаером. Что подумают окружающие? Что у меня нет денег даже на водителя?!»...

Я сдернула эфемерную материю ледяного кокона отчужденности, в который всегда старательно заворачивалась на людях. Жалость к себе затопила сознание, и я отпустила поводок эмоций, давая им свободно растечься во внешний мир. Чем сильнее эмоции, тем четче ритмы головного мозга.

Это было вопиюще возмутительно и оскорбительно по отношению к многочисленным цваргам, «уровень деревенщины», как сказал бы Мартин, но мне уже было плевать. Я транслировала на эмоциональном уровне бесконечную тоску и горечь. Чувство утраты. Только тосковала я не по мужу, а по той беззаботной и веселой жизни, которая у меня была до замужества, когда я никому и ничего не была должна. Когда я не обращала внимания на демографический перекося и не знала, что, оказывается, у цваргинь есть «долг перед расой». Разумеется, этих деталей гости мероприятия не могли знать, но они уловили общий фон бета-колебаний, частоту и амплитуду волн, каждую из которых цварг мог трактовать для себя в зависимости от развитости его собственных рогов. Я вложила в эти волны всю беспросветную грусть, на которую была способна, и почти все присутствующие *почувствовали*.

В зале послышались шепотки, с каждой секундой становившиеся все громче и громче. У стоящего передо мной на одном колене Юдеса опасно покраснели белки глаз и затрепетали ноздри. Да уж... кажется, я немного перестаралась. Сглотнув сухим горлом, я развернулась и бросилась прочь из зала.

– Селеста! – в сердцах крикнул оскорбленный Лацосте, но я бежала не оглядываясь.

Коридор, ступени, выход... Где-то на периферии взгляд выцепил пораженного до глубины души бледного Кристофа. Он шагнул в мою сторону, собираясь что-то сказать, но я уже нашаривала в вечерней сумочке-конверте ключи от флаера.

Гоночный кар приветливо моргнул диодами по периметру и поднял дверь-крыло. Опасаясь погони, я нырнула, мгновенно завела двигатель и рванула штурвал, поднимая флаер в воздух. Уже отлетая со стоянки Центрального Муниципального Дворца, в боковом окне я заметила крупные блеснувшие черные рога, подозрительно похожие на рога Юдеса. «Не догонишь», – бросила про себя и утопила педаль газа в пол.

В голове все еще пульсировала раскаленная нить, но скорость всегда приносила мне облегчение. С каким же удовольствием я садилась в водительское кресло! Ночной Цварг под днищем кара проносился яркими вспышками. Габаритные огни транспортных средств, неоновые подсветки многочисленных жилых и офисных заданий, длинные светящиеся гусеницы улиц и пешеходных переходов, темные пятна мини-парков и садов в жилых кварталах – все слилось в разноцветные люминесцентные росчерки. Тьма и вспышки, вспышки и тьма. Картина, нарисованная безумным художником-абстракционистом.

Альтиметр показывал всего пару километров над уровнем земли, но я чувствовала себя птицей, впервые выпущенной на волю. Слезы текли по щекам, но при этом хотелось смеяться. Придерживающие руль пальцы крупно дрожали. Вселенная, а если бы Юдес меня продавил? Если бы я не распознала его ментальное воздействие и не начала сопротивляться? Если бы мой второй брак повторил первый?!

Щелчком тумблера я подняла флаер еще выше. Лететь так высоко днем я бы не рискнула, потому что свет, отраженный от пиков муассанитовых гор, болезненно слепил глаза, но ночной Цварг был завораживающе прекрасен.

Научиться водить флаер самостоятельно – первое желание после смерти Мартина. И мне было все равно, что подумают окружающие, будто женщина за рулем – это неправильно.

Я всмотрелась в мерцающий пейзаж и мягко направила флаер в зияющую черноту. Мое любимое место. Ясное море – так называли это чудо планеты, оно было настолько чистым, что в нем не водился даже планктон. Опустив флаер прямо на берег, скинула туфли и с наслаждением погрузила ноги в мокрый прохладный песок.

Вслушалась в тихий шепот волн. Как же хорошо здесь! Я с детства любила это место больше всего на планете и считала

курортом. Родители не брали меня на другие планеты, потому что из-за удручающей ситуации с рождением девочек оформить визу на вылет с Цварга любой представительнице женского пола было очень сложно. Мама успокаивающе гладила по голове и говорила, что будущий супруг обязательно свозит. Отец согласно кивал. А Мартин никуда меня так и не вывез, ссылаясь на занятость на работе, но зато он купил особняк недалеко от пляжа.

Море игриво брызнуло пушистой пеной и мелкими солеными капельками воды, возвращая в реальность. Вдалеке, где чернично-кобальтовое небо в алмазную крошку сливалось с бескрайним морем, закричали чайки. В следующую секунду щиколотки щекотно лизнула мягкая волна, одновременно смывая глубокие следы на песке. Раскаленное жало из шеи уже вынули, и теперь боль утихала, как укладывается спать старый недовольный медведь, взбивающий по несколько раз свою подстилку на зиму.

«Ты станешь моей женой?» – прозвучал в голове недавний вопрос Юдеса.

Панический страх наконец отступил. Я села на берег прямо в платье, подтянула колени к подбородку, обхватила их руками и облегченно выдохнула морю:

– Ни за что на свете. Ни за Юдеса, ни за любого другого цварга... ни вообще за какого-либо мужчину. Не заставьте. В конце концов, я вдова.

Все-таки существовала вещь, за которую я была безмерно благодарна супругу. И это была не фамилия древнего рода, не деньги на многочисленных счетах, не недвижимость. Это был статус вдовы, по сути – синоним неприкосновенности на Цварге.

Глава 3. Новый закон Цварга

Цварг. Два года назад

Меня разбудил входящий звонок на коммуникаторе. После длинной прогулки по морскому побережью я вернулась домой лишь к рассвету. По ощущениям, получилось поспать часа три, от силы четыре. И кому я нужна с утра пораньше? Не разлепляя век, нащупала на прикроватной тумбочке устройство связи и нажала кнопку аудиозвонка.

– Это просто возмутительно! Госпожа, как это понимать?! Скандальное видео со вчерашнего вечера уже на федеральном голоканале, а вы... вы до сих пор не явились домой! – буквально завизжал голос Лоренцо.

Поморщилась. У меня всегда складывалось впечатление, что супруг нашел дворецкого себе под стать, но это уже ни в какие шлюзы не лезло. Я шумно прочистила горло.

– Лоренцо, во-первых, вас не касается, где я провела ночь.

– Но это такой удар по репутации! Вы ушли из Дворца и так и не вернулись! Я спать не мог, волновался, где вы и что вы...

«Ага, так я и поверила. За зарплату ты свою волновался и за рабочее место, ведь с таким характером тебя больше нигде не возьмут».

– Я не вернулась в особняк, потому что приехала в столичный пентхаус. У меня все в порядке. Если вы действительно так сильно переживали, то могли бы отправить сообщение или позвонить. Но у меня нет пропущенных. Почему?

В ответ раздалось возмущенное сопение. Мы оба прекрасно знали, что Лоренцо преотлично спал этой ночью, завалившись раньше положенного, ведь госпожи точно не будет дома, а с утра, видимо, услышал что-то в новостях – и понеслось...

– Но почему не в особняк? Почему вы постоянно остаетесь в этой крошечной квартирке, когда можно жить с видом на море? – последовал очередной вопрос-упрек.

«Потому что море я люблю и приезжаю на пляж специально. А вот тратить нервы на тебя и постоянно мозолящую глаза прислугу и контролировать эмоции нет ни сил, ни желания».

– Лоренцо, вы прекрасно знаете, что это не крошечная квартирка, а классический двухэтажный пентхаус с тремя спальнями. Мне здесь весьма комфортно, а особняк чересчур большой.

– Может быть, тогда мне стоило бы приехать в город... – начал было дворецкий, но я его перебила:

– Все в порядке. С уборкой справляются роботы, для доставки еды есть курьеры и квадрокоптеры. В черте города доставка осуществляется менее чем через четверть часа. Не переживайте, у меня все хорошо.

– А-а-а...

– А перечисление зарплаты на твой счет, садовника и повара я сделала автоматическим, – заверила поскорее, пока мне не закатили очередную истерику. – И ежегодная премия тоже, и расходы на хозяйство.

Мартин любил своего дворецкого и завещал мне баснословное состояние. Увольнять пожилого цварга мне не давала совесть. В конце концов, что-то светлое в нашем браке с Гю-Элем тоже было, ведь дарил же он мне подарки и хотел понравиться. Просто, видимо, я оказалась не той, кто ему нужен.

– Спасибо, госпожа Селеста. – После того как речь зашла о кредитах, визгливый голос внезапно стал степенным и предельно вежливым. – Вы бесконечно щедры. Могу ли поинтересоваться, когда вы планируете посетить свой особняк?

Дежурный вопрос, и ответ на него тоже был давным-давно одним и тем же:

– Я точно не знаю, Лоренцо. Может, и заеду на неделе, но готовить ради меня специально не надо. Я не очень хорошо себя там чувствую, вы же понимаете, что вся обстановка напоминает мне о супруге.

– Да, конечно, госпожа Гю-Эль. Приезжайте в любое удобное время, дом всегда готов. Хорошего дня.

Со вздохом облегчения я завершила аудиозвонок и с силой потерла лицо. Спать, конечно, хотелось, но после разговора с дворецким вряд ли усну. На пару секунд задумалась, как проведу

день. Пальцы зачесались найти пульт и включить головизор, чтобы узнать, что так сильно возмутило старину Лоренцо, но усилием воли я отогнала эти мысли.

«Какая тебе разница, Селеста, как в обществе зубоскалят о твоей вчерашней выходке? Да, получилось вульгарно, но терпеть уже сил не оставалось. Пускай теперь подавятся своими ядовитыми сплетнями. Что могут тебе сделать все эти цварги? Правильно, ничего. Даже у хитреца Юдеса, попытавшегося обманом заставить тебя выйти замуж, ничего не получилось. Ты сильнее этого...»

Я вскочила с кровати, включила на полную громкость любимую ритмичную музыку и мысленно усмехнулась – ведь леди слушают только классику. Наскоро сделала гигиенические процедуры и замерла у гардероба, не зная, что надеть. Рука привычно потянулась к платью – Мартин всегда подчеркивал, что я должна выглядеть женственно. Но сегодня я собиралась по делам, и брюки были бы удобнее... Пальцы потянулись к дорогой немнущейся ткани из шелка и синтетических нанонитей. Зауженная к щиколоткам модель с идеальными стрелками и высокой талией. К таким мокасины или кроссовки не подойдут – только туфли на высоком каблуке или хотя бы танкетке. От этой мысли стопы заныли. Шварх, неохота-то какая после вчерашнего мероприятия вновь влезать в туфли. Еще несколько секунд я медитировала, пытаюсь выбрать меньшее из зол, как неожиданно услышала шорох под штангой с пиджаками. Нагнулась и с легким изумлением обнаружила застрявшего робота-пылесоса. Он жалобно мигал диодами и «вжикал», пытаюсь выбраться из тканевого капкана.

– Ох и глубоко ты забрался, малыш, – пробормотала, вставая на четвереньки и доставая горе-уборщика. – Ну-ка, посмотрим, что тебе на колесики намоталось...

Я рывком вытащила кусок голубой материи из чрева металлического малыша и уставилась на... джинсы. Вселенная, в первую секунду я даже не поняла, как эта вещь оказалась в моем гардеробе! А потом вспомнила... Эти джинсы – одни из многих, купленных еще до замужества и наивно привезенных с собой в квартиру мужа. Однажды я вернулась домой, а он выкинул все вещи из чемоданов со словами «леди такое не носят». Это было начало наших отношений, но поскольку Мартин вместо старого гардероба купил полностью новый, более качественный и стильный, я его

простила, лишь позднее осознав, что самых обычных удобных штанов и уж тем более шорт у меня больше нет.

– Сочувствую вашей утрате, госпожа Гю-Эль.

Подросток с милыми ямочками на щеках пролепетал стандартную фразу, отчаянно покраснел и протянул пучок травы, из вежливости отведя взгляд. С последним он явно перестарался, потому что вовремя не убрал руку, когда я забирала протянутую петрушку. Наши пальцы на миг соприкоснулись, и...

– О, Вселенная, простите, госпожа, что я до вас дотронулся! – запричитал цварг, в отчаянии хватаясь за свои рога.

Я тоже была в отчаянии: мне приглянулся именно этот пучок зелени, и теперь он валялся на мраморной плитке крытого Зеркального Рынка.

– Простите ради космоса, я не специально! Я не спросил разрешения...

Я выдохнула сквозь зубы, старательно представляя себе ледяную статую. Еще один дурацкий закон Цварга, предписывающий всем представителям мужского пола вне зависимости от возраста обязательно спрашивать разрешения у цваргинь, прежде чем к ним прикоснуться. Конечно, я понимала, откуда растут ноги у этой идиотской традиции: при таком перекосе демографии в сторону рождения мальчиков даже невинное прикосновение можно трактовать как давление на девушку. Но в обычной жизни это все равно раздражало.

– Люк, успокойся! – прикрикнула на паренька, который уже собирался рвать на себе волосы из-за «оскорбления» госпожи, и быстренько отвлекла его: – Ничего плохого не случилось. Ты меня не обидел и не сделал больно. Собери мне, пожалуйста, свежий пучок зелени и посчитай все вместе. Упавший теперь только на выброс, так что его тоже включи в счет.

– Ох, что вы! Этот заказ будет бесплатным, госпожа! Это же моя вина...

Глубоко вздохнув, позволила себе «отпустить» чуть больше эмоций, чем обычно. Люк еще маленький, пока вырастет, пока рога сформируются и он начнет «слышать» чужие бета-колебания, пройдет несколько лет. Каждую среду по утрам я приходила на Зеркальный Рынок, чтобы купить свежую зелень и натуральные продукты, и всегда брала овощи для салата или гарнира именно у этого пятнадцатилетнего подростка. Даже когда муж еще был жив и называл мою любовь к готовке «плебейским хобби». Он искренне недоумевал, зачем его жена готовит, когда в штате есть профессиональный повар, но это согревающее душу занятие я у него отстояла. И каждый раз мне буквально насильно приходилось впихивать Люку деньги, ведь обычно сюда приходили лишь мужчины.

– Люк, – прервала стенания юного продавца, – мой супруг оставил многочисленную недвижимость и счета в банке. Поверь, я в состоянии оплатить помидоры, сельдерей и пучок петрушки. А у тебя братик недавно родился. Давай уже, говори, сколько с меня?

– Два с половиной кредита, – растерянно пробормотал парень, собирая новый товар и вбивая данные в терминал для оплаты.

Я приложила именную чип-карту, дождалась знакомого писка-подтверждения о переводе денег и убрала чип в сумочку. Люк вновь протянул мне зелень, затем хлопнул себя по лбу, достал из-под прилавка контейнер и аккуратно переложил все в него.

– Вы сегодня одна. Помочь донести покупки до флаера? – уточнил Люк.

– Спасибо, справлюсь сама, тут совсем недалеко. А услугами телохранителя не так давно перестала пользоваться.

Я не стала рассказывать, что какое-то время после обретения статуса вдовы по инерции содержала две смены охранников, лишь позднее сообразив, что на деле это пустая трата финансов. Кто мне что-то сделает на Цварге? Мартин и сам как-то признался, что держал охранников больше для солидности.

– Ну да, ну да, – пробормотал мальчишка. – Но теперь-то вам вновь потребуется его нанять.

– Зачем? – искренне удивилась.

– Сомневаюсь, что ваш новый муж спокойно отнесется к тому, что вы без охраны ходите по рынку, полному мужчин.

– Мой кто?

– Ну-у-у... супруг... Я все понимаю, вам и так тяжело, вы так любили господина Гю-Эля, до сих пор по нему траур носите.

Он бросил взгляд на мою черную тунику. Не то чтобы я хотела подчеркнуть состояние вдовы, просто мне казалось, что в темной одежде я более незаметна для цваргов. Очень уж не хотелось привлекать внимание таких, как Кристоф или Юдес.

– Люк, а почему ты решил, что я вновь собираюсь замуж? – спросила свистящим шепотом.

Сердце нехорошо екнуло в груди.

– Как почему? – подросток распахнул огромные глазищи и уставился на меня, позабыв все правила приличия. – Сегодня утром закон новый издали. Если цваргиня-вдова и не имеет детей от первого брака, а также моложе ста пятидесяти лет, то она обязана выйти замуж второй раз в срок не более пяти лет после смерти первого мужа.

«Что?!»

Голова резко закружилась, в ушах застучала кровь, в легких разорвалась граната, сжигая весь кислород. Хорошо, что Люк продолжал держать контейнер с продуктами, иначе я позорно опрокинула бы его на пол, а так всего лишь покачнулась и оперлась рукой на прилавок. Со стороны вообще можно было принять за обычный жест. Подумаешь, облокотилась на столешницу. На улице и в помещении жара – с кем не бывает?

Я вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться и стремительно представляя ледяную деву-воительницу и пики гор. Ничего не получалось! Остальные цварги за прилавками находились в отдалении, но несколько соседей постарше и с более крепкими рогами задумчиво повернули голову в мою сторону.

«Шварх! Селеста, срочно возьми себя в руки! Вдох-выдох. Представляй безжизненные муассанитовые пики гор... камни не умеют думать и чувствовать...»

– Люк... повтори, пожалуйста, когда закон издали?

– Так сегодня утром по федеральному голоканалу передали, – сочувствующе произнес мальчишка. – Можно я все-таки помогу вам донести продукты до флаера?

– Можно. И... дай, что ли, опереться на тебя, – ответила я, старательно делая дыхательную гимнастику и матеря одну рогатую морду из Аппарата Управления Планетой.

Чтоб у него рога поломались... чтоб хвост отсох... чтоб...

– Госпожа Гю-Эль, вам плохо, да? – Люк вопросительно приподнял брови.

Оказывается, я мертвой хваткой вцепилась в сопровождающего. Усилием воли чуть разжала пальцы. Несмотря на то что Люку недавно исполнилось лишь пятнадцать, он уже существенно был выше меня. Мужчины-цварги в принципе значительно крупнее женщин, имеют рога и хвосты. Ни у одной другой расы в Федерации Объединенных Миров нет настолько явных гендерных отличий.

– Нет-нет, все в порядке, Люк. Пойдем, а то на нас уже смотрят.

Парень кивнул, подхватил контейнер и потянул меня в сторону выхода. Слава Вселенной, рынок назывался Зеркальным не просто так – между рядами были установлены особые отражающие панели. В их основу закладывались в первую очередь высокие технологии. Изначально рынок должен был носить название «Тихий», так как архитектор с помощью электроники хотел добиться генерации антиволн, то есть фактического поглощения лишних бета-колебаний в общественном месте, но на этапе разработки что-то пошло не так, и панели вместо поглощения эмоций просто их рассеивали. Это, с одной стороны, было хуже изначальной задумки, а с другой – некоторые цварги говорили, что так даже приятнее, потому что нет вакуумной тишины, давящей на чувствительные органы. Как бы там ни было, сейчас мои эмоции значительно рассеивались благодаря этим панелям.

Когда мы вышли на свежий воздух, в голове зашумело так сильно, что Люк был вынужден сам покопаться в моей сумочке, открыть флаер и поставить продукты в багажник. Он смущался от того, что так «нагло» ведет себя с цваргиней, но меня это волновало меньше всего на свете. Клацнув замком багажника спортивного кара, молоденький цварг повернулся ко мне.

– Ну вот и все, госпожа Гю-Эль, сочувствую...

– ...да, моей утрате. Я все помню, – пробормотала рассеянно.

– Нет, я действительно вам сочувствую! – вспыхнул парнишка. – Я же не дурак, сразу посмотрел в инфосети дату смерти господина Гю-Эля. Оказывается, вам осталось всего несколько месяцев до пятилетней годовщины, и... – Он облизал губы. – Я считаю, что это несправедливо. Вы же до сих пор любите Мартина.

Я печально усмехнулась. Какой же он еще маленький, несмотря на то что такая дылда! Несправедливо, что на Цварге женщин вообще принуждают к бракам. И отсутствие производства любых средств контрацепции, жесткий запрет на их импорт на планету, а также табу на аборты. Да сама природа против этого – несмотря на все трепыхания Аппарата Управления, численность цваргов медленно, но верно тает.

Порой я пыталась вообразить, что было бы, если бы у нас с Мартином родился ребенок, но фантазия пасовала. Даже при том, что Лаборатория выявила у нас какой-то феерический по меркам расы процент совместимости, частичка меня всегда была уверена, что я никогда от него не забеременею.

Дотронулась до мягких волос Люка и слегка их взлохматила, вызвав полное недоумение парнишки. Он замер, смешно выпучив глаза, будто его коснулась не цваргиня, а как минимум божество, спустившееся с небес на землю.

– Ох, Люк, я как-нибудь справлюсь, не переживай.

– Буду переживать, госпожа Гю-Эль. – Мальчишка упрямо поджал губы. – Вы наша постоянная клиентка, как же без этого? Да и мама сказала, что Лацосте зря все это затеял. Так любимую женщину не завоеешь.

Моя рука замерла.

– Что-что сказала твоя мама?

– Ну... – Щеки юноши заалели. – Она смотрела репортаж из Центрального Муниципального Дворца, где вчера проходило праздничное мероприятие. Мама сказала, что вы задели и унизили Юдеса Лацосте, да еще прилюдно намекнули на то, что у него плохо работают рога. Он теперь вцепится в вас клещом и не отпустит, просто чтобы всем что-то доказать. Я, правда, так и не понял что.

Люк смущенно пригладил вихры на макушке.

– А если предположить, что я выйду замуж за другого? – выдавила, сглотнув сухим горлом.

– Мама говорит, что члены Аппарата Управления очень влиятельны, и они не только имеют право за ночь ввести новый закон на планете, но и, – он понизил голос, – надавить на Планетарную Лабораторию. Вам просто не дадут выбрать других кандидатов...

– Спасибо, Люк. Я тебя поняла. – Кивнула подростку и ввела данные в навигатор флаера.

Теперь бы добраться до пентхауса без аварий.

Глава 4. Ловушка

Цварг. Два года назад

«Вам просто не дадут выбрать других кандидатов...» Эта фраза билась в висках, как звук штатного пульсоксиметра, который надевали на меня на многочисленных медицинских обследованиях всякий раз, когда Мартин вдруг резко начинал интересоваться моим здоровьем. В его глазах высокий процент совместимости автоматически означал, что у нас должны родиться дети сразу после бракосочетания. Да-да, именно во множественном числе. Периодически на моего покойного супруга находили волны паники, что мы уже много лет в браке, а детей все нет, и он отправлял меня на всевозможные анализы. И сколько бы доки ни говорили, что редкая беременность – это особенность нашей расы, супруг не верил.

На автопилоте добравшись до пентхауса, я бросила флаер на крыше, заняв сразу два места, но перепарковываться не было сил. Брызнула в лицо ледяной водой, чтобы как-то успокоиться, вдохнула-выдохнула и набрала самый известный номер на всей планете – Единой Медицинской Лаборатории Цварга.

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– Добрый день, это Селеста Гю-Эль, – произнесла я, отключив видеоканал.

Голосом не выдать бы нарастающую панику. Надо все перепроверить, прежде чем что-либо решать.

– Здравствуйте, – голос мужчины на том конце канала стал на несколько тонов ниже. – По какому вопросу вы звоните?

– Вы присылали мне анкеты кандидатов, с которыми по результатам у меня высокая совместимость. Я случайно... – На секунду запнулась. Что я могла «случайно»? Сказать «бросила в утиль не глядя» будет хамством. – Я пролила сок на электронную бумагу. Мой домашний пылесос бросился вытирать жидкость, но сделал только хуже. Могу ли я попросить выслать информацию повторно? В любом виде. Даже письмом на коммуникатор подойдет.

– Одну минуту, я посмотрю, – вежливо отозвался мужчина.

Села на кровать, закусив губу. Вот уж не думала, что эти треклятые анкеты цваргов будут играть для меня хоть сколько-то значимую роль.

– Госпожа Гю-Эль, – сотрудник медцентра вернулся на связь, но голос его стал прохладнее, – я все перепроверил. Сожалею, но, представляете, сервер с теми анкетами мужчин сегодня перегрелся, и его отдали в ремонт. Боюсь, данные утрачены. Если вы хотите заново получить список, надо инициировать новые лабораторные тесты.

Какое совпадение! Да, не стоило публично унижать Юдеса... Вот уж у кого лапы оказались длиннее, чем я думала. Делая вид, что поверила, вежливо спросила:

– И сколько времени займет новое тестирование?

– Обычно около месяца, но сейчас сотрудники очень заняты. Вероятно, будет небольшая задержка.

«Еще на полгода, идеально к годовщине смерти Мартина...»

– И что, совсем-совсем нигде не осталось информации? Это же такая огромная работа! Мне так неловко, что из-за моей неаккуратности лаборантам придется все переделывать. – Я добавила в голос побольше сожаления.

– Ну что вы, не переживайте, это же наша вина. Нет, к сожалению, все результаты хранились лишь на одном сервере, который сгорел этой ночью.

– Какой кошмар, – пробормотала, соображая, как еще перепроверить.

– Да, действительно ужасно. Но если хотите, я могу уточнить у дока, с кем у вас была наибольшая совместимость, и прислать информацию по цваргу в первую очередь.

И что-то мне подсказывает, что фамилия этого мужчины будет Лацосте...

– Нет, спасибо, не надо. На самом деле меня интересует конкретный молодой человек. – Я игриво вздохнула, давая понять сотруднику, что действительно заинтересована в результатах тестирования.

То ли я перестаралась со вздохом, то ли весь медицинский центр знал меня как безутешную вдову, но сотрудник удивился.

– Серьезно? Прошу прощения, госпожа Гю-Эль, просто у меня в системе стоит пометка, что вы просили не искать вам пару активно...

Беззвучно скрипнула зубами от злости. Значит, пометка у моего профиля есть, а подходящие кандидаты хранились на другой железке. Удобно-то как устроились. Бескрайний космос! Они меня совсем за дуру держат?

– Все верно, я просила не искать, – продолжила елеиным тоном. – Но вчера на мероприятии случайно познакомилась с невероятным, потрясающим, интеллигентным цваргом с великолепным чувством юмора. Впервые за долгое время он заставил меня улыбаться. Он сказал, что делал запрос на совместимость... Знаете, влюбленность приходит неожиданно. Я очень любила своего покойного супруга и до сих пор думала, что ни один мужчина не сможет с ним сравниться, но этот молодой человек покори́л мое сердце буквально за один вечер.

– Да-да, и кто это?

До меня донеслись быстрые щелчки клавиатуры. Неужели Юдес приказал еще и докладывать ему, если я буду связываться с Лабораторией?

– Его зовут Кристоф. Я забыла фамилию, да и номерами коммуникаторов мы, к сожалению, в спешке не успели обменяться, но, если нужно, я напишу в мэрию или организаторам прошедшего мероприятия с просьбой сообщить контакты мужчины.

Пауза повисла на долгие восемь секунд. Каюсь, я отсчитывала время про себя. Определенно, у менеджера были указания по моей персоне, только все его планы и чаяния накрылись гравитационным колодцем. Интересно, наш аудиоразговор пишется? Его тоже отдадут Юдесу?

– Прошу прощения. – Мужчина кашлянул, наконец сообразив, что клиентка все еще ждет ответ. – Этого не надо делать, он есть в нашей базе, и да, запрос на совместимость тоже...

– Шестьдесят три процента, – с долей садистского удовольствия перебила, вспоминая вчерашний вечер. – Представляете? По-моему, замечательная партия!

– Действительно, шестьдесят три, – без энтузиазма проблеял мужчина и замолчал.

Ядовитым цветком в душе раскрывалось горькое осознание, что Люк был прав. Правильнее всего сейчас попроситься бы и разорвать аудиосвязь, но внутри что-то требовало доиграть этот нелепый фарс.

– Так вы мне скажете?

– Что?

– Его номер коммуникатора, – уже жестко произнесла я. – Или мне спрашивать в другом месте? Думала, главная миссия Единой Медицинской Лаборатории Цварга – найти подходящую пару для немногочисленных женщин нашей расы.

– Да-да, конечно, сейчас...

Послышался тяжелый вздох, затем мне продиктовали контакт Кристофа, и я нажала кнопку отбоя. Ну и дела... Задумчиво посмотрела на клочок пластики, куда я набросала несколько цифр термопером. Что теперь делать? Если Юдес пошел на внедрение нового закона о вдовах Цварга и подкуп Планетарной Лаборатории, он уже ни перед чем не остановится. Не покидало ощущение, что меня стремительно засасывает в бездну. Еще миг назад я была над горизонтом событий, а в следующий момент попаду в центр черной дыры, из которой никто не выбирался. За что мне это? Жила, никому не мешала, а тут... Зачем Лацосте вообще ко мне приклеился? Какого шварха?! Решил, что меня легко сломать и подчинить, чтобы сделать идеальной женой?

«Ну для Мартина ты же была идеальной женой», – ехидно заметил внутренний голос. Хотелось рвать и метать. Еще немного, и я действительно начну спорить сама с собой. Я снова сходила в ванную и умылась холодной водой. Я ненавидела себя за то, что сделала во Дворце. Возможно, если бы не унижала Юдеса и не открывала эмоции, то он не мстил бы мне с такой жесткостью. С другой стороны, кто знает, что было бы? По крайней мере я попыталась постоять за себя. Мама когда-то говорила, что лучше что-то попробовать и сожалеть, чем сожалеть о том, чего даже не рискнул сделать. Она у меня вообще была чудесной.

Я вновь перевела взгляд на кусочек тонкого пластика. В горле першило. Мне отчаянно не хотелось делать то, что задумала, но другого выхода не было. Лучше уж милый смущающийся Кристоф, чем Юдес, не постеснявшийся применить воздействие на людей. Конечно, Кристоф рано или поздно станет старше, разовьет рога, заматерееет и поймет, что можно безнаказанно пользоваться способностями, которые, по злой иронии судьбы, Вселенная щедро отсыпала лишь мужской части нашей расы. Но так у меня будет еще несколько лет хотя бы видимой свободы...

Сглотнув ком горечи, я набрала продиктованный номер. Кристоф ответил почти сразу же.

– Добрый день, с кем имею честь разговаривать? – Я прикусила губу. Шварх, как же не хочется. – Вас плохо слышно, и какие-то помехи по видеосвязи.

Вздохнула, улыбнулась себе в зеркало и активировала дополнительный канал передачи данных.

– Привет, это Селеста.

– Селеста? – Передо мной соткалась призрачная светло-голубая голограмма до глубины души потрясенного цварга. – Откуда ты знаешь мой номер? Что-то случилось?

Покачала головой, стараясь не выдать, как тяжело произносить эти слова.

– Я подумала над твоим предложением. Заезжай за мной вечером.

– Зачем? – не понял собеседник.

– Ты вчера сказал, что я тебе понравилась. Я согласна выйти за тебя замуж. Заезжай в восемь, мой юрист подготовит к этому времени брачный контракт. Распишемся. Никакого праздника не хочу, извини. Для меня это второй брак, так что...

– Погоди-погоди, ты говоришь мне «да»?

Определенно, Кристоф тупил. Хотелось дать ему чем-нибудь по голове, чтобы быстрее соображал, вместо этого я вновь улыбнулась и терпеливо пояснила:

– Я говорю «да». Сегодня утром вышел новый закон, по которому я должна в течение нескольких месяцев найти себе второго мужа. Мне меньше ста пятидесяти лет, и у меня нет детей от первого брака. Ты разве не слышал?

Я как раз открыла на планшете статью, чтобы убедиться, что там нет никаких лазеек. С той стороны на меня ошеломленно взирал молодой цварг.

– Да, я в курсе, – пробормотал он, – просто не понял... в смысле... А почему сразу брак? Нет, ты не подумай, я только «за»! Просто обычно пары встречаются, ходят на свидания, узнают друг друга... и только потом... ну ты поняла.

Тяжело вздохнула, разглядывая диаграмму. Запоздало пришло понимание, что я старше его лет на двадцать. При общей продолжительности жизни цваргов это не так заметно, но в текущий

момент... Это как сравнивать годовалого и трехлетнего малыша – совсем другой уровень развития. Первый еще не всегда ходит на горшок, а второй уже самостоятельно бегает, говорит, играет в простые логические игры. Казалось бы, всего два года разницы. Так и у нас с Кристофом не такая уж и большая разница – подумаешь, пара десятков лет, но в нашей ситуации она была *значительной*.

– Кристоф, какая разница, распишемся мы до или после того, как сходим на свидания? – произнесла я мягко. – Закон ввели, и его не отменяют. Это Аппарат Управления, и если они что-то решают, то так тому и быть. Если хочешь, мы даже можем продолжать жить порознь, как тебе будет комфортнее. У меня нет других кандидатов, кроме тебя. Я никого больше не рассматриваю. Или у тебя есть высокий процент совпадения еще с кем-то из цваргинь и ты хотел бы встретиться с другой девушкой, которая не состояла в браке? Я все пойму, можешь говорить открыто.

Голограмма смешно округлила глаза и бросилась уверять меня в обратном.

– Что ты, что ты, Селеста! Ни с кем, кроме тебя, совпадения не было, да я и не надеялся, что ты согласишься хотя бы на свидание со мной, а тут... такое... Я потрясен и не могу подобрать слов. Конечно, я буду в восемь вечера.

– Координаты сейчас скину.

– Да-да, спасибо огромное, что выбрала меня! До вечера, Селеста!

Парень бормотал еще что-то невразумительное, но я нажала кнопку отбоя. Вот так, господин Лацосте, у меня тоже есть козыри в рукаве. За вас я замуж точно не пойду.

Чуть повеселев, принялась за дела. Нужно было дать указания Мишелю – личному юристу и единственному другу детства – составить брачный договор, перепроверить пункты касательно банковских счетов и недвижимости, попросить посмотреть формулировку свежего закона – мало ли я что-то все-таки упустила? Затем позвонила в Межгалактический Банк и сообщила, что хочу выдать двойную премию всем наемным работникам в особняке – пусть порадуются за госпожу. Почти два часа ушло на разговор со свекровью. После смерти Мартина я не общалась с родственниками по линии супруга, но подозревала, что они не обрадуются моему внезапному решению. Госпожа Гю-Эль-старшая все годы яро

поддерживала мой траур по ее единственному сыну и искренне считала, что я должна его носить минимум ближайшую сотню лет. В общем, впервые в жизни она сокрушалась и поносила законы Цварга. В итоге я известила ее, что в ближайшее время вновь выйду замуж и даже, возможно, сменю фамилию, если того захочет новый супруг. Рассказывать, что подпись документов назначена на сегодняшний вечер, не стала. Зачем еще сильнее расстраивать пожилую цваргиню?

Переделав весь минимум дел, почувствовала себя выжатой до последней капли. По-хорошему, надо было сделать прическу и найти новое платье – Кристоф заслужил красивую невесту, а не девушку с опухшим носом и красными глазами.

Глава 5. Второй супруг

Цварг. Два года назад

Из зазеркалья на меня смотрела утонченная цваргиня в шелковом молочном платье на тонких бретельках и с родовым муассанитовым колье на шее. У меня не было ни сил, ни желания влезать в пышные праздничные наряды, а потому я остановилась на однотонном вечернем платье. Строгий пучок с шпильками, украшенными не менее крупными голубыми муассанитами, с излишком перекрывал простоту наряда. Я придирчиво рассматривала макияж, когда электронный дворецкий тихим голосом объявил:

– Госпожа, к вам гость.

Бросила взгляд на коммуникатор. «19:40». Ого! Мой второй супруг пунктуален? Не может не радовать...

– Впусти, разумеется.

Интересно, в каком ресторане Кристоф забронировал столик, чтобы отметить событие? Ведь не каждый день женишься, а на Цварге далеко не каждому мужчине везет вступить в брак. Или он так обрадовался, что забыл об этом? Может, удастся уговорить его на тихий ужин без свидетелей на крыше моего пентхауса?

Стараясь унять сердцебиение, я привычно натянула вежливо-прохладную улыбку и вышла в прихожую. Но вместо Кристофа у входной двери, неловко переминаясь с ноги на ногу, стоял Мишель. Короткие рога-наросты, слишком светлая для чистокровного цварга кожа, слишком тонкокостная фигура, да и оттенок радужек нестандартный – бледный, почти желтый. Мишель был цваргом по документам, и планета рада была видеть его как члена общества, мужчину с блестящим образованием и честного налогоплательщика, но как на «цварга, которому дозволено попасть в базу кандидатов на женитьбу» на него никто не смотрел. Очередное лицемерие государства! Даже анализ делать не надо было, чтобы понять, что Планетарная Лаборатория в жизни не согласится взять его анкету – чистокровным-то цваргам женщин не хватает.

Я искренне улыбнулась гостю.

– Мишель! Вот уж не предполагала, что ты прилетишь лично! Думала, отправишь экземпляр договора по почте или электронную бумагу с квадрокоптером.

Уж я-то догадывалась, как много дел у хороших юристов, а Мишель свою работу очень любил.

– Я все-таки решил навеститься, – молодой человек мазнул по мне тяжелым взглядом горчичных радужек, – не каждый день лучшая подруга детства выходит замуж. Да еще и второй раз. Ты уверена?

Голос его звучал напряженно. Пожалуй, среди всех моих знакомых он был единственным, кто догадывался, что мой брак с Мартином не такой уж счастливый, как выглядел со стороны. Забавно, но именно этого полуцварга с недоразвитыми рогами у меня не получалось обманывать, хотя порой хотелось. Я легкомысленно пожалала плечами. С Мишелем я могла позволить себе говорить правду.

– Ничуть. Ты нашел какие-то дырки в законе, чтобы я могла вывернуться?

– Нет. Закон, хоть и введен поспешно, продуман до мелочей.

Вот и ответ. Глупо было надеяться, что юрист что-то придумает, но тем не менее я почувствовала укол разочарования. Настроение упало ниже кратеров на Лунноре. Неполную минуту в прихожей стояла гнетущая тишина. Затем Мишель спохватился и достал из кейса-портфеля два экземпляра брачного договора на электронной бумаге с цифровой подписью, подтверждающей, что это оригинал документа, а не копия.

– Вам обоим надо будет расписаться здесь и здесь. – Он протянул мне документы, затем нахмурился и добавил: – Ты знаешь, я вообще-то сегодня никуда не спешу. Давай посижу на кухне и дождусь Кристофа. Мало ли он в последний момент что-то изменить захочет. Или его адвокат решит, что ты должна поделиться наследством от первого мужа. Я не хочу, чтобы тебя продавили в этом вопросе.

Грустно улыбнулась. Я бы отдала все до последнего кредита, лишь бы больше не пришлось связываться с цваргами и ощущать на себе ментальное воздействие.

Мишель продолжал скромно топтаться в прихожей.

– Если ты никуда не спешишь, то буду только рада. Давай кофе сварю? – предложила, аккуратно складывая документы на декоративную консоль у напольного зеркала.

– Спать, конечно, хочется, я в последние дни перенапрягался, но, прости, кофемашины Цварга так и не полюбил.

– Зачем мне автоматика? Сама сварю, время у нас есть. Все равно ждем Кристофа.

– Сама? – Юрист перевел на меня изумленный взгляд. – Ты же в платье, Селеста!

– Ой, ерунда какая. – Я махнула рукой. – Если что, у меня переносной пистолет-пятновыводитель и еще семь картриджей к нему по всей квартире валяются.

Засмеялась, увидев, как вытянулось лицо приятеля. Ну да, он привык, что для цваргини свадьба – целое событие. Но я относилась к этому как к вынужденной мере, и мне действительно хотелось отвлечься от ожидания момента, который я в душе хотела отсрочить, а в идеале и просто отменить.

– Если тебе не сложно...

Я и забыла, как люблю готовить этот ароматный напиток. Мартин настаивал, что мне следует пить детокс-чай, кофе может оказаться вредным для малыша, если вдруг забеременею... Я смолотла зерна до состояния пудры, залила кипятком, и насыщенный густой запах кофе поплыл по кухне. Банановый сироп, который я как-то выкупила у Люка за бесценок, идеально подошел к напитку с Захрана. Слово за слово, мы с Мишелем разговорились, и я очнулась, лишь взглянув на настенные часы. Электронные цифры показывали «20:17». И где же носит Кристофа? Это для меня свадьба не грандиозное событие, но у него-то впервые.

– Не волнуйся, он обязательно придет, – проследив за моим взглядом, успокоил Мишель. Несмотря на то что он слабо чувствовал бета-колебания, в наблюдательности ему не откажешь. – Он же не глупый, чтобы профукать единственный шанс в своей жизни.

Надеюсь. Мысль, что жених мог передумать, натянула нервы до предела. Если Кристоф не явится, не представляю, что делать. С каждой минутой тревога нарастала, и отпустило меня лишь в половину девятого, когда синтезированный голос домашнего дворецкого объявил еще об одном госте.

– Иди, я тут посижу. – Мишель кивнул.

Вытерев вспотевшие от волнения ладони о кухонное полотенце, тщательно проверила, что на платье не появилось ни единого

пятнышка, и вновь направилась в прихожую. С полуцваргом можно было вести себя по-настоящему, никем не притворяясь, а Кристоф, несмотря на то что вот-вот станет супругом, все-таки чужой мне мужчина. Неизвестно, смогу ли я доверять ему хоть когда-нибудь.

Традиционное приветствие замерло на губах, когда мой будущий муж буквально рухнул в ноги.

– Селеста, умоляю, прости меня, умоляю!

Я вздрогнула, глядя, как мужчина практически обливается слезами. Припухшие веки, подрагивающая нижняя губа, покрасневшие белки глаз, но не от ярости или негодования. Когда мужчины злятся, то весь белок наливается алым, а тут просто воспалившиеся слезные каналы и более заметные капилляры.

Что могло довести его до такого состояния?

– Кристоф, все в порядке, встань. Ты пачкаешь штаны. Что бы ни случилось, ты здесь, а это главное...

– Нет, Селеста, ты не понимаешь! Я действительно хотел, очень хотел жениться на тебе!

«Хотел». Слух сразу вычленил это слово, а в груди заныло.

– Что-то изменилось? Ты передумал? – голос опустился до хрипловатого контральто.

Я еще ничего не знала, но боль начала медленно расползаться по телу. Колело не только слева, но отдавало в спину, тянуло чуть правее... Неосознанно оперлась на столик, где лежали документы, заботливо подготовленные Мишелем.

– После твоего звонка я чувствовал себя самым счастливым цваргом на свете! Не всем так везет в жизни, а уж в таком возрасте...

– Кристоф, что изменилось?! – не удержавшись, почти закричала на заливающегося слезами молодого человека.

Стало противно. Вот он ползает передо мной на коленях, пытается поймать кисть для поцелуя. Разве так ведут себя настоящие мужчины?

– Я... я ехал к тебе, чтобы подписать брачный договор! Честное слово! – воскликнул Кристоф, нервно кусая пухлые фиолетовые губы. – Прямо в дороге мне позвонили... с неизвестного номера... кто-то перехватил управление флаером, кар начал разгоняться и разгоняться... Селеста, я так испугался, что умру!

– Но ты сейчас передо мной целый и невредимый, – сухо констатировала факт.

Ни единой царапины не было на лице Кристофа. Если бы он с порога не упал мне в ноги, я бы сказала, что даже костюм на нем сидел идеально и нигде не помялся.

Мой-будущий-уже-не-муж судорожно кивнул.

– Да. Все так. Когда флаер потерял управление, через бортовой компьютер со мной связались. Измененный голос сказал, что у меня два варианта. Или я настаиваю на браке с тобой, и тогда кар во что-нибудь непременно врежется, или же отказываюсь от тебя.

– И ты отказался?

Бесконечно глупый вопрос. Ответ и так очевиден.

Цварг уставился на меня виноватым взглядом огромных темных глаз. Обида, злость, раздражение, чувство предательства... все смешалось в мощный остро-терпкий коктейль чувств. Боль, растекшаяся черной лужей под сердцем после слова «хотел», внезапно трансформировалась в отраву и принялась стремительно выжигать внутренности. Я стояла, держась за консоль, так как понимала: если отпущу – упаду. Голова кружилась от *осознания*.

Не надо было быть гением дедушки, чтобы понять, что Юдесу передали мой разговор с медицинским центром и он решил сыграть на опережение. Сволочь рогатая... Или это я последняя дура, что дернула цварга за хвост? Шварх, надо было молча схватить Мишеля, приехать к Кристофу на дом и подписать этот треклятый брачный контракт. Лацосте, судя по всему, напугал парня до потери пульса этим финтом с перехватом управления флаером. Как ему только удалось? Хотя если это был прокатный планетарный кар, то у него были все шансы. Он же работает в Аппарате Управления.

Кристоф смотрел на меня, не моргая. На дне темных глаз, обрамленных длинными пушистыми ресницами, плескалось столько сожаления и раскаяния, что на интуитивном уровне закралось сомнение: мне не договаривают. Почему он чувствует себя *настолько* виноватым? В конце концов, с его точки зрения, у меня-то все хорошо. Не выйду за него – выйду за другого. Время еще есть...

– Это все? – уточнила устало.

Даже если что-то не договаривает – какая разница что? С признанием цварга, что он отказывается на мне жениться, внутри с тихим «пыщ» лопнула струна последней надежды.

– Ну... – на этот раз Кристоф смутился и уставился в пол, продолжая стоять на коленях, – этот голос сказал, что если я откажу тебе, меня сразу же повысят. Я не поверил, но согласился. И... В общем, пока я летел к тебе, перезвонил директор фирмы и сообщил, что... – Кристоф бросил на меня взгляд исподлобья. Не знаю, что он увидел на моем лице, но бывший жених шумно сглотнул слюну. – Селеста, слушай, ну ты же понимаешь, что жена – это здорово, но за двадцать лет брака у тебя с Мартином так и не появились дети, а наш с тобой процент совместимости ниже... Женитьба на тебе ничего не гарантирует, да и мне всего пятьдесят пять, я еще минимум сотню лет могу отправлять заявки на проверку совместимости с понравившимися мне цваргинями...

Как же это унижительно...

– Хорошо, понятно, – перебила жалкий лепет мужчины, за которого чуть не вышла замуж. – Кристоф, я все поняла. Спасибо, что пришел лично и все объяснил. Можешь идти.

– Что?

Он уставился на меня пораженным взглядом, а мне впервые в жизни было плевать, что там учует собеседник на уровне бета-колебаний. Я даже не пыталась взять себя в руки или представить ледяные пики гор, чтобы успокоиться, просто произнесла:

– Кристоф, для тебя на данном этапе карьера важнее, я все поняла. Спасибо, что разъяснил. Уходи, пожалуйста.

– Селеста, но ведь он угрожал мне!

Боль разъедала похлеще серной кислоты. Почему я? Почему это происходит именно со мной?! Наружу просились ругательства, самым приличным из которых было: «Да плевать я хотела! Если бы важна была тебе хоть на грамм, ты бы рискнул. В конце концов, даже у ларков нет такой регенерации, какой природа одарила цваргов! Подумаешь, флаер разогнался». Но все это низко и недостойно леди, как сказал бы мой покойный муж.

Промолчав, взглядом указала на выход. Кристоф, удивительное дело, оказался понятливым. Он вскочил с колен, потянулся с благодарным поцелуем к моей руке, но дернулся, когда я послала волну омерзения от его действий, испуганно вжал голову в плечи и вымелся за дверь.

Стоять было тяжело. Дышать тоже. Но стало еще хуже, когда сзади послышался жесткий голос моего личного юриста.

– Вот же трус и лицемер!

В носу предательски защипало. Я попыталась повернуться к Мишелю, но проклятые пальцы, вцепившиеся в столешницу, не слушались. Раздался грохот, на паркет рухнула декоративная консоль, брачные договоры разлетелись, а я начала падать вместе с ними. Приятель успел поймать меня до того, как я осела на пол. Наплевав на законы приличия, когда мужчина должен спросить разрешения прикоснуться к даме, он подхватил меня за талию и усадил на диванчик, предусмотрительно установленный в прихожей, чтобы можно было с комфортом надеть обувь.

Слезы брызнули из глаз, я заревела. Было безумно стыдно, что Мишель стал свидетелем срыва, но я ничего не могла с собой поделать. Мартин никогда не разрешал мне проявлять свои чувства ярко, жалуясь, что они отдают кислятиной, и долгие годы колоссальным усилием воли я держала себя в ежовых рукавицах, а тут... Тщательно выстроенная плотина безразличия прорвалась, и починить ее было невозможно.

В первую секунду полуцварг растерялся. Еще бы! Наверное, нечасто он видит рыдающих девушек. Но спустя полминуты он принес из спальни плед, накинул мне на плечи, крепко обнял.

– Тише, Селеста, тише, мы что-нибудь придумаем...

Я всхлипнула.

– Может быть, ты на мне женишься?

Мысль показалась очень соблазнительной. Пожалуй, из всех цваргов только Мишелю я и доверяла... и его несформировавшиеся рога были не последней тому причиной. Романтических отношений между нами не было никогда, с глубокого детства было ясно, что Планетарная Лаборатория не разрешит ему даже на свидания с чистокровными цваргинями ходить, не то что что-то большее. Но легкая симпатия между нами витала всегда. После замужества мне пришлось прекратить общение с другом детства, так как Мартин внезапно заявил, что у приличной замужней леди не может быть приятелей-мужчин, тем не менее Мишеля я знала долгие годы.

Подняв голову, посмотрела в его глаза странного горчичного оттенка. Только на таком близком расстоянии обратила внимание, что

кожа у приятеля правильного сиреневого цвета, просто смотрится гораздо бледнее из-за многочисленных веснушек на носу, щеках и даже лбу. Кстати, тоже желтых.

– Не могу, – печально хмыкнул он в ответ. – Мою анкету забраковали и не взяли в базу данных Цварга, ты же знаешь. Не рассматривая, сказали, что есть более достойные кандидаты на жену и возможных совместных детей, и все. А ты – чистокровная цваргиня. Боюсь, если Юдес взялся за тебя так крепко, ему ничего не будет стоить оспорить наш брак. Это не выход.

«Зато у Мишеля будут проблемы. Кто-кто, а Юдес их устроит просто из мести», – пронеслось в голове. Стало нестерпимо неловко, меньше всего хотелось его подставлять.

Полуцварг сказал, что принесет из кухни воды, я почти успокоилась и начала думать, что у меня есть несколько месяцев, чтобы найти хоть кого-то на роль второго супруга. В этот момент на brasлете загорелся сигнал входящего звонка. Машинально ткнула в него, подумав, что Кристоф забыл что-то сказать.

– Селеста?

В воздухе соткалось голографическое изображение того, о ком меньше всего на свете хотелось думать. Мужчина внимательно посмотрел на меня и удовлетворенно кивнул каким-то своим мыслям, а я запоздало поняла, что сразу активировала видеосвязь.

– Смотрю, Кристоф передал тебе слово в слово. Ну что ж, хорошо. Я звоню, чтобы убедиться, что ты все поняла правильно.

– И тебе здравствуй, Юдес, – ответила максимально прохладным голосом, на который была способна. Если Лацосте предпочитает вскрыть карты, строить из себя дурочку бессмысленно. – Не скажу, что рада тебя слышать и лицеизреть. Глаза бы мои тебя не видели.

Вместо того чтобы оскорбиться, собеседник неожиданно восхищенно цыкнул языком.

– Ох, Селеста, какие у тебя остренькие зубки, какой язычок! Всегда подозревал, что Мартин на тебя наговаривал, скрывая информацию о твоей страстной натуре. Признайся, ты и в постели такая же? – Злость закипела в жилах. Я сцепила руки на коленях, стараясь не выдать, как мне противны эти пошлые заигрывания. Не от мужчины, который, получив «нет», идет напролом. – Что ж, – продолжил Юдес более серьезным тоном, так и не получив ответа. –

Тогда, уповая на твою благоразумность, думаю дать тебе две недели на подготовку к свадьбе. – Он вновь внимательно осмотрел меня. – Очень рассчитываю, что за это время ты закажешь платье у ведущего модельера и не наденешь то, что сейчас на тебе, на наше с тобой бракосочетание. У тебя безупречный вкус, но мне хотелось бы, чтобы будущая жена в самый памятный день моей жизни была в классическом пышном платье с длинным подолом. Весь Цварг будет праздновать. Повторюсь, я не настаиваю, но мне будет приятно. Ты понимаешь?

Я скупо кивнула. Попытка Юдеса Лацосте показаться мягким и понимающим с треском провалилась. Мартин поначалу тоже был улыбчивым и ласковым, и я даже не представляла, во что выльется наш брак.

Розовые очки давно слетели и разбились вдребезги.

– У меня сейчас много дел, и секретарь не смог выискать окно для важного мероприятия. Я назначил свадьбу на двадцать шестое число. Если хочешь позвать кого-то из подруг, напиши моему секретарю. Это понятно? – Вопрос явно риторический. Подруги... если бы они у меня были. Цваргини всегда странно на меня косились. – Дальше... Я не хочу, чтобы ты жила в особняке или квартирах, купленных на деньги старпера Гю-Эля. Я уже распорядился сделать косметический ремонт в одном из своих загородных домов в горах для нашего медового месяца. Там, наверное, и останешься жить дальше, там есть комната, которую можно будет переоборудовать под детскую. Флаер я куплю тебе новый. И мне не понравилось, как быстро ты угнала от меня с парковки Дворца! Там хотя бы ограничение скорости есть?

Я мысленно приказала себе отключиться. Юдес так увлекся расписыванием нашей будущей совместной жизни, что стало тошно. Вновь заболела голова, но не как от ментального воздействия, а по заурядной причине: мало спала, много нервничала и плакала. На миг пульсация в висках стала такой сильной, что захотелось повеситься.

– Фамилию тоже сменишь. Думаю, это настолько очевидно, что не стоит говорить, но на всякий случай озвучиваю, чтобы не было недопониманий. На этом, кажется, все.

Кивнула, чтобы не злить цварга. Вселенная, дай мне сил. Умоляю!

– Селеста?

– А?

– Не делай глупостей. Если наделаешь и выйдешь замуж за какого-нибудь хлыща, я опротестую. А не получится – станешь еще раз вдовой. Ты это понимаешь?

Голос звучал нейтрально-прохладно, но я чувствовала, что Лацосте серьезен как никогда. Мурашки пробежали вдоль позвоночника и по левой руке. Может, потому что на ней был надет коммуникатор? Я молча сглотнула слюну. Нет, пожалуй, я все же ошиблась. По сравнению с Юдесом мой бывший муж просто бесхребетная медуза.

Глава 6. Побег

Цварг. Два года назад

– Мишель, ты не понимаешь! Я готова на *все*!

Заломив руки, я смотрела на друга детства и пыталась донести, насколько сильно нежелание становиться госпожой Лацосте. Ответный взгляд был полон жалости, тревоги и легкого непонимания. Я же чувствовала себя стрекозой, попавшей в невидимую, но крепкую паутину арахнида. Минуты идут, сливаясь в часы и приближая момент, когда хозяин ловушки явится за добычей, а та бьется изо всех сил, но стороннему наблюдателю-исследователю уже понятно, что стрекоза проиграла.

– Селеста, это *ты* не понимаешь, о чем просишь, – наверное, в тысячный раз за ночь повторил он. Пока мы ждали Кристофа, пока он рассказывал, что его карьера важнее, чем призрачная возможность в будущем иметь детей от меня, пока я плакала от отчаяния и разговаривала с Юдесом, вечер плавно перетек в глубокую ночь. – Пойми же наконец! Даже если мы с тобой поженимся, как ты выразилась, на «пять минут», и я на правах супруга пробью для тебя визу на вылет с планеты якобы на медовый месяц, это все равно пойдет через Аппарат Управления Цваргом! Лацосте будет первым, кого известят. Я уверен, он распорядился, чтобы Служба Безопасности Планеты вела за тобой круглосуточную слежку! Тебя не выпустят из космопорта, а скорее всего, схватят еще раньше, как только поймут, что ты задумала! И плевать им будет на то, что ты моя жена!

Слова возражения застряли в горле, едва выдавила хриплое «Что?..»

Юдес узнал о разговоре с медцентром, это неудивительно, мало ли, он дал указания персоналу заранее. Это было логично, так опытные игроки в шахматы заблаговременно делают рокировку. Но слежка?! Попрание непреложного закона, что каждый гражданин Федерации – свободная личность?!

Очевидно, организм исчерпал на сегодня лимит разочарований и душевной боли. Я медленно осела в кресло, осознавая масштаб

катастрофы.

– Он не только член Аппарата Управления Цваргом, но и глава Службы Безопасности. – Мишель неловко потер шею, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – В моих кругах многие об этом знают. Все-таки незаконный вывоз цваргини с планеты в последние годы все чаще приравнивается к преступлению против расы.

Машинально кивнула, давая понять, что услышала. Значит, за такого рода преступление Мишелю могут присудить смертную казнь или ее аналог с гниением на вшивом астероиде до конца жизни.

– Ты не представляешь, как мало девочек рождается в последние годы, – тихо продолжил друг детства, а я вдруг вспомнила клубничный шлейф духов на Юдесе. Не то чтобы меня это интересовало, но...

– Мишель, а только ли цварги сейчас пребывают на планете?

– В смысле? – Он нахмурился. – Ты же знаешь, после того как некоторые гуманоиды на регулярной основе «случайно» прихватывали с экскурсий муассаниты с гор и фактически расхищали наши ресурсы, Аппарат Управления в ультимативной форме запретил выдавать туристические визы.

– Да, туристические нельзя, это я помню, – торопливо перебила. – Но есть же другие способы попасть на Цварг?

Юрист задумался.

– Таноржцы иногда оформляют бизнес-пропуска, чтобы открыть и наладить тут производство электроники. Миттарам дают специализированные визы для доков, но чаще краткосрочные и в разрезе обмена опытом в медицинской сфере. Наш воздух слишком сухой и прохладный для них. Еще крайне редко цварги пользуются привилегией и могут сделать визу для невесты, если она другой расы. Виза действует на въезд и на выезд, но тебе такой вариант не подойдет.

Нетерпеливо мотнула головой. Нет, если женщина прилетела помочь стартовать бизнесу или заниматься работой, у нее каждая минута на счету, и обжиматься с первым попавшимся цваргом она не станет. Так же сомнительно, что Юдес где-то тайком зажал чужую невесту. Что-то тут не сходится. Меня никогда не интересовало, что делают мужчины, на которых «не хватило» женского населения планеты, но неожиданно вопрос стал острым.

– Мишель, а где цварги и полуцварги находят себе... э-э... спутниц на ночь?

Мой желтоглазый друг вспыхнул до корней волос, некогда бледные веснушки теперь отливали рыжиной. Вот уж не думала, что цварги способны так краснеть.

– Селеста, а с чего ты взяла...

Швархова гравитация! Ну да, обычно цваргини куда более воспитанны, но речь идет о моем будущем, так что придется рубить с плеча или стартовать на третьей космической, как говорят пилоты. Я глубоко вдохнула и выдохнула.

– С чего я считаю, что вокруг меня сплошные девственники? Которым по сотне с лишним лет? Учитывая, что я была замужем и представляю себе интимную сторону отношений? Мишель, пожалуйста, не надо мне говорить, что мужчины в этом не нуждаются или обходятся голофильмами и соответствующими игрушками. Уверена, многие нашли, как решить эту проблему.

Друг опустил взгляд в пол, и мне показалось, у него даже руки слегка задрожали. Разумеется, в приличном обществе такие вопросы не задают. Да вообще ни одна девушка такими вопросами не задается, ведь в личной жизни у нее все прекрасно... Опять же, с учетом строгих моральных правил Цварга признаться, что мужчина ведет распутную жизнь, – это крест на репутации и карьере.

– Мишель, я тебя не осуждаю, – устало вздохнула, – мне плевать, сколько и каких девушек у тебя было. Просто ответь на вопрос. Пожалуйста.

– Тур-Рин, – тихо ответил он, так и не подняв взгляда от рисунка на паркете.

– Что Тур-Рин? – переспросила. – Прости, но на других планетах я не была, Мартин не возил. Знаю из школьного курса, что Тур-Рин входит в Федерацию, там много казино и спа-центров.

– И домов с ночными бабочками... – буркнул приятель.

– Видимо, зоопарки тоже в числе развлечений.

Мишель издал какой-то нечленораздельный звук, что-то среднее между «ау-ы-ы» и «шварх».

– Селеста, речь идет не о выставке с тропическими насекомыми. – Он бросил на меня косой взгляд и выругался: – Гравитационный колодец! Не могу я так рассказывать! Сделай мне кофе, пожалуйста.

Я пожала плечами и отправилась к плите. О том, что Мишелю на самом деле нужно личное пространство и отсутствие пристального

внимания, я догадалась, лишь повернувшись к нему спиной.

– Ночная бабочка – это... Так называют женщин, готовых заняться сексом за деньги. На Тур-Рине их много, на любой вкус, возраст, темперамент и расу. Поэтому Тур-Рин называют в первую очередь планетой развлечений. Цварги время от времени летают туда... расслабиться.

– О!

Понятно, почему Мишель стеснялся признаться. Дело не только в беспорядочной интимной жизни, но и в том, что он вынужден платить деньги за удовлетворение физиологических потребностей. Да, мало какой мужчина способен в этом признаться.

Задумчиво поставила турку на плитку. Какая-то скользкая мысль крутилась в голове брюхатой рыбиной и все никак не могла четко оформиться.

– А сколько стоят услуги ночной бабочки?

– По-разному.

– И с какими женщинами цварги предпочитают заниматься сексом?

– Селеста! – буквально взвыл Мишель.

Я повернулась к нему, оценила красное от стыда лицо и полыхающие кончики ушей, торчащие из-под коротких взлохмаченных волос.

– Меня раса интересует. Мне это важно.

– Все разные... Эльтонийки красивые, но капризные, как правило, выбирают клиентов сами. Миттарки немного замороженные. Человеческих девушек мало, и они побаиваются цваргов, впрочем, как и многие другие гуманоиды. Ларчанки самые выносливые и общительные. Ну и смесков среди бабочек, разумеется, встречается много.

Раздумывая над словами затихшего друга, засыпала молотые зерна в турку и залила горячей водой.

– А на Цварге такие дома есть? – уточнила на всякий случай.

– Что?! Нет, конечно! – В голосе собеседника послышалось столько праведного возмущения, что я чуть не фыркнула. – Такой грязи на нашей планете отродясь не было! Селеста, подумай сама! Какая цваргиня будет заниматься этим с мужчиной за деньги?! Это же просто верх... верх... – Подходящий эпитет никак не подбирался.

Поставила перед Мишелем чашку и налила кофе.

– Глупости, – подсказала. – И это вдвойне странно при условии, что у нас есть Лаборатория, которая может подобрать подходящего кандидата в супруги. Если мне не изменяет память, для того чтобы мужская анкета попала в базу данных, цварг должен продемонстрировать выписки из Межгалактического Банка с внушительной суммой, гарантирующей, что потенциальная супруга не будет ни в чем нуждаться.

– Совершенно верно! – с облегчением выдохнул приятель, пододвигая к себе кофе, нервно обхватил края пузатой кружки и скрестил пальцы на фарфоре, не спеша пить.

Я выждала несколько секунд для приличия, давая ему успокоиться, и продолжила:

– Но это никак не противоречит тому, что всякий раз вылетать на Тур-Рин ради секса – занятие весьма хлопотное. И подозреваю, что Аппарат Управления Планетой одобрил небольшую квоту краткосрочных виз на въезд и выезд для... э-э... личных запросов обеспеченных мужчин. Назовем это так. Мишель, я права?

Он посмотрел на меня с нечитаемым выражением лица и поджал губы.

– Права, – выдавил наконец. – Но я не понимаю, зачем ты все это выпрашиваешь! Уверен, Юдес будет хорошим мужем и не станет тебе изменять! Я знаю, что твой брак с Мартином не был счастливым, и прекрасно вижу, что Лацосте перегибает палку, но, может, ты дашь ему шанс? Признаюсь, я вообще потерял нить твоей логики, когда ты начала спрашивать про ночных бабочек!

Покачала головой. Все-таки слишком давно мы не общались со старым другом, и как полуцварг он даже не представляет, о чем говорит. С Юдесом все понятно. И дело не в том, что от него пахло духами какой-то женщины. Я не собираюсь дважды наступать на одни и те же грабли. С другой стороны, возможно, это и неплохо, что Мишель до сих пор не понял моей затеи.

– Неужели не очевидно? Я сразу тебе сказала, что пойду на все, чтобы улететь с Цварга. Буду ночной бабочкой. Пожалуйста, помоги мне достать визу, о большем не прошу.

– Селеста, ты осознаешь, о чем просишь?! – Собеседник неловко дернул рукой и разлил свежесваренный кофе по столу.

Вздохнув, набрала на коммуникаторе код-вызов уборки помещения. Тут же зашуршали крошечные роботы, спеша убрать коричневую лужу. Все это время Мишель буравил меня взглядом.

– Осознаю, – кивнула ему. – Ты сказал, что есть специальные краткосрочные визы для девушек, прибывающих на Цварг для торговли телом. Я сыграю роль такой...

Полуцварг с силой потер лицо.

– Шлюхи, Селеста, шлюхи! Тебе придется изображать именно ее! Тебе! Вдове Гю-Эль, аристократке из знатного рода и владелице... я даже навскидку не посчитаю, сколько недвижимости, акций и кредитов на твоих счетах! Я готовил документы для брачного контракта с Кристофом, у меня все записано... – Мишель засуетился, пытаюсь вспомнить, где оставил документы, но я накрыла его руку ладонью, успокаивая. – У тебя не получится! Они другие! В принципе другие! Селеста, одумайся! – буквально взмолился, схватившись за волосы. – У тебя есть все и будет все! О тебе позаботятся! Что ты будешь делать вне Цварга? Куда отправишься? Ты же нигде не была, ничего не знаешь! Речь, манеры, образование... тебя выдаст любая мелочь!

Но чем больше суетился и переживал приятель, тем уверенней становилась я. Где-то глубоко внутри поселилось странное, совершенно необъяснимое чувство, что все получится.

– Ты мне поможешь. Мишель, это даже для тебя выглядит настолько дико, что никто не заподозрит во мне цваргиню. Раздобудь для меня визу, пожалуйста, а внешность я поменяю. – Мужчина все еще смотрел на меня с сомнением, и я воспользовалась тяжелой артиллерией. – Я всегда считала тебя другом и думала, что ты как никто другой должен меня понять. Законы Цварга были против тебя, а сейчас они против меня. Мне не нужен второй брак, я не хочу такой заботы ни со стороны государства, ни будущего мужа. Здесь меня ничто не держит, но если ты не захочешь помочь, пойму...

Приятель тяжело вздохнул.

– Конечно же я тебе помогу.

С той секунды, когда я объявила, что совершенно серьезна, Мишель изменился, вновь превратившись в собранного профессионала. Он позвонил куда-то и, лениво растягивая гласные, сказал, что привез с собой на личном истребителе девушку с Захрана по визе категории «беллеза».

Но мой молчаливый вопрос он пожал плечами.

– Я юрист, Селеста, и весьма успешный. У меня действительно есть действующая пригласительная виза, не успел ее деактивировать. Когда та захухря узнала, что я не чистокровный цварг, отказалась прилетать. Видимо, подумала, что у меня не хватит денег на оплату ее услуг. Я решил, что, если подтвержу, что привез девушку, тебе будет легче покинуть планету.

– А «беллеза» – это?..

– «Красотка» в переводе с какого-то из древних языков Федерации, уже и не помню точно.

Я настояла на том, чтобы действовать максимально быстро. Уже занимался рассвет, когда Мишель ушел из пентхауса и попросил собрать чемодан, пока он отлучится в магазин.

– Чемодан должен быть маленьким, будто ты приезжала сюда всего на пару дней. Возьми лишь самое ценное. Имей в виду, лучше брать наличные – когда все поймут, что ты исчезла, за твоими банковскими счетами будут пристально следить.

Пересмотрев свой гардероб, я так и не придумала, что взять из одежды. В итоге собрала несколько комплектов белья, пару джинсов, сменные однотонные футболки, чтобы не было видно бренда, и пять универсальных немнущихся платьев, далеких от цваргской моды. Я даже включила федеральный голоканал, чтобы прикинуть, что сейчас носят на Тур-Рине и других планетах.

С деньгами обстояло сложнее. Разумеется, у меня была спрятана в сейфе записка наличными, но надолго ее не хватит. Окинув гардеробную беглым взглядом, просто побросала в чемодан первые попавшиеся драгоценности – кольца, браслеты, серьги, ожерелья, шпильки... Ювелирные изделия тем и хороши, что в любом Море могут выступать эквивалентом валюты.

Когда я с трудом пыталась свести створки чемодана с помощью вакуумного паковщика, вернулся Мишель. С душераздирающим

вздохом покачал головой, увидев мои тщетные попытки застегнуть поклажу, вручил тюбик с кремом и краску для волос.

– Это специальная паста, которая поменяет цвет кожи. Действует на молекулярном уровне, проникает в глубокие слои дермы и, если не тереть кожу мочалкой и подолгу не отмывать в ваннах и саунах, действует приблизительно месяц. Когда воспользуешься, будет немного пощипывать, но придется потерпеть, пока все не впитается. А это, – он взмахнул второй коробкой, – для волос. Та девушка, которая должна была прилететь, светловолосая, среди человеческих девушек вполне распространенный цвет. На твоё счастье, у цваргинь нет ни хвоста, ни рогов, так что не придется ломать голову над кардинальным изменением внешности.

Я забрала покупки из рук Мишеля.

– Откуда ты знаешь про крем для кожи? – Мне казалось, что это девушки хотят сделать себе правильный оттенок загара.

Друг взлохматил волосы и улыбнулся.

– Не только ты покидаешь Цварг инкогнито. Знаешь ли, многие побаиваются нашей расы и приписывают сверхспособности. Большинство чистокровных цваргов ничего не могут поделывать со своей внешностью. В чем-то мне повезло: рога небольшие, скорее наросты, и фигура совсем не цваргская. Если надеть шляпу или кепку, а хвост спрятать в правильно пошитые штаны, я легко сойду за человека, а с голубой кожей – даже за миттара. Намажься сейчас как следует, лучше в два слоя. Этот крем в чемодане может привлечь ненужное внимание таможенников. Как приземлишься на Тур-Рин – купишь впрок.

В санузле я провозилась чуть дольше, чем предполагала. Приняла душ и намазалась кремообразной субстанцией, особенно тщательно прошла по лицу. Если родной сиреневый оттенок проступит где-то на руке или ноге, не так страшно, всегда можно надеть кофту с длинным рукавом или штаны, а вот лицо – это серьезно.

Мишель постарался и купил много пасты. Выкидывать остатки было жалко, и я в третий раз прошла по сгибам локтей, обратной стороне колен, бедрам и шее – везде, где кожа особенно тонкая и меняется чаще.

С краской для волос дела обстояли сложнее. Я разложила на раковине инструкцию и поняла, что без соответствующего опыта

прокрасить затылок будет нелегко. Пришлось позвать домашних роботов-уборщиков и долго пытаться донести до них, что мне требуется. В итоге так углубилась в настройки, что нашла в коммуникаторе пункт, которым ни разу не пользовалась, – «Покраска части стены». Несмотря на серьезность предстоящей затеи, меня это чуточку развеселило. Кому может понадобится красить часть поверхности? Уже позднее, когда роботы приступили к выполнению задачи, я нашла пояснение от производителя: «Если ваш ребенок часто хулиганит и вместо стеклянной доски и электронной бумаги использует для рисования стены, поставьте этот пункт в общий план уборки детской». Ребенок... Я и не подумала об этом.

Когда из зеркала на меня взглянула хрупкая кареглазая блондинка с нежным персиковым, как у всех человеческих девушек, оттенком кожи, я замерла, не в силах поверить, что цвет кожи и волос способен настолько изменить внешность. Заметив валяющиеся на столешнице ножницы, которыми обычно подрезала домашний бамбук, неожиданно схватила их и решительно отстригла себе челку, меняя тем самым форму лица. Моду на Захране я сегодня тоже смотрела. Оказывается, многие человеческие девушки носят короткие волосы, прикрывая ими лоб и иногда даже брови, отчего их личики становятся особенно трогательными. На Цварге никогда не было такой моды. Эталоном женской красоты здесь считалось все, что, так или иначе, свидетельствовало об умении цваргини прекрасно владеть эмоциями. Игривая челка, какие часто стригут детям или добродушным пушистым щенкам, – полная противоположность того, к чему стремятся цваргини. А если говорить о мужских предпочтениях, то большинство цваргов любят или стричься под ноль, или зачесывать волосы назад, чтобы рога казались внушительнее.

Но если уж я меняю внешность, то почему бы нет?..

– Ох, – только и вымолвил Мишель, когда я вышла к нему. – Селеста, это точно ты?

Улыбнулась другу и кивнула.

– Совсем на себя непохожа, правда здорово?

Он шумно выдохнул и проростонал:

– У тебя получилось превзойти все мои ожидания... Я указал в визе, что тебе тридцать пять лет, но с этой челкой тебе еле-еле дашь двадцать пять человеческих.

Я перестала улыбаться.

– Это плохо? У меня проблемы?

– Нет, что ты, совсем не плохо. – Мужчина смущенно почесал затылок, как делал всегда, когда волновался, обошел меня по кругу, внимательно разглядывая новый образ и сбивчиво комментируя: – Просто... швархова гравитация... я чувствую себя не в своей тарелке! Конечно, женщины любого Мира любят выглядеть моложе, и с точки зрения общей легенды все отлично... Но я же подвезу тебя до космопорта у всех на виду! С другой стороны, это объяснит, почему клиент подарил муассанитовое кольцо. Я все ломал голову, как тебе вывезти его с Цварга официально...

Я так и не поняла, что не понравилось Мишелю. Он пыхтел и краснел всякий раз, когда речь заходила о ночных бабочках. Уловила лишь, что чем девушка красивее и моложе, тем больше она зарабатывает. Дотошно расспросить себя полуцварг так и не дал, напрочь игнорировал вопросы и тут же переключался на мой чемодан.

Он все перепроверил, разрешил взять вещи, зато драгоценности перетряхнул вверх дном. Золотые ножные цепочки, пять жемчужных браслетов, ворох платиновых и серебряных колец, сапфировые и рубиновые заколки остались, а остальное...

– Надень все что сможешь на себя, а что не получится – придется оставить. Муассаниты в чемодане вызовут вопросы. А так сделаем вид, что я тобой настолько очарован, что решил сделать подарок на память.

– Муассанитовый гарнитур?!

Я уставилась на Мишеля, державшего в руках не только пару родовых колец, но и варианты попроще, которые Мартин дарил мне по праздникам.

– Селеста, поверь, это единственный законный способ вывести муассаниты с Цварга. И мне действительно будет спокойнее, если я буду знать, что в самом крайнем случае ты сможешь купить корабль и свалить из любой точки космоса.

– У тебя точно не будет проблем из-за меня? – Взглянула на полуцварга, чувствуя одновременно и мандраж, и сожаление от того, что впервые покину родину.

– Будут, если узнают, как именно ты удрала с планеты. Но никто же не узнает. – Мишель тепло улыбнулся, а я неожиданно для себя, наплевав на все приличия, сделала то, что давно хотела, – просунула руки в подмышки друга и крепко его обняла.

На секунду он растерялся. Мы стояли в космопорту, и на нас пялились десятки снующих туда-сюда цваргов – вылетающие, прилетающие, грузчики, уборщики, охранники... Кто-то бросал на Мишеля осуждающие взгляды, а кто-то откровенно завистливые. Я понимала, что, решившись помочь подруге детства, юрист сильно рискует своей репутацией, но представить себе не могла, что настолько. Чувство благодарности к нему переполняло сердце, и я сделала то, чего ни одна воспитанная цваргиня никогда себе не позволит на людях, ведь любое проявление чувств – это в первую очередь подпитывание интенсивных бета-колебаний, испускаемых головным мозгом. Но я больше не цваргиня и не Селеста Гю-Эль. Какая разница, что будут думать обо мне окружающие?

Спустя пару секунд Мишель отмер и неловко ответил на объятия.

– Спасибо тебе огромное, – прошептала ему на ухо.

Он отстранился. Странные желтые глаза смотрели внимательно.

– Ты точно уверена? – спросил, наверное, уже в пятый раз за последний час.

– Уверена.

– И не вернешься раньше?

«Зачем? Чтобы Лацосте мог воспользоваться законом? Нет уж, раньше ста пятидесяти точно не вернусь».

– Нет. Но время пролетит быстро, не успеешь и заметить.

– А... – Он вновь набрал воздух в легкие, но я решительно перебила:

– Объявлена посадка на мой рейс. Мишель, прости, мне надо идти.

– Да, конечно. Я буду скучать...

Я подмигнула другу и взяла у него свою ручную кладь. В отличие от Мишеля, мое настроение с каждой минутой улучшалось. Мы все продумали заранее. Я подписала документ, согласно которому бразды

правления личными финансовыми активами и недвижимостью переходили в руки Мишеля – в непредвиденных обстоятельствах, к коим юридически относилась и пропажа гуманоида. Чтобы никто не подумал копать под приятеля, он предложил подписать эту передачу задним числом, якобы я оформила доверенность еще при жизни Мартина.

Пентхаус пришлось покидать в плаще и капюшоне, чтобы никто не заметил моего чудесного преобразования. Я сама настояла на том, чтобы на глазах консьержа на несколько часов подняться в квартиру Мишеля, таким образом обеспечивая ему алиби: в тот день, когда по официальным данным пропала Селеста Гю-Эль, ее доверенное лицо совершенно точно проводил время с другой женщиной. Спohватившись, чтобы Юдес сразу же не бросился меня искать, я сделала несколько звонков в свадебные салоны и оставила записи на примерку платьев.

Волнение охватило, когда по пути в космопорт наш флаер остановила Системная Полиция. В голове возникла мысль, что Юдес каким-то образом раскусил нашу схему, но, как выяснилось, мужчина в форме просто хотел перенаправить наш кар другим путем из-за ремонта туннеля. Я чуть было все не испортила, поняв, что испугалась настолько, что не могу собраться и натянуть привычный кокон холодной отчужденности. Дежурный наклонился, учуяв мои эманации страха, но ситуацию спас Мишель, объяснив, что я на планете всего сутки, приехала по краткосрочной визе именно к нему, смеску, у которого кожа светлее и рога не такие заметные, а чистокровные цварги меня якобы пугают. Полицейский грустно усмехнулся и отпустил наш флаер.

Я чувствовала себя неудобно, пересекая гигантский, полный видеонаблюдения зал космопорта. И было невыносимо дико отпустить свои эмоции и дать им наполнять пространство вокруг, когда Мишель с укором заметил, что от меня «совсем ничем не пахнет». Человеческие девушки не умеют быть холодными, как глыба льда, они вообще крайне эмоциональны. Я кивнула и мысленно визуализировала свою будущую жизнь... где-то подальше от Цварга. Вначале это давалось тяжело, и таможенники, проверяющие багаж, покосились на меня с подозрением. Но чем чаще я вспоминала, что больше не обязана буду контролировать свои эмоции, носить все время черное,

пытаясь предстать бестелесной тенью, и постоянно врать, тем лучше становилось настроение. Я сама не заметила, в какой момент страх быть пойманной трансформировался в восторг и предвкушение увидеть другие Миры Федерации.

– Ваши документы, пожалуйста.

– Да-да, вот. – Я протянула визу и еще одну карточку, которую Мишель умудрился наспех сделать по своим каналам, пока я обзванивала свадебные и цветочные магазины.

– Краткосрочная виза «беллеза»?

По мне прошлись придирчивым взглядом. Ну да, если другие только догадывались о моем статусе на планете, то этот цварг все прочел в документах. Я кивнула, морально готовая к чему угодно – поджатым губам, неодобрительному взгляду, лекции на тему морали, что ночные бабочки – грязь под ногами... Но мужчина молча шлепнул печать, отметил что-то в базе и вернул документы, тихо и смущенно поинтересовавшись:

– Э-э... простите... а сколько стоят ваши услуги?

Удивленно приподняв брови, я бросила взгляд на Мишеля, который остался за турникетами, но напряженно следил за мной издали. То ли эйфория, что я получила вожделенную печать и прошла последний контроль, то ли новый образ улыбчивой человеческой девушки, которой не надо прятать эмоции, то ли впервые проснувшееся желание хулиганить на фоне колоссального перенапряжения... Не знаю, что именно произошло со мной, но я округлила глаза и, указав на колье, громким, почти театральным шепотом ответила:

– Баснословно дорого. Вам точно не по карману. Среди моих мужчин только самые состоятельные цварги планеты.

Лицо рогатого сотрудника вытянулось, а я со смехом подхватила чемодан и пошла дальше. А что? Ведь ни словом не соврала. Гю-Эль действительно был очень богат.

Глава 7. Оенталь

Наше время

Дорога от базара до дома заняла удивительно мало времени. Вихрем промчавшись сквозь бурлящую массу горожан по широкому настилу из пентапластмассы, свернула в узкую улочку между зданиями, вымощенную самым обыкновенным песчаником с рваным краем. Я жила на планете в секторе Н-63 уже почти год, но фантастическое соседство технологичных материалов с практически деревенской жизнью, которая была лишь на самых отсталых планетах Федерации, поражало меня по сей день.

Долгое время я перемещалась с одной планеты ФОМ на другую, не позволяя себе задержаться на новом месте больше чем на пару месяцев. На Тур-Рине было неплохо, но меня напрягала высокая плотность населения и постоянно меняющиеся лица. Это была планета развлечений, на которую охотно стекались туристы со всех миров, и я переживала, что рано или поздно кто-то из прибывающих цваргов может опознать во мне вдову Гю-Эль. После Тур-Рина я решила посетить «родину», то есть Захран, чтобы узнать, как живут люди. Это было познавательно, но планета мне не понравилась ни практически полным отсутствием растительности, ни количеством морально устаревшего и грязного транспорта, ни общим уровнем жизни. Окончательно я приняла решение, что надо улетать с Захрана, когда у меня закончился маскирующий крем для кожи, а ничего подобного не нашлось на всей планете.

После Захрана выбор пал на Танорг – вторую родину людей. К моему величайшему изумлению, таноржцы радикально отличались от захухрей. И дело было не только во внешности, но и в самых простых бытовых вещах, подходе к образованию и экологии и отсутствию суеверий относительно других рас. Не то чтобы в новом облике меня это касалось, но я обратила внимание, что захухри откровенно косились и бросали недружелюбные взгляды на редких иномирян, решивших посетить их планету. Таноржцы же радушно относились ко всем гражданам Федерации.

Эта планета мне понравилась, чем-то она даже напомнила Цварг – такая же чистая, свежая, аккуратная, множество процессов роботизировано – куда больше, чем на моей настоящей родине. Несколько раз удалось снять деньги через специальные банкоматы с анонимайзером. Я уже всерьез подумывала остаться жить на Танорге, когда с небес на землю меня вернул корабль Космического Флота, прилетевший на планету вкупе с дюжиной мужчин в черных костюмах. Кто такие эмиссары Цварга, я знала не понаслышке...

С того дня радужное настроение исчезло, и я начала забег «галопом по Федерации». Миттария, Зоннен, Эльтон, Пикс... Куда бы я ни приезжала, рано или поздно я или слышала, или сама чуть не сталкивалась с «цваргами в черном». Последней каплей стал случай в кафетерии, когда я отошла в уборную, а вернувшись, обнаружила, что трое подозрительных типов бродят между столиками, внимательно и придиричиво заглядывая посетителям в лица. Цварг среди них был всего один, однако то ли моя фантазия разыгралась, то ли нервы сдали, но в ту же секунду, подхватив сумочку, я выскользнула через запасной выход, забрала чемодан из арендованной на три месяца вперед однокомнатной квартирки и направилась в космопорт, а там у удивленного оператора попросила билет на любой ближайший рейс за пределы Федерации Объединенных Миров.

Так и оказалась на Оентале. С самого первого дня планета показалась какой-то «полу-». Полуаграрной, полуполюгальной, полунаселенной, полuosвоенной, полуавтоматизированной. Просто «полу-», пожалуй, лучшее слово, которое подходило для этой планеты. Здесь сочеталось несочетаемое: ручной, почти рабский труд мог соседствовать со свежими импортированными роботами-уборщиками последнего поколения; добротные качественные дома с участками стояли вперемешку с хибарами из глины и дешевого пластика. Здесь проживали гуманоиды самых разных рас и достатка, но самое важное, Оенталь позиционировал себя как планету с открытым космопортом без въездных виз, дружественную к соседям в секторе Н-63 и, конечно же, к Федерации. Именно благодаря последнему факту мне однажды удалось попасть на чартерный рейс.

Еще в космопорту на стойке информации на глаза попалось изображение очаровательного домика, по меркам Цварга продаваемого хозяйкой за гроши. Я так устала менять места жительства, что

неожиданно для себя выкупила понравившееся жилье. Несколько месяцев я подспудно ожидала, что эмиссары явятся и сюда, но шли недели, а ни одного чистокровного представителя своей расы на Оентале так и не встретила. Когтистая, сжимающая сердце лапа страха постепенно начала отпускать.

Внезапно начался сезон ветров. Шквалистые порывы оторвали кусок старой черепицы с крыши. До того утра, как меня разбудил звук бьющейся плитки, я и не знала, что бывает такое покрытие – кусочки керамики размером с ладонь. Пока я бегала по местным рынкам и искала подходящие куски рулонной мембраны, чтобы наскоро залатать крышу, ветра пригнали облако пустынной саранчи – в целом неопасной, но противной. За напастью с насекомыми последовали ледяные дожди, постепенно перешедшие в кислотные. Пока я занималась то срочным ремонтом протекающей крыши, то затоплениями подвала, вновь незаметно началось уютное теплое лето. Не сказать, что Оенталь оказался местом моей мечты, но как-то сложилось, что я здесь обжилась.

Под ногами скрипнул песчаник, я остановилась у покосившихся ворот своего дома и набрала код доступа. Крошечное электронное табло возмущенно пискнуло, мигнув красным глазом, а я хлопнула себя по лбу. Ну разумеется, как могла забыть? Последнее ненастье «сожрало» внешнюю проводку дома. Похлопала по карманам, ища, куда подевала временный железный ключ. Пока пыталась вспомнить, куда его спрятала, взгляд зацепился за фигуру соседки. Крупная коренастая оршанка с оливковым оттенком кожи агрессивно выкорчевывала гигантские кусты кистаса, будто они были ее личными врагами. Заправленный за пояс подол платья обнажил крупные икры и бедра – вопиюще вульгарно по меркам Цварга и вполне естественно для Оенталья.

– Хей, Леста! – звучно пробасила Гутрун, оторвавшись от работы. – А где ж мужик-то?

Я закатила глаза. Вроде бы другая планета, другие менталитет и образ жизни, а все равно кто-то пытается меня сосватать. Нет, о том, что я ходила к маэстро душ и желаний, соседка не в курсе, скорее, это была стандартная ритуальная фраза, которой Гутрун меня приветствовала.

– И тебе привет! Да как-то и без него справляюсь. – Выдохнула, наконец найдя ключ.

– Ты такая маленькая, такая худенькая и слабенькая человечка, – завела соседка свою любимую песню, покачивая кудрявой головой. – До сих пор поражаюсь, как ты пережила кислотник!

Я лишь пожала плечами и улыбнулась. Как, как... Наверное, будь я и вправду человеком, сидела бы в доме, а так – спокойно дошла до базара, купила зонт-сферу и дождевик из полимеров и продолжила жить как раньше. Разве что ожоги на теле появились, но и те сошли за три дня. Все-таки родная регенерация дает о себе знать. Но, разумеется, говорить этого вслух не стала.

– Нет, мужик в хозяйстве обязательно нужен, особенно для такой малышки, как ты, Леста! У тебя ж не дом, а целая махина, – сокрушалась соседка, плавно переходя к излюбленной теме. – Посмотри на моих мальчиков, что Оден, что Финнр! Раз уж тебе Хэварт не понравился... Такие замечательные помощники по хозяйству, а уж любить как тебя будут по ночам... – начала расписывать достоинства своих сыновей крепкая оршанка.

Оенталь населяли представители самых разных рас, но оршей было большинство. Даже я, привыкшая к внешности цваргов, вздрогнула, когда впервые увидела мужчину-орша: тяжелая челюсть, торчащие над губой нижние резцы-клыки, узковатый лоб по сравнению с общими пропорциями тела и головы и массивная шея. Хэварт, старший сын Гутрун, как раз и оказался тем самым «первым».

– Что ж Хэварта не предлагаете? – спросила я, пряча улыбку.

– Дык ты ж его скалкой как приложила-то! – Гутрун всплеснула руками, испачкав щеки землей. – Думала, все, череп надвое раскроен! Благо док сказал, что заживет.

– Не надо было врываться в мой дом.

– Так он же на запах пришел! – Женщина печально покачала головой и вздохнула. – В доме долго никто не жил, вот он...

– Пришел в гости без приглашения, – закончила я, вспомнив, как приняла ее старшего детину не то за вора, не то за полумразумного дикаря. Хэварт изумленно уставился на меня глазами-бусинами, а я, запаниковав, что на меня может обрушиться волна бета-колебаний, инстинктивно со всей силы ударила тем, что было в руках.

Ворота скрипнули и открылись, но огонек так и горел красным. Если найти подходящий аккумулятор для электроники, можно быстрее восстановить запорный механизм. Только как найти подходящий? Наверняка помимо внешнего расположения контактов важны еще какие-то характеристики, я могу все элементарно не учесть. А менять весь механизм, наверно, дорого...

– А хочешь, пришло в помощь Одена или Финнра калитку отремонтировать? – словно прочла мои мысли крайне общительная и предприимчивая соседка.

Я чуть не выронила ключ, представив, что наворотят эти двое. Орши, конечно, сильные ребята, но техника не их конек.

– Спасибо, сама справлюсь, – ответила, стараясь не обидеть Гутрун. Увидев, как она ловко вытащила из земли куст с рыжими мясистыми корнями, перевела тему: – А можно я заберу кистас себе?

– Сорняк-то? – удивилась оршанка. – Да забирай на здоровье. Я сложу вон туда, в общую кучу. Опять будешь кулинарные эксперименты ставить? Ох, рисковая ты девка, Леста, и не боишься же травануться! А ведь такая худенькая...

Под громкие причитания Гутрун я пересекла участок и зашла в дом. Знала бы соседка, что корень кистаса – основной ингредиент пирога, который ей так нравится. Покупая на Танорге лингвопереводчик, я не могла пройти мимо универсального пищевого анализатора. Готовить мне всегда нравилось, а глядя на стальной цилиндр с носиком-иглой, отдаленно напоминающий медицинский шприц, подумала, что анализатор мне пригодится. Как оказалось, не ошиблась.

Дома меня ждала уборка. Загрузить в моечный бокс посуду, поставить стираться вещи, настроить список продуктов на морозильном шкафу, чтобы при ночной синхронизации с запасами главной фермы мне отложили свежее молоко и головку ароматного сыра. Поменять постельное белье на хрустящее, пахнущее луговыми травами.

Если бы Мартин был жив и узнал, чем занимается его супруга, наверняка умер бы от разрыва сердца. Покойный муж всегда говорил, что быт убивает аристократов, и брезгливо мыл руки, если ему приходилось поставить тарелку в посудомойку. Натягивая чистую простыню на обыкновенный неортопедический матрас, я мысленно

усмехнулась словам Гутрун: «У тебя ж не дом, а целая махина». Купленное жилье было меньше не то что столичного пентхауса, но даже особняка на берегу Ясного моря. Заказав у «железных» торговцев, раз в месяц делающих остановку на Оентале, необходимый минимум техники, я легко справлялась с домашним бытом.

Хозяйственные заботы отвлекли от неудачного посещения дома маэстро душ и желаний, настроение незаметно улучшилось. Мурлыча себе под нос веселую песенку, я поняла, что все переделала и пора спать, лишь когда за окном сгустились сумерки.

Но заснуть удалось с трудом. Вечером зайдя в личный кабинет Межгалактического Банка, куда время от времени заглядывала, чтобы посмотреть, как Мишель справляется с делами, вновь уставилась на сообщение, погнавшее меня утром на базар.

«Я найду тебя, Селеста, чего бы это ни стоило. И чем дольше ты от меня прячешься, тем злее я становлюсь».

Озноб прошелся по коже, мерзкое щупальце сосущей тревоги скользнуло вдоль позвоночника. Перед вылетом с Цварга я купила новый коммуникатор и карту инфосвязи, на Тур-Рине вновь их поменяла. Пожалуй, сделала все что могла, чтобы на меня нельзя было выйти, но Юдес каким-то образом понял, что беглая невеста все-таки пользовалась счетами. Скольких программистов он нанял, чтобы это сообщение появилось в моем личном кабинете? А может, и вовсе подкупил сотрудников банка. Означает ли это, что и снятие наличных через анонимайзер чревато последствиями? Или это пустые угрозы, чтобы заставить меня занервничать и оступиться?

Так много вопросов и ни одного ответа...

Несмотря на усталость и ломоту в мышцах, угроза всплывала в голове вновь и вновь, а вместе с ней – моя идея приобрести телохранителя, который, если и не сможет уберечь от Лацосте, по крайней мере задержит цварга, чтобы я успела исчезнуть. Вместе с тревожными мыслями постоянно всплывали обрывки сегодняшнего диалога с маэстро. Чей-то навязчивый голос внутри черепной коробки противно брюзжал и ругался с другим, более тонким и визгливым.

- Гуманоиду плохо, он в рабстве, а ты бессердечная тварь...
- Если я его приобрету, его жизнь от этого не станет лучше.
- А вдруг станет? Вдруг с ним плохо обращаются? Думаешь, гуманоиды по доброй воле хотят свести счеты с жизнью?!

– Может, у него какие-то проблемы с головой...

– А если нет?..

– А если он умрет? Тогда совершенно точно придется вызывать представителей местных органов правопорядка, мое имя всплывет в новостных лентах, как жестокой рабовладелицы, заморившей своего «полуконтрактника». У Лацосте внушительные ресурсы, обширная сеть работающих на него цваргов. Такое событие, пусть и вне пределов Федерации, не пройдет мимо его ушей. А дальше дело мощностей аналитической техники – сопоставить лица, всплывающие в новостях, с лицами, покинувшими Цварг. Цвет кожи, волос и форма лица – это хорошо, но далеко не полноценная операция по изменению внешности. Конечно, правильнее было бы найти хирурга на Миттарии, только у меня не было знакомых за пределами Цварга.

– Зато ты была по-настоящему счастлива эти два года: посетила так много Миров, как не удавалось ни одной цваргине, выучила несколько языков, познакомилась с различными расами и культурами, собственными глазами видела северное сияние и километровые водопады, загадочные подводные города Миттарии и технологически совершенный Танорг с ландшафтными вертикальными и подвесными садами...

– И что?! Разве я должна рисковать жизнью ради какого-то гуманоида?

– Селеста, имей совесть! Ты освободилась от гнета законов Цварга и имеешь возможность спасти раба. Ты ненавидишь любое ограничение свободы, а тут лицемерно делаешь вид, что судьба полуконтрактника тебя не касается!

Полночи я беспокойно крутилась на простынях. Не спросила ведь ни расы, ни имени несчастного, а уснуть не могла. Лишь когда удобная подушка превратилась в жаровню, а я дала себе слово, что с утра отправлюсь за полуконтрактником, меня наконец сморил желанный сон без сновидений.

Глава 8. Полуконтрактник

«Я только посмотрю. В крайнем случае, выкуплю, накормлю и отпущу, а что с ним будет дальше – меня не касается. Не заставят же меня держать его при себе...»

Эти слова я повторяла как мантру, пока собиралась с утра, продираясь сквозь разношерстную толпу спешащих оентальцев, щурилась и сопоставляла загогулины с визитки с рунами на фасадах домов в самой густонаселенной части города. Эту фразу я мысленно повторила себе в сотый раз, когда молча протянула пластиковую карточку худому долговязому типу, представившемуся маэстро душ и желаний. Если бы не такой же медный оттенок волос, ни за что бы не поверила, что эта неприятная личность имеет что-то общее с маэстро-пухляком, у которого мне довелось побывать в гостях вчера. Слишком надменное выражение лица, брезгливо опущенные уголки губ, некрасивые узловатые пальцы, шарфик из искусственного шелка, обмотанный вокруг тощей цыплячьей шеи... Может, я заранее враждебно отнеслась к незнакомцу из-за знания, что он взял оплату живым товаром? Не знаю.

– Где он? – коротко бросила без излишних расшаркиваний.

– В сарае, – как само собой разумеющееся ответил дылда-маэстро, указав на полусгнившую постройку на противоположном конце участка.

«Действительно, Селеста, ты же не думала, что такой тип мог поселить раба в своем доме», – мысленно упрекнула себя, когда рассмотрела и новенькую мембранную крышу, защищающую от кислотных дождей, и отличные стеклопакеты с пленкой-хамелеоном, способной отсеять лишний солнечный свет. Не чета цваргским, но гораздо лучше, чем половина из того, что вставлено в рамы на Оентале.

Проржавевшие половицы сарая натужно-жалобно скрипнули под ногами. Дверь, открывшаяся лишь со второй попытки (я побоялась дергать ее сильнее, чтобы не оторвать), с ужасным душераздирающим скрежетом все-таки отошла в сторону и обнажила темный провал. В нос ударил резкий запах затхлой сырости, горькой полынной травы,

мха и плесени. Помещение встретило тишиной, настороженной и бесцветной.

– Где он? – повторила, чувствуя себя глупым плеером с заевшей флеш-картой.

– Так вон же он, валяется в углу, – где-то позади раздался голос маэстро, но я его уже не слушала, так как взгляд сам собой прикипел к вороху тряпья.

Сердце болезненно сжалось. Среди груды ветоши определенно кто-то лежал. Рваные и сиплые вдохи теребили влажный кусок холстины с торчащими из нее, как облезлые хвосты крыс, лоскутами. Шагнула ближе, всматриваясь в сумрак помещения и очертания лежащего под рваньем. Это совершенно точно был гуманоид. Не животное, не рептилоид или октопотроид, с которыми много лет назад воевал Цварг, – разумный гуманоид с двумя руками и ногами. Гадливо-удушливое чувство подкатило к горлу едким колючим комком. Резко сдавило живот, спазмом скрутило внутренности, сердце ухнуло в пятки, а вместе с ним и я буквально рухнула на колени и торопливо откинула мерзкую тряпку подальше.

– Госпожа, что вы делаете?! Тут же грязь и ржавчина! Ваша одежда!.. – слышалось от входа, но я лишь гневно шикнула.

Сквозь прорехи в лохмотьях взору открылась мужская обнаженная грудь, покрытая шрамами и язвами, впалый живот и торчащие ребра, как будто раба морили голодом как минимум полгода. На него было больно смотреть, внезапно заслезилась глаза. На руках висели увесистые и на удивление современные магнитные наручники таноржского производства, которые активировались лишь тогда, когда преступник совершал попытку к бегству. В таком случае они притягивали кисти друг к другу и могли послать ощутимый электрический разряд, за что их прозвали успокоителями. В случае если преступник по каким-либо причинам умирал, наручники самостоятельно распадались на полузвенья. Сейчас успокоители тускло светились бледно-голубым светом, обозначая, что пульс у раба все-таки есть.

Шею незнакомца рассмотреть не удалось из-за его странной скрюченной позы, зато в полутьме сарая виднелось заросшее щетиной лицо, блестящий от пота высокий лоб, лихорадочно бегающие под закрытыми веками белки глаз и длинные спутанные волосы. Настолько

засаленные, что нельзя было толком сказать, блондин это или брюнет. А может, и вовсе какой-нибудь смесок орша и миттара с изумрудными или фиолетовыми волосами.

– Он старый? Что за раса?

«Какая разница, какой он расы, Селеста? Он явно страдает. Ни один гуманоид не должен жить в столь ужасных условиях.»

– Да космос его знает. И возраст, и расу... – брезгливо протянул продавец. – В документах этого не было. Ублюдок чей-нибудь. Вообще на человека смахивает, только с рогами. Ха, наверное, его бывшая наставила ему рога, вот они у него и выросли! – Маэстро разразился противным визгливым смехом над собственной шуткой, считая ее остроумной, а я вздрогнула и вновь перевела взгляд на голову раба.

Действительно, рога. Как я сразу не заметила? Но на органы восприятия колебаний цваргов не похожи... Тревога осела тонкой паутиной на подсознании, горькой пилюлей растворилась под языком. Фантомно заныли виски и затылок.

«Я найду тебя, Селеста, чего бы это ни стоило...»

Цварг или нет?

У мужчин моей расы рога черные, лоснящиеся, витые, а тут окостенелые, светло-коричневые. И, несмотря на многочисленные язвы, цвет кожи как у захухри или таноржца. Да и хвоста со смертоносным шипом нет. Нет же?

Взгляд зарыскал по лохмотьям незнакомца, пытаюсь отыскать пятую конечность, которой гордились все цварги.

– Госпожа, да зачем он вам? – вновь вякнул долговязый тип, явно испытывая беспокойство. – Вы такая маленькая и хрупкая, вам нужен настоящий защитник. Возьмите лучше профессионального контрактника. У меня такие замечательные экземпляры есть! Пойдемте покажу!

Маэстро шагнул к клиентке, предпочитающей сидеть в дорогом платье на грязном полу, и настойчиво-аккуратно потянул меня за локоть. В этот момент с губ раба сорвался еле слышный хрип, а на меня нахлынула неожиданная злость на саму себя. Какая разница, цварг это или нет?

– Вы маэстро душ и желаний или кто?! – зашипела я, выдергивая локоть из цепкого захвата. – Я сразу обозначила, что пришла за этим...

за ним, короче. – Решительно мотнула головой в сторону тряпья и внезапно встретила с серьезным блестящим взглядом.

На миг несчастный широко распахнул серые глаза, внимательно на меня посмотрел и вновь провалился в небытие.

– Отдайте его мне!

Аюр, так, кажется, звали этого маэстро с подмоченной репутацией, нахмурился и сложил длинные худые кисти на груди.

– Госпожа Леста, не думаю, что вам нужен этот... будущий труп. Посмотрите на него, не сегодня-завтра издохнет. А если очухается, еще и бросаться на вас станет. Как вы будете его дрессировать? Он же совсем дикий! Видите наручники? Мне прямо в них его и отдали! Если уж те гуманоиды на такие дорогие штуки расщедрились, то это точно преступник. Давайте все-таки...

– Нет.

Звук собственного голоса, резкого и бескомпромиссного, плетью стегнул натянутые нервы. Я в упор посмотрела на маэстро. То, что меня отговаривали от приобретения полуконтрактника, лишь подтолкнуло иррациональное желание добиться для него свободы чего бы это ни стоило. Порывшись в кармане, я протянула долговязому два секкера, Аюр молниеносно вытянул руку и сгреб монеты.

– Это залог за раба? А остальное когда заплатите?

– Это за аренду носилок на гравитационной подушке, – хмуро бросила, поднимаясь с колен. – Должна же я как-то доставить покупку до дома! Погрузите его *аккуратно*, – акцентировала внимание долговязого на последнем слове, – и документы подготовьте, я забираю его прямо сейчас.

– А как же оплата за полуконтрактника?! – голос возмущенного работорговца сорвался на фальцет.

– Вы сами сказали, что он умрет, так? Неужели вам нужны проблемы с местными властями? Если вы сейчас оформите все документы на меня, это будет уже не ваша головная боль, – вкрадчиво произнесла, наблюдая за мимикой маэстро.

У меня еще оставался жемчужный браслет, но тратить последнее украшение на умирающего раба, при том что дядя этого типа чуть ли не со слезами на глазах уговаривал меня забрать «смертника», не хотелось. Однако долговязый не выглядел счастливым. Отнюдь.

– А может, выкарабкается и не умрет, – неохотно буркнул Аюр. – И вообще это живой товар.

Я бросила взгляд на раба в беспамятстве. Омерзительный запах, плесневелые тряпки, язвы по всему телу... Ужас. Ну нет, так я его здесь не оставлю, это дело принципа. Даже если он умрет, то умрет свободным.

– Снимите с него успокоители, вот вам и будет оплата, они стоят дороже, чем его жизнь на текущий момент.

– Вы издеваетесь?!

Если и думала, что маэстро несколько минут назад уже испытал весь спектр эмоций относительно продажи пленника, то явно ошиблась. Лицо рыжего торговца побледнело, как снег в горах Цварга, руки задрожали – не то от негодования, не то от страха, не то от всего вместе взятого.

– Вы действительно предлагаете снять наручники? Вы слышали, что я сказал?! Мне заплатили им *уже* в наручниках. Посмотрите на его рост и ширину плеч! Даже в полудохлом виде он крупнее вас раза в два! И меня тоже! А дальше что? Если придет в себя? Это же опасный преступник! У него с головой не в порядке! Успокоители – единственная вещь, с помощью которой его можно сдерживать, если разбуйнится! Как вы будете его контролировать?! Вы понимаете, что ваше убийство повесят на меня?!

Почему-то мысль о собственном убийстве не всколыхнула в душе ни единой тревожной струны. Меня, вдову Гю-Эль, убить?! Да то, что во многих Мирах считается отравой, для чистокровной цваргини – максимум легкое несварение желудка. Опять же, это внешне я слабая и беззащитная человеческая девушка с Захрана, но повышенную плотность мышечной ткани и ускоренную регенерацию никто не отменял. Все, что я испытывала сейчас, – бесконечная жалость к существу, которое умирало связанным в груди грязных тряпок. Дядя Аюра обмолвился, что раб пытался свести счеты с жизнью. Гуманоиды, которые настолько отчаялись, не станут нападать на других. Не станут, и все тут. Возвращения на родину и брака с Лацосте, цваргов в черных одеждах я боялась, как и оказаться под очередным ментальным воздействием. Много чего боялась, но раба в углу сарая – нет.

– Именно поэтому я подпишу бумаги прямо сейчас, – жестко произнесла, буравя взглядом начинающего маэстро душ и желаний. – Вы дадите мне аэроносилки, и мы выйдем через задний ход. Никто ни о чем не узнает, даю слово. Успокоители в качестве оплаты оставите себе сразу после подписания договора и сможете выгодно перепродать их. Остаетесь кругом только в плюсе. Если раб меня убьет, с вами его уже никто не свяжет, потому что по бумагам он будет моим.

Неполную минуту мы мерились тяжелыми взглядами. Аюр сомневался. Скрежетал зубами, двигая узким острым подбородком влево-вправо, и нервно поправлял платок. Он и хотел бы мне продать полуконтрактника, но что-то его сдерживало. И лишь когда из угла послышался надсадный хриплый кашель, мужчина поморщился.

– Ладно, сейчас все подготовлю.

Я не могла поверить, что переспорила упрямого маэстро, ни когда взяла в руки документ, ни когда с раба сняли наручники, ни даже тогда, когда тело раба погрузили на носилки. Внутри все дрожало, как перетянутая струна на скрипке, готовая лопнуть в любой миг.

Льерт Кассэль

Хотелось умереть. Вселенная! Как же давно хотелось просто умереть...

Каждый швархов день я мечтал, чтобы меня убила радиация на рудниках на том дрянном астероиде, затем – чтобы забили насмерть пираты, а позднее, когда меня перепродали какому-то типу в качестве бесплатной рабочей силы, – чтобы доконал электрический разряд таноржских наручников. Но треклятая врожденная регенерация не давала. Я ненавидел себя, свою сущность, свой организм. Проклятое сердце билось изо дня в день и не поддавалось уговорам просто остановиться.

Ненависть к себе ядовитым цветком расцвела в день смерти Фьенны, залезла в грудь, отравила артерии и вены, парализовала волю. Часы сливались в дни, дни в недели, недели в годы... Время неслось широкой полноводной рекой, и я давно потерял ему счет, потому что

жил в невыносимой агонии. Что бы я ни делал, болезненный образ Фьенны маячил перед глазами. Я не столько жил, сколько существовал. Стоило заснуть, и он снова всплывал, мучительно терзая память и совесть. Она смотрела на меня, прижимая к груди окровавленные запястья. Кровь была повсюду... Тот день навсегда отпечатался в памяти алым цветом. Всю рубку шлюпки залило ее кровью. Огромные глаза смотрели на меня с укоризной и отчаянием.

«Льерт, умоляю...»

Полные боли последние слова раздавались то набатным колоколом, то еле слышным шепотом всякий раз, когда я засыпал. Когда просыпался. Когда работал на каменоломнях. Когда сносил удары плетью пиратов. Когда мне ампутировали хвост...

Заслужил.

Волею судьбы меня забросило на какую-то полуаграрную планету к мужчине по имени Аюр, который назвал себя странным словосочетанием «маэстро душ и желаний». Каким-то непостижимым образом он сразу понял, что я не прочь умереть, и предложил сделку. Сделка меня устраивала, так как я чувствовал, что в ходе его эксперимента наконец-то смогу уйти из этого мира.

Реальность плыла серыми пятнами, мерзким запахом плесени и затхлости, манила скорым освобождением от ненавистой жизни. Я даже порадовался, что моя смерть не будет совсем уж бездумной и напрасной, потому что Аюр объяснил, что это может помочь другим гуманоидам. Перед глазами замелькал калейдоскоп картинок и цветных мазков, тепло охватило тело, а потом я почувствовал тонкий аромат и увидел прекрасного светловолосого ангела.

«Как странно. Наверное, кто-то перепутал врата рая и ада».

Глава 9. Знакомство

Состояние раба пугало до шварховой печенки. Притащив его на аэроносилках, отсоединила с жемчужного браслета несколько бусин и попросила Гутрун сходить на базар за лучшими средствами для дезинфекции и заживления ран. Соседка окинула меня подозрительным взглядом, но просьбу выполнила.

Пока мы спорили с Аюром, пока он готовил документы, пока искал разблокирующий наручники пульт, который, как выяснилось, он спрятал в сейф, начало смеркаться. Я попросила у маэстро отрез чистой ткани, чтобы накинуть на раба. Настояла, что в интересах маэстро, чтобы никто не сопоставил, откуда раб взялся у меня в доме. На самом деле мысленно уже представляла момент, когда сообщу очнувшемуся мужчине, что он свободен и может идти на все четыре стороны или лететь в любой сектор космоса. Не хотелось, чтобы соседи задавались вопросами, куда я подевала полуконтрактника.

Мы повздорили: Аюр настаивал, что не отдаст ничего, кроме плесневелых тряпок, валявшихся на полу в сарае, а я категорически не хотела прикасаться к ним, не то что нести в собственный дом. Еще один секкер изменил отношение маэстро к происходящему. Аюр приказал слугам принести покрывало и сложить на носилки «вещи из кладовой». Две бледно-зеленые орши, кидая любопытные взгляды на теперь уже моего полуконтрактника, укрыли несчастного одеялом, сверху навалив длинные сухие ветки, пару кривых тыкв, несколько крупных кабачков и выкорчеванный сорняк, в результате чего современные аэроносилки превратились в подобие тачки на воздушной подушке, которые арендовали состоятельные оентальцы, когда выбирались основательно закупиться. Благодаря такой маскировке даже любопытной соседке не пришло в голову, что я привезла домой еле живого гуманоида.

По сравнению с пентахаусом на Цварге мой дом на Оентале был крошечным: небольшая прихожая, спальня, гостиная, кухня, крыло, которое я называла прачечной, — там располагались душ, ванная и комнатка со стиральной и сушильной машинами. Плюс чердак и подвал, но спускать мужчину в подвал или затаскивать на чердак я не

рискнула, а потому временно поселила его на узком длинном диване в гостиной.

Не задумываясь, я разрезала ножницами и отправила в утилизатор то недоразумение, которое когда-то было рубашкой. Выпрямилась и замерла, из меня будто вынули внутренний стержень, на котором до сих пор держалось все самообладание. Тот стержень, благодаря которому я хладнокровно торговалась за раба и фактически за бесценок купила *жизнь*.

Легкие невыносимо сдавило. Пальцы задрожали.

При свете диодной лампы взору открылась ужасающая картина. Конечно, все это я мельком видела в сарае, но в полутьме не разобрала деталей. Хотя к лучшему – если бы увидела это утром, вряд ли смогла бы совладать с собой. А если бы ушлый торговец понял, что я во что бы то ни стало собираюсь выкупить жизнь раба, сделка не ограничилась бы магнитными наручниками и тремя секкерами.

Грудь и руки мужчины были испещрены воспалившимися нарывами и глубокими уродливыми язвами. Желтовато-гнойная жидкость сочилась из волдырей с неровными краями, запекаясь поверх бурых пятен крови. На животе и боках кожа растрескалась и отслаивалась рваными лоскутами. Синие вены оплетали жилистые руки, на сгибах локтей и предплечьях просвечивали так сильно, будто кожа стала тонкой полупрозрачной тряпицей. У меня на миг помутнело перед глазами, а мельчайшие волоски на теле встали дыбом. Даже я, чистокровная цваргиня, всегда спокойно относившаяся к любым травмам, в первые секунды не могла заставить себя пошевелиться.

«Вселенная, как же ему должно быть больно! Хорошо, что он без сознания. Откуда это?»

Недолго думая побежала искать в переносной аптечке шприц-пистолет и ампулы со снотворным и обезболивающим, благо после посещения Миттарии удалось обзавестись самыми простыми лекарствами. Прежде чем очистить кожу, надо убедиться, что он не проснется и не умрет от болевого шока. После стандартной дозы, выданной моему невольному пациенту, я на секунду задумалась и впрыснула ампулу успокоительного еще и себе. Для цваргини это пшик, действовать будет недолго, но хоть что-то. Вдохнула-выдохнула, впервые за два года концентрируясь на том, чтобы представить себе

крылатую деву-воительницу, и впервые в жизни призывая себя к спокойствию не ради комфорта окружающих, а ради того, чтобы пальцы не дрожали.

«Ты сможешь, Селеста, у тебя все получится».

Принесла тазик с водой, мягкую губку и приступила к долгой рутинной и кропотливой работе. Губка скользила, вбирала в себя грязь, затем я смачивала ее и вновь проводила, стараясь как можно меньше задевать воспаленные места. Худшее выяснилось после удаления гноя: в большинстве открытых язв остались крохотные ниточки от мерзких тряпок, что валялись в вонючем сарае Аюра. Пришлось спешно прерывать пожитки в поисках пинцета. Чтобы точно ничего не пропустить, я использовала камеру на коммуникаторе и наспех скачанное приложение как увеличительное стекло. Обмыла грудь и руки несчастного и принялась выковыривать оставшуюся дрянь.

Когда я закончила лишь с тем, что было доступно взгляду, за окном давно стемнело. Поясницу нещадно ломило из-за неудобной позы, в которой пришлось провести несколько часов напролет. Страшно хотелось спать, от колоссального перенапряжения вновь начали подрагивать пальцы. Все то время, что я очищала раны, с губ незнакомца срывались сиплые хрипы, заставляя невольно думать: а вдруг все зря? Вдруг он умрет?

Черты лица раба скрывались за густой неаккуратной бородой. Я пыталась рассмотреть, кто передо мной, понять хотя бы расу, но так и не смогла определиться. Растительность на лице говорила, что это не цварг, но при этом и на человека раб тоже не был похож. Даже на смеска. Хорошо помня внешность Мишеля, с уверенностью могла сказать, что передо мной не полукровка. Тогда кто же?..

Мужчина застонал. Спешно обработав раны спреем с антисептиком и анестетиком, я ввела в вену раствор, ускоряющий регенерацию.

Весь вечер кусала губы и раздумывала, не потратить ли остатки жемчуга на вызов дока, но в итоге отмела эту соблазнительную мысль. У меня оставалось не так много местных наличных, если что-то срочно понадобится. Слетать на ближайшую технологичную планету и снять деньги в банкомате-анонимайзере в ближайшее время я тоже не смогу, а гарантии, что местный док будет обладать хотя бы сносной

квалификацией, никакой. Зато, если он окажется оршем, вся округа, несомненно, узнает о полутрупe в моем доме.

Удалив пинцетом последнюю ниточку с тела мужчины, отложила инструмент, вытерла струящийся пот со лба и усмехнулась: за два последних года разнообразного опыта и впечатлений я приобрела больше, чем за всю сытую и ленивую жизнь на Цварге.

Коммуникатор показывал полночь, но вместо того чтобы идти спать, я сполоснула руки в чистой воде и цепко осмотрела незнакомца на предмет менее поврежденных частей тела, чтобы аккуратно перевернуть его на бок. Не придумала ничего лучше, чем заклеить глубокие нарывы на груди медицинскими салфетками с липким краем, чтобы не потревожить раны. Я была уверена, что легко получится повернуть пациента, однако, несмотря на болезненную худобу, раб оказался страшно тяжелым. С гравитационных носилок на диван его переложил встроенный роботизированный подъемник, и сейчас мне впервые довелось попытаться поднять на первый взгляд костлявое тело.

– Черная дыра! Или я стала слишком слабой, или на этом треклятом диване гравитационный колодец! – зло пропыхтела, тщетно пытаясь перевернуть эту тушу и одновременно осмотреть спину.

В конце концов я придумала положить на край дивана коммуникатор, выставить на таймер фотоаппарат и... получить желаемые снимки. То ли Вселенная была на моей стороне, то ли странная болезнь проявлялась у раба лишь спереди, но, к моему величайшему удивлению, нечеткие снимки на экране показали, что язв на спине нет, лишь холмистой дорогой выпирающие острые позвонки да бледные полосы шрамов.

Грудь и руки обработаны, на голове ран нет, спину можно назвать чистой по сравнению со всем остальным. Остались ноги. Взгляд задержался на истертом ремне штанов. Несколько секунд я стояла, закусив губу и не зная, что делать. Проклятое цваргское воспитание не позволяло мне нагло раздеть незнакомца и, в общем-то, беззащитного мужчину. Шумно вздохнула.

– Селеста, ну что ты там не видела? Двадцать лет замужем была...

Мысли о покойном супруге впервые за долгое время подняли настроение. Ему бы точно стало плохо с сердцем, увидь он воочию тот сарай и узнай, какую работу по очищению язв я проделала. Он

вздрагивал и бежал мыть руки при виде не то что крови – томатного сока. А уж если бы кто-то из цваргов понял, что я собираюсь сделать сейчас, из уважаемой леди Гю-Эль я на всю жизнь превратилась бы в падшую женщину. И все же... Расстегнула брюки на мужчине и насколько возможно приспустила ткань. К счастью, незнакомец носил белье. Правда, оно прилегало плотно и обрисовывало мужской орган, оказавшийся весьма внушительным даже в спокойном состоянии. Шварх... очень крупным... В мысли само собой прокралось идиотское сравнение, что у Мартина был меньше. Я потрясла головой, отгоняя воспоминания, и осмотрела кожу. На бедрах никаких ран не обнаружилось.

– На сегодня точно все, – пробормотала, вкалывая еще дозу жаропонижающего.

Брюки, разумеется, застегнула обратно.

По-хорошему, надо бы дать антибиотики, но кто его знает, от чего нарывы? Почему локализованы на груди? Как организм полуконтрактника отреагирует на сильный препарат?

Набросила на пациента покрывало и, пошатываясь, отправилась спать. Часы предвещали скорый рассвет.

Шел третий день. Я боролась с жаром раба и обрабатывала его кожу антисептиками и заживляющими средствами. Соседка чуть не лопнула от любопытства, что же у меня случилось, коли срочно потребовались лекарства, хотя даже в сезон кислотных дождей я не просила ее о помощи. Пришлось врать, что, пока готовила, не совладала с разделочным ножом, а тот возьми и порежь ногу. Почему ногу? Да потому, что на мне была надета майка с коротким рукавом, а вот ноги, к счастью, прикрывал фартук. Орша долго переваривала сказанное, сочувствующе охала и... выдала совершенно иррациональное: «Мужика тебе надо, Леста». Не поняла, к чему был этот выпад, но пирог из корней кистаса, к счастью, переключил внимание соседки.

Я зашла в гостиную, поставила поднос со спреями и заправленным шприц-пистолетом на журнальный столик, отбросила

покрывало и привычно села около бедра мужчины. Незнакомец все три дня лежал на спине, лишь слегка меняя позу. Очевидно, ему ненадолго становилось лучше, но устойчивый жар не давал полностью прийти в себя.

Высокий лоб и заросшую густой щетиной щеку пересекала длинная прядь волос. Машинально потянулась, чтобы убрать ее с мужского лица, заправив за ухо, и случайно дотронулась до рога. Испуганно замерла. Мартин терпеть не мог, когда я трогала эту часть тела. Органы восприятия бета-колебаний очень чувствительны, улавливают мельчайшие эманации живых существ, и беззастенчиво дотронуться до рогов – это как положить руку на мужской пах. Вопиюще возмутительно, преступно оскорбительно, и далеко не каждому мужчине будет приятно.

Но пациент так и не пошевелился. Ну и слава Вселенной! Облегченно выдохнув, провела подушечками пальцев по его груди, нащупывая край салфетки. Вот здесь, около ребер, была сильно загноившаяся язва, с трудом ее промыла... Наклонилась ниже, пыхтя от усердия, наконец поддела ногтем кончик силиконовой подложки и мягко убрала повязку. Моему изумлению не было предела! Видимо, спреи стоили своих денег, и в кои-то веки на Оенталь доставили не разбавленный контрафакт, а концентрированный заживляющий раствор. Место, где пару дней назад зияла воспаленная плоть, затянула тонкая розовая кожа.

Я зачарованно дотронулась до нее и погладила, не веря своим глазам, как вдруг крупная мозолистая рука накрыла мои пальцы. Мгновенно прострелило ощущение сродни тому, когда тебя застучали за чем-то неприличным. В голове обжигающе ярко вспыхнуло предательское воспоминание, как я накануне расстегнула ему брюки.

«Расщепите меня на атомы, надеюсь, он не читает мысли. И эмоции тоже...»

Резко глянула на лицо мужчины. Он смотрел так пристально, что в голове вмиг стало пусто и гулко. Если по состоянию тела, морщинкам на лбу я до сих пор думала, что мужчина пожилой, то сейчас...

Эти блестящие омуты просто не могут принадлежать старику!

Молчаливый взгляд почти осязаемо потрогал мое лицо – скулы, нос, подборок, губы, переместился на волосы, шею, затем изучил

одежду – футболку с коротким рукавом и шорты, в них я любила ходить по дому. Почему-то стало стыдно за свой внешний вид, захотелось натянуть штаны или платье, но я отогнала дурацкие мысли.

«Гравитационная нестабильность, передо мной какой-то полуконтрактник, почему я так волнуюсь?»

И совершенно забыла, что хотела сказать, когда незнакомец очнется. А на каком языке говорить? Он знает хотя бы местное наречие?

– Где я?

К моему колоссальному облегчению, он заговорил на межгалактическом. Голос прозвучал надтреснуто и сипло, и мужчина откашлялся, прочищая горло.

– У меня дома.

– Как тебя зовут?

– Леста.

На лбу собеседника выступили бусины пота. Я видела, что он еще борется с жаром, ему сложно говорить, и потянулась за водой, но меня силой удержали, сжав запястье.

– Я тебя купила, – пробормотала, чувствуя себя глупо. – Отпусти, пожалуйста, мою руку. Тебе ничто не угрожает, откуда бы ни были твои раны. Они, кстати, почти зажили. Ты здесь в безопасности...

– Купила? – перебил мужчина таким странно-вибрирующим низким голосом, что каждую клеточку тела буквально пронзило из ниоткуда взявшееся волнение.

– Да, не переживай, все в порядке. – *«Селеста, ты сейчас кого успокаиваешь? Себя или его?»* – Я приобрела тебя по договору Оенталья у маэстро душ и желаний. Ты сейчас мой полуконтрактник, но, когда придешь в себя, я тебя отпущу. Смотри, на тебе уже нет наручников. – Кивком указала на его кисть, думая, что это успокоит очнувшегося мужчину.

Похоже, я совершила тактическую ошибку. Он неохотно перевел взгляд на руки и изменился в лице, будто в него внезапно дикий зверь вселился.

– Ты сняла с меня успокоители? Зачем?!! – угрожающий рык пронесся по дому.

Я опешила. Реакция мужчины настолько обескуражила, что последние разумные мысли сгорающими метеорами вылетели из

головой. Желание свободы для любого разумного существа мне казалось очевидным и исконно природным, и я не нашла, что ответить. Воздух со свистом вылетел из легких, когда ноздри моего визави расширились, а глаза покраснели.

– Зачем ты сняла с меня наручники, женщина?! Совсем глупая?! Жить надоело? Ты каждого подонка стремишься освободить?

«Дезинтегрируйте меня в звездную пыль...»

Он потряс моей рукой, зажатой его лапицей, словно пытаюсь добиться разумного ответа. Но какой может быть здравый ответ, когда разговариваешь с безумцем?! Даже перед прессой я никогда не докатывалась до столь жалкого блеянья.

– Э-э...

Этот ненормальный неожиданно сузил серые глаза и резко притянул меня к себе, распластывая по еще недавно израненной груди. Весьма твердой, несмотря на худобу.

– А может, ты из тех, кому нравится грубое отношение?! – Щеку и мочку уха обдало внезапно горячее дыхание. Мужская ладонь уверенно разместилась на моей ягодице. – Ну, Леста, признавайся, с какой целью меня купила у Аюра? Захотелось чего-то остренького? Не боишься, что с тобой может сделать не связанный раб?!

Пока он нес какую-то дичь, я оправилась от первого шока, вывернула руку, дотянулась до журнального столика, нащупала шприц-пистолет со снотворным и всадила полную ампулу в шею взбесившемуся полуконтрактнику. В ту секунду, когда я нажала на спусковой крючок, в темных глазах промелькнуло удивление. Секунда, – и мужчина обмяк. Я резко вскочила, отплевывая попавшие в рот волосы, и на дрожащих ногах поплелась перезаряжать шприц-пистолет. Чувствую, он мне еще понадобится.

«Вот же придурак...»

Придет в себя, и избавлюсь от него по-быстрому. Селеста, чем ты думала, когда решила приобрести раба на Оентале? Сомнительно, что он вообще разумен».

Льерт Кассэль

Сознание покачивало на теплых волнах, и я думал, что умер. Какое-то время легкие еще обжигало, затем навалилась блаженная темнота, а боль отступила, оставив после себя тонкий аромат эдельвейса. Так пахло в снежных горах на моей родине. Неужели так же пахнет желанная смерть? Как приятно...

Из странного, почти сладостного состояния меня вывела какая-то эмоция. Мягкая, как дуновение ветерка, она коснулась рогов и испуганно отшатнулась. Ветер? Эмоции? По ту сторону жизни? Быть такого не может... Или может?

Еще несколько секунд ничего не происходило, а затем я понял, что ощущения совсем не фантомные. Кто-то меня касается, вот уже рядом с ребрами. Прижал ладонью чужую маленькую ручку и приоткрыл глаза, пытаюсь понять, где я и что случилось.

Передо мной сидела испуганная светловолосая девушка, которая приходила во снах, а я принял ее за ангела. Она что-то лепетала, кусая губы. Оказалось, ее зовут Леста и она купила меня у Аюра. Воспоминания нахлынули внезапной лавиной, все и сразу: смерть Фьенны, быстрый военный суд, радиоактивная тюрьма на забытом астероиде, пираты...

– Смотри, на тебе уже нет наручников! – В тяжелые размышления вклинился голос хорошенькой захухри.

То, что она слабая человеческая девушка, у нее буквально на лбу написано: длинные золотистые локоны, милая челочка, пронзительные кофейные глаза – кстати, необычное сочетание для захухри – ямочки на щеках, маленький носик. Мои ладони были в разы крупнее, чем тонкие аристократические запястья Лесты, а грубые мозолистые пальцы с заусенцами не шли ни в какое сравнение с ее аккуратными овальными ногтями. Она все говорила, а я вдруг испытал глухую ярость, поняв, что наручники, с которыми уже сжился, пронесив не один десяток лет, вдруг исчезли!

– Ты сняла с меня успокоители? Зачем?!!

Как и ожидалось, глупый ангелочек не смог даже слов подобрать в свое оправдание. Ну не дуреха ли? Девушка! Беззащитная! Сидит на одной постели с незнакомым мужчиной и радостно щебечет, что сняла с него таноржские успокоители! Высокотехнологичные устройства, которые по окончании суда надевались на преступников до конца

жизни. Они распадались на звенья-полукольца, лишь когда у гуманоида окончательно пропадал пульс, и в очень редких случаях их снимали после успешной апелляции.

Она что, ненормальная? Купить больного полудохлого раба, зачем-то его выхаживать, снять наручники?!..

На миг на симпатичном личике проявились упрямые черты Фьенны. Она так же глупо себя повела, поверила траскам, обвела меня вокруг пальца... и только поэтому произошла трагедия.

Ярость на поступок Фьенны, на себя, что не смог уберечь невесту, смешалась со злостью на непонятную девчонку, освободившую меня. Перед глазами вспыхнуло прошлое, так ярко и дико, что хотелось выть. Под гнетом эмоций и призраков прошлого я схватил Лесту и притянул к себе, демонстрируя, что могло бы произойти, будь на моем месте любой другой гуманоид – с плохими мыслями. Жестокие слова сорвались с губ, нутро замерло в ожидании, что вот – сейчас! – она испугается и заплачет. Будто бы этот миг мог поменять и перечеркнуть прошлое! Если бы Фьенна испугалась, если бы самовольно не пошла на те переговоры...

И понял, что просчитался, почувствовав тонкий комариный укус в районе шеи. Тело предало, переставая слушаться.

Глава 10. День первый

Селеста Гю-Эль

Взвинченная, я снежным вихрем залетела в спальню и с силой хлопнула дверь. Той дозы снотворного и жаропонижающего, которую я всадила в наглого раба, должно хватить на половину суток, но меня все равно потряхивало. Спасла на свою голову! Прав был внутренний голос, зудя, что не нужны мне такие проблемы. И что теперь делать? Выпроводить надо побыстрее и забыть, как страшный сон.

Отпечаток бесстыжей загребущей лапищи так и горел на ягодице. Мужчина, чье имя так и не выяснила, не ударил, не шлепнул, а просто сжал, причем через ткань и совершенно не больно, но место, которого он коснулся, все равно чувствовалось пылающим ожогом. Так унижительно! Дикарь неотесанный! Я наворачивала круги по спальне, плевалась от злости и негодования, а потом... внезапно успокоилась.

Селеста, ну что ты хочешь от бывшего раба? Интеллигентности? Культурного обхождения?! Утонченных манер?! Вон старший сыночек Гутрун пробрался в чужой дом, почуяв запах еды, напугал до шварховой матери и ничуть не раскаивался в своем поведении. А судя по заверениям соседки, хамоватый Хэварт еще и «завидный жених» на Оентале. С воспитанием и безукоризненными манерами цваргов не сравнить. Что касается незнакомца... Неизвестно, сколько лет он провел в ужасных наручниках и как с ним обращались, может, в самом деле слегка тронулся умом? В конце концов, он проснулся непонятно где, ничего не знает, и тут девица в шортах объявляет, что выкупила его контракт. Вдруг и правда что-то неправильное себе надумал?

Я шумно вздохнула и полезла в шкаф за джинсами. В разгар лета днем стояла невыносимая жара, но я решила, что, пока мужчина живет в этом доме, мои ноги будут закрытыми. Откормлю его, выхожу и отпущу, и можно будет снова одеваться удобно.

Успокоившись окончательно, я заплела косу и вышла в гостиную, ожидая, что незнакомец тихо спит на диване. Не тут-то было. Диван оказался пустым.

На бесконечную пару секунд мыслями завладела откровенная паника. Сбежал? Почему-то я думала не о том, что если мужчина нападет на кого-то или учинит разгром, то обвинят меня, а о том, что ему может стать плохо или он не поймет, что ему будут говорить на местном наречии. На Оентале не все знают общегалактический. Но стоило мне пошевелиться, как явственно послышался шум воды.

Стыдоба, Селеста! Пока ты в негодовании металась по спальне, он проснулся и пошел мыться, а ты уже навоображала... Как только очнулся-то? Может, медицинские препараты на его расу не особенно действуют? Надо бы вызнать подробнее.

Пока в нерешительности раздумывала, что делать – ждать незнакомца в гостиной, метнуться в спальню за шприц-пистолетом или вовсе уйти на кухню и успокоить себя привычной готовкой, – скрипнул вентиль душа, шум воды стих. Сердце ускорило бег, ладони вспотели, напряжение молнией пронзило позвоночник.

Характерный звук шагов босых ног раздался в коридоре. Нет, мужчина не шлепал по полу, наоборот, двигался на удивление тихо для того, кто недавно валялся в горячем бреду. Просто врожденный слух улавливал и не такие шорохи.

Шаги приблизились, на пороге гостиной нарисовалась мужская фигура. Как в замедленной съемке я скользила взглядом снизу вверх, будто впервые разглядывая раба. Узкие стопы с неожиданно аристократически высоким подъемом и крупными костяшками на лодыжках. Истрепавшиеся штаны, прилипшие к влажным икрам и бедрам, не скрывали длинные крепкие ноги. На несколько секунд взгляд прикипел к ямке пупка и поджарым мышцам живота, которых раньше не было видно из-за многочисленных язв и нарывов. За фантастически короткое время раны заросли, лишь светло-розовая кожа кое-где указывала, что там были воспалившиеся раны. Зато теперь виднелся каменный пресс и твердая мужская грудь. По структуре мышц угадывалось, что когда-то незнакомец был крупнее и накачаннее. Так случается с бывшими профессиональными спортсменами, забросившими тренировки, – даже спустя десятки лет видно, что их тело отличается от сородичей. Полуконтрактник передо мной казался невероятно худым, кожа обтягивала торс так, что ребра можно пересчитать, не дотрагиваясь. Тем не менее даже в таком «жалком» состоянии он был значительно крупнее меня. И сильнее.

Мужчина кашлянул. Почувствовав, что слишком пристально и неприлично долго разглядываю его тело, перевела взгляд выше и замерла. Некогда запутанные сальные волосы ниспадали на плечи и грудь гладкими влажными прядями. Сложно точно сказать, какого цвета – волосы переливались всеми оттенками коричневого от темного шоколада до пшенично-золотого и карамельного. Но не это поразило больше всего. Неопрятная борода, ранее полностью скрывавшая лицо, была сбрита, взору открылись впавшие щеки, бугры высоких скул, линия крепкого подбородка с ямочкой, четко очерченные, но сжатые в тугую линию губы, ясные серые глаза... Все-таки с возрастом раба я колоссально просчиталась. Он был не стар. Отнюдь.

– Прошу прощения, Леста, – заговорил мужчина, как только наши взгляды встретились. Голос медовой патокой разлился в воздухе. Ничего общего с надтреснутыми сиплыми хрипами, которые мне довелось слышать трое суток напролет. – Я повел себя просто ужасно, этого не повторится. – Очередная волна паники прошла по телу, поднимая волоски дыбом. Его точно не подменили? Может, задумал что-то плохое и решил усыпить мою бдительность?! – Не знаю, как объяснить то, что произошло час назад. Не иначе как помутнение рассудка. Мне жаль, что напугал тебя.

Была бы рада этим словам, если бы в правой руке бывшего раба не блеснуло лезвие ножа.

Льерт Кассэль

Я лежал, не шевелясь, привычно давая организму возможность поскорее вывести обездвиживающее вещество, которое вколола мне человеческая девушка. Минуты текли одна за другой, в голове постепенно прояснялось, и стало ужасно стыдно. Леста сказала, что выкупила меня, что сняла наручники, явно заботилась, а я повел себя как последний идиот. Фьенны больше нет, она умерла давным-давно, и ничто не повлияет на прошлое и не воскресит мою невесту.

Надо извиниться.

Размышляя о прошлом, я почувствовал, что пальцы ощутимо покалывает. Сжал их в кулак, поднял перед лицом, фокусируя зрение, ухватился за спинку дивана, медленно подтянулся... Когда очнулся в первый раз, возможности рассмотреть обстановку не было. Сейчас же взгляд скользнул по простенькой, но современной пластмассово-тканевой мебели, чистому полу из универсального синтетического паркета, уютным занавескам на окнах. Изумленно моргнул. На обстановку космического корабля не походило, но, возможно, пока я был в отключке, меня перевезли на другую планету? Стоило подойти к окну и увидеть характерное гигантское синее солнце, рыжеваторозовые облака, четыре спутника, выстроившиеся идеальным ромбом над горизонтом, и колючие кусты кистаса, стало очевидно, что я все еще на полуаграрном Оентале, просто у хозяйки дома хороший вкус. Если цвет и размер местной звезды и флора еще могли совпасть, то столь редкий орбитальный резонанс спутников – нет.

Сделав себе мысленную заметку посмотреть на ночное небо, чтобы определить по положению созвездий, как долго я пробыл в отключке, обошел небольшое жилье. В дверь, за которой, судя по шорохам, скрылась Леста, дипломатично стучаться не стал. Осмотрел небольшую кухню, сантехническое крыло, вход в подвал, лестницу на чердак. Весь дом оказался меньше моей «Сверхновой».

Отражение в узком зеркале в прихожей заставило вздрогнуть. Я подозревал, конечно, что годы заточения на астероиде и плен у пиратов не сказались положительно на моей внешности, но чтобы настолько...

Отличительный фиолетовый оттенок кожи под действием радиации жестокой звезды, вокруг которой вращался безымянный астероид, давно потерял насыщенность. Вначале кожа посерела, а позднее из-за смены облучения приобрела бежевый, как у людей, цвет. Некогда черные волосы и брови выгорели, стали настолько светлыми, что оттенок их я бы не взялся определить. Глаза тоже выцвели. Я криво ухмыльнулся хилому страшилищу из зазеркалья. Куда подевались мышцы? Мясо? Что за плоская грудь и торчащие ребра? Фу, позорище, самому противно.

Отвратительная борода маячила перед глазами грязной мочалкой. В какой-то момент – официально я еще числился заключенным на астероиде – у меня начала расти щетина. Видимо, тоже из-за

облучения, ведь у цваргов никогда не было лишней растительности на лице. Из зеркала на меня смотрел какой-то дряхлый старик отсталой расы. Уже давно не цварг...

Рога – гордость и символ любого цварга, органы, с помощью которых мужчины улавливали волновые колебания мыслящих существ, – и те поблекли, покрылись трещинами и высохли. Повезло, что каким-то чудом научился блокировать бета-колебания так же, как и купировать боль. Или, наоборот, не повезло? Если бы не эта способность, давно окочурился бы и попросил прощения у Фьенны на том свете.

С ненавистью посмотрел на свое тело, скрипнул зубами от бессильной злости и пошел на кухню выискивать нож, чтобы побриться и привести себя в относительный порядок. Надо воспользоваться моментом, пока захухря спряталась в спальне.

Душ оказался обычным, со стандартными вентилями, как в большинстве гостиниц Миров Федерации – чтобы гуманоиды не путались, включая воду. Густой пар заполнил тесное пространство душевой, тугие горячие струи ударили в плечи и спину.

Хорошо! Как же давно я не мылся в нормальном душе, уже и не надеялся, что доведется. Не в грязной ледяной луже и не из шланга в общей камере. Кусочки салфеток, которыми меня облепила эта смешная девчонка, намокли и отлепились, являя уже заросшие участки кожи. Усмехнулся. Ускоренное создание клеток и повышенная плотность тканей и тут не подвели. Надеюсь, это не очень сильно напугает захухрю. У людей, насколько помню, такой регенерации нет.

Наскоро сделав все необходимое, натянул брюки и, уже не глядя в зеркало, вышел.

Леста стояла посреди гостиной, растерянная и нервничающая. Мне и прислушиваться к ее эмоциям не пришлось, чтобы понять, что она чувствует. Жгучий стыд захлестнул с головой. Напугал беззащитную захухрю, молодец, Льерт, так держать! Еще отбери у ребенка шоколадку!

Скомканно извинился – шварх, никогда не умел этого делать! – и протянул нож рукояткой вперед.

– Взял на кухне, чтобы побриться.

Девушка отпрыгнула зайцем и посмотрела широко раскрытыми темно-карими, как крепкий кофе, глазами. Шумно сглотнула. Я замер,

мысленно проклиная себя.

«Совсем одичал, дружище...»

– Наверное, надо было сразу представиться. Меня зовут Льерт.

На языке крутилась родовая фамилия, но... После произошедшего на «Сверхновой» я недостойн ее носить. Блондинка отмерла, забрала у меня разделочный нож и уточнила:

– Льерт?..

Прозрачный намек на вторую часть имени. Я отрицательно покачал головой.

– Просто Льерт.

– Леста Эль, – еще раз представилась девушка, поспешно пряча руки за спину.

Почему-то остро вспомнилось, как Фьенна в каждую нашу встречу протягивала руку для стандартного поцелуя в запястье. Исконно цваргский жест, с учетом демографического кризиса означающий что-то вроде женского ответа: «Я вас заметила и запомнила, быть может, позднее обращу внимание». А когда даже руки не подают, следует читать: «Вы мне омерзительны».

Пока я предавался размышлениям, девушка с огромными карими глазами и золотистой косой неожиданно выдала:

– Мне придется на некоторое время покинуть дом. Сможешь побыть здесь один?

– Что? – Я очнулся от размышлений. Тьфу, нельзя сравнивать захухрей с цваргинями. Другая раса, другие нормы, традиции, менталитет. – Есть какие-то сомнения? А куда ты собираешься?

В сантехническом крыле я увидел стиральную и сушильную машины, крошечный «блин» для мытья полов, на кухне – посудомойку и универсальный шеф-комбайн, на чердаке – усилитель сигнала для инфосети. Техники больше, чем в любом доме на Оентале, но не совсем уж варваром меня считают? Или совсем?

– Одежда. – Девушка перевела выразительный взгляд на мою обнаженную грудь. – Тебе нужна хоть какая-то одежда. Я схожу на рынок и куплю подходящую. Но мне надо быть уверенной, что ты никуда отсюда не уйдешь.

«Льерт, ты идиот. Ей противно смотреть на твои никчемные мощи...»

– Разумеется. Ты же меня купила, я все понимаю.

Леста неуклюже дернулась, скрипнула зубами, затем тряхнула головой и зло выдохнула:

– Не в этом дело. Я не знаю, чем ты болел, но тебе может стать плохо на улице. А ты очень тяжелый. Я не донесу твою тушу даже от калитки. Я арендовала аэроносилки, когда тебя покупала, но больше их нет. Мне будет спокойнее, если пару дней ты посидишь дома и никуда не будешь выходить. Потом, конечно, можно.

«Цварги не болеют. Это был эксперимент Аюра, и плохо мне больше не станет», – подумал про себя, но ответил иное:

– Хорошо, я сделаю так, как ты просишь, и...

Предполагал закончить «могу ли я что-то съесть?», но желудок опередил, издав громкое возмущенное бурчание. Раздери меня на атомы! От стыда хоть в черную дыру проваливайся! Но этот звук заставил Лесту засуетиться и перестать меня бояться.

– На кухне есть заготовка для супа, – она забавно хлопнула себя по лбу, – осталось морковь потереть и добавить перепелиные яйца. У тебя нет аллергии на продукты? Могу оставить бульоном...

Селеста Гю-Эль

Я еще подспудно ожидала от раба чего угодно – от нападения на меня с ножом до непристойных шуточек в стиле сыновей соседки, но Льерт внезапно приятно удивил. Он с энтузиазмом принялся помогать на кухне и, хотя часть продуктов ему была в новинку, помог начистить морковь и вареные яйца. Он настоял на пюре из кистаса, хотя, признаюсь, я не хотела давать его. Все-таки трое суток под капельницами, и неизвестно, сколько до этого голодал. Однако на мою робкую попытку возразить, что нельзя есть все и сразу, Льерт неожиданно фыркнул и возразил, что если уж от сухого крэффора ему ничего не сделалось, то от домашней еды тем более. Я не знала, что такое крэффор, но деликатно решила не спрашивать. Потом посмотрю в инфосети. Незачем Льерту вспоминать плохие вещи.

Объем пищи, съеденный мужчиной за один присест, заставил меня занервничать – вдруг станет плохо? На удивление Льерт бодро

подскочил со стула, собирая грязную посуду.

– Я помою, все в порядке, – буднично сообщил он, а я почувствовала себя немного странно.

Во-первых, я так и не смогла определиться, к какой категории развития относится его родной Мир. На оентальском Льерт говорил с заметным акцентом, то есть родился он не на этой планете. Столовые приборы держал правильно, руками на еду не набрасывался, что радовало, но в то же время его выходка сразу после пробуждения заставляла меня все время быть настороже. Во-вторых, готовить мне нравилось, а мыть кухню и посуду... даже при имеющейся технике на это не всегда хватало сил. Понаблюдав, как ловко полуконтрактник закидывает тарелки и миски в моечный шкаф, проверяет фильтр и заливает ополаскиватель, я немного расслабилась. Вроде не такой уж он дикий. Что ж, в таком случае можно сходить на базар за одеждой.

Уже в прихожей, когда я взяла сумочку и посмотрела на Льерта, вальяжно прислонившегося к стене со сложенными на груди руками, запоздало пришло понимание, что я собираюсь оставить в доме чужого незнакомого мужчину на добрые пару часов. И кто знает, что у него в голове? Выглядит вроде адекватным, но я даже расу его не знаю. Что учудит? Вдруг он что-то неправильно включит, нажмет, подожжет, в конце концов, устроит электрическое замыкание...

Стараясь не показывать, что нервничаю, строго посмотрела на свое приобретение.

– Льерт, пока меня не будет, пожалуйста, ничего не трогай в доме. Хорошо?

– Хорошо. – Он кивнул, но на дне глаз блеснули странные искры.

Такие же, как когда уговаривала его не есть так много после голодовки.

Потеребила сумочку, думая, что упустила из внимания.

– Если услышишь странные звуки, не обращай внимания. У меня соседи шумные...

– Знаю, – последовал лаконичный ответ.

– Знаешь? – Удивленно всмотрелась в мужское лицо.

Так непривычно было видеть его без бороды...

– Оентальцы все шумные, а орши – вдвойне. На планете их большинство, так что логично предположить, что на одном из соседних участков проживает семья оршей.

В логике ему не отказать.

– Ладно. – Еще раз окинула беглым взглядом прихожую и Льерта, мысленно пересчитала секкеры. Почти все взяла с собой, так что, если он вздумает меня ограбить, сильно разочаруется. Разве что... – По дому можешь ходить где хочешь, но в мою спальню не заходи! Это понятно? – Мужчина снова кивнул, а я поймала себя на мысли, что еще чуть-чуть, и он закатит глаза и демонстративно фыркнет. – Ну что ж, вернусь скоро...

Глава 11. Пустой дом, ночной мотылек и «Гаванна»

Льерт Кассэль

Дверь за Лестой закрылась, а я почувствовал, как вместе с девушкой исчезли разлившиеся в воздухе тонкие эманации тревоги и свежий аромат эдельвейса. Она нервничала, оставляя меня в доме одного. Зачем, спрашивается, сняла наручники, если не доверяет? Забавная противоречивая человеческая девушка, которая хочет выглядеть смелой, самостоятельной и независимой. Хотя что взять с захухрей?

Вздыхнул, задумчиво почесал затылок. Конечно же, после пробуждения меня посещали разного рода мысли, в том числе и сбежать из этого дома, что было бы проще, чем вывести истребитель на орбиту, но я запретил себе об этом думать. Как и о том, о чем мечтал годы после смерти Фьенны. Леста зачем-то выкупила меня у Аюра, и поступить с ней по-свински не позволяли остатки гордости. Надо выяснить, зачем ей понадобился раб, отдать долг. Она же на меня потратилась, значит, на что-то рассчитывала.

Решил еще раз пройтись по дому. Не за тем, чтобы совать куда-то свой нос, – просто чтобы сосредоточиться на деталях и лучше понять хозяйку. В голове не укладывалось, что такая миниатюрная и слабая девушка может жить одна. Но ведь одна же? Живи она с кем-то, поручила бы этому «кому-то» смотреть за рабом, это точно. Да и в сантехническом узле я увидел бы больше одной зубной щетки.

Повторный внимательный анализ вещей лишний раз подтвердил подозрение, что девушка в дом никого не пускает: ни гостей, ни приходящую контрактную прислугу. Насколько мне было известно, на Оентале в прихожей принято хранить запасные тапочки для гостей, но у Лесты их не было. Как и второго полотенца для рук или дополнительного набора столовых приборов – в ящике лежали четыре вилки, четыре суповых ложки и три чайных. Судя по всему, одну девушка потеряла, но ей удобно обходиться и таким количеством.

На чердаке захухря оборудовала что-то вроде мини-кабинета: коротковорсовый ковер, письменный стол и стул. Под самой крышей, криво прибитый к наклонной поверхности, мигал диодами усилитель инфосети. Занятно. Кто ей его настроил? Всегда считал Захран самой отсталой планетой Федерации. Приятно удивил ворох пластелей со стандартными шаблонами для изучения письменности языка и термоперо. Очевидно, Леста не местная и учит оентальский, чтобы лучше разбираться в тонкостях. Машинально переложил пластиковые листы в стопку, рассматривая, и наткнулся на пластели с миттарскими рунами и транскрипцией таноржского диалекта. Она действительно молодец! Неужели лелеет мечту облететь все Миры Федерации?

Настроение тут же скатилось ниже кратера. Перед мысленным взором всплыло очередное болезненное воспоминание.

– Легко тебе говорить, Льерт! Ты на месяцы улетаешь в разведку на своей «Сверхновой»! А мне что делать?! Я тут заперта!

– Фьенна, ты не понимаешь, что просишь. Это не увеселительные поездки, мы служим на благо защиты Цварга и большую часть времени проводим в безжизненном космосе. Поверь, все не так радужно, как ты себе представляешь.

– А я хочу посмотреть другие Миры!

Влажные глаза цваргини из рода Агасси блеснули, и я, как всегда, чувствуя слабость к женским слезам, произнес то, о чем жалел потом долгие десятилетия:

– Хорошо. Я поговорю с Аппаратом Управления Планетой и попрошу, чтобы тебе выдали визу на безлимитные отлеты и влеты в качестве моей невесты и младшего атташе.

В реальность выбросило так же резко, как и затянуло в прошлое. Я старательно помотал головой, приходя в себя. Аккуратно сложил пластели и, вернувшись на первый этаж, решил спуститься в подвал. Думал, меня уже ничем не удивить, но все же, настроив диодную подсветку периметра помещения, обнаружил высокие стеллажи с самыми что ни на есть «мужскими» вещами: универсальный набор инструментов, двусторонний скотч, переносная дрель, клей-гвозди, шпатель, три рулона мембранного материала, замазка, пара ведер, лопата... Да уж, Леста полна сюрпризов. Зачем ей все? Или это для контрактников?

Так и не определившись, как отношусь к находкам в подвале, я вернулся в гостиную и прилег на диван. Ощущать себя слабым было мерзко, но как бы ни хотелось сделать вид, что месяцев рабства и экспериментов у Аюра не было, ресурсы организма не безграничны. От рогов шла уже привычная боль, растекаясь во рту легкой горечью, легкие жгло при глубоких и резких вдохах и выдохах. Тело потратило колоссальные силы, чтобы зарастить внешние раны. Прикрыв глаза, я дал себе установку проснуться, когда вернется Леста, чтобы задать ей интересующие меня вопросы, и позорно провалился в глубокий сон.

Селеста Гю-Эль

В дикой спешке я накидывала в тачку на воздушной подушке мужские брюки, клетчатые свободные рубашки, однотонные тянущиеся футболки, а также дезодорант, пену для бритья, зубную щетку, шлепки, кроссовки... Размеры брала на глаз, надеясь, что хотя бы часть одежды подойдет. Когда не знала, какой размер выбрать, хватала тот, что побольше. Пускай мешковато будет сидеть, зато налезет. Потратила почти все секеры, но ничуть не жалела. Заработать местную валюту на бытовые траты несложно, а на что-то громоздкое – все равно надо думать, как слетать в Федерацию и снять имеющееся со счетов.

Домой почти бежала, выставив на аэротачке максимальную скорость – восемь километров в час. У злосчастной калитки на участок сообразила, что так и не купила аккумулятор для замка, и принялась рыскать по карманам в поисках ключа. Пока искала, услышала звучный голос Гутрун, только, на мою беду, любопытная соседка собиралась прогуляться на вечер глядя, и не одна, а в компании своих трех сыновей.

– Хей, Леста! Как дела? Опять домой прибежала с первыми сумерками? А мы в «Гаванну» идем, не хочешь с нами?

Я оторвалась от поисков ключа и внимательно посмотрела на четверку. Гутрун впервые за долгое время предстала передо мной не в холщовом комбинезоне и садовых сапогах, а в ярком цветастом

платье кислотно-оранжевого цвета в зеленый горох, весьма, надо сказать, гармонирующим с цветом ее кожи. Длинные темно-изумрудные волосы она заплела в какую-то высокую башню на голове и украсила фиолетовыми перьями. Хэварт, Оден и Финнр не так чтобы очень отличались от своей матери в плане расцветок. Кричащие пестрые костюмы, цветная лакированная обувь, даже нижние клыки не поленились покрасить по последней моде временной флуоресцирующей краской.

Я растянула губы в вежливой улыбке и покачала головой.

– Нет, спасибо. У меня другие планы на вечер.

– Пойдем, Леста, весело будет! – подхватил приглашение матери Хэварт.

– Я не люблю громкую музыку, – почти не соврала.

Убираться или что-то делать под музыку мне нравилось, но под ту, которую выберу сама, а не тереться о потные тела оршей под взвизгивания колонок, которые могут разорвать барабанные перепонки слабоподготовленному гуманоиду. Почему-то для местного населения ночной клуб «Гаванна» был синонимом чуть ли не рая. Никогда не понимала этих увлечений.

– Тогда посидим на балкончике, попьем сельдереевый сок, – вмешался обычно застенчивый Финнр, делая шаг вперед. – Ну?

С изумлением посмотрела на младшего сына соседки. Сельдереевый сок и дома попить могу, да я его не люблю.

– Ты прямо как старая дева, только на базар ходишь раз в неделю да пироги свои печешь на продажу! Ни разу ни в «Гаванну» не ходила, ни в рестораны! – возмутился Оден, а я машинально сделала шаг назад.

Амплитудный детектор на мою голову! Приехали! Они за мной следят?! С момента, как я узнала о Службе Безопасности на Цварге и приказе Лацосте меня контролировать, это стало личным пунктиком. Пальцы предательски задрожали – не то чтобы я считала семейку оршей тайными агентами, просто это была реакция организма на саму мысль, что кто-то за мной следит.

Гутрун неожиданно шикнула на сыновей и сократила расстояние между нами до шага.

– Эй, Леста, все в порядке? – она попыталась прошептать, но мощная грудная клетка не умела выдавать тихие звуки.

Я кивнула.

– Да-да, все отлично. Я правда не люблю шумные места, как заметил Оден. Идите, развлекайтесь без меня.

«А меня дома ожидает раб со сложным характером, который только-только очнулся...»

– Ешкин пихряк! – Гутрун смотрела почти осуждающе. – Леста, мы скоро год соседи! Ты мне как родная кровиночка. Чего боишься-то? Пойдем в «Гаванну», оторвешься с моими мальчиками. Думаешь, про тебя кто плохое скажет? Да перестань! Ты молодая деваха, вон тростиночка какая. Каждой женщине нужен мужик, чтобы ее защищал. Ну и ублажал, разумеется.

Захотелось взвыть. Ну что они ко мне прицепились? Не везет так не везет...

– Я не хочу. Никуда. Идти.

– Ну давай мы уйдем, а кто-то из моих мальчиков, кто симпатичней, с тобой останется? – Гутрун хлопнула длинными изумрудными ресницами. – Вообще позорище, что ты в таком возрасте в девках засиделась. Хотя бы просто ради того, чтобы узнать, как у взрослых людей все происходит. Неужели не интересно? Так кого тебе оставить? Хэварт, помню, не понравился. Финнра или Одена, ась?

Я подавилась вздохом, не зная, что ответить на такую беспардонную наглость и отсутствие такта. Хотя чему я удивляюсь, если в местном языке даже слова с таким значением отсутствуют? Есть понятия «своевременное выполнение обязательств» и «дисциплина», но «тактичность» или «вежливость» – нет. Хорошо еще, что у меня был муж и я прекрасно представляла, о чем речь. А если бы на моем месте оказалась скромная молодая девушка с Захрана без жизненного опыта и умения ставить на место таких бесцеремонных и напористых личностей? Несколько секунд молчала, раздумывая, стоит ли вообще что-то говорить, как Гутрун добавила:

– Ходят слухи, что ты в дом маэстро душ и желаний ходила, но вышла оттуда ни с чем. Сознаться, мужика искала, да?

И тут меня как громом среди ясного неба поразило. Мой первый поход к маэстро был замечен соседями, значит, наверняка и другими гуманоидами, а про Аюра никто не знает. У меня есть уникальный шанс ловко скрыть прошлое Льерта и раз и навсегда отделаться от

навязчивой соседки, если правильно перетасовать колоду карт. Да простит меня Льерт, объясню ему все потом.

– Да, искала, – протянула я задумчиво. – Действительно, хотела найти самого подходящего ночного мотылька. С первым встречным, увы, не могу. У нас на Захране так не принято. Уже договорилась с маэстро на отличного контрактника. Вот и одежду ему купила, и обувь... – кивнула на тачку с вещами. – Он поживет какое-то время у меня, ну а потом вернется к маэстро. Только это секрет, – торопливо добавила, видя, как загорелись глаза орши.

Слухи все равно будут, но, если Гутрун поверит в наспех сочиненную байку, я раз и навсегда идеально впишусь в общество Оенталья, а к Льерту, когда его отпущу, ни у кого не будет вопросов.

Орша прищурилась, посмотрела на меня, на тачку с мужскими вещами и неожиданно с размаху хлопнула меня по плечу. Если бы не цваргская кровь, клянусь, у меня синяк остался бы минимум на неделю.

– Молодец, Леста! Тогда все понятно. Хорошо тебе провести время с мотыльком, а мы отбываем в «Гаванну». Если что, можешь на меня рассчитывать. И да, я у тебя три пирога заказывала, помнишь? Мой заказ в силе. Цена прежняя, да?

Незаметно морщась от боли, я кивнула, улыбнулась, еще раз пожелала удачи и принялась отпирать калитку. Она никак не хотела открываться, а когда ключ сделал полный оборот, некстати включилось электронное табло над замком и тут же потухло. Пришлось как следует садануть по электронике, чтобы дверь наконец открылась. Вкатила тачку, у самого крыльца взяла в охапку все вещи и боксы, пяткой ткнула в «конец сеанса» на устройстве и, проследив взглядом, как тележка послушно улетает с участка, зашла в дом. Плохое предчувствие засосало в желудке. Почему так тихо?

Не разуваясь, рванула на кухню, затем в гостиную, и замерла. Льерт спал на узком диване, подложив руку в качестве подушки. Кожа от холода покрылась мурашками. Я мысленно обругала себя – забыла, что после обеда закинула постельные принадлежности мужчины в стирку, а новые не выдала. Аккуратно сложив покупки на журнальном столике, принесла из спальни новое одеяло и подушку.

Уже перед сном задалась вопросом, что было бы, если бы Льерт сбежал из дома, пока я ходила на базар. В общем-то, ничего. И почему

я так разволновалась?

Глава 12. Шакшука и кофе с шоколадом

Льерт Кассэль

Впервые за долгие годы, проснувшись, почувствовал себя по-настоящему отдохнувшим. Ничего не снилось. Ничего не болело. Синие лучи солнца играли на поверхности окна, разбрасывая разноцветные зайчики. Из кухни доносились фантастические запахи еды вперемешку с еле слышными бета-колебаниями радости. Я даже замер, не поверив рогам. Как давно я не слышал такого аромата. Удивительно... Как дуновение свежего ветра. Неужели у захухрей такие потрясающие и кристально чистые осцилляции? Почему раньше я этого не замечал?

Тряхнул головой, ибо рога в последние годы тоже время от времени барахлили, и... обнаружил стопку мужской одежды. Одевался быстро, не хотелось, чтобы Леста случайно зашла в гостиную и увидела мое отвратительно исхудавшее тело. Почувствовав яркий всплеск эмоций, бросился на кухню.

Селеста Гю-Эль

Я проснулась раньше Льерта и, вспомнив, как Мартин изрыгал потоки желчи до середины дня, если кто-то случайно его будил, бесшумно пробралась на кухню. Летняя погода радовала, настроение было чудесным. Прикинув, чем буду кормить прожорливого гостя, бодро достала из холодильника яйца, мясо, бурые помидорки, разноцветный сладкий перец, чеснок, репчатый лук, паприку, свежую зелень. Исходя из имеющихся на планете продуктов, традиционная цваргская яичница претерпела некоторые изменения: в качестве мяса

пришлось брать не говядину, а местное копытное, вместо петрушки – другую травку насыщенного синего цвета.

В сковородке зашкворчало, по кухне поплыли аппетитные запахи. Бросив соломку перца поверх ломтиков мяса, я поставила турку для кофе на вторую конфорку. Благоухание молотых зерен смешалось с витающим духом шакшуки. Подготовка всегда меня успокаивала и дарила внутреннее удовлетворение, но варить кофе я любила больше всего и знала около сотни рецептов. Из медной турки плыл целый букет ароматов, но чего-то не хватало. Хотелось чего-то особенного. Интересно, а пил ли Льерт когда-нибудь кофе с горьким шоколадом? Ему сейчас не помешают не только белки, но и жиры. Так, куда я поставила банку с тертым черным шоколадом с Эльтона? Ах да, на верхней полке...

Скинула тапочки, залезла на столешницу, открыла шкафчик. Шварх, не этот, соседний... Проектировка кухни оставляла желать лучшего, а с моим небольшим по сравнению с оршами ростом так вообще была неудобной. Встав на цыпочки, уперлась рукой в гладкую соседнюю створку, царапнула по жестяной банке ногтями...

– Ну же, иди сюда, зараза, кому говорят!

Словно по закону подлости банка отодвинулась, а я с пугающей четкостью осознала, что теряю равновесие. Ладонь соскользнула, сердце ухнуло в пятки, мир закрутился. В голове пронеслась идиотская мысль, что, возможно, у цваргинь череп крепче, чем у цваргов, – рогов у нас нет, и я обойдусь без сотрясения мозга. Позорно зажмурилась, ожидая острой вспышки боли в затылке, но в последний миг меня подхватили чьи-то сильные руки.

Сердце отбивало бешеный ритм танго-милоренго.

– Ты не ударилась?

Я распахнула глаза, хотела что-то ответить, но зачарованно уставилась в серые с тонкими прожилками радужки. Как листья у деревьев. Удивительно...

– Леста? Ты в порядке? – повторил вопрос Льерт, нахмурившись.

Запах горелого вернул в реальность. Шварх, меня держит на руках мужчина, который еще вчера лежал в беспомощности! Недоедал месяцами! Стыд-то какой... Выпорхнула из объятий Льерта и бросилась к плите, выключая все конфорки разом.

– Да-да, – затараторила, чтобы скрыть неловкость, и безрезультатно затыкала в кнопки вентиляции. – Ух, гравитационный колодец, все подгорело! Шва-а-арх!

– Погоди, Леста, нужно убрать заслонку, и автоматика сама включится. А насчет еды не переживай, пахнет так вкусно, что я съем все.

– Но как же, канцерогены же... – расстроено протянула, рассматривая содержимое сковородки.

– Скорее, хорошо прожарилось, чем подгорело, – возразил Льерт, перехватывая ручку. – И готов спорить на хвост, что это вкуснее, чем все, что я ел за последний десяток лет. Доставай тарелки.

Я потянулась за посудой, но вздрогнула всем телом, обернулась и окинула спину и ягодицы мужчины придирчивым взглядом. Быть не может, чтобы у него была пятая конечность!

– Что? – Льерт обернулся, будто почувствовав мое внимание.

Я прикусила губу и мотнула головой, мол, ничего. Конечно же он имел в виду свои волосы, собранные в высокий хвост! Вон какая бежево-каштановая грива!

Селеста, не сходи с ума...

– Леста, спасибо большое за одежду. Не знаю, как и отблагодарить... – начал полуконтрактник, когда мы все-таки сели завтракать. – Это довольно большая сумма, я все отработаю.

Так и не донесла вилку до рта. Почему-то стало грустно. Знал бы он, что вдове Гю-Эль этой «большой суммы» не хватило бы даже на сумочку от модельера, на которой настаивал Мартин...

– Все в порядке, Льерт, ты мне ничего не должен, – сказала как само собой разумеющееся.

– Нет, должен, – заявил упрямец, активно уплетая шакшуку. – Я посмотрел, там одежды примерно на шесть секкеров. Повторюсь, я обязательно все отработаю в ближайшее время.

Не удержалась и фыркнула, сложив руки на груди. Ну посмотрите, каков красавец! Всего сутки на ногах, а уже рвется спорить со мной! Еще скажет, что те язвы мне приснились. Наверное, любая другая девушка на моем месте спокойно кивнула бы, но ее не было. Была только я с прошлым Селесты Гю-Эль – цваргини, которая во всем зависела от первого мужа. И вроде бы финансовая зависимость не являлась чем-то позорным или неприемлемым для моей родной

планеты, но у этого словосочетания был один гигантский недостаток – слово «зависимость». В моем мировоззрении оно плохо сочеталось со словом «свобода», и потому я четко парировала:

– Тебе не говорили, что оценивать подарки – некрасиво?

– Не знаю, как насчет подарков, но я всегда считал, что некрасиво заставлять женщину платить за себя. Леста, не спорь со мной, пожалуйста. Я все отдам. И за выкуп у маэстро душ и желаний тоже, разумеется.

Серые глаза посмотрели на меня так внимательно и серьезно, что я растерялась. Ругаться резко перехотелось, да и было бы с чего... Раз он так решил – ладно.

Льерт Кассэль

После фразы, что я собираюсь заработать деньги, разговор сам собой затих. Я тщетно пытался проанализировать, почему Леста в штыки восприняла мое намерение, но у меня явно отсутствовала какая-то часть пазла информации о захухре. Ко всему в голове постоянно всплывала и мешала думать неаккуратно брошенная фраза про хвост. Шварх, я чуть не проговорился, что он у меня был, но, к счастью, Леста не стала задавать уточняющих вопросов или приняла мои слова за оборот речи.

Еда оказалась невероятно вкусной. Шварх задери, я ничего подобного не пробовал! Не знаю, догадалась ли Леста сама, что мне требуется мясо для восстановления мышечных волокон, или это была случайность, что в моей порции яичницы мяса оказалось больше. Я съел все, что положила хозяйка, потом решительно взялся за остатки в сковороде.

– Льерт, но там же канцерогены! Я планировала это выкинуть!

Усмехнулся, бросив беглый взгляд на возмущенную захухрю. Организм цварга на такие мелочи, как пригоревшая еда, вообще не обратит внимания – мы спокойно перевариваем многие яды. Но, боюсь, такие откровения могут шокировать ангелочка.

– Ты не представляешь, сколько сухого крэффора...

– Да помню я, – Леста махнула рукой, смиряясь с моим намерением съесть все до последней крошки, – просто поражаюсь, куда в тебя лезет. Ты же такой... – Слабый? Беспомощный? Не похожий на нормального мужчину? – ... худой! Ой, Льерт, у тебя вилка погнулась...

Перевел взгляд на столовый прибор в правой руке и изумленно моргнул. Шварх. Я сломал одну из четырех имеющихся в доме вилок...

Леста подскочила со стула и явно принялась искать запасную.

– Не переживай, наверное, набор бракованный. Покупала его в спешке за гроши, не удивлюсь, если производитель подмешал мягкие металлы, чтобы удешевить товар. Вот, держи. – Девушка протянула мне новую вилку.

– Спасибо, – пробормотал задумчиво. – А относительно объемов еды... Ты уж извини. Я долго... э-э... недоедал положенную норму. Внешне могу выглядеть почти как мужчина твоей расы, наверное.

– Как кто?

Девушка с золотыми волосами мило нахмурила носик. Мне неожиданно пришло в голову, что она может и не знать, как выглядят цварги. Или бояться их... Наименее образованные представители рас неоднократно называли цваргов эмоциональными вампирами, затем и просто вампирами, так и не разобравшись, как именно функционируют наши рога.

– Как человек с Захрана.

– А-а... – протянула хозяйка.

– Ну вот. Внешне я сейчас выгляжу почти как человек, но в норме у меня процент мышечной ткани значительно выше, чем у большинства представителей Федерации Объединенных Миров, ну и чем у людей, разумеется. Достаточно долго мне это играло на руку и помогало выживать. Организм расходовал внутренние ресурсы, как батарейку, разрушал то, что имелось, вытягивал энергию и жил на это. Но теперь батарейку нужно заправить.

– Понятно. – Леста сосредоточенно кивнула, о чем-то усердно думая. – А это все особенности твоей расы?

Я почесал затылок. Про регенерацию она и так догадалась, видела же, что язвы зажили за какие-то трое суток. Про отрубленную конечность говорить не хотелось – сама мысль сознаться девушке, что

я потерял свой хвост, да не в бою, а будучи в плену у пиратов, вызывала внутреннее отторжение. После такого она будет смотреть на меня как на грязь под ногами. Да я и сам так на себя смотрю, когда вспоминаю. Стоит ли говорить о рогах? Что могу уловить ее эмоции, если пожелаю?

Златовласка улыбнулась и замерла, точно лань на водопое. Она пыталась быть доброжелательной, но свежий запах эдельвейса в этот момент смешался с еле заметной, пока еще очень тонкой кисловатой ноткой не то страха, не то напряжения.

Нет, наверное, не стоит этого говорить. Во-первых, теперь рога могут запросто меня обмануть, а во-вторых, это ее напугает еще больше.

– Да вроде все. – Пожал плечами.

Из огромных карих омутов Лесты исчезла настороженность, и я убедился, что принял правильное решение.

– Какие у тебя планы на сегодня? Давай помогу?

Поднялся, собрал всю посуду. Окно у раковины выходило на южную часть участка. Пока мы завтракали, местное голубое светило уже поднялось над горизонтом. Судя по отсутствию облаков, день обещал быть знойным. Я думал, что Леста захочет поплавать в озере, позагорать или встретиться с друзьями, но она меня удивила.

– Надо убратся в доме, несколько дней назад наметила, да все не было времени. Потом обработать корни кистаса, что соседка выкорчевала, иначе они загниют, ну и немного поработать.

– Поработать? – эхом произнес, нахмурившись.

– Ничего сложного. – Леста неожиданно тепло улыбнулась. – Я пеку пироги и тортики на заказ. В постоянных покупателях – несколько соседей и два дома маэстро. У нас оговорено, что могу сколько угодно экспериментировать на свой вкус, они просто выкупают готовую кулинарию. Мне это скорее в радость, ну и секеры лишними не бывают.

Признание огорошило. Нет, интуитивно я понимал, что девушка живет одна и, по-видимому, сама зарабатывает на жизнь, но все равно было странно и непривычно. Цваргини работали крайне редко. Семейный бизнес, управление финансовыми активами, актерское мастерство или благотворительность – максимум того, чем занимались женщины на моей родине. Ручной труд и любая неинтеллектуальная

работа испокон веков считались у них позором и чуть ли не деградацией. К тому же, одно дело стандартные траты на еду и одежду, и совсем другое – собственный дом, свежий ремонт, простая, но добротная мебель, современная техника... Неужели она в столь юном возрасте сама на все заработала? Обвел взглядом помещение, думая, как потактичнее сформулировать вопрос.

– А на этот дом ты кулинарией заработала?

Получилось не очень вежливо, но Леста не обиделась.

– Нет, дом... – на миг задумалась, – что-то вроде наследства.

Странно, у меня сложилось впечатление, что она не очень долго живет на Оентале.

– И ты все время живешь здесь одна?

– Да. А что не так? – Блондинка посмотрела на меня, внезапно прищурившись.

На дне темно-шоколадных глаз плеснулось непонятное чувство, в воздухе отчетливо повеяло грозой.

– Просто обычно молодым девушкам нужна чья-то защита и поддержка. Они живут с мужчинами – отцами, братьями, женихами или мужьями, в конце концов, – выдал привычную схему жизненного уклада.

Вроде бы Захран – не Пикс и не Эльтон с превалированием прав у женского населения.

– Родители умерли. Братьев нет, как и сестер. А жених или муж мне не нужен. – Леста почти угрожающе сложила руки на груди. – Мне вообще мужчина не нужен! Сама прекрасно справляюсь с хозяйством. Между прочим, я в прошлом году мембрану на крыше поменяла собственноручно! Руки-ноги имеются! А что касается возраста, то я старше, чем кажусь! – отчеканила она сквозь зубы. – Еще вопросы?!

Вопросов была тьма, но я не задал ни одного. Девушки не выкупают полуконтрактников просто так, но попытка выяснить, что именно могло потребоваться от раба, вдребезги разбилась на миллиарды осколков и закрутилась по орбите холодного отчуждения. Я не имел в виду ничего плохого, пытался лишь разобраться, чем могу быть полезен для Лесты. Однако теперь настроение девушки больше походило на перегретый термоядерный реактор: тронь пальцем – и взорвется.

Селеста Гю-Эль

Возмущение бурлило и хотело выплеснуться через край, как молоко из кастрюли. Еще на Цварге терпеть не могла, что женщин вечно какими-то убогими, безрукими и безмозглыми считают. Мартин вообще утверждал, что основная моя обязанность – сопровождать его на светских мероприятиях и широко улыбаться на камеру прессы, чтобы со стороны выглядело, будто мы счастливы. И все это подавалось под соусом бесконечной заботы. Да как же! С Мишелем он тоже запретил общаться из «благих» намерений. Не сомневаюсь, что изощренное воображение Юдеса придумало бы мне еще более узкую золотую клетку.

Я посмотрела на стушевавшегося полуконтрактника и заставила себя успокоиться. Вдох-выдох, Селеста. Он же не с Цварга и понятия не имеет, как ты жила до сих пор. Вон даже подумал, что ты юная. Впрочем, с этим цветом волос и челкой я и правда ощущала себя свежее и моложе. Как будто ворох трудных лет остался где-то в параллельной Вселенной. Вероятно, Льерт родом из какого-нибудь отсталого мира, где царит жесткий патриархат, вот и спросил.

Я приказала себе не заикливаться на ситуации, вот только... Шварх! Завтрак так хорошо начинался! Я уже планировала рассказать о маленьком недоразумении с Гутрун и попросить Льерта немного подыграть, но весь запал пропал, когда он ударился в сексизм. Нестабильные туннели и атомы! Срывать злость на гуманоидах нельзя – леди так не поступают, и потому я, как и планировала, с остервенением бросилась заниматься уборкой. Не то чтобы я любила это дело, но не жить же в грязище, да и энергию надо куда-то девать. Думала погрузиться в себя, забыть неприятный разговор, но Льерт постоянно мелькал перед глазами и настойчиво предлагал помощь, чем раздражал еще сильнее. В конце концов, не выдержав, вкратце объяснила, что надо сделать, и отправилась на кухню. Червь сомнения грыз и ворочался, требуя проверить, а ничего ли не сломает и не разобьет Льерт, все-таки техника не была совсем уж простой. Вдруг

у него даже среднего образования нет и он не поймет интерфейс моющей швабры? Я так и не поняла, кого выкупила из рабства...

За приготовлением макарун мне неожиданно полегчало. Пока измельчала сухой миндаль в кофемолке, пока через мелкое сито смешивала с сахарной пудрой, пока замешивала ганаши из белого шоколада, пока накрывала его пленкой и убирала в холодильник, руки действовали сами по себе, а голова отдыхала.

Я здесь, на Оентале, свободна, и никто не заставит меня вернуться на Цварг... Мне не нужны мужчины. Ни одного цварга больше не будет в моей жизни. Никогда.

То, что написал Юдес, – это уловка, чтобы заставить меня нервничать. Он меня не найдет.

К обеду подтянулся Льерт, и я почти забыла, как сильно он меня разозлил с утра. Ко всему, он настолько вежливо спросил, может ли использовать пространство подвала для своих нужд, что я растерялась и ответила «да», так и не уточнив, что он собирается делать. Наливая в тарелку суп из мяса куропатки, я думала переспросить, а потом мысленно махнула рукой. Да какая мне разница? Хоть оргии пускай устраивает, лишь бы больше не рассказывал, что женщина должна зависеть от мужчины.

Пока я соединяла миндальные половинки с молочно-белой прослойкой, Льерт умудрился поглотить тройную порцию еды, вновь перемыл всю посуду и уточнил, есть ли у меня для него дела. Пожала плечами. Какие дела для того, кто недавно пришел в себя? Напомнила, чтобы он не выходил из дома, и, собственно, на этом все требования закончились. Не зная, когда точно вернусь, приготовила легкий ужин для временного гостя, разложила макаруны по многочисленным коробкам и отправилась по заказчикам, которые заждались и вчера начали сбрасывать гневные сообщения на коммуникатор. Несмотря на то что солнце уже клонилось к горизонту, на улице было ужасно душно. Наличка у меня закончилась, и вместо аренды скутера или велосипеда пришлось пешком идти несколько кварталов. Вернулась я настолько вымотанной, что лишь махнула рукой Льерту и рухнула в постель.

Льерт Кассэль

От цваргинь, которых я знал, Леста отличалась всем. Вообще всем. При этом я не мог сказать, что она склочная, как большинство пиксиянок, или навязчивая, как эльтонийки, или витающая в розовых облаках, как миттарки. Нет, она просто была *другой*. Была ли это конкретная особенность человеческих девушек с Захрана? Не уверен, хотя до этого знакомства мне не приходилось с ними тесно общаться.

Леста оказалась вежливой, уравновешенной и воспитанной, как цваргиня аристократической ветви, прекрасно контролирующая эмоциональный фон, практически мгновенно нейтрализуя слишком яркие и резонансные бета-колебания. Но при этом с совершенно иными взглядами на жизнь. Очевидно, за завтраком я поднял болезненную для нее тему, однако она на удивление быстро успокоилась или – готов поклясться – заставила себя успокоиться.

Исподтишка понаблюдав, что и как она делает по дому, я взял на себя стирку и сушку вещей, общую уборку и прочие мелочи, оставив ей то единственное, от чего она получала удовольствие, – готовку. Тут даже рога не пришлось подключать, чтобы почувствовать, как она обрадовалась, удалившись на кухню.

Работа по дому практически полностью совпадала с делами, которые приходилось выполнять, будучи дежурным на «Сверхновой». Я никогда не ставил себя выше подчиненных, а потому вместе с членами команды попеременно занимался всем. Техника и модель пылесоса-поломойки отличались, но в целом все совпадало с уходом за межзвездной яхтой. Разве что занавесок на военном корабле никогда не висело, и их не приходилось стирать, зато те же иллюминаторы после неудачных выходов на орбиту мы оттирали от гари или песчаной крошки чуть ли не вручную. Ребята надевали скафандры и по очереди чистили стеклопластик с внешней стороны. Заменить фильтр в вентиляционной шахте, картридж в утилизаторах, проверить температуру карбоновых стержней и уровень плазмы в лазерной установке или поменять гидравлическую жидкость – такие вещи я и за работу не считал, просто ставил в график, равномерно распределяя обязанности на весь экипаж. Но на «Сверхновой» служили мужчины,

а Леста до моего появления всю работу по дому делала в одиночку и, весьма неплохо, судя по чистоте, и это несколько шокировало.

Некстати вспомнилось, что Фьенна в свое время надавила на родителей и потребовала, чтобы ее устроили младшим атташе. Работу она выполняла отвратительно, потому что должность была продиктована скорее любопытством и капризом посмотреть на другие планеты, чем объективной необходимостью заработать деньги. Цваргини, которых я мысленно перебирал в памяти, скорее брезгливо сморщились бы и наняли обслугу, чем согласились лично тыкать в роботов, загружать стиралку или разбираться с настройками бытовой техники. О такой сложной физической работе, как замена покрытия на крыше, я вообще молчу.

Мысли скакнули к рулонам синтетической мембранной материи, которые нашлись в подвале, и я решил уточнить, могу ли использовать помещение на свое усмотрение. Девушка разрешила, затем схватила свои пирожные и умчалась, толком не попрощавшись. Это слегка покорило. Когда она вернется? Уже вечерет, не опасно ли на Оентале в такое время ходить одной? Все-таки не культурный и развитый Цварг, а полуаграрная планетка без собственной армии или централизованной Системной Полиции. Всякий раз, когда «Сверхновая» останавливалась в космопортах вне Федерации, я распоряжался, чтобы мои люди ходили по двое, а лучше по трое.

«Льерт, ты себя накручиваешь! Она здесь живет давно и все знает! – мысленно дал себе подзатыльник. – Если хочешь быть полезным, вначале перестань выглядеть как убожество. Может, тебе начнут хоть чуточку доверять».

Отжимания и приседания – это хорошо, но от сотни-другой повторений мышечная масса не увеличится. После военной подготовки и разведывательных операций на отдаленных небесных телах такие упражнения помогают поддержать форму, но никак не эффективно нарастить новые мышечные волокна, уплотнить миофасции и соединительную ткань. Организм привык к более интенсивным нагрузкам.

Тренировки в условиях повышенной гравитации отпадают. Это на «Сверхновой» можно было на максимум выкрутить настройки гравитона, а на Оентале я даже хорошую кофемашину вряд ли смогу найти, не то что специализированный спортивный инвентарь. Что ж,

придется пораскинуть мозгами, как вернуть себе былую форму на этой отсталой планетке.

Без зазрения совести я вышел во двор, набрал в пару железных ведер камней поувесистей. Леста переживала, что мне может стать плохо, и требовала не покидать дом, но спорить, что я полностью регенерировал, было бы слишком долго. Жизненный опыт подсказывал, что с женщинами лучше не спорить, всегда останешься виноватым.

В подвале нашел запасной черенок от лопаты, выскоблил ножом симметричные S-образные углубления на расстоянии ладони от каждого края. Отлично, гриф для штанги есть. Не идеальные укрепления для массы, конечно, но пока сойдет. В качестве блинов повесил ведра. Подбор веса камней, чтобы они сохраняли баланс, занял еще какое-то время, зато у меня получилась простенькая импровизированная штанга с возможностью быстро добавлять и убирать утяжелители.

В качестве атлетической скамьи приспособил полуразвалившуюся кушетку. Видимо, Леста многое хотела выкинуть, но, не в силах перетаскать все на городскую свалку, просто спихнула крупногабаритные предметы в подвал. Кушетка разительно отличалась от лаконичной мебелировки дома и дешевой смесью синтетических материалов, и яркой расцветкой. Отломав подлокотники, за четверть часа сделал скамью. Пока перерывал мусор, нашел вполне приличную деревянную паллету. Прикинул, что можно будет отобрать доски и смастерить атлетическую стойку для штанги.

С удовольствием я потренировался до тянущей ломоты в мышцах, а убедившись, что Леста еще не вернулась, поужинал. Вновь спустился в подвал, откопал парочку обрезков металлических труб, вогнал в них саморезы, нашел мешок с остатками цемента. Раствор бетона развел в пластиковом ведре, по центру вставил трубу. Через пару дней схватится, повторю то же самое с другой стороны, и будут у меня отличные гантели.

К строительным материалам в подвале отнесся философски. Сейчас не удивился бы, что предприимчивая захухря в какой-то момент лично решила залатать швы в каменном подвале.

На небосклоне появились первые звезды, и я начал тревожиться за Лесту. Слух и рога уловили ее приближение раньше, чем она

появилась на участке. Бесконечно уставшая, она выставила ладонь вперед, прежде чем я успел поздороваться.

– Льерт, что бы ты ни хотел мне сообщить, давай завтра, а? Я в душ и спать. Такой знойный день, силы закончились.

Глава 13. Ночной гость

Селеста Гю-Эль

Совесть мучила недолго – спать хотелось сильнее. Все-таки нехорошо было оставлять Льерта одного и запрещать ему куда-либо выходить... Да и поговорить надо и о ситуации с Гутрун, и о том, что через две-три недели я впишу в контракт его же имя и он станет принадлежать самому себе. Почему не сразу? Потому что переживаю насчет тех слов, которые говорил о нем первый маэстро. Гуманоиды так легко не расстаются с желанием умереть. Если оно имело место, необходимо выяснить причины. Может быть, я смогу чем-то помочь?

Ноги болели, на пятках образовались водяные мозоли, но я плюнула на это неудобство. Чтобы использовать заживляющий препарат, которым я намазывала язвы на теле Льерта, надо снова надевать халат, идти в гостиную... Мозоли так и так за ночь заживут. Для чистокровной цваргини это сущая ерунда. А вот крем-пастой для поддержания бежевого цвета кожи надо основательно пройтись по всему телу. Завтра, все завтра...

Я отключилась раньше, чем успела натянуть на себя одеяло.

– Леста... Леста...

Сознание качало на волнах сладкой неги. Тихий басовитый голос звал меня по имени и дышал возбужденно, часто и шумно. Хм, интересные у меня сны про мужчин, раньше только кошмары о Юдесе снились.

– Ты такая красивая малышка, так восхитительно пахнешь, у тебя такие мягкие золотые волосы...

Прикосновение чьих-то пальцев около ушной раковины заставило резко взбодриться: это не сон! Холодок страха змеей скользнул вдоль позвоночника.

– Хватит дрыхнуть, детка! Я покажу тебе небо в алмазах, ты будешь стонать и просить еще...

Резко распахнув глаза, всмотрелась в густые тени. Надо мной кто-то нависал. Кто-то огромный. От испуга, что неизвестный пробрался

в спальню, скрутило живот, в горле застрял колючий ком. Это же не Юдес? Он не мог меня найти! Нет-нет-нет!

Две или три секунды я лежала неподвижно, чувствуя себя пригвожденной к матрасу. Тело налилось свинцовой тяжестью. Крупный мужчина. Зрение, как назло, не хотело выцеплять личность того, кто знал мое имя. Имя? Он сказал «Леста», а не «Селеста»!

– Льерт? – голос вернулся раньше зрения.

– Зачем тебе этот захребетник? Еще секеры будешь тратить на какую-то контрактную харю. Я сделаю все бесплатно и обалденно, *влезу* столько, сколько ты захочешь...

Мрак наконец-то отступил, являя оливковое лицо, тяжелую нижнюю челюсть с клыками. Да это же средний сын Гутрун! Глупый орш! Нахлынуло облегчение, что это не Юдес, и возглас вырвался сам собой:

– Слава Вселенной, это ты, Оден!

– Я знал! Ты специально оставила калитку открытой! Я догадался, что это было завуалированное приглашение! – радостно воскликнул орш.

Меня обдало горячим дыханием, чужие руки торопливо заелозили по ночнушке, пытаясь нащупать край.

– Оден, что ты делаешь? – изумилась, очнувшись от навязчивого кошмара, будто меня нашли цварги.

Незванный ночной гость с шумным вздохом закатил глаза.

– Я о чем талдычу уже пять минут? Я все прекрасно слышал про твою проблему. Все понял, ты нашу матушку стесняешься. Не беспокойся, Гутрун ни о чем не узнает. Мы быстренько, делов-то! Ничего себе, у тебя завязок на ночнушке!

– погоди, Оден... – затараторила я, с нарастающей нервозностью осознавая, в какую историю вляпалась.

– Я все продумал. Денег не надо! Ну а «спасибо» потом своим пирогом скажешь, тем, с капустой и кроликом, – довольно заявил зеленый гигант, явно продвинувшись в войне с шелковой ночнушкой.

– Оден, стой же!

– А вот оршанки любят поговорить после, а не до, – проворчал незванный гость. – Ну что еще?

– Ты все не так понял, я не хочу! – торопливо выпалила, пока меня слушают, и попыталась вырвать край ночнушки из крупных

мужских пальцев.

– В смысле «не хочу»? – На бледно-зеленом лице отразилась смесь непонимания и глубокой мыслительно-аналитической работы. – Сама сказала, что наняла контрактника в доме маэстро! Я хуже, что ли?

В последнем вопросе явственно прозвучали нотки обиды.

Шварх! Что ж он такой непонятливый?!

– Сказала... Но он мне больше подходит... Ты посмотри на себя! Ты такой... орш! А я всего лишь человек! Давай ты сейчас встанешь с кровати и отправишься к матушке и мы сделаем вид, что ничего не было?

Оден нахмурился, в глазах-бусинах мелькнуло нечто, и я уже обрадовалась, что с меня слезут. Но рано.

– А-а, так ты боли боишься? – Великовозрастный детина понимающе-обрадованно закивал. – Да, матушка что-то говорила, что у захухрей все не по-оршански и лишняя штука рвется. На, кусай, если больно будет, только, чур, не до крови! – Осознав, что орш пытается всунуть волосатую ручищу мне в рот, я громко завизжала.

Сработали глубинные инстинкты. Оден с изумлением уставился на меня, но прежде чем успел что-то сказать, в спальне включился свет. Тело незваного сына соседки, вопреки всем законам гравитации, поднялось в воздух и со смачным звуком впечаталось в дверцу гардеробного шкафа. Она хрустнула, зеркальная поверхность со звоном осыпалась на пол. Льерт в одних пижамных штанах с распущенными волосами возвышался над стонущим оршем.

– А-а, мой но-о-ос, а-а, бо-о-ольно... – сиреной завыл тот.

– Леста, он тебе что-то сделал?

Каким-то образом в хаосе звуков я расслышала вопрос, заданный убийственно-холодным тоном. Серый взгляд рентгеном прошелся по моему телу, и я остро ощутила, что лежу на кровати практически голой. Шелковая ночнушка в ходе посягательств задралась, еле-еле прикрывая низ живота и бедра, ляпка упала с правого плеча. Почему-то огромного и глуповатого орша я не стеснялась ничуть, а взгляд Льерта заставил язык присохнуть к нёбу. Время будто замерло. Бесконечно долго мы смотрели друг на друга. Где-то подвывал и всхлипывал Оден, а я не могла отвести взгляд или что-то ответить, загипнотизированная серыми омутами.

Льерт первым моргнул и отвернулся. Увидел халат, который я с вечера бросила на спинку кресла, и протянул мне, не оборачиваясь:

– Леста, оденься, пожалуйста. Сейчас решим, что будем с ним делать.

– А-а, ты мне нос сломал!.. – вновь завел свою песнь зеленокожий.

– Скажи спасибо, что ничего другого не сломал! – зарычал Льерт так низко, что даже я испугалась этого звука.

Орш замолчал, оглушительно хлюпнул носом и прогнусавил:

– Ну она сама наняла тебя как ночного мотылька! Чего сразу драться-то? Тебе жалко, что ли? Я по доброте душевной за пирог с кроликом хотел...

Льерт посмотрел на меня так, что захотелось провалиться сквозь землю. Нет, в другую галактику. Можно даже нестабильным туннелем. Главное, побыстрее.

Расщепите меня на атомы... Так стыдно мне никогда не было!

– Льерт, отпусти его, пожалуйста, – хрипло пробормотала, уперев взгляд в собственные подрагивающие кисти. – Я все объясню.

Льерт Кассэль

Леста давно скрылась в спальне и, судя по звукам, уснула, а я караулил ночное небо. Созвездия одно за другим всплывали на чернильном небосклоне. Идеальный светящийся ромб спутников Оенталя переместился вдоль горизонта и чуть вытянулся. Небесные тела вышли из перицентра орбитального резонанса. Лежа на траве, я рассматривал созвездия, мысленно рисуя перед собой звездную карту этого сектора. Нас учили, что хороший капитан должен знать все карты галактик наизусть, если он собирается через них путешествовать, вне зависимости от того, насколько точным и современным навигатором оснащен корабль.

Слух уловил скрип калитки. Приподнявшись на локтях, с удивлением заметил громоздкую фигуру орша, крадущегося к дому. Вор? Первой мыслью было незаметно подобраться по траве и скрутить

наглеца, явившегося в гости среди ночи, но я одернул себя, прислушавшись к эмоциональному фону мужчины. Он был возбужден. Ничего плохого не замышлял, культурно зашел через калитку, а не перелез через забор. Очевидно, Леста дала ему ключ. Слащавые эманации предвкушения удовольствия так фонили от орша, что я поморщился.

Глухое раздражение неприятно садануло в груди. Значит, мужчина ей не нужен, а как любовника звать, так пожалуйста. Да еще среди ночи, чтобы никто не узнал! Почему? Или у него есть обязательства перед другой девушкой? Как Лесте могут быть приятны такие отношения?! Прищурившись, наблюдал, как здоровенная фигура поднимается по ступенькам и скрывается за дверью. Шумно выдохнул, только сейчас осознав, что, пока чужак был в поле видимости, я даже не дышал.

«Тебя это не касается, Льерт. У Лесты может быть личная жизнь, и тебе в ней не место».

С усилием перевел взгляд на звезды, запоминая расположение, но, поняв, что могу ткнуть в небо с закрытыми глазами и сказать, где какое тело, рассудил, что пора ложиться спать. На пороге дома замялся. Войду в гостиную, а дальше что? Со слухом цварга буду слышать каждый шорох и стон, и наверняка эмоции этой парочки будут проникать за стены. Шварх, неохота идти внутрь. Замер в нерешительности, и в этот момент услышал женский визг.

Тело действовало по инерции, не задумываясь. Скользнуть в спальню, отшвырнуть орша от девушки, убедиться, что ей не сделали больно. По рассеянным бета-колебаниям с ужасом осознал, что кардинально ошибся насчет Лесты. Ее эмоции пахли враждебностью, испугом, изумлением, но никак не желанием. Даже по позе было понятно, что до появления незваного гостя она спала! Оден явно рассчитывал застать захухрю одну в постели и доме, вот же подлая скотина! Ярость мгновенно закипела в крови, руки зачесались избить орша, но дальше началась полнейшая комедия абсурда...

Глава 14. Скользящие во времени тени прошлого

Селеста Гю-Эль

Я устало закрыла дверь за рыдающим Оденом, поглубже запахла халат, с громким вздохом оперлась на створку. Одного выпроводила, надо разобраться со вторым.

Льерт бродил по гостиной, как запертый в клетке хищник. Когда он доходил до стены и с удивлением осознал, что дальше идти некуда, резко разворачивался. Его длинные волосы плотной золотисто-бежево-карамельной массой взметались вверх и оплетали плечи, шею, обнаженную спину и грудь. Затем мужчина делал ровно тринадцать стремительных шагов, набирая скорость, упирался в противоположную стену и вновь разворачивался.

Несколько минут в гостиной царил тишина. Набравшись храбрости, все же произнесла:

– Льерт, послушай, мне очень стыдно... Это моя вина. Я очень устала и, видимо, не закрыла калитку, там еще и замок сломан. На Оентале открытая дверь на участке – фактически приглашение в дом. И еще он не так все понял насчет тебя... – Мужчина ничего не спросил, бросил на меня нечитаемый взгляд, сжал кулаки до побелевших костяшек и вновь заметался по гостиной. – Если ты злишься из-за «ночного мотылька», то не бери на свой счет. Я должна была предупредить тебя... Соседка очень навязчивая, расспрашивала меня, ну я и лягнула, что приобрела контрактника.

– Ты понимаешь, что случилось бы, если бы меня здесь не было?! – резко остановившись и перебивая, зарычал Льерт.

Я удивленно замолчала. Так он злится не из-за статуса «ночного мотылька»?

– Все было бы нормально, Оден – сын соседки...

– Да не было бы нормально! – практически заорал Льерт, а я от потрясения осела в ближайшее кресло. – Если бы меня не было в доме... то... то... – Он набрал воздуха и резко выдохнул через нос. –

Еще скажи, что завтра не пойдешь в местные органы власти и не напишешь заявление на этого подонка!

– Не напишу...

– Почему?!

Вселенная! Как ему объяснить, что лично для меня это небольшое недоразумение? Ну да, неприятное, но не катастрофа же! В конце концов, определенная доля вины в этой ситуации моя, орши – это всего лишь орши. Прямолинейные и простоватые настолько, что по нормам Цварга будут считаться невоспитанными хамами. Глуповатые, медлительные, но не злые. Обошлось, и ладно. Не было бы Льерта, я бы пнула Одена и физически донесла, что не хочу интима. Насиловать он меня не собирался. Зато пристальное внимание оентальских следователей может обернуться для меня настоящей трагедией.

– Леста, какого шварха ты не хочешь делать элементарное?! В моем родном Мире за такое пожизненно наказывают... – распаялся мужчина.

– Мы на Оентале, а не на твоей родине. С учетом нерабочего замка на калитке, повторюсь, мое заявление никто не воспримет всерьез. И ссоры с соседями мне не нужны. Ты и так сломал нос Одена. Думаю, он прекрасно понял, что поступил неправильно. Льерт, успокойся, пожалуйста!

Секунду-другую он буравил меня негодующим взглядом. Ноздри широко раздувались, на жилистых руках и крепкой шее проступили вены от напряжения. В жизни не видела, чтобы кто-то столь неистово желал отмщения моему обидчику.

– «Успокойся»?! Ты вообще понимаешь, как я за тебя испугался?! И если ты не собираешься ничего делать с этой ситуацией и считаешь, что все нормально, не смей мне больше говорить, что прекрасно живешь на этой планете без защитника! Поняла?!

Потрясенно моргнула. Вообще-то, должна была испугаться я, но выходил из себя почему-то мой полуконтрактник, знавший меня без году неделю.

– Поняла.

– И если уходишь одна, то отныне домой возвращаешься до темноты! А если не хочешь видеть меня рядом с собой, то как минимум берешь электрошокер. Поняла?!

Еще более ошеломленно кивнула. В голове мелькнула идиотская мысль, что стоит пересмотреть документы и определиться, кто чей контракт купил. Ощущение, что это я его полуконтрактница, а не наоборот. Что с ним происходит?

Мое молчаливое согласие неожиданно успокоило Льерта. Он шумно выдохнул, закрыл ладонями лицо и силой потер его.

– Прости, Леста! Просто этот случай... – он остановился боком ко мне и смотрел не на меня, а на голую стену перед собой, – напомнил мне о невесте.

– У тебя есть невеста? – пораженно переспросила.

Не то чтобы я считала Льерта уродом, у которого не может быть девушки, наоборот, при внешней сухощавости в нем чувствовались сила, стать и огромная, чисто мужская энергия. Просто до сих пор он не упоминал, что у него кто-то есть...

– Была, – коротко бросил собеседник, прерывая мои внутренние мыслительные метания. – Она умерла. По моей вине.

На позорную долю секунды подумалось, что Льерт поступил со своей невестой, как Мартин со мной. Неужели он вмешивался в ее сознание и ментально день за днем корректировал, заставляя поступать так, как хотелось ему? Но я отбросила эту мысль. Льерт не цварг, и рога у него выглядят по-другому, он физически не смог бы...

Я смотрела на сгорбившегося мужчину, опустившегося на сиденье напротив меня, и с кристальной ясностью понимала, что вот она, причина, по которой он хотел умереть, как сказал маэстро. Просьба вырвалась сама собой:

– Расскажи мне.

Льерт перевел на меня абсолютно пустой взгляд. Неполную минуту он молчал, затем пожал плечами.

– Почему бы и нет. Меня и так презирают сородичи. Гуманоидом больше, гуманоидом меньше... Ее звали Фьенна. Она была прекрасна, всегда задорно смеялась, ее смех напоминал перезвон весенних колокольчиков у нас в предгорье. Мы были обручены с детства и знали, что поженимся.

– Так любили друг друга? – непроизвольно переспросила.

Меня восхищали подобного рода пары на Цварге. Это какая же должна быть искренняя любовь, чтобы с годами становилась лишь сильнее!

Льерт кивнул.

– Я безумно ее любил. В день нашей помолвки она взяла с меня клятву, что я выполню три ее любимых желания.

– Романтично... И что же это были за желания?

– Первое она загадала сразу после помолвки. Потребовала, чтобы я сделал все что угодно, но изловчился так, чтобы на нее никто не давил с браком. Чтобы она могла несколько десятков лет ходить в статусе невесты. – Шероховатая горечь осела на языке. Да уж, «заботливая» невеста... Словно поняв, о чем я думаю, Льерт с извиняющимися интонациями добавил: – Леста, представители моей расы живут намного дольше, чем захухри. Поверь, двадцать или тридцать лет – совершенно нормальный срок, чтобы отложить свадьбу. Моя семья была... достаточно известна. А ей не хотелось лишнего внимания к своей персоне, вот и все. Наши отношения от этого не изменились.

Я задумчиво кивнула. Если так, то можно понять. Я сама отдала бы все на свете, чтобы отложить брак с Мартином как можно дальше, вот только я его никогда не любила. Опять же, если речь идет только о социально-общественном статусе и на реальных отношениях не сказывается, секс до брака не осуждается, то и до конца жизни можно проходить в невестах.

– Вторым желанием Фьенны было, чтобы я не давил на нее и не указывал, что ей делать, – продолжил Льерт, не подозревая о моих мыслях.

– А третье? – спросила машинально.

– А третьего не было. Не успела... – Льерт прикрыл веки, помолчал, затем все же продолжил: – Фьенна переживала, что ее запирают на планете, и выпросила через родителей статус младшего атташе. А благодаря тому, что я официально считался ее женихом, устроилась работать на тот же корабль, где служил я.

– Так ты был военным?

Льерт Кассэль

Я рассказывал нашу с Фьенной историю и ожидал, когда на лице Лесты проступит неприязнь. Но ее все не было. Девушка задумчиво хмурила носик, думая, что я не замечаю, и задавала вопросы, от которых хотелось завывать.

– Так любили друг друга?

В груди кольнуло ледяной иглой. Что я мог ей ответить? Что благодарил судьбу за то, что послала мне женщину с высоким процентом совместимости? Боюсь, Леста никогда не сможет понять специфику отношений и менталитета цваргов с нашей Планетарной Лабораторией, чьи заключения приравниваются фактически к закону. По каким-то необъяснимым причинам Фьенна выбрала меня, сделав самым счастливым цваргом на свете.

Уже после помолвки, когда невеста озвучила свое первое желание и честно сообщила, что не слишком хочет выходить замуж, я понял, что с ее стороны это лишь легкая симпатия на фоне многолетней дружбы. Конечно, можно было отказаться. Все отменить. Сообщить, что передумал и, несмотря на высокий процент совместимости, буду искать другую женщину. Но... Во-первых, в глазах общества я был бы последним идиотом, а во-вторых, и самых важных, я уже дал слово Фьенне, что буду ее защищать. Какой был бы из меня мужчина, если бы я не защищал интересы девушки, которая обратилась за помощью? Пускай и призналась во всем лишь после помолвки...

На вопрос Лесты ответил честно. Я действительно любил Фьенну как безумец и был готов ради нее на все. Вступить в отношения, имея только призрачный шанс, что когда-нибудь она полюбит меня в ответ, и высокую вероятность, что детей у нас все же не будет, потому что они рождаются после близости. Фьенна же ясно дала понять, что не позволит к себе прикоснуться.

Ввиду моих заслуг перед Аппаратом Управления Цварга я смог добиться, чтобы нам разрешили отложить свадьбу на неопределенный срок. С просьбой назначить Фьенну на «Сверхновую» тоже проблем не возникло. Планетарная Лаборатория, услышав, что я хочу проводить больше времени с невестой, тут же дала согласие. Я несколько раз пытался донести до любимой степень опасности, которой она подвергнется на военном корабле, но она наотрез отказывалась меня слушать, ссылаясь на то, что я нарушаю клятву не давить на нее. Заладила, что хочет путешествовать, увидеть другие Миры и чудеса

космоса. Слова о том, что «Сверхновая» в первую очередь является разведывательным кораблем военно-космических сил Цварга и в случае войны может оказаться в эпицентре событий, всерьез не воспринимала, посчитав, что я занимаюсь увеселительными прогулками.

– Так ты был военным? – в воспоминания вмешался голос Лесты.

С удивлением понял, что она внимательно слушает, ей действительно не все равно. Странная девушка. Какой-то части меня хотелось похвастаться, что я был не просто военным, а капитаном разведывательной яхты, оснащенной последней версией лазерных установок, и по совместительству одним из лучших пилотов. Но эта информация потянула бы за собой ряд вопросов, а потому я коротко ответил:

– Да. Был. Наша планета на тот момент вышла на контакт с обитаемым Миром из системы Бетельгейзе...

– Траски, что ли? – удивилась Леста, а я поразился осведомленности собеседницы.

– Да. Вот уж не знал, что на Захране преподают историю других Миров. Мне казалось, что образование людей крутится только вокруг их планеты.

Девушка неопределенно пожала плечами.

– Да с ними кто только не воевал в свое время. Странно такое не знать.

И то верно...

– Как ты, наверное, догадалась, наш корабль был ближе всего к системе Бетельгейзе, когда траски решили внезапно выйти на переговоры. Фьенна изъявила желание посмотреть на их планету и, будучи младшим атташе, настояла, что возьмет запасную шлюпку. Курс корабля, на котором мы летели, был согласован с руководством, от него нельзя было отклоняться. В тот момент в секторе фиксировались значительные помехи. Я не мог достучаться до вышестоящих чинов, чтобы изменить маршрут, а до нас, в свою очередь, не дошло сообщение с родины, что рептилоиды несколькими часами ранее уже нарушили мирный договор. Переговоры, о которых сообщили траски, оказались уловкой. Эти сволочи открыли огонь и по касательной заделали шлюпку Фьенны плазменным лучом.

– Но ты же был не виноват! – изумилась Леста так искренне, что захотелось горько расхохотаться.

Не виноват? В том, что, будучи капитаном корабля, допустил смерть собственной невесты? Что у меня не хватило сил настоять, чтобы Фьенна осталась на борту, потому что она взяла с меня клятву не воздействовать на нее? Не виноват в том, что не остановил её?! Что, в конце концов, как капитан корабля мог просто заблокировать все шлюпки?.. Да я был виноват во всем!

– Мои сородичи признали меня виновным и определили на астероид. Леста, поверь, я *был* виноват.

– Но как же так... – Она прикусила губу и исподлобья посмотрела на меня. – В чем тебя обвинили? Не понимаю. Чтобы отослать на астероид, даже в самом отсталом мире должен быть суд...

– В военное время все решается быстро.

Не стал добавлять, что цварги в первую очередь ориентируются на бета-колебания, а я чувствовал за собой колоссальную вину перед Фьенной. Я не уберег ее и не смог спасти. В конце концов, предчувствуя беду, я нарушил непреложный пункт Устава ВКСЦ, что капитан не должен покидать свой корабль, бросил «Сверхновую» на заместителя и на запасной шлюпке рванул к Фьенне, только поздно... Я соврал Лесте: третье желание было загадано, но его я выполнил по-своему.

– *Льерт, умоляю... убей меня.*

Я держал истекающую кровью Фьенну на руках и не мог поверить в то, что случилось. Огромный осколок торчал из ее живота, и она умирала на моих глазах. Я это видел, чувствовал. Ее жизнь уходила, как уходит солнечный ветер сквозь пальцы. Организм регенерировал, но недостаточно быстро, в итоге лишь продляя агонию. Эмоции бесконечной боли заполнили узкую кабину шлюпки.

– *Нет! Что ты говоришь, ты будешь жить!*

Я ощущал себя последним куском дифрена. Зачем? Зачем отпустил ее на эти переговоры?! Я буквально зарычал на девушку, но в ответ она блекло улыбнулась растрескавшимися губами.

– *Льерт... ты был чудесным другом все эти годы. Но мне больно... я устала бороться. Просто убей меня.*

Она цеплялась за меня, зажмурившись, а я малодушно не мог это сделать. Положил руки ей на грудь и колебание за колебанием забрал

ее боль себе. Впервые в жизни воспользовался ментальными способностями и изо всех сил, что у меня были, внушил ей, что она счастлива. Все то время, что жизнь алыми точками выходила из ее раны, я внушал, что это один из лучших дней ее жизни. Обманывал. Пользовался своими способностями, хотя обещал никогда этого не делать.

Когда нас нашли сородичи, вердикт был однозначным: цваргиня – высшая ценность расы – умерла. Никто не вспомнил про нарушение военного Устава. Труп женщины на моих руках. Колоссальные эмоции раскаяния в воздухе. Что еще нужно для вынесения приговора в военное время? На Цварге есть негласный закон: если присяжные по эмоциональному фону чувствуют вину подозреваемого, на факты уже не смотрят.

– Леста, пойми, по законам родины мои действия приравниваются к убийству. И мне до сих пор стыдно перед Фьенной, что я не смог ее уберечь. Если бы я мог вернуться в прошлое...

Я был готов, что Леста отреагирует так же, как Патрик или Ален: начнет орать, что я ничтожество и недостойн называться цваргом, раз не в состоянии уберечь одну-единственную женщину. Но захухря неожиданно закидала меня вопросами:

– И что бы ты сделал? Силой скрутил бы ей руки и пристегнул наручниками к вентиляции в каюте? Или отобрал документы атташе, позволяющие покидать «Сверхновую» на отдельной шлюпке? Что?!

– Настоящий мужчина придумал бы выход!

Я вздрогнул, когда Леста вихрем взвилась с кресла, решительно пересекла небольшое пространство и занесла руку. Удар сердца. Смежил веки, ожидая обжигающей пощечины. Привычной боли. Любая цваргиня имеет право дать пощечину мужчине, не объясняя мотивов поступка, хотя, как правило, все понятно без слов. Фьенна однажды хлестко ударила после того, как я ее поцеловал, не спросив разрешения.

Я стойко ждал боли. Секунду, другую...

Внезапно диван рядом прогнулся, меня крепко сжали, что-то гладкое и прохладное коснулось предплечья, а груди – мягкое, нежное и теплое. Я изумленно распахнул глаза. Леста сидела неприлично близко, ее бедро касалось моего, шелковый халат был единственной преградой между нашими телами, но самое главное – девушка щекой

прижималась к моей груди и так крепко обнимала, что я почувствовал себя... странно.

Замершее в ожидании пощечины сердце сорвалось в спринтерский забег. Яркий аромат эдельвейса раскрылся в воздухе свежим цветком, захотелось дышать полной грудью. Леста пахла восхитительно, и я замер, боясь ее спугнуть. А еще почувствовал себя вором, которому объявили амнистию, вместо того чтобы высечь за проступок.

Что я сделал? Почему она меня обнимает? Даже Фьенна никогда не обнимала... Я могу обнять в ответ? Надо ли спросить разрешение?..

Горячее дыхание и золотистые волосы Лесты едва заметно щекотали кожу и покалывали статикой. Как шерстка котенка. Девушка дышала шумно, часто и поверхностно.

«Ангелы не должны так дышать...»

Поколебавшись, все-таки поднял руки и мягко обхватил Лесту.

Селеста Гю-Эль

Еще никогда в жизни я не жалела о том, что не родилась со способностями цварга! И дело не в том, чтобы противостоять Мартину или на его же шкуре объяснить, насколько это отвратительное, болезненное и противное ощущение, сродни тому, как шершень раз за разом вонзает в основание черепа пылающее жало. Когда тебе постоянно навязывают что-то, чего ты не хочешь. Больше всего на свете мне хотелось обладать хоть каплей ментального воздействия, чтобы передать Льерту, что я его поддерживаю и всецело сопереживаю его горю.

Не надо иметь сверхчувствительные рога цварга, чтобы понять, что он грызет себя из-за смерти невесты и до сих пор чувствует вину перед ней. Я бы никогда не поверила, что такой мужчина, как Льерт, по своей воле сделал то, что ему вменили в военное время! Чувствовала, что он что-то недоговаривает и упрощает, что, вероятно, законы его родины сложнее, чем мне кажется, но действия, которые

приравняются убийству? Нет. Точно нет! Взять хотя бы то, как сильно разволновался он из-за проникновения Одена в мой дом.

Я поддалась порыву обнять Льерта, потому что внутренний голос считал это правильным. Возможно, жизнь вне Цварга сильно изменила меня, но прямо сейчас, в эту секунду, я остро почувствовала, что ему это нужно. *Мне* нужно. Хотелось поделиться теплом. Заботой. Внутренней энергией.

Щека к мужской обнаженной горячей груди. Кожа к коже.

Вопиюще неприличный жест для чистокровной цваргини! Постыдное действие, потому что женщины не имеют права вторгаться в личное пространство мужчины и навязывать чтение своих бета-колебаний. Но такое простое и правильное для обычной человеческой девушки с Захрана.

– Ты знаешь, Льерт, нормы и законы вокруг нас настолько разбалансированы, что неразумно ориентироваться на чье-то чужое мнение и заключение. Главное – наши внутренние установки.

Мужчина чуть отстранился и внимательно посмотрел мне в глаза. Нахмурился.

– Хочешь сказать, что не считаешь меня виновным? Леста, ты удивительная девушка, но пойми: я считаю себя виновным. Этого достаточно.

– Селеста.

– Что?

– Меня зовут Селеста. Леста – это сокращение, и оно мне не очень нравится, просто так зовут меня на Оентале. Когда мы вдвоем, можешь называть меня Селестой.

Глава 15. Глиняный рынок

Селеста Гю-Эль

Я позорно проспала все, что только можно, – проснулась ближе к вечеру следующего дня. Внезапный визит Одена, тяжелый разговор с Льертом, который не давал мне покоя и держал в странном состоянии полуяви-полудремы, когда вроде можешь думать, но разлепить веки или подвигать пальцами – тот еще подвиг...

Было что-то в истории полуконтрактника, что не позволяло уставшему организму провалиться в глубокий сон. Я списала все на тоскливую зависть к неизвестной девушке. Если бы Мартин относился ко мне хотя бы наполовину так, как Льерт к Фьенне, если бы не давил, не внушал, не требовал, не запрещал... Кто знает, вероятно, я сейчас счастливо жила бы в нашем особняке на берегу Ясного моря.

Когда заспанная и немного помятая вышла из спальни, даже засомневалась, а не приснилась ли мне эта ночь. Льерт сидел в гостиной в чистой одежде, бодрый, с влажными после душа волосами. Он собрал их в хвост, а его пропустил еще раз через резинку, чтобы волосы не мешались и капли не падали на плечи. Я поймала себя на том, что приноживаюсь к приятному травянистому аромату, исходящему от мужчины. Неужели это я купила такой гель для душа?

Льерт широко улыбнулся и сообщил, что, пока я спала, он починил калитку.

– Как? – Хлопнула ресницами, пытаюсь сообразить, как он смог это повернуть. – Там же проводка повреждена.

– Установил новый аккумулятор. Теперь запорный механизм работает автономно, – заявил мужчина так, будто каждый день подрабатывал электриком.

– Эм-м-м... – промычала, не зная, что сказать. – А где ты взял аккумулятор?

– Купил на базаре, пока ты спала. Ты говорила, что будешь не против, чтобы я выходил на улицу, когда полностью выздоровею.

В последней фразе я почувствовала нотку укора. Щеки потеплели. Шварх! Наверное, еще вчера должна была сообщить, что снимаю запрет на перемещение. И надо разобраться с его контрактом. Мысли о нем заставили застонать.

– Шва-а-а-арх, я же должна была приготовить завтрак и обед...

Светлые брови мужчины взлетели на лоб.

– Что? «Должна»?

– В договоре, сказано, что хозяин обязуется предоставлять еду трижды в сутки и спальное место.

Внезапно Льерт запрокинул голову и громко рассмеялся. Впервые за все наше знакомство я услышала его заразительный смех. Мне тоже захотелось улыбнуться.

– погоди, Селеста, как ты можешь серьезно относиться к контракту, если первое же, что ты сделала, когда купила меня, – это сняла наручники?

– Как-как, – развела руками. – Это же документ, который действителен на Оентале. Разве нет?

– Действителен. Даже во всем секторе космоса, как я думаю. Но он в первую очередь защищает интересы хозяина, чтобы к нему не было претензий как к рабовладельцу. С точки зрения развитых Миров, где нет рабства, это разновидность договора, которая предлагает услуги одного гуманоида другому за какие-то блага. Стандартные «контрактники» предлагают услуги за строго определенное вознаграждение в денежном эквиваленте с ограниченным сроком оказания этих самых услуг. «Полуконтрактники» работают за еду. Для Федерации Объединенных Миров, если хозяин вдруг окажется ее гражданином, этот договор будет отмазкой или чем-то вроде бумажки: «Смотрите, какой я молодец, кормил гуманоида из отсталого мира». Повторюсь, все это придумано так, чтобы юридически утрясти неблагоприятные нюансы. Оенталь позиционирует себя как радушная планета без виз на влет и вылет, к тому же она соседка Федерации. Ввиду многообразия проживающих здесь рас и традиций местным властям необходимо было придумать что-то, чтобы Федерация смотрела сквозь пальцы на периодически встречающееся рабство в соседнем секторе космоса. – Льерт говорил, и искры веселья плясали в его серых с тонкими зелеными прожилками глазах. – Уверяю, ты вообще ничего мне не должна. Ни завтраков, ни обедов, ни ужинов,

хотя они безумно вкусные, и я бы не отказался от твоей готовки, даже если бы это угрожало мне ожирением. Эта бумага вообще не касается наших с тобой отношений.

– Отношений? – эхом отозвалась, напрягшись.

– Я имел в виду, что живу в твоём доме до тех пор, пока ты не найдёшь себе достойного защитника. – Каким-то чудом уловив, что мне не понравилось последнее слово, Льерт мгновенно стал серьёзным. – Жениха, мужа или профессионального телохранителя – неважно. Или ты переедешь на планету Федерации с низкой преступностью. Не пойми меня превратно.

«Никогда, что ли?» – мелькнула шальная мысль, но я машинально пробормотала:

– Поняла. – Льерт удовлетворенно кивнул и неожиданно высыпал на стол горсть монет. – Что это? – Так удивилась, что у него есть деньги, что не сразу осознала, как глупо прозвучал мой вопрос.

– Деньги, – спокойно ответил собеседник. – Здесь десять секкеров. Я говорил тебе, что все верну. Возвращаю.

Откуда они у него? Вселенная, я точно проспала всего лишь полдня, а не полмесяца?!

– Но... тут больше, чем мы оговаривали.

– Так я еще и ем тут, и живу. – Льерт пожал плечами, словно эта оплата сама собой разумелась, и вышел из гостиной.

Льерт Кассэль

После того как наглый орш влез в спальню к Селесте, я дал себе слово, что буду рядом, пока это возможно. Неважно, зачем она купила полудохлого раба и на какую помощь рассчитывала. Как бы рьяно Леста ни отрицала это, ей нужна была чья-то защита. Оенталь совершенно не то место, где хорошенькой девушке с Захрана можно жить в одиночку и надеяться, что ничего не случится. Просто чудо какое-то, что до сих пор у нее ни с кем не возникло проблем. Стоило вспомнить тех подозрительных личностей, которые вечно отирались у Аюра, и не хотелось никуда отпускать Селесту одну. А еще

настойчивое желание не связываться с властями Оенталя... Она что-то скрывала от меня и точно нуждалась в помощи. Селеста уже клевала носом, когда принялась расспрашивать, как я оказался в рабстве. Пересказывать свои скитания не хотелось, но не потому, что не доверял. Маленькая храбрая девушка с Захрана отреагировала на историю о Фьенне загадочным образом, совсем не так, как мои сородичи. Не накричала, не выставила за дверь, обняла. Воспоминания об объятиях вызывали волну приятных мурашек по телу, горячее дыхание на груди и еле уловимые эманации, теплом и свежестью растекающиеся по телу. «Льерт, ты конченный извращенец, если надеешься, что в объятиях был какой-то подтекст. У большинства рас Федерации они считаются выражением поддержки. Для нее это ничего особенного», – строго осадил себя, заставляя отвлечься от воспоминаний о прошедшей ночи.

И все же реакция девушки одновременно грела душу и немного пугала. Слишком искренняя. Слишком доверчивая. Слишком... другая. Даже имя свое настоящее сообщила. Селеста. Я медленно покатал на языке три слога, удивляясь, как идеально оно подходит девушке.

Се-лес-та.

Мягкое, но звонкое, как хрусталь или муассанит. Прозрачное и чистое. До сих пор думал, что такие имена встречаются лишь на Цварге и Эльтоне, ан нет, и у людей такое имя есть.

Вчера вечером я поднял сонную девушку на руки и отнес в постель. Заплетающимся языком она требовала рассказать, как оказался в рабстве, но я сосредоточился на ее колебаниях и забрал всю тревогу себе, чтобы она поскорее уснула. Не воздействовал ментально, не пытался навеять сон, просто вобрал лишнее беспокойство, причиной которого стал сам.

Зачем Селесте знать, что несколько десятков лет я провел в тюрьме на радиоактивном астероиде? В качестве наказания за смерть Фьенны меня обязали шестьдесят лет добывать золото в шахтах. То ли короткая стремительная война вычеркнула массу имен из списка живых, то ли никому не было до меня дела, но не освободили меня ни на шестьдесят первый год, ни на шестьдесят второй... А умников, заявляющих, что их сослали на астероид незаконно, – каждый второй. На шестьдесят третий год заключения звездопроходцы напали на наш участок, решив, что золото и несопротивляющиеся заключенные будут

легкой добычей. Завязалась перестрелка, большинство охраны и каторжников убили.

Меня взяли на корабль пиратов просто потому, что повезло. Или не повезло, тут как посмотреть. Рептилоиды, организовавшие налет на шахты, прихватили выживших, рассчитывая на послушных рабов. К тому моменту из-за радиации моя кожа потеряла привычный фиолетовый цвет, глаза и волосы выцвели. Только хвост с шипом и остался. Пираты подумали, что я легко внушаемый смесок с малой долей цваргской крови, но их ожидал неприятный сюрприз. Кто-то из бывших заключенных поверил, что их освободили, и стал помогать рептилоидам грабить корабли и поселения мирных гуманоидов по доброй воле. Кого-то заставили, но были и такие, как я, кто до последнего отказывался служить им в этом грязном деле.

За неповиновение мне ампутировали хвост, но даже это не заставило меня пересмотреть основополагающие ценности. Многочисленные шрамы и гематомы на теле раз за разом зарастали, и это бесило жирного капитана звездопроходцев еще сильнее. В какой-то момент он не выдержал и приказал команде избавиться от меня. Но хитрющий рептилоид по имени Рокри предложил идею расплатиться мной и еще парочкой захваченных каторжников за услуги маэстро душ и желаний, и я оказался у Аюра.

Стоило ли рассказывать всю эту грязь Селесте? Мне не хотелось, чтобы она лишней раз нервничала. И жалости не хотелось. Достаточно, что я рассказал о Фьенне.

Я проснулся по привычке на рассвете и первым делом занялся злосчастной калиткой. Запорный механизм временно был переключен на открывание и закрывание металлическим ключом, но в оригинале был снабжен программируемым чипом и экраном, как стандартные двери в каютах на «Сверхновой». Встроенный сканер отпечатка ладони указывал на самую распространенную и надежную модель КХ-155. Вот только без электричества или автономной батареи замок не работал. Это на космическом корабле все можно запитать от ядерного реактора и не волноваться, а на Оентале любой шквалистый ветер – и прощай, электросеть. Неудивительно, что замок сломался. Нужен хороший аккумуляторный блок высокой емкости.

Пока я размышлял, как можно бывшему капитану разведкорабля с лицензией навигатора заработать деньги на полуаграрной планете,

ноги сами привели меня на базар, в ту часть, где торговцы раскладывали товар на прилавках. Раньше я здесь не бывал, но из обрывков фраз прислуги в доме Аюра знал, что помимо «элитной» части, где находились дома маэстро, существовал еще и так называемый Глиняный рынок, прозванный так за то, что каждую весну после сезона кислотных дождей местные возводили саманные лачуги и торговали всем, что накопилось за время ненастья. Прилавки, навесы и столы в кратчайшие сроки складывались из дешевого кирпича-сырца из песка, глины и соломы, накрывались пленкой, а сверху выставлялся товар. Здесь были и рукодельные предметы быта, и вязаная одежда, и стеклянная посуда, которую стеклодувы выдували за долгих три месяца кислотника, и редкие луковичные растения, а к столбам фермеры пристегивали недавно разродившийся скот.

Глиняная часть рынка существовала аккуратно со знойных дней лета и закрывалась с первыми действительно сильными ветрами. Вначале порывистые шквалы сносили навесы и прилавки, а с наступлением сезона дождей смывало и хлипкие временные хибары.

Шум и гам толпы, блеющие овцы и квохчущие куры в клетках, витающая в воздухе пыль и шерсть, глина и щебень под ногами, запах чеснока и птичьего помета, пота и дезодорантов многочисленных торговцев, нагретого солнцем песка. Таков был Глиняный рынок. На первый взгляд он не отличался от постоянной части базара, но располагался рядом с площадкой, заменяющей на Оентале космопорт, и время от времени здесь встречались прилавки с электроникой.

Каждый год кислотные дожди на Оентале заставляли врасплох кого-то из неудачливых космических торговцев. Коммерсанты по всей Вселенной жадны. Неудивительно, что в погоне за прибылью при короткой остановке на очередной планете многие экономили на аренде ангара и даже элементарной мембранной пленке и не успевали накидывать на свои челноки специализированную защиту. После сезона кислотника на таких кораблях стартовать уже нельзя, и в первые сухие месяцы на Глиняном рынке появлялись дырявые и прожженные листы, куски обшивки, разнообразные аккумуляторы, бортовые компьютеры, современные роботы для уборки кают и прочие комплектующие космочелноков. Откуда я это знал? Сложно, живя в доме маэстро – высшего по меркам Оенталя чина для торговца, не знать таких вещей.

Бесцельно бродя по базару и прикидывая, как можно заработать денег, наткнулся на сваленную, словно груды металлолома, гору батарей и... аккумулятор для запорного механизма КХ-155.

– Продам за пять секкеров всю кучу, – отвлек от созерцания чей-то голос.

Фигуристая девушка с нежно-зеленоватой кожей, внушительным бюстом, весьма тонкой для оршанки талией и очень милостивым личиком скучала, опершись на балку. Полукровка, что ли?

– Мне все не нужно, только это, – указал на аккумулятор.

Девушка на миг растерялась, но, тряхнув головой, ответила:

– Одна штука электроники за секкер.

«Штука электроники». И грустно, и смешно... Видимо, оршанка не понимает, чем торгует, иначе ценник был бы в разы больше. Это же новенький, снятый с двери каюты аккумулятор для КХ-155!

– Денег у меня, к сожалению, нет. Может, договоримся? – уточнил, раздумывая.

Если незнакомка выведет на хозяина электроники, возможно, я смогу взять у него и генератор электричества. Лишним в хозяйстве не будет. А уж с капитаном звездолета, думаю, смогу договориться...

Девушка неожиданно покраснела, зачем-то поправила кофточку на внушительном бюсте, оголяя соблазнительную ложбинку, хлопнула ресницами и промурлыкала:

– Обычно меня такие услуги не интересуют, но с тобой я с удовольствием. У тебя такая интересная внешность... Я заканчиваю помогать отцу на закате. Приходи.

На несколько секунд я подвис, переваривая фразу на неродном языке, и только через бесконечно долгую паузу понял, что подумала оршанка. Оенталь, чтоб его! Неужели на аграрных планетах секс – ходовая валюта?!

– Нет, я не это имел в виду. – Сдержанно улыбнулся, а личико незнакомки вытянулось от удивления и обиды. – Отведи меня, пожалуйста, к тому, кто дал тебе электронику. Это же с челнока кого-то из космоторговцев?

– Верно, – растерянно протянула девушка. – Тут с начала сезона дождей один застрял, вот за бесценок и сбавил отцу то, что ему не критически необходимо.

Последние слова оршанка произнесла, явно повторяя за кем-то. Аслог, как звали местную красавицу, проводила меня до ангаров, где в поту и отчаянии маленький пухлый шерлок пытался разобраться с многочисленными платами и проводами, сидя прямо на трапе челнока. Как же его сюда занесло?!

– Вот и я понять не могу, как занесло и почему никак не унесет! – пробурчало пушистое чудо на оентальском, а тонкие усики со второй парой глаз принялись внимательно разглядывать меня. – Аслог, ты чего его привела? – обратился шерлок к моей сопровождающей. – Я отдал всю электронику, которая мне не так нужна, и попросил единственное – новую плату для навигатора! Этот, – он кивнул в мою сторону, – на плату никак не смахивает.

– Я... э-э... он... сказал, что поможет.

– Чем?! – сердито буркнуло существо. Шерлоков относили к классу гуманоидов, но внешне они напоминали плюшевых игрушек – такие же шерстяные и смешные, шарообразные и с тоненьким голоском, напоминающим писк. – Он что, паяльщик? Плату мне с нуля сделает?!

Я дал Аслог знак, что она может идти, и произнес на общегалактическом:

– Меня зовут Льерт. Пяять платы я не умею, но наизусть знаю галактики Федерации и могу нарисовать и рассчитать путь до твоей планеты. Ты же с Тортуги?

Шерлок подозрительно прищурил четыре пары глаз – на голове и на тонких усиках-антеннах.

– Верно говоришь.

Я усмехнулся. Шерлоки – тоже в своем роде торговцы, только самым ценным товаром у них считается информация. Пока я рисовал карты и просчитывал маршрут для горе-путешественника, тот поделился со мной своей историей. Она повторяла историю большинства космических коммерсантов, с той разницей, что пушистик успел перегнуть свой челнок в ангар в первые же сутки кислотника. Внутренности корабля не пострадали, почти ничего не было повреждено, кроме бортового навигатора, неудачно расположенного за тонкой заслонкой пентапластмассы и металла. И все было бы ничего, если бы местные подсказали протереть корабль щелочью, но добрых гуманоидов не нашлось, а когда объявились,

было поздно. Весь летний сезон он пытался починить компьютер и таки улететь с Оенталя, а потом отчаялся до такой степени, что нашел местного продавца и поставил ему часть кухонной и бытовой электроники корабля.

Я справился с работой за пару часов, получил драгоценный аккумулятор, горсть секкеров, которые нашлись у шерлока, и внимательный рыжий взгляд напоследок.

– Льерт, ты точно со мной не хочешь? Стартую сегодня, задерживаться здесь мне без надобности. Могу с собой прихватить. Тем более Цварг по пути.

– Как ты узнал? – С легким изумлением уставился на странного путешественника-одиночку.

– Что я, побитых жизнью цваргов не видел? – Собеседник вздохнул, глазки-антенны заколыхались вправо-влево. – Не представляю, что должно было случиться, чтобы ты... – Он махнул рукой. – Повторяю вопрос еще раз: тебя прихватить с собой? Мне толковый навигатор лишним не будет, а не хочешь на Цварг – высажу на любой планете Федерации, где скажешь. По-моему, все лучше, чем это.

Шерлок выразительно окинул взглядом потрепанный ангар, частично уложенный искусственным камнем, частично – наливными полимерами, выдавшие виды трапы, стоящий вдалеке тягач на воздушной подушке. Последний неплох, но, будь космопорт оснащен хотя бы слабенькими гравитационными платформами, в нем не было бы необходимости.

Целый миг в голове крутились воспоминания о жизни у Аюра в сарае, о том, что на участке не было и половины вещей, к которым я привык на «Сверхновой». Даже не беря в расчет Цварг, где мне вряд ли обрадуются, то Тур-Рин, Танорг, Миттария или Тортуга – любая из планет лучше Оенталя. Только сегодня ночью я обещал сам себе, что останусь с Селестой до тех пор, пока она будет нуждаться в моем присутствии.

– Пойдем покажу тебе челнок? Тебе понравится, – искушающе продолжил шерлок, видя, что я засомневался.

– Прости, – покачал головой, – предложение хорошее, я его очень ценю, но... у меня здесь есть незавершенные дела.

– Ну как знаешь.

Вернувшись домой, установил аккумуляторный блок на калитке, бесшумно скользнул в подвал, потренировался, принял душ – все успел до пробуждения Селесты. Растерянная, встрепанная после дневного сна, она как никогда напоминала ангела. Селеста никак не могла понять, откуда у меня взялись деньги и что произошло, пока она спала. А когда осознала, что не готовила ни завтрак, ни обед для меня, карие глаза стали как блюдца, а на лице застыло изумленно-испуганное выражение. Не удержавшись, расхохотался. Впервые за много лет мне захотелось смеяться, глядя на девушку, чей аромат эмоций ассоциировался с белоснежными горными цветами Цварга, а у меня появилось четкое ощущение, что я поступил правильно.

Глава 16. Соседка

Селеста Гю-Эль

Однообразные летние дни закрутились, завертелись, как если бы расфокусировать зрение и смотреть на колесо в движении – не сразу и поймешь, вперед оно катится или назад. Так и дни походили друг на друга – жаркие, знойные, почти изматывающие. После прохладного Цварга, дождливого Тур-Рина и влажной Миттарии я все не могла привыкнуть к климату Оенталя.

Льерт больше не рассказывал о прошлом, молчал и о том, из какого он Мира, но жить с ним в одном доме оказалось неожиданно комфортно. Никогда бы не подумала, что скажу такое и пушу мужчину на свою территорию, но Льерт как-то умудрялся всегда быть рядом, когда требовалась его помощь, и не отвлекал, когда я занималась кулинарией или учила языки Федерации. Последнее – чтобы окончательно не заржавели мозги на полуаграрной планете. Ну а что еще делать? Доступ к брокерскому кабинету, финансовым расчетным инструментам и акциям, которые у меня имелись на Цварге, я оставила Мишелю, боясь, что по ним меня могут отследить.

В личный кабинет Межгалактического Банка заходила всего два раза. Полуцварг неплохо справлялся с ведением моих активов, большую часть средств оформил вкладом под хорошие проценты на несколько лет вперед. Я бы разделила суммы и часть вложила в рынки соседних Миров Федерации, чтобы в долгосрочной перспективе заработать больше, но Мишель выбрал самый надежный и стабильный вариант. Со счета ежемесячно снималась сумма на обслуживание особняка на берегу Ясного моря и на зарплату оставшемуся в нем жить персоналу. Сообщение Юдеса исчезло, как будто его и не было, что лишь добавляло тревоги. Угроза «найду тебя, чего бы это ни стоило» так и крутилась в голове всякий раз перед сном и портила настроение.

«Ну как он найдет тебя, Селеста? – сердито отвечала самой себе, взбивая подушку. – Деньги Гю-Эля ты не используешь, даже через банкоматы-анонимайзеры не снимаешь. Драгоценностей, правда, тоже

нет, но и крупных трат не предвидится. Образование финансового аналитика на Оентале можно спустить в утилизатор, но получается зарабатывать на жизнь кулинарией, значит, все будет нормально. Запасов крема, меняющего цвет кожи, хватит на пару лет, волосы и вовсе красить не надо, все-таки молекулярно-косметические процедуры на Миттарии – это волшебство. Чтобы догадаться, что ты цваргиня, а не захухря, надо или сделать анализ крови, которого на Оентале не существует, или знать тебя в лицо».

Льерт вел себя столь корректно, что я удивлялась, как могла посчитать его дикарем в первый день знакомства. Чувства такта у него было больше, чем у всех оршей вместе взятых. На следующий же день после событий с незванным ночным гостем он взял на себя обязанность разносить заказы, чтобы у меня было больше времени на готовку. Отказаться от любезного предложения я не смогла: между тем, чтобы слоняться по жаре с грудой контейнеров, и тем, чтобы в прохладе дома с удовольствием заниматься своими делами, выбор, разумеется, пал на второе.

Некоторое время меня грызла совесть, что я спихнула на Льерта самую неприятную работу, но быстро выяснилось, что полуконтрактник превосходно управляется со скутером и тратит на доставку от силы час. А в один прекрасный день вместо арендованного потрепанного транспортного средства он и вовсе приехал на шикарном новеньком спидере со смягчающей антигравитационной подвеской. На резонный вопрос «Откуда?!» хитрец лишь пожал плечами и, щурясь на синее солнце, сообщил, что удачно сторговался с одним из маэстро, который с какого-то перепугу решил, что спидер бракованный. Тот рвал на себе волосы, когда Льерт с легкостью завел транспорт, сняв тумблеры с предохранителей, но было уже поздно. Ни один уважающий себя маэстро никогда не отменит подписанный договор.

К фиктивной роли любовника мужчина отнесся неожиданно спокойно, никак не комментировал эту тему и вообще к ней не возвращался. Я же готова была провалиться от стыда сквозь землю, когда спустя почти месяц после случая с Оденом Гутрун решила лично заявиться ко мне домой за пирогами.

– Лесточка, детка, что же ты сама не заходишь, а лишь через своего контрактника передаешь? – с порога громогласно заявила коренастая орша, не здороваясь.

Меня осенило, что последний заказ соседке я так и не передала, оставив его в холодильнике. К слову, это был пирог с капустой и кроликом, полюбившийся ее среднему сыну.

– Сейчас отдам заказ, минутку.

– Ох, ну и хорош стервец! Поначалу я не поняла, что ты в нем там нашла, а сейчас смотрю, очень даже... – протянула Гутрун, а я чуть не уронила блюдо с пирогом.

– Прости, что? – пробормотала, оглядываясь на соседку.

Оказалось, что, пока я отходила к холодильному шкафу, орша встала около раковины и через окно неприкрыто пялилась на Льерта.

А тот в одних тонких низко сидящих спортивных брюках занимался обновлением забора на участке. Выкопал несколько глубоких ям и в этот момент огромным молотом вколачивал вертикальные сваи, к которым должна крепиться новая изгородь. Стальные мышцы на его жилистых руках и спине словно тросы двигались под загорелой кожей. Разноцветные волосы как обычно закрепил в высокий конский хвост, а затем пряди пропустил под резинку еще раз, чтобы не прилипали к мощным плечам. Пот блестящими каплями переливался в лучах солнца, подчеркивая фактуру кожи и мышечный рельеф, и от этого зрелища внутри рождалось что-то мучительно-тягучее и клейкое, как соленая карамель. Льерт нагнулся, чтобы закрепить опору, и мягкая ткань облепила его упругие ягодицы.

– Восхитительная задница! – воскликнула Гутрун, пожирая Льерта хищным взглядом. – Слушай, а он у тебя будто крупнее стал!

– Да ну, скажешь тоже, – пробормотала я, стараясь не смотреть на полуконтрактника, но было сложно оторвать взгляд от набухших широчайших мышц спины, когда он поднял молот, и от этого я злилась на себя еще больше.

«Селеста, прекрати! В конце концов, просто низко и невоспитанно так пялиться на мужчину. Ты леди или кто?..»

Смотреть на работающих без рубашек оршей, профессиональных наемников в доме маэстро или на торговцев с пивными животами на рынке могла сколько угодно, при этом мысленно морщась и фыркая. На каком-то глубинном уровне я давно запретила себе воспринимать мужчин... как мужчин. После смерти Мартина я тщательно возводила ледяной полог безразличия, ювелирно подгоняя кирпич за

кирпичиком, чтобы больше никто и никогда не смог втереться в доверие и заглянуть мне в душу – ни через щелочку, ни через трещинку.

Цварги – это зло. Мужчины – это опасность.

Стоит только впустить их в личную жизнь – жди беды.

Но с Льертом с самого начала все пошло как-то не так. Я не собиралась надолго впускать его на собственную территорию и просто пожалела полумертвого раба. Но не прошло и нескольких дней после знакомства, как он оклемался, встал на ноги, еще и выдвинул определенные требования. Повел себя как типичный *мужчина*. И вроде бы прошлое вдовы Гю-Эль с грузом опыта от первого брака обязывало возмутиться и запротестовать, но те же условия, чтобы я купила электрошокер и возвращалась домой до сумерек, оказались вполне разумными. Льерт не стремился ограничить свободу, лишь защитить; это чувствовалось во всем, что он делал. Взять хоть смену забора...

Приютив умирающего раба, я в итоге столкнулась с шокирующе неприятным открытием: я целый месяц живу с сильным, самодостаточным взрослым мужчиной. И за все время он не пытался навязаться в романтическом плане, только от осознания этого становилось лишь хуже. Все внутри начинало угрюмо и неразумно протестовать. Льерт работал на Глиняном рынке, развозил заказы, оставался предельно вежливым и корректным не только во фразах, но и в движениях тела, будто полжизни прожил на Цварге. Он не пытался вытащить меня из уютной скорлупы отчужденности, по дому всегда ходил в рубашке или футболке, а оголялся, лишь работая во дворе, но я уже несколько раз ловила себя на том, что мою посуду именно тогда, когда полуконтрактник занимается физическим трудом. И иррационально злилась на себя. В какой момент это случилось? Почему подсознание стало воспринимать Льерта как *мужчину*?! Неужели двадцать лет брака с Мартином меня ничему не научили?

– Ну точно в весе прибавил, у меня глаз наметанный! Ты специально так его загоняла, чтобы *покрасавше* стал? – Гутрун неустанно таращилась на Льерта.

Я поставила пирог на столешницу, достала пластиковый контейнер и раздраженно огрызнулась:

– Он работает! Перестань, пожалуйста, смотреть на него как на мороженое со взбитыми сливками!

Орша перевела взгляд на меня и многозначительно приподняла густые брови.

– Перестать смотреть? На такое?! – У нее даже голос изменился, стал грудным и вибрирующим. – Если бы твой контрактник был мороженым, я бы уже его съела. Теперь понимаю, почему ты моих мальчиков отшила, с таким горячим я бы и сама...

– Гутрун!

– Что? – Соседка удивленно и подчеркнуто невинно захлопала длинными ресницами. – А что, я вдова, в самом расцвете сил, мне можно. Кстати, когда у него срок договора выходит, не подскажешь? Я могу после тебя...

– Гутрун!!!

Чуть и второй пирог не уронила. Надо же, какая невыносимая заноза моя соседка! Как можно столь похабно обсуждать кого-то, будто он то ли бездушная скотина, то ли статуя, то ли безвольный раб?! Да еще и откровенные планы строить...

– Ну задница у него просто прекрасная! Слушай, а физическая работа в таком объеме ему не мешает? От этого его инструмент хуже не работает? А как часто по ночам...

– Часто.

Слово-щелчок-хлыста, брошенное низким мужским рыком, заставило Гутрун стремительно обернуться, а меня – мучительно покраснеть. Вселенная! Он все слышал... Шею, щеки и даже грудь опалило жгучим, как острый кайенский перец, стыдом. Кожу защипало, захотелось съежиться и стать незаметной. На миг показалось, что желание исполнилось, так как мужчина с обнаженным торсом, прищурившись и облокотившись на косяк, смотрел исключительно на незваную гостью.

Орша на миг растерялась – объект ее обожания еще секунду назад был по ту сторону окна, и вот он уже здесь, но моментально собралась, бросила кокетливый взгляд и облизала губы.

– Льерт, здравствуй. Подскажи, а можно будет тебя нанять после Лесты?

– Нет, – спокойно ответил Льерт.

– Как нет? – Лицо соседки вытянулось. – Ты, наверное, не понял. Я имела в виду, – Гутрун бросила на меня косой взгляд, словно просила помощи, – что заплачу. Хочу так же тебя нанять, и, поверь, заставляя строить заборы не буду. Готова даже небольшие премии оговорить.

– Никак нет. – Льерт вальяжно пожал плечами. – Мой контракт не продается и не передается. Я сам выбираю, с кем его заключать и на каких условиях. А теперь попрошу покинуть этот дом. Леста, дай, пожалуйста, пироги, я провожу гостью.

Словно очнувшись ото сна, быстро закрыла пластиковой крышкой контейнер и протянула его Льерту. Он одной рукой взял коробку, второй подхватил оршу под локоть и фактически выпроводил ее вначале из дома, а затем и с участка. Из окна кухни я видела, как они о чем-то говорили около калитки, и терзалась любопытством, но, когда Льерт вернулся, сделала вид, что убираю посуду в шкаф. Мужчина уже надел футболку, как ни в чем не бывало подошел к фильтру в раковине и налил в стакан холодной воды.

Повисла неловкая пауза. Я всеми фибрами души ощущала, что должна что-то сказать. Дурацкий першащий ком встал в горле. Шварх, как же неудобно... Со стороны действительно могло показаться, будто я специально на него пялюсь и обсуждаю с соседкой. А ведь у него была Фьенна, и он, очевидно, любит ее до сих пор.

– Льерт, мне так стыдно перед тобой...

– Тебе не должно быть стыдно.

Я удивленно вскинула взгляд и встретилась с насмешливыми серыми омутами. На их дне блестели искры какого-то чувства, но я не могла понять какого.

– Не должно? – пробормотала. – Но... ты пришел... ты же слышал...

– Я зашел на кухню, потому что... Показалось, что тебе тяжело общаться с соседкой, а она открыто пользуется этим и ведет себя несколько... не так, как ты привыкла, чтобы с тобой общались.

– Спасибо, – пробормотала я тихо.

«Надо же... Все понял».

– Хотя крайне странно. Со мной ты готова спорить, а с ней тушуешься, – продолжил Льерт, явно забавляясь моей реакцией.

– Просто она не понимает, насколько неприемлемо обсуждать такие вещи вслух!

– Поверь, все она прекрасно понимает, – возразил собеседник неожиданно жестко, а на высоких скулах проступили желваки. – Ей даром не нужны пироги, она пыталась найти способ, чтобы продавить тебя на передачу контракта. Зная, что холодной логикой и уговорами не получится, решила сыграть на твоём воспитании. Правда, не вышло.

Я изумленно уставилась на мужчину. Он вопросительно приподнял светлую бровь.

– А зачем ей было знать, как...

– Как часто я по ночам ворочаюсь с боку на бок? – перебил полуконтрактник. Вот же хитрец! – Она рассчитывала, что своими вопросами поставит тебя в неудобное положение, и в какой-то момент ты решишь, что будет проще переоформить контракт на её имя. Или – что я разозлюсь. Даже на Оентале такого рода договоры защищены пунктом о конфиденциальности. Элитные ночные мотыльки предпочитают не светить своей профессией. По её логике, если бы я решил, что ты ей все разболтала, мог рассердиться и разорвать наши договоренности. И что-то мне подсказывает, что один из её сыночков на следующий же день бросился бы тебя утешать.

– Ого... А откуда ты все это знаешь? – протянула шокированно.

Льерт посмотрел с немой укоризной. Ах да, его же купил маэстро душ и желаний. Понятно, все понятно. Вздохнула. Осталось выяснить последнее:

– И ты правда на меня не злишься?

– На тебя – нет. На неё – да.

– Почему?

На этот раз вздохнул собеседник и потер лоб, собираясь с объяснениями.

– Селеста, ну подумай сама, разве я могу на тебя злиться? Во-первых, мы действительно связаны контрактом, и, если уж на то пошло, ты вполне могла не снимать таноржские наручники и требовать от меня любых действий. – Мощная волна стыда бросилась мне в лицо, когда я осознала, что он имел в виду. Но Льерт продолжил без паузы: – То есть, если абстрагироваться от ситуации, ты даже формально не соврала, сообщив, что я на тебя работаю. На каких

условиях – дело десятое. Что именно делаю – это ее собственные догадки. Во-вторых, и в самых главных. Я прекрасно понимаю, что ты сделала это, руководствуясь в первую очередь логикой и здравым умом. Неизвестный мужчина появляется у тебя в доме. Откуда? Назвать меня родственником, – он хмыкнул и указал на рога, – не получится. Из ниоткуда взявшимся женихом – тоже странно, а вот элитный контрактник, выгодно отхваченный у маэстро, идеально ложится на местные умы. И главное – никаких расспросов. Я же помню, что ты не хотела связываться с властями.

Я опешила. Льерт так просто разложил все по полочкам в своей голове, а я первые дни тянула резину и стеснялась объяснить ситуацию. А под конец он добил вопросом:

– Ты ведь тоже не отказалась бы быть моей ночной бабочкой? – Как назло, перед глазами возник кадр, как Льерт отбрасывает молот и наклоняется для закрепления опоры. – Если бы мы поменялись ролями в ситуации. – Серые глаза были как никогда серьезны. – Если бы это я тебя купил в качестве полуконтрактницы и во избежание расспросов и пристального внимания властей сообщил, что ты моя временная любовница, ты бы не возражала?

Я замерла, позорно открыв рот. Закрыла и... рассмеялась, вспомнив, по какой визе покинула Цварг. Если бы Льерт только знал, что я не просто была чьей-то временной любовницей по бумагам, а фактически написала это на лбу, лишь бы только покинуть ненавистную планету. Да ни одному мужчине с моей родины не пришлось бы в голову искать чистокровную цваргиню среди «беллез».

Льерт нахмурился, не понимая причины моего веселья, а я утерла выступившие на глазах слезы.

– Я сказал что-то смешное?

– Нет, что ты. Ты абсолютно прав. Спасибо, Льерт.

– Не за что. – Он пожал плечами. – Кстати, я намекнул твоей соседке, что, если она хочет сделать заказ, у нее есть номер твоего коммуникатора.

Я благодарно кивнула. Уже выходя из кухни, полуконтрактник неожиданно остановился на пороге и бросил напоследок:

– Одного понять не могу. Если тебе морально так тяжело на Оентале, зачем ты здесь остановилась?

Льерт ушел, а я еще долго смотрела в пустой проем, закусив губу. И как ему объяснить, что любое место во Вселенной мне приятнее, чем ненавистный Цварг с его законами?

Глава 17. Зной Оенталья

Льерт Кассэль

Время стремительно закрутилось. Я вставал рано утром на рассвете, до седьмого пота тренировался в подвале, наращивая мышечную массу, принимал душ и завтракал с Селестой. Потом, пока она занималась готовкой и домашними делами, шел на подработки на Глиняный рынок. Иногда везло, иногда – нет. Когда госпожа удача поворачивала свой лик, я, пользуясь зазубренными картами галактик и многолетним опытом построения маршрутов, рассчитывал траектории для прилетающих космоторговцев. Оенталь – планета с экстремальной прецессией оси, и дешевые встроенные навигаторы не справлялись с грамотным расчетом взлета и посадки. Когда над крышами ангаров поплыл слух, что я помогу сэкономить топливо для звездолетов, секеры потекли рекой. Периодически случалось затишье, звездолеты отбывали, частных рейсов не было, а редкие корабли из Федерации оснащались хорошей техникой, и тогда я нанимался на работу с физическим трудом. Конечно, это сущие мелочи по сравнению с оплатой службы капитана разведхты военно-космических сил Цварга, но на Оентале было особо не на что тратить. Я купил себе простенький современный коммуникатор, кое-что из одежды, что лучше сидело на постепенно увеличивающейся фигуре, и хорошую разборную штангу в подвал. Все остальное отдавал Селесте, потому что не видел надобности в деньгах.

Вечерами я помогал Селесте по дому, развозил ее пироги. Однажды она, смущаясь, предложила мне заняться более глубоким изучением оентальского диалекта. Подумав, согласился. Той базы, которую пришлось выучить у Аюра, мне хватало с натяжкой. Не то чтобы я планировал провести остаток жизни на этой планете, но раз уж Селеста пока не хочет улетать отсюда, знания не будут лишними. Тем более после сотен небесных карт выучить простой язык казалось ерундой.

Разговор с Селестой о продажной любви поставил окончательную точку в сравнении девушки с цваргинями. После визита Гутрун от

захухри исходили такие яркие эманации смущения и неловкости, что я специально завел речь о противоположной ситуации. Ожидал праведного возмущения предположением, что она могла бы быть моей ночной бабочкой, а получил искренний залиvistый смех. В принципе, цель была достигнута, Селеста больше не испытывала дискомфорт при общении со мной, но реакция девушки убедила, что у нее нет ничего общего ни с Фьенной, ни с другими известными мне цваргинями.

Она с удовольствием готовила и при этом так искренне переживала, что мне может не понравиться, что язык не поворачивался сказать, что никто и никогда раньше для меня не готовил. Стандартные сухие пайки и сублимированные протеиновые батончики в космосе – далеко не та пища, которой наслаждаешься, а уж про еду в столовой на астероиде и у пиратов я вообще молчу.

Селеста могла попросить помочь ей завязать фартук или что-то подать, и все бы ничего, но я всякий раз душил в зародыше один и тот же вопрос: «Я могу к тебе прикоснуться?» То, что на Цварге считалось само собой разумеющимся, на Оентале выглядело глупо и не к месту.

Она перестала меня стесняться и начала носить короткие шорты – те, в которых я увидел ее впервые, очнувшись на диване в гостиной. К сожалению, они как-то неправильно на меня действовали. Умом я понимал, что на Оентале многие так одеваются, да и для большинства девушек Федерации – миттарок, захухрей, таноржек и эльтониек – это приличная одежда, но ничего не мог с собой поделаться. Когда Селеста впервые вышла из душа в футболке и шортах, я забыл, что вообще хотел сказать. Мысли вылетели из головы, как раскаленный воздух из турбины. Я подвис, глядя на шикарные длинные ноги блондинки. Тонкие лодыжки, аккуратные коленки, изящный подъем стопы, миниатюрные пальчики и неожиданно крепкие, почти мускулистые бедра. Некстати вспомнились первые минуты нашего знакомства, когда я беспардонно затащил Селесту к себе на грудь. Как подхватил на руки, когда девушка полезла за шоколадом. Как увидел эти голые ноги, ворвавшись в ее спальню на крик.

В штанах резко стало тесно, и я едва ли не возненавидел свой организм. Шварх... только этого не хватало! Столько лет тюрьмы на астероиде, у пиратов... Воздержания, будучи женихом Фьенны... Если бы не несколько случайных коротких связей на Тур-Рине еще до

объявления помолвки, вообще считал бы, что могу спокойно обходиться без этой стороны жизни. В принципе, так оно и было... до сих пор. Улыбчивая и солнечная Селеста, сама того не подозревая, перевернула внутри меня все вверх дном. И чем больше я наблюдал за ней, тем сильнее понимал, как крупно влип.

Лицо Фьенны всегда походило на красивую, но застывшую маску, а Селеста громко и завораживающе хохотала над моими шутками. Эмоции Фьенны были мягкими и в меру приятными, как спокойное Ясное море на Цварге, а у захухри – яркими, амплитудными, но отрезвляюще свежими, как порывистый фён ^[1] с муассанитовых гор. Бывшая невеста интриговала, чтобы добиться чего хотела – сейчас я понимал это абсолютно четко, – а девушка, выкупившая меня из рабства, искренна до морщинок вокруг глаз и на лбу. При этом Селеста вела себя столь деликатно и ненавязчиво, что, если бы не ее внешность, заподозрил бы в ней чистокровную цваргиню какой-нибудь древней аристократичной ветви. Девушка-солнце. Девушка-ангел. Девушка-ветер.

– Льерт, ты омлет будешь? – Оторвал взгляд от стены, которую созерцал, потому что не мог спокойно смотреть на Селесту в коротких шортах, не выдав своего состояния, и заглянул в карие глаза. – Я на днях ходила к газированному источнику и на этой воде рискнула приготовить завтрак. Не знаю, вкусно или нет, но омлет впервые поднялся так высоко. И я не солила...

«Поднялся так высоко...»

Ангел с золотыми волосами открыла ящик со столовыми приборами, нагнулась и загромыхала, что-то выискивая. Длинная челка мешала, она несколько раз попыталась сдунуть ее, затем сердито убрала правой рукой вбок, левой опершись на столешницу. И вроде все движения приличные, но для бывшего военного, прошедшего шестьдесят три года в тюрьме, а потом еще несколько у пиратов...

Не смотреть на длинные ноги Селесты не получалось. Совсем. Никак. Даже моргнуть было физически сложно.

– Да где же хоть одна?! Надо было сначала старые помыть...

Не осознавая, как это выглядит со стороны, Селеста прогнула поясницу и наклонилась еще ниже, заглядывая в чертов ящик. Джинсовая ткань шорт натянулась. Моих брюк, в общем-то, тоже. Шварх!

«Тебе давно за сотню, а ей сколько? Двадцать пять? У нее наверняка никого не было. Она заслуживает достойного мужчину. Думаешь, ей может быть интересен в этом плане бывший вонючий раб? Сломанный цварг, потерявший хвост и честь? Не сумевший защитить даже невесту?! Другая раса, другой менталитет, пропасть, а не разница в возрасте... Для разовых отношений она слишком чистая, а для постоянных – вы слишком разные. О чем ты вообще думаешь?!»

– Да вот же она!

Радостный вскрик Селесты отвлек от неприятных раздумий. Я молча перевел взгляд на искрящиеся глаза девушки, опасаясь, что голос выдаст меня с потрохами.

– Льерт, ты чего молчал? Вот же вилка, у тебя в руке! Еще две грязные, а четвертую я выкинула после того, как она погнулась...

«Погнулась... прогнулась... Отставить! Перестать думать!»

На Селесте был фартук, и спереди ноги были целомудренно закрыты почти до колен.

– Ну что, попробуешь?

Я кивнул, медленно поднялся со стула, мысленно морщась от обтянувшей ткани, и подошел ближе со все так же зажатой в руке вилкой.

– У тебя такое выражение лица, будто ты убить кого-то этой вилкой хочешь, – пошутила Селеста, протягивая сковороду.

Проклятые астероиды! Она даже не представляла, как была права. Не отказался бы отмутузить самодельную грушу в подвале, представляя собственную морду. Растянув губы в улыбке, ткнул вилкой в рыжеватую-розовую массу, не задумываясь, почему такое классическое блюдо, как омлет, имеет столь странную колористику. Отковырнул кусочек, положил в рот.

– М-м, вкусно, – прохрипел под внимательно-изучающим взглядом девушки.

– Правда? – Невольно улыбнулся искреннему удивлению и тут же озадачился, поймав хмурый взгляд. – Мне же тоже любопытно, что получилось! Дай попробовать!

Видимо, мои мозги были совсем не в том месте, где требовалось. Или они оплавилась от длительной невыносимой жары на Оентале, не знаю, но иначе объяснить то, что случилось дальше, не могу.

Вместо того чтобы вежливо передать Селесте вилку, я наколот еще один яркий воздушный кусочек и протянул к губам девушки. О том, что поступил не так, как она хотела, догадался по едва уловимой волне растерянности. Осознание, как могло трактоваться мое действие, пришло с опозданием на долю секунды. На ту драгоценную долю, за которую Селеста успела открыть рот и аккуратно снять кусок омлета мягкими губами.

– Извини. – Собственный хриплый голос наждачкой саданул по слуху. – Я только что вспомнил, что у меня дела.

– Дела? – удивленно протянула Селеста. – Думала, ты сегодня свободен. Мы же планировали позаниматься языком...

В голове моментально вспыхнуло, как в прошлый раз Селеста села на подлокотник кресла на чердаке. Там было мало места, и второе сиденье физически не вписывалось в пространство. И вместо того чтобы учить письменность, я целый час наслаждался ароматом ее эмоций. Нет, пожалуй, хватит с меня занятий.

– Прости, – повторил более уверенно, – нашел работу в ангарах. Сегодня точно не смогу и завтра, скорее всего, тоже. Я должен бежать. Если надо будет развезти заказы по клиентам, напиши на коммуникатор, я примчусь.

Селеста Гю-Эль

Всякий раз, глядя на Льерта, я старалась напоминать себе, что он мужчина. Хотя после посещения Гутрун даже мысленно повторять эту заветную фразу не приходилось. Льерт раздался вширь, стал еще крупнее. Теперь, когда он работал в саду и достраивал ограду, мощная спина маячила на периферии зрения просто флагом каким-то! Мартин тоже следил за собой, все-таки член Аппарата Управления Планетой являлся публичной личностью. Тренажерный зал дважды в неделю был обязательной программой, но он и близко не обладал столь мужественной фигурой. Видимо, сказывалось военное прошлое Льерта. Поджарый торс, идеальные кубики пресса, литые мышцы

груди, крепкие руки, с легкостью поднимающие молот, который я могла лишь волочить по земле...

Стандартная фраза «Он мужчина, значит, опасен» не выходила из головы, только вторая ее часть как-то сама собой забывалась. Стоило вспомнить, в каком гневе Льерт ворвался в спальню и отбросил Одена, как слово «опасен» застревало в горле.

«Для кого опасен? Для меня? Не верю», – убежденно твердил внутренний голос.

«Посмотри, какие у него рога, один в один как у Мартина или Юдеса. А если в один прекрасный день выяснится, что он может оказывать воздействие? Если все это время он ментально на тебя давил? Ты и сама чувствуешь, как внутри все завязывается в тугий тянущий узел при одном лишь взгляде, когда он работает в саду...»

«Нет, он бы не стал мне врать...»

И всякий раз внутренние распри затихали, стоило Льерту оказаться на пороге.

– Селеста, тебе нужна помощь по дому?

– Селеста, ты не возражаешь, если я сегодня отлучусь на весь день?

– Селеста, ты хорошо себя чувствуешь? Ты выглядишь взволнованной. Все в порядке?

Забота и чуткость в каждом жесте, в каждом вопросе. Мягкая полуулыбка. Полный внимания взгляд серых глаз с еле заметными прожилками и приятный, чуть слышимый травянистый аромат. Теперь я точно знала, что от Льерта пахнет полынью, но не резко-горьким сорняком, а тонким, терпким, богатым на оттенки ароматом каменистой полыни, что растет лишь на горных склонах густыми серебристыми шапками, усеянными многочисленными шелковистыми листочками-волосками. Такой кустарник издали можно принять за валун, отсюда и название.

У Льерта росла щетина, мне она безумно нравилась, но он старательно брился. Однажды, когда было очень жарко, он собрался отрезать волосы, но, к счастью, передумал. А еще у него были длинные мозолистые пальцы, при взгляде на которые сердце пропускало удар, а в голове возникали далеко не самые приличные картинки. И рога. Внушительные окостенелые пепельно-коричневые

рога вызывали произвольные мурашки на руках и животе, когда я концентрировала на них внимание.

Льерт одним своим присутствием вызывал целый водоворот чувств, и оставаться рядом с ним «мороженой рыбой», как это считалось правильным на Цварге, я не могла. И не хотела. В конце концов бросила бороться с собой и решила: будь что будет. Льерт мне нравился. Вряд ли у меня есть шансы после Фьенны, но и специально отталкивать его не стоит. Да, он мужчина, но не цварг же...

Меня раздирали внутренние противоречия, порой до покалывания в кончиках пальцев хотелось ему признаться, что я изначально пошла на рынок потому, что искала телохранителя и меня разыскивают эмиссары с родной планеты. Но время шло, на Оентале было тихо, в личном кабинете Межгалактического Банка сообщения не появлялись, новостные сводки о нападении пиратов в секторе Н-63 исчезли из местного головидения. И это как-то убаюкивало мою тревожность и подозрительность.

Я нашла в шкафу любимые шорты и стала их носить, как самая обыкновенная человеческая девушка. Мне безумно нравилось быть *обыкновенной*: с ногами залезать в кресло, носить джинсы и футболки, извазюкиваться в муке по уши, не бояться покарять маникюр, иметь возможность ходить по собственному дому такой, какая есть, без сложных укладок и нюдового визажа, на котором всегда настаивал Мартин. Зачем часами сидеть перед зеркалом ради того, чтобы выглядеть «натурально»? Но покойный муж настаивал, что смысл есть, потому что на голо- и фотокамерах без необходимых процедур кожа может блестеть и не дай Вселенная покажется жирной! Леди первых лиц планеты должны выглядеть идеально, даже если собираются на прогулку вдоль моря.

Льерт... оказался другим. Предупредительным, тактичным, корректным. Я так и не разобралась в правилах приличий на его родине, но так как он сообщил, что в основном служил в космосе, меня это особо и не волновало. А он ничего больше и не говорил о родной планете и расе. Мне было настолько комфортно рядом с этим странным мужчиной с загадочным прошлым, что я предложила вместе позаниматься оентальским языком. Не то чтобы я преследовала какую-то конкретную цель, просто подумалось: а почему бы и нет? Озвучив вопрос, почувствовала себя глупо, запоздало вспомнив, что Льерт

военный. С чего вдруг это должно быть ему интересно? Вероятно, согласится из вежливости. А когда мужчина чувствует, что в каком-то аспекте постоянно хуже женщины, он становится злым и агрессивным – так нас учили в институте на базовых курсах психологии. Уже хотела извиниться, но Льерт неожиданно опередил меня и согласился. Более того, он схватывал все фантастически быстро, я даже заподозрила в нем скрытого лингвиста. Вот уж не думала, что рядовые военные обладают столь хорошей памятью и гибким умом!

Но когда мне показалось, что у нас с Льертом установились доверительные отношения, он внезапно резко отдалился. Это случилось после обычного завтрака. Я решила провести кулинарный эксперимент с омлетом на местной минералке. Я запомнила это, потому что в тот вечер Льерт впервые вернулся домой затемно. Не обедал и не ужинал, бросил горсть секкеров на стол в прихожей и зачем-то купил сразу три пачки вилок. Обнаружила их утром в совершенно пустом доме, потому как Льерт вновь ушел, только пораньше, до того, как я проснулась.

Следующий день прошел так же. И за ним день, и еще один. Единственная разница была лишь в сумме оставляемых в прихожей денег да однажды написанном сообщении: «Отвезу заказы в любой момент. Все в силе, скажи, когда понадобится». Я смотрела на дурацкие руны на экране и мрачно думала, чем обидела Льерта. Безумно хотелось послать все к шварховой матери и открыто написать: «Приезжай, соскучилась», – но я не была уверена, что это уместно даже для человеческих девушек. Если бы мы были знакомы пару лет, а не месяцев, то написала бы, а так...

«Селеста, ты себе-то не отвратительна? Льерт деликатно дал понять, что тебя стало слишком много в его жизни. Сколько можно навязываться? Оставь его в покое».

Я знала, что рано или поздно этот день наступит. Надо будет отпустить Льерта на все стороны космоса, отдать контракт и сказать, что он мне ничего не должен. С твердой решимостью я села на диван в гостиной, который стойко ассоциировался с одним сероглазым мужчиной, чтобы дождаться его возвращения, и... не заметила, как уснула.

Глава 18. Бета-колебания и контракт

Льерт Кассэль

Насколько крупно влип, я осознал уже на второй день целенаправленного избегания Селесты. Осознание ударило по чувствительным рогам похлеще разряда молнии. До сих пор я наивно думал, что научился закрываться от чужих бета-колебаний, собственно, так оно и было, без этого вряд ли прожил бы так долго на астероиде и у пиратов. Для любого чистокровного цварга поглощение бета-колебаний – не роскошь, не дар, посланный Вселенной, а суровая реальность. Еще один вид питания, необходимый цваргу, и любой представитель моей расы знает, что неправильные, гнилые, тухлые эманации вызывают у цваргов болезни и постепенно отравляют кровь сродни тому, если бы обычный гуманоид употреблял лишь испорченную еду. К неправильным эманациям относятся эльта-, мю-, гамма- и прочие частоты электрической активности головного мозга разумных существ, которые непременно рождаются, если гуманоид умирает, испытывает боли или заражен радиоактивными веществами. За годы заточения я научился сидеть на голодном пайке, блокировать все лишнее, беря лишь горсть самых безвредных осцилляций, которые мог вычленивать из окружающей среды, и медленно, словно удав, переваривать полученное.

Не знаю, как мне это удалось, потому что до заключения в тюрьму не слышал о том, чтобы сородичи умели фильтровать ментальные волны. Возможно, определенную роль сыграл сам астероид и звезда, вокруг которой он вращался, возможно, меня «подпитывал» сумасшедший миттар в соседней камере, искренне радующийся любой малости, а возможно, я подсознательно сосредотачивался на поглощении эмоций, исходящих от охранников-вахтеров. Эту особенность своего организма я до попадания на Оенталь считал чем-то само собой разумеющимся. У Аюра большинство слуг были довольны жизнью и ежедневно излучали сносные бета-колебания, а уж если приходил клиент, которому маэстро угождал, то у меня был

и вовсе пир. Когда меня выкупила Селеста, я первое время еще интуитивно закрывался, а затем понял, что это не нужно. И... попал.

Среди цваргов есть понятие «ближний круг». Не просто так на родине практически нет разводов. Если мужчина постоянно подпитывается бета-колебаниями определенной частоты и мощности, если они ему нравятся, то организм цварга постепенно перестраивается, чтобы усваивать именно эти осцилляции. Он привыкает к ним настолько, что потом от них физически сложно отказаться. В особо тяжелых случаях, когда регулярное поглощение длится десятилетиями, а затем резко прекращается, цварг может умереть.

Но справедливости ради стоит отметить, что такое случается нечасто, и далеко не со всеми цваргами. От многих коллег-сослуживцев слышал, что их жены не вошли в ближний круг. Когда Фьенна навязалась в поездку на «Сверхновой» на долгие месяцы, я был уверен, что рано или поздно пристращусь к ее ритмам колебаний, но этого не произошло.

А с Селестой случилось за каких-то пару месяцев.

Понял это, когда на третий день после намеренного уклонения от общения с захухрей почувствовал себя паршиво. Ближе к полудню меня настигло неприятное чувство, когда не хватает чего-то важного – еще не сосущий голод, но ты понимаешь, что вот-вот. Осознание ментального дефицита трансформировалось в неукротимую злость. Что я, тряпка, что ли?! Не могу прожить без определенных бета-колебаний? На астероиде выживал, а здесь, на Оентале, вон их сколько! Гуманоиды довольны покупками, кто-то радуется заработку, кто-то любит летнюю жару... Положительных эмоций немало, если внимательно вслушиваться в общий фон. Всего два месяца в одном доме с Селестой! Как можно было?! Как привык к ее эманациям, так и отвыкну!

На четвертый день я встал раньше обычного, рванул на Глиняный рынок, отказался от работы навигатора и занялся физической нагрузкой, лишь бы устать настолько, чтобы ни на что не реагировать. Ярость на собственный организм, который ни с того ни с сего решил обзавестись ближним кругом, хлестала по нервам, и это придавало недюжинную силу. Маэстро, нанявший меня разгрузить трюм корабля, планировал взять еще контрактников, но быстро передумал.

Ближе к полудню устал настолько, что рога сами собой перестали считывать осцилляции, а к вечеру настигла мышечная боль, затмившая остальные ощущения тела. Домой возвратился затемно, чтобы лишней раз не встречаться с девушкой. По моим умозаключениям выходило, что цваргский организм пристрастился к ней как к наркотику, и если сокращу «дозу» Селесты, еще могу выплыть в прежнее русло.

Возможно, план удался бы, если бы девушка не уснула в гостиной.

Светлые волосы разметались по подлокотнику дивана, мягкие розовые губы слегка приоткрылись, и ее дыхание игриво теребило золотой локон на щеке. Челка, какие на Цварге носили лишь маленькие дети, смешно топорщилась – очевидно, до моего прихода Селеста спала на животе, а затем перевернулась. Длинная просторная футболка перекрутилась и задралась, и смятая ткань обнажала бархатную кожу гладкого животика с соблазнительной ямкой пупка и тазовые косточки.

Мой взгляд блуждал по телу спящего ангела, и чем ниже он опускался, тем суше становилось во рту. Ниже просторной футболки следовали те самые джинсовые шорты, которые позволяли рассмотреть длинные ноги с крепкими бедрами, россыпью родинок над правой коленкой, вытянутыми, как у балерин, икрами и изящными щиколотками. Вселенная, разве бывают такие совершенные ноги?! В голове сама собой вспыхнула картинка, как меня этими ногами обнимают за талию. Кровь превратилась в лаву, живот скрутило, в паху вспыхнул пожар... Швархи побрали бы моду полуаграрных планет на откровенные наряды! Захран и Оенталь в этом плане ушли недалеко друг от друга. Цваргини никогда так не оголяются!

«Нет, Льерт, это ты придурок! Вспомни Миттарию, где купальники – чуть ли не офисный стиль, или Тур-Рин с развратными полупрозрачными платьями, которые принято надевать в казино и кабаре. Футболка и шорты – совершенно нормальная одежда, это ты одичал, питекантроп озабоченный с кривыми рогами...»

Пока я с жадностью и нарастающей сосущей тоской рассматривал спящую Селесту, она неожиданно засопела, завозилась, во сне пытаясь устроиться на узком диване, перевернулась на бок и... закинула ногу на спинку дивана. Проклятые астероиды! Едва не взвыл. Сглотнул, чувствуя приступ черной зависти к неодушевленной мебели. Шва-а-арх...

Неловко потоптался на пороге гостиной. Если тянуть время, ситуация лучше все равно не станет. Селеста уснула на моем диване, других спальных мест в доме нет, если не учитывать ее спальню, но внутренние установки не дадут мне без спросу лечь в ее кровать. Даже на одну ночь. Даже если самой хозяйки там нет. Неприлично. С ощущением обреченного на мучительную смерть все-таки подошел и аккуратно, стараясь не разбудить, поднял девушку на руки.

– Льерт, это ты? – Захухря сонно потянулась и положила голову на мою грудь, и я чуть не споткнулся, перешагивая порог спальни. – Сколько уже времени?

– Тш-ш, уже поздно, – прошептал, надеясь, что она не слышит одуряюще частое сердцебиение в грудной клетке. – Спи.

– Нам надо поговорить... – Селеста громко и широко зевнула, когда я опустил ее на кровать. Слабый кислотный оттенок волнения проскользнул в свежем цветочном запахе эдельвейса. Вот же зараза! Был уверен, что заблокировал чтение бета-колебаний, как только переступил порог дома.

– Завтра, все завтра, – ответил, быстро накрывая ее одеялом.

– Точно завтра? – с надеждой прошептала Селеста в полудреме. Если бы не врожденный слух, и не расслышал бы. – Льерт, мне это важно.

– Точно.

Как назло, когда я попытался закрыть дверь, она сначала застряла, потом оглушительно закричала. Чтобы не будить Селесту, пришлось оставить приоткрытой, и из проема потянуло легкими, как перистые облака, бета-колебаниями. Девушка глубоко заснула.

Я же как подкошенный рухнул на диван, не в силах больше сопротивляться и блокировать рога. Слишком устал. Да и Селеста пахнет по-настоящему *вкусно*. Лежать на том же месте, где еще недавно спала захухря, было подобно пытке. Ее аромат преследовал, внутри все смешивалось в тяжелый пьянящий коктейль, сдобренный чистыми эманациями, тянущимися из спальни. В душе разгоралась феерия чувств, бета-колебаний и запахов, а внутренний узел, который жестко скручивал органы последние дни, наконец-то начало отпускать. Изматывающе-тянущее ощущение голода поджало хвост и медленно и недовольно отползло в сторону.

С остервенением швырнул очередной металлический ящик на гравиплатформу и сдернул функциональные перчатки. Шварх! С утра так и не вышло рассчитать траекторию взлета – цифры расплывались перед глазами, мозги отказывались вспоминать нужные формулы. Извинился перед гуманоидом, попросился в дежурную смену на обслуживание ангаров, но и тут все пошло не так: оказывается, я перепутал номерные руны на помещениях...

Две недели из жизни как рогатая скотина слизала: ни поспать толком, ни поесть нормальную еду, ни поработать навигатором. Физический труд – и тот через одно место. Если бы дни напролет меня мучил лишь сексуальный голод, я бы перетерпел или обратился к той же Аслог, но голод на бета-колебания – совсем иное. Ни с чем не спутаешь эту сосущую черную дыру в районе солнечного сплетения и характерные головные боли. После единственной ночи с открытой межкомнатной дверью у меня началась натуральная ломка. Организм посчитал, что Селеста вошла в мой ближний круг, и я с медленно пожирающим душу отчаянием понимал, что с этим придется что-то делать, но мазохистски-мучительно откладывал разговор «на завтра».

Дифреновы квазары, что делать-то?!

Как объяснить Селесте, что даже когда она выберет себе мужчину, я поселюсь где-то неподалеку? Как объяснить *человеческой* девушке, что такое бета-колебания?! Вселенная, мне же придется признаться, что я цварг. Ладно, не такая уж и большая беда – сознаться, к какой расе отношусь, – на фоне вынужденного рассказа о наших особенностях.

Вселенная! Дай мне, что ли, знак какой-нибудь...

Пилик.

Перевел взгляд на коммуникатор и прочел первое сообщение, которое Селеста отправила за эти дни.

«Привет! Ты можешь прийти сегодня пораньше? Мы так и не поговорили».

Хмыкнул. Вот тебе и знак, Льерт, куда уж прямее? Девушка сама что-то хочет тебе сказать.

– Эй, Льерт, притащи трап из третьего ангара! – крикнул начальник местного космопорта.

Покачал головой. Никогда не был фаталистом, но тянуть ситуацию за хвост и дальше – это уже извращение какое-то.

– Нет, Болдр, я на сегодня закончил. Попроси кого-нибудь другого.

Селеста Гю-Эль

Впервые за три недели я написала Льерту сообщение на коммуникатор. Складывалось впечатление, что он пытается откупиться от меня деньгами. Не хотел заниматься оентальским языком, ссылаясь на высокую занятость в ангарах, приходил поздно, уходил – с рассветом.

В тот вечер, когда я заснула на диване, мне приснилось, что Льерт нежно прижимал меня к себе. Снилось его горячая твердая грудь под моей щекой, тонкий терпко-горьковатый аромат, мнились частое сердцебиение, шершавые ладони на талии и горячее дыхание. Но проснулась я одна в своей постели, накрытая одеялом. На смятой простыне, вспотевшая от невероятно реалистичного сна. Вечер помнился смутно, и я не могла бы сказать, сон то был или явь. Слишком хорошо, чтоб быть правдой. Наверное, Льерт перенес меня в спальню, а воспаленное переживаниями и постоянными мыслями о нем сознание нафантазировало себе невесть что.

На душе скребли кошки, вонзая тоненькие острые коготочки в мягкую меня. Забавно, Мартин дарил мне муассаниты^[2], приговаривая, что я похожа на этот камень, а я ощущала себя крошащимся тальком. Ничего не хотела и не требовала от Льерта, памятуя об истории с Фьенной, но мне казалось, что нам комфортно друг с другом. Выходит, ошибалась... Не станет же мужчина целенаправленно избегать женщину, кроме случаев, когда она ему противна? А то, что Льерт меня избегал, было понятно без слов. Даже будь я не цваргиней, привыкшей разбираться в оттенках слов и жестов, а глупенькой захухрей, все равно догадалась бы.

С тяжелым вздохом отложила наручный браслет, взяла полотенце и отправилась в душ среди бела дня. Как-то пропало желание проводить кулинарные эксперименты. Все мысли были о Льерте, которого предстояло отпустить. Кто бы мог подумать, что какой-то *мужчина* может так глубоко забраться под кожу? За два месяца прорасти корнями, как прорастает полынь... Вот зараза! А может, дело в смене погоды? Длинное знойное лето на Оентале заканчивается, вот-вот по календарю начнется сезон ветров, а за ним – два месяца проливных кислотных дождей.

Пока я мылась, лениво думала, что приготовить на ужин. Льерт на сообщение не ответил, но внутри зрела уверенность, что он придет пораньше. Я же попросила. И наверняка будет голодным и не откажется от моей стряпни. Или ему и еда моя не нравится? Где и как он питался целых три недели?..

Тугие струи смыли пенящийся шампунь. На сгибах локтей начал проявляться родной сиреневый оттенок кожи. Надо намазаться кремом на ночь. Хорошо, что у меня его еще много, главное, не забывать применять. Выскользнула из сантехнического крыла, не задумавшись, прошла через гостиную в спальню... и замерла как вкопанная.

– Льерт?! Ты что здесь делаешь?!

Мужчина возвышался посреди комнаты и повернулся на звук шагов раньше, чем вырвался мой вскрик. Внимательно осмотрел меня с головы до ног и, как показалось, ненадолго на них задержался. Острое чувство неловкости накрыло с головой – на мне из одежды лишь дурацкое полотенце, едва прикрывающее бедра, с волос стекает вода, от босых ног на полу остаются мокрые следы... Шварх, это как же я не расслышала, что кто-то вошел?! С моим-то слухом и крошечными размерами самого дома?!

Льерт откашлялся.

– Селеста, ты написала, чтобы я пришел пораньше. Я тут. О чем ты хотела поговорить?

– А... да... – собственный голос показался писклявым. Под пристальным взглядом мужчины я неуклюже подтянула узел на груди. – Думала, ты на ужин придешь. Подожди, пожалуйста, минуту. Сейчас оденусь и захвачу контракт.

И, чувствуя, как от стыда пылают щеки, метнулась в спальню. Одевалась в рекордный срок – белье, джинсы, футболка, отжала волосы,

схватила заранее приготовленные бумаги. Вселенная! Только бы он не принял это за дешевую манипуляцию, что специально все просчитала. Только бы не решил, что я задумала его соблазнить. Ужасно стыдно. Знаю же прекрасно, что живу не одна... и вот он, неловкий момент.

«Вдох-выдох. Успокойся», – мысленно приказала себе, прежде чем вернуться в гостиную.

– Селеста, я тоже хотел бы кое-что предложить...

Льерт поднялся с дивана. Движение получилось слитным и грациозным, а голос прозвучал настолько ровно, будто он не видел меня только что практически голой.

«А может, ты сама заморачиваешься, меряя все по цваргским традициям?»

– Можно я первая? – взмолилась, чувствуя, как тает уверенность от взгляда на мужчину.

За три недели футболка, купленная в начале лета, стала сидеть на нем в обтяжку, через плотную ткань проступала каждая мышца, идеальный пресс, рукава и вовсе трещали по швам на объемных бицепсах. Это его, полудохлого, я купила у маэстро душ и желаний? Не может быть...

Льерт кивнул, я облегченно выдохнула и затараторила, отводя глаза:

– Вот твой контракт. Ты прожил у меня все лето, и для соседей мы можем сделать вид, что контракт подошел к концу. А фактически я просто отдаю тебе бумагу, где ты пропишешь в качестве нового хозяина самого себя. Если кто из властей придерется, что ты в базе полуконтрактников, покажешь...

– Селеста, я не понял. Ты меня выгоняешь?

Голос Льерта прозвучал настораживающе спокойно, отчего я разволновалась еще сильнее.

– Нет, не выгоняю, что ты! Понимаю, что тебе не нравится жить со мной, наверняка ты хотел бы все устроить по-своему... или вообще улететь на другую планету. Так как ты нашел работу, с деньгами на съем помещения проблем не возникнет. Секеры за последние недели я оставила в верхнем ящике комода. Ты ничего не ел эти дни, и я считаю, что было бы неправильно брать плату...

Махнула рукой в сторону прихожей, стараясь не смотреть на Льерта, но он, ловко перехватив мое запястье в воздухе, потянул на

себя, вынуждая поднять взгляд. Между нами вдруг оказалось слишком мало воздуха, он просто исчез. Испарился. Легкие вытолкнули последние молекулы кислорода... Серые глаза метали молнии. Они вовсе не походили на листики с прожилками, это был стылый лед. И еще эти рога...

– Селеста! Я спрашиваю еще раз: ты хочешь, чтобы я ушел?

«Нет, не хочу...»

«Да, так будет лучше для моего душевного равновесия».

– Нет. Да. Не знаю, – прошептала, рефлекторно зажмурившись, потому что на дне глаз увидела *то самое*.

То самое, после которого Мартин запускал в меня ментальную волну.

То самое, после которого у Лацосте белки наливались кровью.

То самое, что рождало в глубине меня безотчетный мучительный страх до спазмов в желудке.

«Бежать! Спасаться! Срочно!!!»

Льерт крепко держал мое запястье, я не могла сделать и шага назад. Внутренне сжалась, закрыла глаза и закусил губу, ожидая сводящей с ума боли в затылке.

Шершавые пальцы коснулись моей скулы, очертили линию подбородка.

– Селеста, ты нашла себе мужчину и боишься сказать? Не надо, я все понимаю. – Я изумленно распахнула веки и уставилась на Льерта. Он с грустной улыбкой заправил влажный локон за ухо, как-то щемяще-бережно приподнял мой подбородок и продолжил: – Тебе не надо беспокоиться. Конечно, я съеду, если у тебя с ним все серьезно. Просто не ожидал, что так быстро найдешь себе защитника. Сегодня же соберу вещи и поищу комнату. В крайнем случае наймусь в ночную смену в ангарах, у ребят есть надувные матрасы, переночую там, не волнуйся.

– Э-э... нет, – голос подвел и прозвучал простуженно хрипло. При мысли, что Льерт будет спать на вонючем полу в ангаре, меня аж перекосило. Я кашлянула, прочищая горло. – Нет! Ты не так понял. Ты можешь оставаться у меня столько, сколько хочешь, пока будешь искать подходящее жилье...

– Селеста, это неправильно, – нахмурился Льерт, – если у тебя за эти три недели появился постоянный мужчина, я тут лишний. Это *он*

может все не так понять.

«Постоянный мужчина? У меня?!»

Захотелось расхохотаться, горько расплакаться и взвыть одновременно. Да нет у меня никого! И не будет! Хотела дать одному упрямцу, настойчиво меня избегающему, свободу, вот и все. Что я, изверг какой? Во всей Федерации нет рабства и полуконтрактников! Конечно, Льерту может быть неприятно меня видеть...

– Я могу узнать, кто он по расе, и познакомиться? – как ни в чем не бывало продолжал Льерт. – Не пойми неправильно, ты одинокая красивая девушка, и мне хотелось бы удостовериться, что у него чистые намерения в отношении тебя.

Он так серьезно рассуждал о моем гипотетическом будущем женихе и хмурил брови, что я наконец очнулась.

– Да нет у меня никого! Это ты пропадаешь целыми днями, и я подумала... если контракт будет у тебя, как-то лучше... И я тебе надоела, наверное...

В голове все перепуталось, наступил острый приступ косноязычия, слова путались и цеплялись друг за друга, как неправильно собранные шестеренки в механизме.

– То есть ты переживаешь из-за контракта и никуда меня не выгоняешь? – В глазах соседа мелькнуло изумление.

Я осторожно кивнула.

Льерт недоверчиво, слово я могла передумать, отпустил запястье, взял листы контракта, свернутые в рулон, и не глядя затолкал в задний карман брюк.

– А подписать? – спросила растерянно. Считала, это должно было быть по-другому. Думала еще предложить отпраздновать... – Термоперо там, на комодке...

– Да плевать, – фыркнул он, чему-то широко улыбаясь.

«Как же ему идет улыбка... Жаль будет, когда он все-таки уедет».

Внезапно поймала себя на том, что молча стою и смотрю на Льерта, захваченная в плен серых омутов. Наверное, надо что-то сказать...

– А ты? – пробормотала смущенно. Отошла, села на диван, принялась поправлять подушки. – Ты ведь тоже что-то хотел? – Льерт

удивленно-вопросительно приподнял брови. – Ты что-то хотел предложить.

– Ах, это... – Он почесал затылок и так долго молчал, что у меня закралось подозрение, что он забыл, о чем хотел поговорить. – Я предлагаю посмотреть на звездное небо. Оно очень красивое в этом секторе космоса. Вот-вот начнется сезон ветров, воздушные массы принесут плотные облака, и будет ничего не видно. Как ты смотришь на то, чтобы сегодня собраться на ночную прогулку?

«Свидание? – мелькнула в голове заполошная мысль. – Да ну, какое свидание? – возразила сама себе, глядя на невозмутимого Льерта. – Просто прогулка».

Глава 19. Ветер перемен

Селеста Гю-Эль

– А это созвездие Саламандры. Его самая яркая точка на хвосте – на самом деле тройная звездная система, но две из трех звезд настолько тусклые, что мы не можем разглядеть их без телескопа.

– Вон та? – Вытянув руку, ткнула пальцем в белую точку на чернильно-кобальтовом небе.

Мы валялись на лугу и рассматривали бескрайнюю простыню мироздания. Нагретые за день трава и земля служили нам ложем. Я растерялась как маленькая девочка, когда Льерт озвучил приглашение, и думала отказаться, но сейчас тихо млела от спокойного мужского голоса, освежающего ночного ветерка и фантастической картины на небосклоне. Время давно потеряло счет – рассказывал Льерт интересно, а за долгих три недели я и забыла, насколько с ним тепло и уютно.

Мужчина повернул голову, и терпкое полынное дыхание коснулось моей щеки. Он прищурился, разглядывая небо и пытаясь понять, на какую звезду я указываю, и неожиданно громко фыркнул.

– Да нет же, Селеста! Это один из четырех спутников Оенталя, потому он такой яркий, а вон та, – горячая ладонь легла поверх моего запястья и чуть сдвинула его, – тройная звездная система Саламандры, о которой говорил.

– Спутник, звезды... Они же похожи! Как ты их отличаешь?! – изумилась я искренне.

От прикосновения Льерта колючие мурашки побежали аж на лопатки. Он разорвал контакт, но я все еще чувствовала фантомное касание подушечек пальцев.

– Это легко. Спутники во много крат ближе, чем другие небесные тела, и движутся по небу быстрее. У Оенталя всего четыре спутника, и раз в месяц они встают в идеальный ромб. Это называется перифоном орбитального резонанса...

Льерт вдохновенно рассказывал, а я поймала себя на том, что не могу не улыбаться. У него горели глаза, когда он говорил о звездах,

чувствовалось, что он обожает свою профессию. В нем не было ни грамма фальши или той наигранной энергии, которую источал Мартин, говоря о политике, как не было дурацких фраз «ты все равно не поймешь», «зачем тебе?», «не лезь, не женское это дело». На каждый вопрос Льерт старался отвечать так, чтобы я поняла. Поразительно, за один вечер я узнала о космосе больше, чем за всю жизнь.

Длинная прядь щекотно упала на плечо – Льерт, вновь опускаясь на землю, одной рукой стянул с затылка резинку и распустил волосы. Непроизвольно затаила дыхание, глядя на эту густую разноцветную гриву, бежево-карамельную с темно-каштановыми прядками. Страшно хотелось растопырить пальцы и пропустить эти волосы сквозь них, но воспитание не позволяло.

Летний ветер уютно шелестел травой и отчего-то навевал воспоминания о тихих волнах Ясного моря на Цварге. Не знаю, что у нас было, свидание или прогулка, на которой Льерт задался целью передать мне знания десятилетнего курса для навигаторов, но мне нравилось абсолютно все. Его сияющие, как жидкая ртуть, глаза. Космос над нами. Ощущение легкости в солнечном сплетении, когда Льерт сообщил, что не собирается переезжать из моего дома. Я и не представляла, насколько сильно привязалась к этому мужчине. Плохо, очень плохо, но подумаю об этом потом...

– Утомил тебя? – спохватился Льерт, приподнимаясь на локте и с тревогой заглядывая в мое лицо.

– Нет, мне интересно. Ты этим занимаешься в ангарах? Просчитываешь маршруты для космоторговцев? И на корабле, где служил, тоже это делал? – спросила я, чтобы поддержать затухший разговор.

Кажется, мой временный учитель по астрономии подумал, что мне скучно.

– Да, и это тоже, – протянул он задумчиво.

– А зачем? Ну, в смысле... – Поняла, что вопрос мог прозвучать по-хамски, и поправилась: – Разве обычные программы не справляются с маршрутом? Уж стартовать-то с Оенталя, по идее, всегда должно быть одинаково. Я не права?

Мягкий раскатистый смех разнесся над округой.

– Да-а-а, Селеста, так мою работу еще не принижали.

– Я не имела в виду, что ты делаешь что-то бесполезное...

– Да понял, понял, – перебил Льерт, все еще смеясь. – Обычного уровня программы, конечно, могут рассчитать и построить маршрут. Когда гуманоиды летают по стандартным коридорам, встроенные в бортовой компьютер навигаторы идеальны, но, если речь заходит о траектории, которая хоть сколько-то отличается от проторенных троп, ни одна программа не может учесть всех деталей. Например, в одном секторе могут внезапно возникнуть гравитационные аномалии, в другом – астероидный пояс. Сюрпризов в космосе немало, и чтобы точно учесть все риски, требуется мозг гуманоида.

– А посадки на Оенталь – тоже что-то необычное?

– И да, и нет. Если речь о чартерных рейсах транспортников с Федерации, для них все просто. У кораблей с Танорга или Цварга мощные современные двигатели, которые оптимально подстраиваются под потребление топлива при посадках и взлетах. К тому же, даже если они пережгут немного горючего, не беда – на территории Федерации дозаправятся. А маленьким звездолетам, чтобы точно выйти на орбиту, приходится стартовать на полной мощности. Двигатели пережигают лишнее топливо, которое в этом секторе космоса стоит недешево. С Оенталем мне вообще повезло, так как это планета с экстремальной прецессией оси, и расчеты накладываются на изменения в гравитационном фоне... – Видимо, что-то отразилось на моем лице, потому что Льерт снова рассмеялся: – Прости, я не подумал, что ты можешь этого не знать. – Он сорвал пушистый колосок на тонком стебле и поднес к моим глазам. – Представь, что это, – он шевельнул травинкой, шутливо шлепнув меня мягкой частью по носу, – ось вращения планеты. А это, – сжал левую руку в кулак, – звезда, вокруг которой вращается планета. – Я кивнула. Представила. – Если планета вращается вокруг звезды по окружности – это классическая схема. – Льерт, удерживая стебель в вертикальном положении, начал крутить его вокруг кулака. – А если так, – принялся наклонять травинку то в одну, то в другую сторону, продолжая вращать вокруг кулака, – планета с прецессией оси. В определенный момент времени к звезде ближе то один ее полюс, то другой...

– Звучит как магия какая-то, – пробормотала, замороженно глядя на гибкие пальцы Льерта, крутившие стебель.

«Вселенная, какие у него пальцы!..»

– Да, космос – это магия, – согласился он, отложил травинку и открыто посмотрел на меня.

Миг, другой, третий...

Секунды замедлили свой бег или вовсе исчезли, замыкая нас с Льертом в одном пространстве-времени. Очертания луга и цветных огней города где-то вдаль давно слились с бесконечным чернильным небом. Истаяли лишние звуки, затих шуршащий ветер, замолчали сверчки, остались только мы вдвоем и мое сердце, которое принялось выстукивать гулкую дробь. Сильный красивый мужчина неотрывно смотрел на меня. С моего безмолвного согласия он поднял руку и пальцами обвел абрис моего лица.

– Ты такая красивая... – вырвалось у него внезапно. – Можно я тебя поцелую?

И столько щемящей надежды в голосе...

Так странно было слышать традиционно цваргский вопрос, который часто задавал мне Мартин на людях, но сказанный совершенно иначе: искренне, нежно, без затаенной угрозы, лишь с безграничным восхищением.

Мелькнула запоздалая мысль, что по меркам чистокровной цваргини я уже давно считаюсь падшей женщиной: приютила под своей крышей мужчину, не приходящегося мне ни братом, ни женихом, ни мужем. Предстала перед ним в одном полотенце, а вечером того же дня согласилась уединиться в поле под звездами. Возмутительное поведение для аристократки.

– Да... – пробормотала я, так и не поняв, на что согласилась.

Губы Льерта пахли полынью. Он приподнялся на локте, приблизил лицо и толкнулся языком. Сладко-пряная горечь потекла по венам, раскаленными углями поселилась в легких, саламандрой свернулась в животе и жаром отдавала в кончиках пальцев ног. Мой судорожный вздох стал спусковым сигналом – нежный чувственный поцелуй углубился. Сознание ласкало на волнах блаженства. Кто бы мог подумать, что поцелуй может быть таким потрясающим? Таким сказочным? Что от одного только соприкосновения губ можно отправиться к звездам?

Мужские руки погладили мой живот, легли на талию и ощутимо сжали, а я положила ладони на плечи Льерта и сделала то, что давно хотела, – закопала пальцы в его шелковистые разноцветные волосы.

Всего лишь поцелуй, но как же сладко-терпко и грешно было почувствовать мужские губы! Как же сильно захотелось большего... От тела Льерта исходил такой жар, будто мы лежали не на остывающей земле, а в жерле вулкана. Мои пальцы перебирали пряди волос, скользнули к ушной раковине и внезапно нащупали что-то твердое, шершавое...

«Рога! – отрезвляющей вспышкой мелькнула шальная мысль, а за ней вторая: – А вдруг он на меня воздействует? Вдруг это все напускное и не по-настоящему?»

Темнота сыграла злую шутку: вместо лица Льерта мне почудился Мартин, а потом Юдес. Накатил безотчетный страх, на миг парализуя все тело. Ласковый жар внутри вмиг трансформировался в разгневанных жалящих пчел, и я едва не ударила мужчину, но он, будто угадав, что собираюсь сделать, резко отстранился.

– Селеста, все в порядке?

В голосе прозвучало столько заботы и участия, что мне стало стыдно. Обеспокоенные серые глаза светились в полумраке, ртуть заполнила всю радужку. Огромные витые рога, напугавшие меня, темным силуэтом выделялись на фоне белоснежных спутников и как никогда напоминали развитые органы восприятия бета-колебаний чистокровного цварга. И при этом Льерт всматривался в мое лицо, хмурился, не понимая, что со мной. Даже руки на всякий случай убрал. Стало неловко за свое поведение.

– Я тебя напугал? Селеста, что не так? Скажи хоть что-то, не молчи...

Я сглотнула колючий ком в горле. Говорить все-таки придется.

– Все в порядке.

– Да каком порядке?! Ты вся дрожишь! Прости, я, наверное, был слишком груб...

Льерт засуетился, перекатился на колени, поднес ко мне руки, желая помочь подняться, но резко отдернул их, словно боясь, что я могу снова негативно отреагировать на его прикосновения... Чувство вины затопило меня с головой. Как можно было подумать, что Льерт похож на классического цварга? Вселенная, если тут кто и виноват, то только я. Сделала глубокий вдох и призналась:

– Нет, это ты меня прости... просто внезапно мужа напомнил.

Льерт Кассэль

Если бы цварги умирали от разрыва сердечной мышцы, я бы за эти сутки был мертв уже несколько раз. Вначале, когда пришел к Селесте с целью сообщить, что не могу без нее, а она огорошила меня эманациями страха и контрактом на передачу прав. Единственный логичный вариант, который я смог предположить, – что за то время, пока пытался отучить организм от ее эмоций, она нашла себе подходящего мужчину.

Не передать словами, как я обрадовался, что она просто хотела дать мне свободу, которую, как наивно считала, у меня забрала. И я решился. Решился сознаться в том, что не могу без нее жить. Что хочу быть рядом, иметь возможность заботиться, прикасаться, слышать ее голос и цветочные эмоции, видеть лучезарную улыбку, дышать одним воздухом...

Космос как всегда увел мои намерения в сторону. Впервые за столько времени кто-то с интересом меня слушал, и хотелось делиться, рассказывать... Фьенна никогда не проявляла интереса к космосу, ей нравилось смотреть на картинки, но стоило сказать «гравитационная аномалия» или «нестабильный туннель», как она кривилась и просила не грузить ее терминами. Астрофизика – последнее, что ее интересовало.

Запах эмоций Селесты дурманил и уносил в страну грез. Понимал, что это неправильно – так открыто навязываться девушке, приютившей умирающего раба. Я понимал, что Селеста заслуживает большего. Опять же, разные расы, возраст, менталитет... Но ничего не мог с собой поделаться. Одно ее присутствие рядом вводило в состояние сладкого сна, навеянного гипнозом...

Почему гипнозом?

Да потому что не бывает так, чтобы красивая молодая девушка ответила взаимностью на чувства мужчины гораздо старше нее, с искалеченным прошлым, изгоя на собственной планете и, ко всему, бывшего каторжника. Если она хотя бы согласится делиться со мной бета-колебаниями, это уже будет счастьем.

Поцелуй случился внезапно. Это было безумием, но оказалось выше меня. Селеста была такой теплой, живой, такой хрупкой, трепетно-искренней и женственной, что я не мог не спросить разрешения ее поцеловать, а дальше... Одурачивающие эманации, упоительный аромат, сводящие с ума губы и идеальные длинные ноги, облаченные в штаны. Вселенная, какие ноги... если бы она только знала, какие непристойные картинки рисует мой воспаленный мозг.

Хлесткая кислая волна страха плетью пришлась по рогам и отрезвила затуманенный мозг. Я отпрянул, понимая, что каким-то образом до смерти напугал Селесту, и думал, что хуже быть уже не может. Но, как оказалось, может.

– Нет, это ты меня прости... просто внезапно мужа напомнил.

– Мужа?!

Отрезвление накатило как ледяной душ.

Я. Напомнил. Ей. Мужа.

– Прости-прости-прости... – она заломила тонкие руки, – я имела в виду покойного супруга. Я вдова.

Ненамного легче, но все же...

С северо-запада потянуло прохладой. Селеста села, подтянула колени, обняла себя за плечи и ссутулилась. Меня обуяли столь сложные и противоречивые эмоции, что я при всем желании не мог разобраться в том, что чувствовала девушка.

Муж! У нее был муж?! Когда? Как?.. Ей же всего ничего...

– Я же говорила, что выгляжу моложе, чем есть на самом деле, – горько хмыкнула Селеста, словно прочитав мысли.

Я наконец очнулся от собственных переживаний и отреагировал как подобает воспитанному гуманоиду во всех Мирах Федерации:

– Сочувствую твоей утрате.

Захухря пожала плечами.

– Не стоит.

Я глубоко вдохнул и выдохнул, собираясь с вопросом, который неожиданно разволновал меня больше всего.

– Ты его не любила?

Селеста подняла рассеянный взгляд. Моргнула.

– Кого?

– Мужа, разумеется.

– Нет. – Отрицательно покачала головой и лишь крепче себя обняла.

– Но ты испытываешь вину...

Помимо вины было что-то еще, но я все никак не мог разобраться что.

– Льерт, у меня был не самый счастливый брак, – вздохнула Селеста. – Мартин... был неплохим супругом. Он был богат, хорош собой, всем меня обеспечивал, но мы много ссорились. Мне тяжело вспоминать, потому что его смерть... в определенном смысле развязала мне руки.

Пока она говорила, у меня перед глазами проплыла картинка старика, который наверняка заставил Селесту силой выйти за него замуж. Говорят, на Захране какие только браки не практикуются... Как иначе объяснить животный ужас, обуявший ее минуту назад? Что он заставлял ее делать? Пальцы сжались в кулаки.

– Он умер от старости?

– Нет, – от Селесты повеяло едва уловимым удивлением, – он был в расцвете лет, когда погиб. Космическая катастрофа при посадке на планету. Эксперты заключили, что истребитель был неисправен. Плюс определенную роль сыграла метеоритная пыль. Я плохо в этом разбираюсь, но, к сожалению, космокатастрофы время от времени случаются, кому как не тебе это знать. Тело, как и корабль, сгорели в атмосфере. Мне даже прах его не отдали. Нечего было отдавать.

Я хмуро кивнул. Случаются. Неправильный расчет, бракованный навигатор, устаревшая схема... Любая мелочь в космосе может стоить жизни. Но я так и не понял, почему Селеста странно себя вела. Ерунда какая-то... Слишком яркая реакция, рога еще побаливали от ее эмоционального выплеска.

Я набрал легкие воздуха, чтобы задать еще один вопрос, но захухря внезапно отозвалась сама:

– Мне просто надо время, Льерт. У меня никогда никого не было, кроме Мартина, а с его смерти прошло уже семь лет. Я забыла, как это... с кем-то встречаться.

Все мысли и зародившаяся злость на бывшего Селесты вмиг вылетели прочь из головы. *С кем-то встречаться.* Бескрайний космос... На такое и надеяться не мог.

Глава 20. Нескучный вечер

Селеста Гю-Эль

Сезон ветров набирал силу. Небо по утрам затягивало то рыжими, то пыльно-розовыми перистыми облаками с оттенками лилового и бирюзового. Природа Оенталя отличалась буйством красок, и первые месяцы меня это удивляло, сейчас же я почти не обращала внимания. Ковер цветущих растений постепенно блекнул, а небо будто впитывало краски земли, с каждым днем становясь все ярче.

Льерт вытеснил из моих мыслей все второстепенное. Я создавала десерты из местного растения, и они имели тот же неповторимый цвет, что и глаза Льерта – серые, с тонкими прожилками. Моим новым коронным блюдом стала запеченная утка с брусникой и веточками полыни. Терпкий травяной аромат этого горного кустарника преследовал меня повсюду и ассоциировался с крепким сильным телом мужчины, который жил у меня в доме. Я неоднократно говорила себе: «Хватит думать о Льерте, порадууй лучше себя». Шла на рынок, покупала новое платье, а придя домой, с удивлением понимала, что неосознанно выбрала тот оттенок карамели, что идеально гармонировал с выгоревшими прядями волос Льерта. Или же покупкой оказывался бронзовый топ – точь-в-точь как загорелая кожа на его мускулистых руках. Стоит ли говорить, что новые шелковые шторы, в которые я влюбилась с первого взгляда, оказались такого же глубокого цвета маренго с перламутровым узором, как радужки одного красавца?

Ко мне вернулось вдохновение, вновь захотелось творить, придумывать новые вкусовые сочетания и текстуры. Ризотто с киноа и тертым сыром, сделанным из молока местного рогатого скота. Кофе с апельсиновым соком на газированной воде из источников Оенталя. Воздушный мусс из диких ягод, которые мы вместе с Льертом собирали в ближайшем лесу. Ворох идей приходил в голову неожиданно, я только и успевала реализовывать хотя бы часть, а остальное записывала в электронный блокнот.

Сезон ветров приближался к календарной медиане. По вечерам над крылом санузла поскрипывала крыша. Ветер превратился в клыкастого хищника и пытался отодрать черепицу, но я знала, что дом отремонтирован качественно, и никакая непогода ему не страшна – летом Льерт лично обследовал крышу, стены и подвал. У соседей унесло кусок забора, но наш новый шквалистые порывы даже не прогнули. К счастью, в отличие от прошлого года, нашествия саранчи не было. На небе все чаще стали появляться плотные сизые, темно-синие и лиловые слоистые облака – смазанные, точно художник-импрессионист рисовал их торопливо, часто обмакивая кисточку в воду.

Мы с Льертом проводили все больше времени вместе. Смотреть на звездное небо уже не получалось – мешали облака, пригоняемые ветрами, зато теперь мужчина привычно брал спидер и катал меня по Оенталю. Вселенная, как много я не видела на этой планете! Бывали дни, когда Льерт просил собрать еду, складывал ее в контейнер под сиденье, после чего садился за управление, а я прижималась к нему сзади, и мы катались по окрестностям, возвращаясь затемно.

Помимо деревень, частных ферм и городов с замысловатой смесью архитектурных стилей на Оентале оказалось много красивых природных уголков – густых лесов, бескрайних полей и степей, озер... Привычных глазу белоснежных гор не было, зато была яркая до рези в глазах долина гейзеров. Я хотела спуститься и посмотреть поближе, но Льерт меня остановил со словами, что эти фиолетово-алые, изумрудно-лазурные и лимонно-желтые булькающие круги на самом деле – концентрированные растворы кислот.

В другой раз мы приехали на невысокий пик, и мне издалека продемонстрировали реку на холме неподалеку. Правильнее сказать, я подумала, что реку. Приглядевшись, поняла, что на самом деле это водопад. Мощный поток воздуха огибал холм и подхватывал воду, унося ее почти под горизонтальным углом. Стремительно летящая вода – такое я видела впервые. Было странно чувствовать себя крошечной песчинкой в этой огромной Вселенной. Льерт, почувствовав мое состояние, подошел сзади и молча обнял. Он вообще удивительно чутко и тонко меня понимал.

Когда начинала замерзать – накидывал свою куртку.

Когда сомневалась, вкусно ли получилось, – хвалил.

Когда невольно вспоминала о Мартине или Юдесе – отстранялся.

Льерт вел себя настолько предупредительно и в то же время корректно, что порой казалось, что сознание играет со мной злую шутку. Вдруг я одичала на Оентале и все это сплошная галлюцинация? Вдруг Льерт ненастоящий? Ведь не бывает же такого... Или бывает? Мысли и чувства завязывались в жесткий запутанный узел, который с каждым днем все сложнее развязать. Я же пообещала себе, что не будет в моей жизни мужчин. Никого, никогда. Не нужны они мне. А Льерт вообще-то был мужчиной. Особенно четко это понимала, когда мы мчались в ночи на спидере и я прижималась к его широкой спине, крепко обхватывала мощную талию и невольно под тканью нащупывала ладонями прокачанные до состояния стали мышцы. Когда утыкалась носом в его шею сзади, недалеко от собранных под резинку волос, и слышала будоражащий кровь исконно мужской терпко-горький аромат. Когда встречный порывистый ветер трепал и пытался снять нас со спидера, а Льерт играючи выкручивал руль и справлялся со стихией так, как я бы никогда не смогла.

Погода менялась. До сезона дождей оставался еще добрый месяц, но скорость и частота порывов ветра увеличивались, и мы все реже выезжали на природу. Небо окончательно впитало в себя краски земли, и разноцветные облака резко контрастировали с выцветшей травой и деревьями.

Как только пойдут первые кислотные дожди, мы запремся в доме и будем выходить на улицу лишь по крайней необходимости. Заработанных Льертом денег хватало с лихвой, чтобы спокойно пересидеть сезон, время от времени выбираясь за едой, но я на всякий случай заготовила и сложила в морозильные камеры собранные ягоды, грибы, очищенные коренья кистаса. Просила Льерта закупить кофейных зерен с избытком, когда прилетал очередной рейс с Федерации, а он приобрел еще и подходящие сиропы: банановый, фисташковый, кленовый, манговый и даже из цветов эдельвейса. Когда я разбирала сумку и на дне ее обнаружила последнюю находку, рука дрогнула. Эдельвейсы росли лишь на склонах муассанитовых гор на Цварге, значит, корабль посещал мою родную планету. Интересно, на Оентале сейчас есть цварги или это просто экспорт товара за границу Федерации?

Собственной еды на Оентале, как и на большинстве полуаграрных планет, всегда было достаточно. Другое дело, не многие местные умели сочетать вкусы и имели представление о том, что можно не только жарить в масле на сковороде, кипятить и мариновать, но еще и томить, запекать, тушить, гриллировать, пассировать и фламбировать, но это уже совсем другая история. Я не боялась сезона кислотных дождей с точки зрения того, что вновь случится какая-то бытовая неприятность, закончатся деньги или еда. Отнюдь. Я переживала, что, живя на такой небольшой территории – а по сравнению с особняком на берегу Ясного моря и личным двухэтажным пентхаусом дом на Оентале был просто крошечным! Один санузел, обеденный стол на кухне, а не в отдельной комнате, – мы с Льертом будем постоянно пересекаться и видеться.

С того вечера под звездами он ни разу не предпринял попыток поцеловать меня, но я ловила себя на том, что щеки горят, когда слышу, что Льерт отправился в душ, а уж проклятое воображение и вовсе рисовало непристойные картинки. В какие-то моменты я даже жалела, что двадцать лет была замужем.

Однажды Юдес бросил, что не удивился бы, узнай, что Мартин занимался со мной сексом в кромешной темноте и только в миссионерской позе. Отчасти Лацосте был прав, утверждая, что покойный супруг был тем еще консерватором. Но лишь отчасти. Каким бы Гю-Эль ни был педантом и приверженцем традиционных поз в интимных отношениях, секс всегда был хорошим. Сейчас, спустя годы после его смерти, я оборачивалась на прошлое и думала, что это было чуть ли не единственной хорошей вещью, которая нас связывала. Правда, мне было сложно представить, чтобы секс с цваргом – с цваргом! – был плохим. Они же считают эмоции буквально из воздуха...

Глядя на Льерта, я прикусывала губу, думая о том, что один его образ в голове рождает волну мурашек вдоль позвоночника и горячие волны глубоко внутри. Секс с ним должен оказаться бесподобным. Только всякий раз, искоса блуждая взглядом по его телу, я натыкалась на светло-коричневые рога, и тут же деревенела.

Рога, рога, рога... Я не могла спокойно смотреть на них. Они не походили на гладкие черные рога цваргов. Цвет кожи, внешность, отсутствие хвоста, фантастический цвет волос, серые радужки

с прожилками – все буквально кричало, что Льерт не цварг, но я все равно не могла себя пересилить. Глядя на мощные витые костяные наросты на голове, чувствовала фантомную боль в затылке и наглухо закрывалась в скорлупе отчужденности, не имея возможности объяснить растерянному Льерту, что он опять сделал не так.

– У тебя есть какие-то планы на вечер? – мягко спросил мужчина, когда в очередной раз я превратилась в ледяную глыбу, увидев его рогатую тень на паркете. Меня захлестнула паника, но, к счастью, Льерт, кажется, этого не заметил. – Я думал выйти на пробежку.

– А как поздно ты вернешься?

За окном стемнело. Время было еще раннее, но ветер пригнал чернично-синие с коралловыми вкраплениями облака, и создавалось впечатление, что уже ночь.

– Поздно. – Мужчина отвернулся от меня и отошел, а я вдруг почувствовала – что-то не так.

Неужели он снова меня сторонится? Вроде бы решили эту проблему...

– Что не так Льерт? Раньше ты предпочитал заниматься в подвале со штангой.

Он замялся.

– Мне кажется, ты привыкла проводить время в одиночестве, меня и так слишком много в твоей жизни. Тебе будет комфортнее, если все вернется к старому распорядку, когда я весь день пропадал на Глиняном рынке.

«Нет-нет-нет! Ни шварха не будет!» – запаниковала, глядя на идеальную спину. Хоть проклинай себя и свою ненормальную реакцию на рога. Какого треклятого атома я все никак не могу начать вести себя как обыкновенная девушка? Подумаешь, рога! Он же не цварг... Внезапно остро захотелось, чтобы Льерт остался и никуда не уходил. Неужели он все-таки заметил, как я дернулась, увидев тень на полу?

– Вообще-то у меня были планы...

Я облизала губы, судорожно придумывая, что сказать, чтобы он остался.

– Правда? – Мужчина удивился и повернулся ко мне лицом. – Ты что-то хотела? Мне развезти заказы? Уже вечер, но я могу, если надо.

– Нет, – порывисто мотнула головой, – я хотела предложить провести время вместе. Можно куда-нибудь съездить... Как насчет того лесного озера? Оно должно быть еще теплым, и добираться близко, на спидере за четверть часа домчим.

Льерт перевел взгляд на окно и нахмурился.

– Уже темно. Не стоит купаться так поздно, мало ли что. Если хочешь на озеро, лучше съездить завтра утром. И ветер в первой половине дня менее сильный. Сейчас он с каждым днем все мощнее, к ночи и вовсе в шквал превращается.

Я кивнула. Про ветра он точно подметил, на открытой местности по вечерам уже небезопасно. Может, тогда остаться в городе? А что тут есть?..

– А как насчет «Гаванны»?

Мысль была неожиданной, но как только слова слетели с губ, я поняла, что очень даже не против «Гаванны» с Льертом. Это с оршами мне не хотелось никуда идти и танцевать, а с ним... Интересно, как он двигается под музыку? Так же плавно и текуче, как ходит босиком после душа, или резко и стремительно, как забивает бетонные сваи?

– Селеста, ты уверена, что хочешь в «Гаванну»? – с сомнением переспросил Льерт.

Чем там занимается народ, можно было понять по внешнему виду сыновей Гутрун, лишь наутро приходивших домой с заплетающимися ногами. Полураздетые, в одежде шиворот-навыворот, с помадой на щеках, с тяжким амбре из сладких женских духов и паров алкоголя, Хэварт, Оден и Финнр произвели на Льерта неизгладимое впечатление. А я, вспомнив про алкоголь, лишь укрепилась во мнении, что мне надо в «Гаванну». Льерт мне очень нравился, но даже при поцелуе его рога вызывали безотчетный страх. Возможно, если я немного выпью для храбрости, то эта деталь, так сильно напоминающая мужчин моего Мира, станет для подсознания не столь значительной? Домой алкоголь я не покупала из-за намертво вбитой еще Мартином установки: «Леди алкоголь не пьют. Хуже пьяной женщины может быть только женщина курящая». Но бокал вина, наверное, можно?

– Да, хочу! – воскликнула я, представив, что в «Гаванне» наверняка играет и медленная музыка, а значит, Льерта можно будет обнять и долго-долго вдыхать его аромат, положив голову на плечо.

Льерт Кассэль

Селеста дала понять, что я ей нравлюсь, и первые дни это окрыляло похлеще полетов на «Сверхновой». В самом радужном сне представить себе не мог, что кто-то вновь выберет меня. Самое удивительное, что с Селестой все шло не так, как с Фьенной, и дело не в том, что захухря и цваргиня отличались как небо и земля, хотя и это сыграло определенную роль. Отличалось мое собственное восприятие.

Фьенне я многое обещал и все это выполнял вопреки внутренним желаниям. Потому что должен. Просто потому, что мужчина. Женщин на Цварге катастрофически мало, и большинству мальчиков с детства внушают, что исполнять желания слабого пола – их прямая обязанность. Поэтому и не разорвал помолвку с Фьенной, осознав, что она выбрала меня ради удобства и потому, что могу устроить ее на «Сверхновую».

К Селесте были чувства иного порядка – мне *хотелось* ее радовать, видеть ее улыбки, слышать эмоции, а уж когда она смеялась... внутри все переворачивалось.

После того как захухря объяснила, что не выгоняет меня и будет рада видеть в своем доме, сколько я пожелаю, стало и легче, и сложнее. Легче – потому что теперь я мог беспрепятственно наслаждаться ее щедрыми и гармоничными бета-колебаниями, не испытывая ломки, а сложнее – потому что хотелось большего. Гораздо большего. Особенно во снах.

Я терялся в догадках, почему Селеста вроде бы и не против наших отношений, но даже после поцелуя реагирует так, будто я собираюсь сделать что-то плохое. Фраза «Ты напомнил мне мужа» крутилась в голове и постепенно зарождала дурные предчувствия. А вдруг она все еще любит его? Вдруг я буду лишь заменой? Селеста сказала, что не любила мужа, но я был настолько взволнован, что мог не распознать ложь. Хотя вряд ли она стала бы лгать. Или стала бы?..

И я до сих пор не смог понять, сколько ей лет. Она выглядела как очень молодая человеческая девушка. Во сколько же лет она вышла

замуж? И почему так испугалась поцелуя, если у нее были отношения с мужчиной? Ее поведение казалось нелогичным, но все это меркло на фоне периодически испытываемого кисло-горького неподдельного страха. Раньше такого не было.

Навязчивый голос в голове противно зудел одно и то же: *«Льерт, как можно быть настолько слепым? Ты упускаешь очевидное. У тебя все пазлы головоломки, ну же, собери...»*

Я проводил с Селестой все свободное время, летал с ней по Оенталю, параллельно работая в ангарах, – скоро начнется сезон кислотных дождей, и услуги навигатора никому не понадобятся. Нужно заработать столько, чтобы следующие месяцы не думать о секкерах. Хотелось радовать Селесту, но чем больше старался развлечь, тем чаще у нее случались эмоциональные выплески, физической болью сказываясь на моих рогах. Если мне было так гадко и невыносимо, то я боялся даже представить, что она испытывала в прошлом. Селеста старалась скрыть свое состояние, но я в душе понимал, что только врежусь ей одним своим видом. Ведь до того злосчастливого свидания не было ничего подобного!

Когда я сказал, что побегаю, на самом деле хотел дать захухре чуточку свободы. И я искренне поразился, когда девушка вдруг настояла на походе в ночной клуб. Собралась минут за десять, представ передо мной в вызывающе обтягивающем, но элегантном вечернем платье с разрезом до середины бедра. Длинные стройные ноги, тонкая талия, высокая грудь... Я потерялся, глядя на нее. До сих пор она ходила в джинсах, бриджах, изредка – в летних сарафанах, а тут... Некстати пришла мысль, что эта девушка по красоте не уступает чистокровным цваргиням. Поспешно мотнул головой, прогоняя дурацкое сравнение.

– Селеста, – произнес, наконец очнувшись от созерцания девушки. – Ты потрясающе выглядишь, но я не знаю, как мы будем добираться до «Гаванны». У меня только спидер, в таком платье будет... – На секунду представил, что она сядет сзади меня, ткань поползет вверх, и ее правая нога, где разрез на ткани, окажется оголенной до бедра. Девушка прижмется к моей спине, а круглая коленка будет почти под моей кистью... Гравитационная аномалия, мы так точно далеко не уедем! – Будет неудобно, – пробормотал,

непроизвольно сглатывая слюну от стремительно нарисовавшихся в голове картинок.

Селеста на секунду наморщила носик, задумавшись, и широко улыбнулась.

– Ерунда. Зачем нам спидер? Тут идти – рукой подать, я и пешком могу.

– А если ветер сильный начнется? Дождь? А вдруг ногу подвернешь?

– Да какой дождь, Льерт? Сегодня и ветра-то практически не было. Я смотрела прогноз погоды, все отлично. Даже если и польет – вначале пару недель на Оентале идут ледяные дожди, уже потом кислотные. Ничего страшного не произойдет.

На периферии сознания крутилась какая-то хвостатая мысль и не давала покоя. Не мысль даже, а колкое, как камешек в ботинке, дурное предчувствие. Кончики рогов покалывало. Много лет назад, когда я служил капитаном «Сверхновой», такие неосязаемые предчувствия неоднократно выручали.

– Может, все-таки не пойдём в «Гаванну»? Я принес голофильм, мы еще не смотрели... – предпринял последнюю попытку отговорить Селесту от затеи.

– Насмотримся еще, – фыркнула она, – за прошлую местную зиму три сериала пересмотрела. Льерт, пожалуйста, я так хочу потанцевать! Если нам не понравится, просто уйдем.

Я посмотрел на туфли Селесты и покачал головой... Обувь неплоха, но не кроссовки. С другой стороны, если она устанет, понесу ее на руках. Здесь недалеко. И это может обернуться приятной прогулкой. Игнорируя зуд в рогах, я кивнул.

Дорога до «Гаванны» заняла немного времени. Селеста, не бывавшая в этом заведении, предполагала, что придется поплутать, прежде чем найдем его, но эхо ритмичной музыки настигло нас за квартал. Мы пересекли улицу, архитектура сменилась на более цивилизованную, дороги стали шире и ровнее, все чаще встречались зеленые и голубые неоновые фонари. Самый центр города. До зеркальных высоток и идеальных трасс Цварга, конечно, далеко, но в целом прилично, если вспомнить, что Оенталь – полуаграрная планета. Даже не скажешь, что Глиняный рынок с саманными

лачугами всего в километре отсюда. Забавно, мы с Селестой объездили все леса и поля вокруг, а в центре до сих пор не бывали.

Мы все так же шли на звук, Селеста приплясывала и почему-то смеялась.

– Никогда не ходила в ночной клуб, представляешь? – заявила, неожиданно обогнав меня и встав спиной вперед.

– Представляю. – Улыбнулся, глядя, как сияют глаза из-под золотистой челки.

Несмотря на то что Селеста практически всегда вела себя сдержанно и благоразумно, периодически в нее вселялся сущий ребенок, который хотел бегать, веселиться и совершать глупости. Я был шокирован, когда две недели назад она скинула обувь и прямо в одежде нырнула в лесное озеро – мол, вода теплая, а она давно хотела поплавать в открытом источнике. Пришлось спешно плыть за девушкой, возомнившей себя русалкой. Одной Вселенной известно, каких внутренних усилий мне стоило вернуть Селесту на берег в мокрой футболке, облепившей все тело...

– Аккуратнее, Селеста! Тут не везде наливной асфальт, каблук может зацепиться за выемку или камень...

– Не зацепится. Как хочу, так и иду, – упрямо ответила она, так и двигаясь спиной вперед, но уже медленнее. – А если упаду, это будут последствия моего решения.

Спорить было не время и не место. Внутреннее чутье подсказывало, что Селесте важно идти так, как играют дети, и это своего рода проверка – разрешат родители проказничать или нет. С Фьенной такое тоже случалось, но чаще выливалось в капризы более глобального и опасного порядка типа «отвези меня на планету с ядовитыми парами». До тех пор пока нет угрозы жизни и здоровью – почему бы и не побыть ребенком?

Мы шли, неотрывно глядя друг на друга. Музыка становилась все громче, до угла, где располагался вход, оставались считанные метры. Захухря стала оборачиваться, неловко запнулась, взмахнула руками... Разумеется, я поймал ее, так как пристально следил за каждым движением. Селеста оказалась в кольце моих рук. Пухлые розовые губы изумленно приоткрылись, меня обдало ее свежим и теплым дыханием. Похоже, она даже не поняла, что произошло.

– Я просил не идти спиной именно поэтому. Чтобы ты не упала. – Улыбнулся, глядя в глаза невероятного оттенка крепкого кофе. – Это называется заботой.

Селеста нахмурилась, хотела что-то сказать, но в этот момент я почувствовал целую волну накладывающихся друг на друга бета-колебаний, до гадливости неприятных, тошнотворных. Как будто меня вновь на корабль к космопиратам занесло. Я резко поднял взгляд и увидел, как пятеро подвыпивших рептилоидов буквально вывалились из заведения, куда мы направлялись. Они еще не заметили нас, а Селеста – их, но рога подсказывали – у нас неприятности. Не прошло и пары секунд, как один из пятерки, наиболее крупный и мерзкий тип, заголосил:

– Смотрите, братцы, какая парочка! Ух, а цыпа-то какая! Эй, рогатый, может, поделишься девчонкой? Люблю светленьких! Она, интересно, везде такая?

Селеста напряглась всем телом и резко крутанулась в моих руках. От нее ощутимо повеяло тревогой. Словно проблемы в виде пьяных рептилоидов нам было мало, в центре темно-бирюзового облака промелькнула молния, следом раздался оглушающий гром. Я молча смотрел, как приближаются ублюдки, и лихорадочно перебирал варианты выхода из ситуации. Не будь рядом Селесты, спокойно принял бы бой. Пока служил в военно-космических силах Цварга, и не в таких передрягах бывал. Но наличие девушки все осложняло. Я не могу ее бросить или попросить постоять в сторонке. Велеть ей бежать? Но куда? Начинается дождь, судя по цвету молнии и облаков, кислотный, от такого кожа человека покрывается язвами. Взгляд метнулся к единственному в поле зрения заведению с открытыми дверьми. «Гаванна»? А где гарантия, что там не развлекаются приятели этой дружной компании? А может, они подкупили охрану заведения? Или VIP-клиенты? Одежда на незнакомцах была добротная, даже слишком. Я прищурился, рассматривая ткань универсального синтетического комбинезона с нанонитями под обыкновенной рубашкой и тяжелые ботинки из натуральной кожи. Таковую обувь на Оентале не носят, слишком мягкая и быстро стирается. Нет, не стоит Селесте даже на несколько минут заходить в ночной клуб без меня. Пронзило острое сожаление, что я не взял спидер. Сейчас бы приказал ей сматываться, никто бы не догнал.

– Отойдите. Вы пугаете мою девушку, – сказал достаточно громко, чтобы они слышали, стоило хотя бы попытаться решить все мирным путем.

В ответ компания громко заржала и начала медленно нас окружать. Селеста задрожала, увидев их маневр.

– Мужик, ты нас не интересуешь, – тот же рептилоид продемонстрировал ряд по-акульки острых зубов, – а вот блондиночка нам по вкусу. Оставляй ее, скидывай на землю все бабло из карманов и уноси лапы, цел останешься.

– Льерт, пожалуйста...

Селеста что-то забормотала, но я не расслышал, стараясь удержать взглядом всех пятерых. Подготовка у меня была хорошая, выносливость отличная. На их стороне количество, на моей – годы тренировок и рукопашных боев, оттачивающих технику. Раньше хвост с шипом помогал, без него будет сложно, но на кулаках подраться можно. Я разжал пальцы Селесты, вцепившейся в меня клещом, и хотел ей шепнуть, чтобы отошла, но оставалась в поле зрения, если бы не два одновременных события.

На кожу упала первая лилово-бирюзовая капля – кислотный дождь, я так и подумал, увидев молнию! А в отблеске неоновых светов в руке ближайшего ко мне рептилоида мелькнуло лезвие ножа. Все это заставило меня действовать максимально быстро. Оттолкнув девушку в противоположную от уродов сторону, заорал:

– Селеста, беги! Я задержу их!

Селеста глянула на меня огромными испуганными глазами, пришлось повторно прикрикнуть: «Беги! Я найду тебя!» В темноте карих глаз отразилось сомнение, но она все же рванула прочь, а меня вмиг окружили ошестившиеся холодным оружием разозленные рептилоиды.

Полетели колюще-режущие удары. Годы натренированной скорости, предчувствие опасности и реакция позволяли уворачиваться от мажущих тычков, но хвоста в ближнем бою катастрофически не хватало. Пусть не как оружия или щита, но хотя бы помогал ловить баланс. Пятеро против одного – паршивый расклад, но, чтобы удержать противников на несколько минут, вполне сносно.

Кровь кипела от ярости, чувства многократно обострились, слух и зрение – на пределе. Удар, прыжок... Шорох где-то справа. Резкий

разворот тела, блок, контратака. И все очень быстро! Когда много противников, первое правило – не стоять на месте, надо постоянно двигаться, создавать препятствия из их собственных тел, чтобы мешали друг другу.

Вспышка молнии – темно-бордовой, с синеватым оттенком, как густая венозная кровь. Усиливающийся дождь. Максимальная скорость и концентрация на происходящем. Стальной блеск лезвия в опасной близости от лица, но я успел отпрыгнуть и прикрыться вторым рептилоидом, пока первый издавал kloкочуще гортанный крик бешенства.

«Хоть бы Селеста убежала как можно дальше и спряталась от стихии! Тогда эти твари пожалеют, что связались с цваргом. Они об этом не догадываются, но скоро узнают...»

Жирный урод, угрожавший Селесте, взбеленился и предпринял попытку погнаться за ней, но вовремя поставленная подножка остановила отморозка. Лощеная морда пропахала синтетическое покрытие дороги, звук напомнил скрип мелка по стеклу.

– Убью! – зарычал он и достал из сапога второй нож, но вместо лезвия показалось характерное голубоватое свечение лазера. – Сам напросился! – Я позволил себе на секунду замереть, рассмотреть расплосованное в кровь лицо разъяренного главаря и удовлетворенно хмыкнуть. – Получай, рогатый ублюдок! – взревел он.

Я был готов увернуться от обеих ножей, но, когда эта туша понеслась на меня, за стеной дождя и ветра слух уловил женский вскрик. Инстинктивно оглянулся, Селесты уже не было видно, зато острая горячая боль пронзила правый бок.

– Щас мы его на ленточки разделаем, потом можно и за красотку браться, – заулюлюкал напавший, картинно жонглируя ножами. Словно в замедленном сне я наблюдал, как моя рубашка окрасилась алым, капли дождя, попадая на открытую рану, нещадно жгли, хотя кожа цваргов устойчива ко многому. Режущая боль в боку, мерзкое жжение, кривые ухмылки рептилоидов и короткий вскрик Селесты – все это мощным коктейлем хлестнуло, закрутилось внутри смерчем и вышло наружу в виде сокрушительной волны бета-колебаний. Я даже не пытался ее сдерживать.

На Цварге запрещено оказывать ментальное воздействие, потому что недозированные и неконтролируемые эманации могут привести

к сумасшествию. Каждое разумное существо, будь то глупая рыба или гражданин Федерации с высшим образованием, выделяет определенные колебания. Активность головного мозга мыслящего создания – это в первую очередь электрические импульсы, и чем более развито существо, тем ярче, амплитуднее и сильнее собственные осцилляции, но, как и любые колебания, их можно загасить. Брось в воду камень – от него пойдут круги, но стоит бросить рядом еще один, волны от первого в местах соприкосновения наложатся на встречные волны. И хорошо, если в резонансе, а если нет – получится мелкая рябь. Если вместо второго камня в воду упадет булыжник, круги от него загасят слабые волны первого объекта. Так и с ритмами головного мозга. Стоит кому-то пустить мощную волну бета-колебаний, она собьет все вокруг, выжжет дотла личные эманации существ, а при длительном воздействии окажет необратимое влияние на мозг. Только тонкие, качественные, предельно точные колебания, доступные лишь цваргам с развитыми рогами, могут безболезненно и безвредно отразиться на испытуемом.

Но сейчас мне было не до этого. Я гасил рептилоидов. Внушал им ужас и страх. Всю мерзость, которой от них несло, обернул против них же, многократно увеличив волны, добавил злость и агрессию... Как тот булыжник, брошенный после горстки камней в водную гладь, я со всепоглощающим гневом давил отморожков ментальными волнами. Я очнулся, когда все тела лежали на асфальтоподобном покрытии, а поднявшийся ветер бросил горсть воды прямо в рану. Страшно защипало...

Медленно перевел взгляд на бок, поморщился. Вновь посмотрел на лежащие тела – живые физически, но с выжженными мозгами. После такого напряжения на ментальном уровне слегка мутило, во рту растекалась горечь от тех бета-колебаний, которые невольно впитал и которые пришлось индуцировать, чтобы уложить рептилоидов. Ранение бока выглядело ерундой на фоне того, как дрянно все кружилось в голове и болели рога...

Я через силу вдохнул и выдохнул, стараясь успокоиться и прислушаться к колебаниям Селесты. Она оставила след, найти ее смогу, нужна только пара минут, чтобы прийти в себя. Шварх, этот косой дождь... Надеюсь, она догадалась спрятаться куда-нибудь под козырек.

Внезапная вспышка красной молнии вспорола пространство, заливая все ярким рубиновым светом. Ужас парализовал. Волоски на теле встали дыбом, боль в боку и рогах перестала иметь значение. Передо мной валялись четыре тела. Четыре, а не пять!

«Когда я упустил кого-то из рептилоидов?! Как мог не заметить?!»

Вспомнился женский вскрик... Игнорируя боль, я что было сил рванул в ту сторону, куда побежала Селеста.

«Только бы не опоздать! Этого я точно не переживу...»

Глава 21. Коралловая молния кислотного дождя

Селеста Гю-Эль

Нас окружали пятеро огромных бритоголовых мужчин. Гладкие черепа, громоздкие фигуры, одетые так, что не понять, мышцы там или жир. Таких мужчин на Оентале я еще не видела, сразу вспомнились сообщения по головидению про космопиратов. Так страшно мне никогда не было. Наверное, впервые до меня дошел смысл словосочетания «полуаграрная планета» во всей его неприглядной красе: это не просто значимая доля прибыли от экспорта пищевых ресурсов; это не просто характерная архитектура невысоких зданий и устройство города с сезонными базарами. Это в первую очередь уровень развития самой планеты. Отсутствие патрулирования улиц, Системной Полиции, классического видеонаблюдения в общественных местах... Отсутствие безопасности.

Не передать словами, как я сожалела, что не послушала Льерта и настояла на посещении «Гаванны». Вселенная! Мы даже спидер не взяли, потому что я платье надела... Хотелось быть красивой и пойти в том, что нравится. Осознание, что, если бы я хоть в чем-то уступила Льерту, у нас были бы шансы на спасение, навалилось тяжелой гравиплатформой. Это же я втянула его в это! Моя вина...

Я дернула Льерта за рукав, чтобы привлечь внимание и уговорить побежать, но вместо этого меня жестко толкнули.

– Селеста, беги! Я задержу их!

«Куда? Одна?!»

На кожу жалящими укусами разозленных ос упали первые капли дождя. Не ледяного – кислотного. И тут не повезло! Никогда не верила в Фортуну, считала, что и в самой безвыходной ситуации можно что-то придумать, но сейчас на ум ничего не шло. Вообще ничего! Руки мгновенно зачесались, но это было ерундой при мысли о том, что Льерт останется под дождем один против пяти амбалов!

– Беги! Я найду тебя! – снова крикнул он.

И столько невысказанного было в голосе, так бескомпромиссно-холодно блеснули глаза, что невозможно было не подчиниться. Прозвучало как приказ, отданный экипажу капитаном корабля, остающимся последним на судне в случае аварии. И я побежала, на ходу сбрасывая туфли.

Слезы страха и осознания собственной вины застряли в горле. Дурацкое крошащееся асфальтовое покрытие болезненно врезалось в подошвы стоп. Дождь перешел в цветной ливень, капли барабанили по дороге, вспенивая лужи, коралловые вспышки молний окрашивали мир в кровавые тона. Оенталь за каких-то полчаса превратился в филиал ада. Намокшее платье мешалось, сковывая движения, кожу жгло, но я бежала, не разбирая дороги. Легкие рвало в клочья от нехватки кислорода, от раскатов грома закладывало уши. Стопы, кажется, стерлись до мяса, но это все мелочи по сравнению с тем, что сейчас творилось там, у входа в «Гаванну».

«Вселенная! Умоляю, хоть бы Льерт остался жив! Пожалуйста... Я даже на Цварг готова вернуться, только бы он выжил!..»

Я хотела позвать кого-то на помощь, но, как назло, стоило начаться кислотнику – и Оенталь вымер. Все наглухо заперлись в домах, отгородились от внешнего мира ставнями или тяжелыми жалюзи – не докричатся сквозь грохот небес.

Почему пошел кислотный дождь?! Почему не ледяной? Они наступают раньше, и вообще по прогнозу до них целый месяц! Горечь на несправедливую ситуацию неперевариваемым колючим репейником стояла в желудке, слезы обиды текли по щекам, смешиваясь с каплями дождя. Кожу нещадно щипало...

Остановилась перевести дыхание, которое уже больше походило на хрипы, и невольно оглянулась. В конце улицы возник силуэт одного из громил. Миг ужаса и оцепенения – и я вновь рванула изо всех сил.

«Бежать! Бежать!..»

Пустынные улицы, холодные лужи с шипящими пузырями, темные закрытые окна... Время от времени попадались узкие улочки с подворотнями, но в них забегать опасно. Вдруг там тупик? Вселенная, где я вообще? Куда бегу?

Звук шлепков тяжелых ботинок приближался. Улицы, здания, дорога, дождь, темные тучи – все слилось в кошмарный сон.

– Лучше остановись, красотка, ты начинаешь меня злить! – крикнул мужчина.

Он догонял, между нами остались какие-то десятки метров.

Улица, переулок... От безысходности я все же свернула в какую-то подворотню. Тупик! Сердце пропустило удар, отчаяние захлестнуло, но тут же сменилось радостью – мусорный бак! Старого образца вместо современных утилизаторов, из пластика и с вогнутой крышкой...

«Можно спрятаться!»

У меня почти получилось. Почти. Еще бы секунд пять-шесть, и я бы успела. Уже схватила крышку, но очередная молния осветила пространство, и меня болезненно рванули за волосы назад.

– А-а-а! – заорала не то от испуга, не то от внезапной боли.

– Вот и попалась, куколка! А я предупреждал, не зли меня! Бегаешь словно лань! Хорошие ножки, посмотрим, как они в деле... – прорычал урод, грубо разворачивая к себе лицом.

Лучше бы я этого не видела...

Раскрасневшаяся от бега морда, крошечные глазки-бусины, плоский широкий нос. Когда он криво усмехнулся и демонстративно провел языком по верхней губе, мелькнувшие острые треугольные зубы повергли в тихий шок. И абсолютно лысая голова, которой нипочем кислотник, – у него там чешуя, что ли, растет?.. На голову выше, втрое шире в плечах. Торчащие пружинками волосы на груди и даже шее, отвратительный запах пота и алкоголя. Я впала в ступор и не сразу почувствовала, как огромная лапища поползла по моей попе.

Решение созрело само собой. Крышка мусорного контейнера все еще была в моих руках. Конечно, от удара хлипким пластиком такому мордовороту ничего не будет, но вода, точнее кислота, собравшаяся в вогнутой части... Пусть кожа на голове повышенной прочности, то никто не говорил, что глаза так же неуязвимы.

Зачерпнула горсть кислоты... Ух, едкая! Защипало...

– Стой смирно, если не хочешь, чтобы тебе было больно, – пробасил урод.

Наклонился ко мне, примеряясь, как удобнее пристроить жертву, – и я резко выплеснула все, что было в ладони. Ублюдок взвыл, хватаясь за лицо.

– Ах ты мелкая дря-я-янь!

«Дрянь, разумеется», – усмехнулась про себя и вылила на уродливую голову остатки из крышки. Не так много, конечно, а если учесть, что он закрылся руками, то и вовсе ерунда, но временного ослепления, надеюсь, достаточно. Рептилоид завопил пуще прежнего, пытаюсь выцарапать собственные глаза и сгибаясь вдвое, из-за шиворота показалась волосатая шея с выступающими позвонками. Я не удержалась и ребром крышки ударила в основание черепа. Сообразила, что натворила, лишь когда преступник со смачным шлепком рухнул на землю. Превозмогая омерзение, приставила пальцы к мясистой шее... Жив.

Поспешно отдернула руки от вонючего тела, вытерла ладони о подол и пошла куда глаза глядят. Ливень перестал лупить с такой силой, сменившись моросью, а та – мелким градом. Обхватив себя руками, брела, пошатываясь, от холода зуб на зуб не попадал, и я периодически грела дыханием пальцы, надеясь на гены, – цварги болеют очень редко.

Мелькали улицы и дома, знакомые и незнакомые одновременно. Вроде я была в этой части города... Хотела вернуться к «Гаванне», но в итоге заблудилась и вместо центра вышла на окраину, где начинался лес. Что за ерунда?! Хотела вернуться назад, но ледяная крошка с неба усилилась, царапала кожу не хуже кислотника, а в голове вдруг вспышкой пронеслось воспоминание двухлетней давности.

Маленький уютный домик с деревянным настилом и шкурами на полу. Когда я починила крышу у собственного дома и столкнулась с подтекающим подвалом, злость на невезение заставила в один прекрасный вечер поискать в инфосети варианты обмена жилья. Фотографии уютного домика меня поразили – на Цварге натуральное дерево считалось дорогостоящим материалом, а тут цена оказалась даже ниже стоимости протекающего жилья. Только когда я пришла на место, выяснилось, что понравившийся домик расположен на окраине, электричество работает с перебоями, а площадь строения существенно меньше уже приобретенного мной.

Шанс, что за два года дом так никто и не купил, стремился к нулю, но ввиду бушевавшей стихии и сгустившихся сумерек разумнее было бы просушиться, переждать ночь, а уже потом искать Льерта и возвращаться домой. Мысль, что Льерт может валяться где-то

в канаве с дырой в животе, я старалась отогнать от себя как можно дальше. Он крикнул, что задержит их, а уж в том, что при желании бывший полуконтрактник сможет убежать от подвыпивших типов, я не сомневалась.

Бетон с антикоррозийным покрытием под ногами сменился песчаником, а затем утоптанной дорожкой. Деревья и листва над головой частично закрывали от града, и было уже не так больно.

Неработающий замок на входе – визитная карточка Оенталья. Растерев замерзшие пальцы, навалилась на тяжелую дверь, готовая к чему угодно. К тому, что придется объясняться, что я не нищенка и голодранка, просто неудачно попала под кислотник. К тому, что меня не пустят дальше порога. Даже к шумной семье оршей была мысленно готова. Но внутри оказалось тихо, темно и пусто, но сухо. Неужели мне впервые за этот вечер повезло?

Пошуршала выключателем – электричества нет. Ну и ладно, очертания предметов видны, этого хватит, чтобы переночевать. Мебель хозяева вывезли, оставив лишь шкуры лам на полу. На Цварге они стоили бы целое состояние, а здесь, когда я спросила, почему бросили, мне сказали: «Не влезли в тачку». Я провела рукой по подоконнику – толстый слой пыли. Весь дом состоял из единственного помещения, которое служило одновременно гостиной, спальней, кухней и даже моечной – в дальнем конце величественно белела чугунная ванна на витых бронзовых ножках. Лишь туалет находился в отдельной крошечной комнатке. Помнится, когда я впервые увидела планировку и поняла, что все помещение составляет от силы шестьдесят квадратов, на меня навалилось возмущение – как можно здесь жить? Сейчас было все равно: крыша над головой есть, и ладно.

После пережитого стресса, забега по Оенталю, драки с преследователем и прогулки под щедрыми осадками страшно тянуло в сон. Знобило, а кожу на руках, лице и ногах, наоборот, щипало. Волевым усилием заставила себя поискать мыло. Хоть бы еще капельку повезло. У меня отличная регенерация, но, если я найду кусок мыла и смою кислоту, ожоги пройдут скорее. И исстрадавшиеся стопы тоже следует промыть.

Мыло я не нашла, зато, пока обходила кругом ванную, взгляд упал на вертикальную трубу вдоль стены, облицованную кирпичом. Кажется, хозяева дома говорили, что это источник тепла вместо

климат-контроля. Присела на корточки, поковырялась в поленьях... Как это включается? Со стороны труба и стеклянная нижняя часть напоминали камин в загородных домах на Цварге, но они оснащались голопроекцией огня и электробатареей со встроенным термометром для обогрева помещения. Однажды я видела камин с настоящим огнем, но там были встроенные автоподжиг и подача сублимированных угольных брикетов. А устройство передо мной не имело никакой электроники. Я каждый кирпичик потрогала, каждую выемку – ничего!

– Ну же, швархова машина, включайся! Дай хотя бы крохи тепла!

Я безрезультатно ударила по трубе, ободрала костяшки пальцев... Внезапно стало так жалко себя. Замерзшая, промокшая, кожа горит, но смыть кислотник не могу. Света нет, тепла тоже... Погнавшийся за мной громила напугал стократ больше, чем пробравшийся в спальню глуповатый Оден. И Льерт неизвестно где, и что с ним, неизвестно. Горло запершило от комка горечи, глаза зачесались от подступивших слез... Вселенная, как же он один против четверых?..

«Хоть бы только он был жив, остальное неважно...»

Глава 22. Обжигающие поцелуи воды

Селеста Гю-Эль

«Хватит разводиться сопли, Селеста. Мишель тебя предупреждал, что иные Миры не лучше Цварга. Что ты сказала? Справишься? Ну так справляйся».

Я тряхнула головой, отгоняя слезы. Начну себя жалеть – заплачу. Заплачу – стану тереть глаза руками. Потру глаза – могу на месяц лишиться зрения, пока будет восстанавливаться роговица... Плавали – знаем.

За стеной дождя, периодически переходящего в град, слух уловил скрип ступеней на крыльце. Входная дверь резко отворилась.

– Селеста?!

Я даже испугаться не успела. Такой родной и любимый голос пронзил пространство между нами. Сердце пропустило удар и зашло в бешеном ритме. Ослепительным софитом сверкнула очередная молния, в яркой вспышке взгляд успел выцепить детали. Льерт стоял на пороге грязный, мокрый, со спутанными волосами и огромным алым пятном на рубашке. Тяжело и рвано дыша, одной рукой держался за косяк, второй – за центр пятна. Время замедлилось, зрение сфокусировалось на мужской фигуре с рогами, предметы вокруг потеряли очертания и размылись. Или это я все-таки расплакалась?

– Ты жив!!!

Я рванула к мужчине, а он сделал шаг и тихо охнул, когда я, отбросив правила приличий, сжала его так крепко, как только могла.

Хотелось рыдать от счастья, ругаться, молотить руками по его груди и кричать: «Никогда так больше не делай! Я знаю, ты меня защищал, но я испугалась за тебя не меньше, чем за себя!» И одновременно умолять о прощении: «Если бы не мое дурацкое желание развлечься, ничего бы не случилось...» Пьянящий горький травянистый аромат Льерта хлынул в легкие, и я оглушительно всхлипнула, прижимаясь еще теснее, и было наплевать на грязь и пот. В эту секунду я отчетливо осознала, что не только на Оентале, но и во

всей Федерации нет никого ближе, чем этот мужчина. Оказывается, он был нужным и близким все это время, а я просто не понимала...

– Селеста, ангел мой, как же я рад, что с тобой все в порядке... – бормотал Льерт, глядя меня по голове и неловко сжимая, видимо, боясь раздавить или испачкать. – Ну конечно я жив, иначе быть не могло. Ты что, испугалась за меня? Глупенькая, я хотел, чтобы у тебя была возможность убежать. Ну все, не плачь, пожалуйста.

Я немного пришла в себя от первых эмоций и обратила внимание на кровь.

– Ты ранен?! – испуганно вскрикнула, сообразив, что своими объятиями могла сделать больно, и отступила на шаг.

– Ерунда, царапина. До свадьбы заживет, – хрипло ответил мужчина и рассмеялся на мой возмущенный взгляд.

Как можно шутить, когда весь бок в крови?!

– Как ты выбрался? Убежал? Как ты меня нашел?! Кто тебя поранил? – вопросы выскакивали один за другим, как мячики для тенниса из специального аппарата.

– Селеста, все в порядке. Да... Рана – действительно ерунда... Просто нашел... – Он приподнял пальцами мой подбородок, серые глаза смотрели так внимательно, что, казалось, читали душу. – Скажи честно, с тобой ничего не случилось? Я слышал твой крик.

Я закусила губу, вспомнив, как лапы пьяного лысого уroda шарили по телу. Как плеснула кислотой ему в глаза, ударила крышкой от бака и даже испугалась, что убила. Но это такая ерунда по сравнению с ранением Льерта. В конце концов, ожоги от кислотника быстро на мне заживут, как и стопы, а все остальное – не так уж и важно.

– Нет, ничего не случилось.

Льерт нахмурился, явно не поверив, но бросил взгляд на мою одежду и внезапно низко, почти агрессивно зарычал:

– Селеста, раздевайся!

Я даже моргнула от изумления. Но не столько от вопиюще неприличного приказа, сколько от затрепетавших ноздрей и злости, мелькнувшей в глазах мужчины.

– Раздеваться? – машинально повторила, так и не поняв причину гнева.

– Да! Твоя одежда пропиталась кислотником. Неужели ты собиралась в ней спать? Ожоги будут по всему телу. Помнишь язвы на мне? Это от долгого пребывания в тряпках, вымоченных под местным дождем. Скорее раздевайся! Обещаю, я не буду смотреть...

Я мысленно улыбнулась, почувствовав, что, несмотря на жесткость и ультимативность тона, обо мне именно заботятся, а не ограничивают свободу. Как после той ночи, когда в мою спальню пробрался Оден, а Льерт выдвинул требование, чтобы я возвращалась до сумерек.

Хотелось возразить, что кислотник, конечно, неприятная вещь, но язв, как у него, у меня не будет, я все-таки цваргиня. И ожоги быстро пройдут. Однако, поразмыслив, я решила пока не говорить о своей расе – не потому, что не доверяю Льерту, просто не время и не место, потом как-нибудь. В спокойной обстановке.

Послушно сняла с себя липкое платье, а подумав немного – и белье. Сомнений в том, что Льерт не станет подглядывать, не возникло, да и в полутьме мало что видно. Что он там разглядит в ночи?

Сам же бывший полуконтрактник, пока я раздевалась, стянул с себя рубашку и штаны. Четкий силуэт бугрящейся мышцами спины – у меня-то зрение получше, чем у большинства граждан Федерации! – невольно заставил затаить дыхание. Мокрый хлопок тесно облепил крепкие ягодицы, ямочки над ними показались из-за широкой резинки. Я поймала себя на том, что, будучи чистокровной цваргиней из аристократической ветви, с молоком матери впитавшей правила этикета, физически не могу отвести взор от мужской спины и мысленно представляю, как он будет выглядеть... спереди.

– Разделась? – спросил Льерт, выдергивая меня из нахлынувшего оцепенения.

– Да. – Собственный голос показался хриплым. Ощущение наготы навалилось как внезапная гравитационная перегрузка: дышать стало сложно, сдавило легкие, пульс застучал в ушах, и во рту слишком сухо... – А что ты делаешь? – спросила, заметив, как мужчина что-то выискивает под днищем ванны.

– Мыло – это щелочь. Оно есть в каждом доме на Оентале, даже у бедняков. Это средство первой необходимости. Пленку из кислоты надо смыть как можно скорее.

– Я уже искала, но не нашла... – И удивленно замолкла, увидев у Льерта на ладони светлый брусочек.

– Наверное, ты просто не дотянулась. Мойся первой. Я не смотрю. – И замер с вытянутой в сторону рукой, все так же стоя ко мне спиной.

И смотрел демонстративно прямо, слепо уставившись в стену. Я подошла сзади, аккуратно взяла брусочек, а когда хотела шагнуть внутрь чугунной чаши, Льерт ловко повернулся, чтобы опять оказаться затылком ко мне. Колючие жаркие мурашки цепочкой пробежали вдоль тела от мысли, что бывший военный наверняка ориентируется в сумраке не хуже меня. Я тряхнула головой, отгоняя странные мысли, включила воду и принялась пенить мыло.

Нежные воздушные хлопья заполнили чашу, а я, намыливаясь, почувствовала облегчение... Пока не заметила потемнение на внутренней поверхности предплечий. Вечернее платье, которое я выбрала для клуба, было с коротким рукавом. Шварх, неужели местные осадки съели маскирующий крем-пасту? Вот зараза... В голове всплыли слова Мишеля: «Она действует на молекулярном уровне, проникает в глубокие слои дермы и, если не тереть кожу мочалкой и подолгу не отмывать в ваннах и саунах, действует приблизительно месяц».

– И не попадать под кислотные дожди... – тихо пробормотала, думая, что теперь делать, ведь наутро Льерт обязательно заметит лиловые пятна.

– Ты что-то сказала?

Я подняла взгляд. Мужчина на четвереньках ползал около камина. Кажется, он тоже пытался найти способ его включить. И все еще придерживал левой рукой рану. Стало совестно: надо выбираться из ванны, ему чистая вода и мыло важнее.

– Да. Говорю, что не понимаю, почему пошел кислотный дождь. Я смотрела прогноз погоды, не было его. И вдруг он смешался с ледяным. Аномалия какая-то! Если бы я только знала, что так все обернется...

– Ах, это... Селеста, не вини себя. Если и есть здесь чья-то вина, то только моя.

– Что? – Меня настолько потрясло услышанное, что даже мыло выронила.

– Моя вина, – скрипнул зубами Льерт. Подняв массивное стекло, он как-то необычно складывал деревянные поленья внутри камина. – Я должен был все просчитать. Я же смотрел на звезды и строил маршруты для кораблей. У меня были все данные, а о таком исходе событий не задумался...

– Каком исходе?

Я окончательно потеряла мысль, следя за тем, как из поленьев вырисовывается что-то вроде домика.

– Что я тебе рассказывал об Оентале, помнишь? – вопросом ответил Льерт, оторвавшись от своего занятия. – Когда показывал, как крутится травинка вокруг кулака?

– Что это планета с прецессией оси. Ось нагибается то в одну сторону, то в другую и меняет угол относительно плоскости эклиптики. – Мужчина молчал. – Я что-то перепутала? – спросила озадаченно.

– Нет, все верно, – протянул он, потряс головой и вновь взялся за дрова. – Прецессия оси, в принципе, есть на многих планетах Федерации, Оенталь выделяется среди них экстремальностью, в какие-то моменты ось нагибается очень резко...

– И тогда смена сезонов не совпадает с календарем, – осенило меня. – Все происходит быстрее!

– Да. Ось нагнулась, и лето оказалось аномально жарким для Оенталья. Быстрее нагрелась долина кислотных гейзеров, подули раскаленные ветра. По идее, дожди должны были выпасть территориально раньше и не дойти столицы, но ось, как тяжелый маятник, отбросило в другую сторону, и у нас похолодало. Отсюда и ледяной дождь, и кислотный. Уже по предыдущим аномалиям я должен был догадаться...

Я потрясенно посмотрела на Льерта. Нет, я, конечно, представляла, что он зарабатывает в ангарах не совсем уж ерундой, но даже вообразить не могла, что такие вещи можно просчитать – с поверхности планеты, без специального телескопического оборудования и выхода в орбитальную инфосеть. Хотела спросить, где он получил образование навигатора, как вдруг под руками Льерта вспыхнуло оранжевое пламя, и помещение залил теплый золотистый свет танцующего огня.

На какую-то долю секунды наши взгляды встретились в отражении толстого каминного стекла. От мысли, что он мог заметить, как я откровенно на него пялилась, стало душно и жарко, вода в ванне показалась раскаленной лавой. Поскорее прибавила холодной и принялась тщательно смывать мыльную пену, не замечая жалящих ледяных укусов, – уши, щеки, шея и даже грудь горели, в ушах снова загромыхало. После озноба, колотившего меня еще полчаса назад, состояние казалось нереальным.

– Ух, а ты, оказывается, – протянула я, чтобы сказать хоть что-нибудь, – и огонь добывать умеешь! Я не нашла ни электроподжига, ни кнопки включения...

– Разводить костры нас тоже учили на практике. Кажется, на третьем курсе. А такой камин нам только на руку – и работает без электричества, и греет, и светит.

Что-то я слишком долго моюсь... Отжала волосы, привычно обернулась в поисках полотенца и хлопнула себя по лбу – здесь нет никакой материи, кроме моего мокрого платья. Босыми ногами прошлепала мимо сидящего спиной к комнате мужчины и легла на одну из мягких шкур. Льерт, на слух определив мое перемещение, поднялся и пошел к ванне. Я отвела глаза.

«Не смотреть, не смотреть, не смотреть...» Ну как не смотреть, когда *такой* мужчина находится в нескольких метрах?

Раздался характерный шорох белья, затем звуки отворачиваемых вентилях и льющейся воды. А ведь эта комната была спроектирована для одиночки, нет ни ширм, ни занавесей, чтобы создать видимость разделения пространства. Уютно потрескивал огонь в камине, мелодия поленьев сочеталась с барабаниющими о чугун каплями, дополнялась гневом небес Оенталя и шипением проливного дождя за окнами. Но звуки непогоды были иными, *далекими*, и сейчас казались неважными.

Я уставилась на соседнюю шкуру, с нездоровым энтузиазмом рассматривая тонюсенькие шерстинки меха.

«Раз шерстинка, два шерстинка, три шерстинка...»

Проклятый слух улавливал каждый всплеск воды, каждое движение мужчины, смену веса с ноги на ногу... Как раскат грома прозвучал резкий вздох Льерта. Я слушала, как он моется, не отрывая взгляда от треклятой шкуры на полу, и представляла, как он намыливается, брызгает водой себе в лицо, зарывается пятерней

в длинные разноцветные волосы, и они мокрым шелком рассыпаются по плечам и мощной спине. Как растирает шею, а струи ветвистыми дорожками стекают по поджарому животу. Как жестко трет грудь, споласкивает руки и уже аккуратней промывает раненый бок, затем намыливает ноги и, конечно же, самое ценное у мужчины...

«Селеста, ты ужасна!» – твердил внутренний голос благовоспитанной цваргини, а я кусала губы и заново пересчитывала бесчисленные ворсинки.

Льерт Кассэль

Это было извращеннее любой пытки пиратов, в разы мучительнее радиоактивного излучения звезды на астероиде и желаннее, чем все муассаниты Цварга. Вселенная! Обнаженная Селеста мылась в нескольких метрах от меня, и я не мог думать ни о чем, кроме отражения роскошного силуэта в толстом каминном стекле. Я начал складывать поленья домиком, чтобы зажечь огонь, но Селеста потянулась, ее восхитительная грудь колыхнулась, и я забыл, что делал!

Изящные шея и руки, длинные ноги... Стопы, которые она поочередно ставила на чугунный бортик, чтобы намылить бедра, и сексуально-мило поджимала пальчики. Я сглатывал слюну и ловил себя на том, что больше всего на свете хочу скользить губами там, где захухря только что провела кусочком мыла. Раздвинуть эти стройные ноги и коснуться всех потаенных мест... Да, я был жалок. Прекрасно отдавал себе отчет, что отчаянно завидую неодушевленному куску мыла, но ничего не мог с собой поделаться. Я смотрел на отражение в стекле, составленное из света и теней, как лучшее в жизни черно-белое кино.

Там, около «Гаванны», когда я насчитал лишь четверых рептилоидов, меня парализовал ужас. Селесту я нашел по эманациям, заставив себя, преодолевая усталость и головную боль, идти по ее следу. Ей было плохо... Немного удивился, когда, вместо того чтобы свернуть в сторону ее дома, след привел меня к деревянному срубу, но,

поднимаясь по ступенькам, я точно знал, что она внутри. А дальше рога отключились сами собой так же внезапно, как роняет штангу надорвавший мышцу профессиональный спортсмен. Но мне было все равно: она меня обнимала, в воздухе чувствовал ее искреннюю радость, но не через бета-колебания, а сердцем.

Тем сложнее было перестать бросать косые взгляды на отражение обнаженной Селесты, разжечь камин, двигаться так, чтобы она не поняла, как возбуждает меня одна лишь мысль, что она рядом.

«Ты конченный извращенец, Льерт! Девушка перепугалась до смерти, потратила силы, замерзла и – слава Вселенной – не получила кислотных ожогов, а все, о чем ты можешь думать, – как бы заняться с ней сексом. Мне стыдно за тебя».

«Я не хочу... честно... оно само...»

«Да как же!..»

«Технологическая сингулярность! Кажется, я схожу с ума и мысленно разговариваю сам с собой!»

Зло тряхнул головой и выкрутил вентили в положение ледяной воды. Шумно втянул воздух через сомкнутые зубы. В паху все пылало, даже если бы я сейчас вышел на улицу под град с дождем, меня все равно не остудило бы. Стылые струи воды жестко стегали по плечам, спине, ягодицам, обжигали морозными поцелуями, но, вопреки логике, не помогли. Наоборот, сделали лишь хуже. Намного хуже.

Я промыл рану на боку, мельком отметив, что лазер прошел по касательной. Крови много, но тонкая пленка кожи уже прихватила края, в принципе, даже заклеивать не надо – за пару дней само зарастет, и следа не останется. Организм обо всем позаботится сам. Правда, рогами после сегодняшнего перенапряжения полноценно пользоваться смогу не скоро, ну и шварх с ними. Что делать с проблемой чуть ниже – одной Вселенной известно. Прикусил губу, хмуро думая, что придется как-то добраться до шкур и замотаться. Хорошо, Селеста не видит моего позора.

«Может, она уже уснула? Вселенная, пожалуйста, пускай она уснула!»

Стоило перешагнуть чугунный бортик ванны, как из мягкого кокона донеслось:

– Льерт, я замерзла... Ты придешь ко мне?

Стиснул зубы. Спокойствие, только спокойствие... Проклятый космос! Как же тянет в паху!

Боль в боку и гул в ушах от злоупотребления врожденными способностями меркли на фоне ошпарившего кипятком осознания, что надо будет лечь рядом с Селестой, обнять ее, притянуть к себе, чтобы она не мерзла, и ее ягодицы упрутся мне...

– Да, конечно. Сейчас, – ответил, костеря себя за непристойные мысли в адрес златовласого ангела, которому сегодня немало досталось.

Вселенная знает, что делал с ней ее бывший супруг, если она от поцелуя шарахнулась, а тут... Надеюсь, не напугаю. По этой же причине не стал объяснять, что сделал с рептилоидами и каким образом ее нашел. У Селесты и так стресс, и рассказ о том, кто такие цварги, не к месту.

Я медленно подошел, не спуская взгляда со шкуры, в которую девушка завернулась почти с головой, торчали лишь пальчики ног. Прикоснуться бы, поцеловать каждый, провести языком между ними, втянуть мизинчик губами, чтобы услышать ее стон...

Я снова тряхнул головой, отгоняя неуместные фантазии. Лег рядом позади, аккуратно положил руку на ее живот поверх шерстяного покрова и почувствовал, как кокон раскрывается. Не успел я что-либо сказать, как Селеста перекатилась, и мы посмотрели друг другу в глаза.

Абсолютно голые.

Без преград.

Глаза цвета крепкого кофе влажно блестели, чернота зрачков заполнила радужку. Девушка, похоже, не испытывала смущения.

– Селеста, что ты делаешь? – сипло пробормотал, не веря, что она повернулась.

«Она же не девственница, была замужем, должна все понимать...»

Неожиданно теплые пальцы царапнули мой живот и мягко легли ниже, заставив резко выдохнуть, пробежались вдоль раны на боку.

– Селеста? – повторил напряженно.

Видимо, она заметила мою реакцию, и придумывать оправдания по-детски глупо.

– Проверяю твою рану, – донесся тихий шепот, и я прикрыл веки.

«Шварх... Поздравляю, Льерт, теперь она будет тебя избегать...»

На этой мысли я сбился, потому что женская ладонь погладила мое возбуждение, а последовавшие слова снесли крышу:

– Льерт, я хочу тебя. Безумно.

«Это точно не слуховая галлюцинация?»

– Ты... уверена? – сглотнув, я переспросил, а внутренний голос ликовал и костерил меня-настоящего за преступную медлительность, но второе «я» все не верило, что не ослышалось.

– Уверена. – Селеста улыбнулась, но, когда я поставил руки по бокам от ее плеч, вдруг смущенно прикрыла ресницы. – И... можно медленно? У меня много лет никого не было.

Глава 23. Утро в лесном домике

Селеста Гю-Эль

Я забыла, насколько прекрасным может быть секс. Все смешалось – звуки, прикосновения, запахи, прошлое и настоящее. Мысль о том, что Льерт за меня заступился, заставила забыть о его внешности, рогах, так сильно напоминающих мне мужчин Цварга. Он был *другим*. И дело было не в длинных разноцветных волосах, не в серых глазах, превратившихся в жидкую ртуть, когда я повернулась, не в легкой щетине, пробивавшейся на скулах, о которую неожиданно захотелось потереться. Льерт каким-то образом проник мне под кожу, в душу; одно его имя заставляло сердце пускаться в галоп.

Глядя в серые глаза с тонкими прожилками, с каждой секундой все четче осознавала, что никогда не чувствовала ничего подобного. Вид окровавленной рубашки, и мысль, что Льерт мог погибнуть в стычке с рептилоидами, но все равно рискнул собой, выплеснули в кровь зашкаливающую дозу адреналина. Каждое сокращение проклятой мышцы в груди отдавало горечью и жжением в артериях, пульсировало болью в позвоночнике, мешало легким втянуть воздух.

– Ты уверена? – спросил мужчина, который стал для меня всем.

Капля воды стекла по его щеке на кадык и сорвалась на крепкую грудь.

– Уверена. – Не задумалась ни на миг.

Последний раз я была так уверена, когда намеревалась покинуть Цварг любым возможным способом с любым количеством денег или вовсе без оных.

Я всегда думала, что любовь – это ровное, теплое и приятное чувство, основанное на симпатии, взаимном уважении, поддержке интересов друг друга и схожих взглядах на жизнь, дарующее ощущение спокойствия, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Как же я ошибалась! Гори эти убеждения в синем пламени сверхновой!

Мартин меня уважал. У него на все были свои взгляды и мнение, но он искренне восхищался мной, говоря, что второй такой идеальной

жены ему не найти. Он входил в состав Аппарата Управления Планетой и вел активную политическую деятельность, в чем я его поддерживала. И взаимная симпатия у нас тоже была, когда мы только начинали встречаться. Что может еще больше объединить во взглядах на жизнь, чем схожее происхождение, социальное положение и образование? Все вокруг говорили, что мы красивая пара, созданная друг для друга, и результаты Планетарной Лаборатории это лишь подтверждали. Да, мы часто ссорились, но тот же секс с Мартином был отличным. Надежность и стабильность – то, чем покойный муж обеспечил меня до конца жизни, оставив состояние, внушительное даже по меркам родины. Знакомые цваргини твердили, что это и есть любовь. А если это не любовь, то я просто не знала, что тогда называют ей. «А может, я вовсе неспособна на нее?» – думала временами, перебирая воспоминания о семейной жизни с Мартином.

И лишь с Льертом я осознала, что ни шварха не понимала! Не было никакой стабильности и надежности на Оентале, стычка с рептилоидами показала, что жить здесь опасно! Не было спокойствия, одна лишь тревога, что он пострадал из-за меня. Я не могла сказать, что прониклась симпатией, увидев мужчину в первый раз. Нет, мне стало его жалко. Образование, опять же, разное. Льерт не политик и не разбирается в финансах, а я ничего не смыслю в военном деле. О происхождении вообще молчу – и слепому понятно, что мы относимся к разным расам...

Но я не могу жить без Льерта! Осознание пришло внезапно, как коралловая молния и последующий удар грома. Ураган, перевернувший все вверх дном внутри меня, мог бы соперничать с непогодой снаружи. Он вымел предрассудки и страх перед мужчиной с рогами, как порыв ветра уносит сухие скукожившиеся листья по осени. Недоверие, боязнь, опаска – все исчезло, бесследно растворилось в треске поленьев и цоканье града о стекла.

Мозолистые ладони Льерта невесомо гладили мой затылок и шею, играли с волосами, томительно-нежно скользили по тяжелым полушариям, ласкали живот. Невыносимо приятно было чувствовать его бархатно-полынное дыхание и сухие губы на своем теле. Шея, ключицы, сгибы локтей, внутренняя поверхность бедер, колени и стопы... Чувство времени и пространства отказали мне, я горела в его объятиях, пока он часами изучал мое тело, едва ли не молила

о волшебном миге соединения, проклиная себя за то, что просила его быть медленным.

Стерлись границы фальшивых правил приличия.

Исчезла агония страха перед ментальным воздействием.

Льерт любил меня.

Каждым горько-сладким поцелуем, каждым мучительно-медленным движением, отдающимся пульсацией в клеточках тела, каждым прикосновением он доказывал, что никогда не причинит мне боль и не заставит делать что-то против воли, – язык тела может рассказать больше, чем словарный запас десятков диалектов Миров Федерации!

Дрожащие пальцы, влажное рваное дыхание, жадно сжимающие ладони и мужские губы... везде. Горячий язык, выводящий на теле руны любви... Так много ощущений, чувственных прикосновений – и каждое откровеннее любого признания.

Чисто физически это мало чем отличалось от полового акта с умершим супругом, но глубоко в душе я понимала, что этой ночью окончательно и бесповоротно рухнула стена отчужденности и ледяного безразличия, которую я тщательно, кирпичик за кирпичиком, выстраивала всю жизнь. Но не жаль, она мне больше не нужна.

Неистово хотелось раствориться в Льерте, стать с ним одним целым, желательно навсегда. Кожа пылала от прикосновений, но все прочие ощущения перекрывали невыносимо упоительные, нежные и тугие толчки внутри меня. Вес его тела. Его губы. Его запах.

– Селеста... ангел мой... любимая... – хриплый шепот пустил очередную волну сладкой дрожи по телу.

Мое имя в устах Льерта звучит как фён – свежий, желанный, горячий. Я сгорала в этом ветре, я сгорала в его объятиях, как до пепла сгорает попавший в атмосферу метеорит. Наслаждение выгибало тело, лавой растекалось по венам, доводило до безумия. Льерта хотелось до одури, до сумасшествия! Я стонала: «Умоляю, еще!» – и толчки сменялись на необузданно быстрые и невыносимо глубокие, вознося меня на новый виток ошеломительных ощущений.

Эйфория, блаженство, экстаз... Ни одним словом не описать, что со мной происходило. Безумство! Когда чудовищное по своей силе наслаждение достигло пика, Вселенная показалась недостаточно

большой для нас двоих. Взрыв сверхновой поглотил нас обоих, я кричала и плакала, потому что никогда и ничего подобного не испытывала. Слезы текли по щекам, крик оцарапал гортань, дышать было сложно. Я ослепла и оглохла от навалившегося на меня осознания.

Оказывается, я полюбила Льерта.

Оказывается, я не знала, что такое любовь.

Практически сразу уснула в коконе крепких и надежных рук – так удобно и уютно спать в объятиях любимого на длинношерстных шкурах около камина.

Льерт Кассэль

Представить себе не мог, что так бывает... Когда внутри все смешивается от щемящей нежности до потребности слиться с женщиной в единое целое, раствориться в ней, принести удовольствие, какое только возможно.

После стычки с рептилоидами мои резонаторы отказывались ловить бета-колебания, но с Селестой это было и не нужно. Я чувствовал ее на каком-то внутреннем уровне. Она как идеальный инструмент откликалась на любую ласку, любое прикосновение. Неприкрытое восхищение плескалось в глазах цвета кофе, когда она очерчивала рельеф моих мышц, трогала руки и спину. Ее всхлипы, перекрывающие треск поленьев в камине и раскаты грома за окном, говорили громче всяких слов. Чувствительная и чувственная, желанная и отзывчивая, открытая и честная... Когда она простонала: «Умоляю, еще!» – и впилась ногтями в мои плечи, хваленый самоконтроль и выдержка сгорели в ядерном реакторе.

А спустя каких-то десять минут я уже баюкал спящего ангела в колыбели рук.

Селеста Гю-Эль

Наглые лучи солнца забирались под веки и требовали проснуться. Все тело ломило, но это была приятная ломота в мышцах. Ирония Вселенной – я впервые за несколько месяцев проснулась раньше и могла рассматривать мужчину, в чьих объятиях уснула. Пепельные ресницы отбрасывали густые тени на его щеки. Длинные шелковистые волосы разметались по шкуре, на подбородке показалась мягкая светлая щетина. Пальцы закололо от желания прикоснуться к ней, но я лишь тихо вздохнула, не желая будить любимого. Дрова догорели, от них шел еле заметный дымок, но сам Льерт был настолько теплым, что я счастливо проспала до утра.

Взгляд пропутешествовал ниже и наткнулся на собственные руки. При утреннем освещении стало заметно, что кожа пошла мелкими ожогами и сиреневыми пятнами. Похоже, маскирующая крем-паста не выдержала кислотного дождя. Я аккуратно выбралась из импровизированной постели, прошла к ванне и обнаружила, что все наши вещи выстираны и аккуратно развешаны на бортике.

«Когда только он успел? Неужели пока я спала?»

Одежда за ночь высохла, и я натянула вечернее платье. Посмотрела еще раз на руки и поморщилась. Местами персиковая кожа, местами красные пятна, переходящие в лиловые, мой натуральный цвет. Контраст с бежевой маскировкой под человеческую девушку создавал впечатление, что вчерашние преступники как следует меня поколотили, наставив гематом и синяков, смотрелось некрасиво и жутковато. Я бросила взгляд на рубашку Льерта и, все взвесив, надела ее: не хочу, чтобы он испугался, неверно что-то предположив. Вчера и так не поверил, что погнавшийся за мной здоровяк ничего мне не сделал. Сначала нужно все объяснить...

– Вот уж не думал, что ты можешь проснуться раньше меня.

Сонно-шершавая хрипотца в мужском голосе ослепительной вспышкой напомнила, что было ночью. Я обернулась. Заспанный, взъерошенный и невероятно уютный Льерт лежал на шкурах. Лучи солнца подсвечивали его гриву, а рога и вовсе отливали жидким серебром. Обнаженная мощная грудь, крепкие, перевитые венами руки, мускулистые бедра... Шкура, прикрывающая пах. Кровь быстрее потекла по артериям, низ живота налился жаром.

– Иди ко мне, – Льерт похлопал рядом с собой, – хочу тебя обнять.

На секунду впала в замешательство. Не то чтобы Мартин меня не обнимал... Но не с утра пораньше – у него то совещание в АУЦ, то пресс-конференция или интервью. Наоборот, он обычно просил меня не разлеживаться и встать пораньше, чтобы привести себя в порядок, как подобает леди. Я остро почувствовала, что после секса так и не помылась, на голове как минимум птичье гнездо, да и насчет поцелуев с нечищенными зубами у Гю-Эля был пунктик – он считал, так можно подцепить кариес.

– Мы же никуда не спешим, Селеста, – словно прочитав мои мысли, спокойно сказал мужчина, – и мне все равно, как ты выглядишь. Я просто хочу тебя обнять.

– Но я уже оделась...

– То есть тебя не смущает сон на полу, а лежание на шкуре в одежде смущает? – шумно фыркнул Льерт, забавляясь. – Я не против, что ты оделась, наоборот, только за – камин давно прогорел, не хватало еще, чтобы ты заболела после всех событий.

Он нахмурился, явно вспомнив не только хорошее, что было ночью, но и плохое. Нужно срочно отвлечь его от тяжелых мыслей. Интуиция подсказывала, что Льерт грызет себя за стычки у «Гаванны», искренне считая, что не смог меня защитить.

Хулиганская мысль мелькнула со скоростью молнии. Я повалилась на соседнюю шкуру и принялась щекотать мужчину. Кто может думать о плохом, когда его щекочут?

Уловка удалась, Льерт засмеялся и стал шутливо бороться со мной. В какой-то момент он схватил меня за запястья, повалился на спину и потянул на себя. В серых глазах плескалось столько нежности... В реальность меня вернула внушительная твердость, потершаяся о бедро. В нашей игривой потасовке шкура съехала вбок, мое платье задралось...

Наверное, надо бы радоваться, но на меня накатила иррациональная обида. Семьдесят пять лет я понятия не имела, что бывает *так*. Когда тобой восхищаются, но не выставляют на всеобщее обозрение. Когда тебя любят любой – и с макияжем и модной укладкой, и непроснувшуюся, со спутанными волосами. Когда действительно защищают и берегут, а не ограничивают свободу из собственной прихоти. Вселенная, да за все то время, что жили

с Льертом в одном доме, мы не то что ни разу не ссорились, он даже голоса на меня не повысил! А ведь Льерт – бывший военный...

Мысли о карьере мужчины трансформировались в картинку узких кают на звездолетах – таких же небольших, как этот домик в лесу, но не менее удобных и уютных благодаря современной электронике и автоматике. А ведь Фьенна летала с Льертом на одном корабле. С идеальным мужчиной и гениальным навигатором. Это из-за ее смерти он хотел умереть, без нее не представлял свою жизнь. Будет ли он любить меня хотя бы вполтину так, как любил свою драгоценную невесту, с которой был помолвлен с детства? Или будет постоянно сравнивать с ней? И в чью пользу будут сравнения? Это мой брак с Мартином был не самым удачным... Зависть к Фьенне отравленной стрелой вонзилась под ребра, а за ней пришел стыд. Как можно ревновать к умершей девушке? Это же низко...

– Селеста? Что случилось? – Льерт чутко отреагировал на изменение моего состояния.

Прикусила губу, не желая открывать свои мысли, но по хмурой морщинке между бровей мужчины отчетливо поняла – надо сказать правду.

– Я подумала о Фьенне... – пробормотала, чувствуя неловкость.

Не виноват же Льерт, что любил ее! Это я заняла ее место, а не она мое...

– О Фьенне? – эхом отозвался он с искренним непониманием в глазах.

Я сглотнула слюну, чувствуя еще больший стыд. Придется объяснять как есть...

– Ты был с ней помолвлен. Вы долгие годы летали на одном космическом корабле. – Отвела взгляд. – Ты наверняка так же интересно рассказывал ей о космосе, ночи проводил с ней в одной каюте... Как только я думаю, что все, что было между нами сегодня, было с ней долгие годы... – Запнулась – уверенность стремительно меня покидала, зажмурилась и под удивленным взглядом мужчины затараторила: – Я прекрасно понимаю, что она навсегда будет в твоём сердце. Я и сама была замужем почти двадцать лет. Но понимаешь... у нас с Мартином никогда не было такого... не секса. То есть секса... то есть... Ох, как же сложно объяснить...

Замолчала, уставившись в загорелую мужскую грудь, ожидая, что сейчас Льерт разразится тирадой, что я слишком много себе вообразила, что Фьенна была невестой, а я в лучшем случае сожительница... Мне не нужны были официально оформленные отношения, все это пустое, – отчаянно хотелось услышать, что эта ночь не была для Льерта «такой же, как и многие с Фьенной», потому что для меня она была особенной. С бывшим мужем не было и десятой доли тех эмоций, которые я испытала с Льертом. Это оказалось совершенно другим!

Тишина навалилась тяжелым покрывалом, лишь собственный пульс отдавался в ушах.

«Ну давай же, скажи, что Фьенна для тебя всегда будет на первом месте. Что воспоминания о ней святы... Скажи, что тебе просто хорошо со мной и это все, что ты можешь дать...»

Внезапно мужские пальцы погладили меня по щеке, скользнули на подбородок и чуть нажали, вынуждая встретиться взглядом с хозяином этих восхитительных пальцев. Он смотрел на меня с таким укором, что я вновь вспыхнула от стыда.

«Он мне ничего не обещал, а я уже что-то требую. Селеста, ты большая девочка, вдова, прекрасно знаешь, что нужно мужчинам, а ведешь себя... примерно на свою текущую внешность».

Льерт ласково провел по моим волосам и улыбнулся:

– Селеста, ангел мой, я люблю тебя.

Хорошо, что я лежала, потому что ноги вмиг стали ватными, будто из них вынули кости.

Я люблю тебя.

Коротко. Серьезно.

Безо всяких «но», оговорок про результаты на совместимость и брачных договоров с прописанными условиями, сколько денег отойдет мне в случае, если я рожу наследника или наследницу. Совершенно однозначно. Искренне. По-настоящему.

Я так растерялась, что не знала, что ответить, но Льерт и не ожидал ничего. Снова улыбнулся, переместил руку ниже по спине, порождая дорожку из сладких мурашек.

– Когда я впервые тебя увидел, подумал, что не может быть такой замечательной девушки, это непременно ангел. То, как ты купила раба на рынке, а затем выходила его – говорит о том, что у тебя бесконечно

доброе сердце. Не знаю, когда это произошло, но в какой-то момент я понял, что не могу жить без тебя. Без твоего потрясающего кофе на завтрак, без солнечных улыбок, без заразительного смеха и стройных ножек, мелькающих перед глазами в коротких шортиках. Мне нравится в тебе абсолютно все. То, как ты хмуришься, пытаешься выучить незнакомую руну, и думаешь, что никто этого не видит. Как мило чихаешь, когда смотришь на солнце. Как забавно прикусываешь кончик языка от усердия, когда творишь очередной кулинарный шедевр. Ты особенная. Каюсь, я долгие годы мечтал о смерти, считая себя виноватым перед Фьенной... да и сейчас считаю, что моя вина там была. Но именно ты вдохнула в меня жизнь, вначале заставив *существовать*, а позднее благодаря тебе мне вновь захотелось что-то делать. За годы каторги на астероиде и жизни у пиратов я много раз смотрел на небо, но не создал ни одного расчета, потому что я проклял космос. А с тобой мне вновь захотелось вернуться к тому, чем занимался в молодости.

– А как же Фьенна? – пробормотала я, вглядываясь в серые глаза. Неужели правда? Интуиция подсказывала, что он не врет.

– А что Фьенна? – Льерт пожал плечами. – Она была невестой по документам, и только. За все время мы и поцеловались-то от силы раз пять.

– Вы не спали вместе? – изумилась я до глубины души.

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Если помнишь, она взяла с меня слово, что я не буду на нее давить. У нас ничего не было. Она не хотела близости, я просто был ей удобен. Высокий процент совместимости, родители не будут, как она выражалась, «капать ей на мозг», плюс получала некоторые преференции благодаря статусу моей невесты. Тогда я думал, что это нормально. Женщины на моей родине... – он на несколько секунд замолчал, подбирая подходящее слово, – холодные. Они все себя так ведут, и это считается вполне естественным. А ты, Селеста, – он неожиданно заправил мой локон за ухо, – теплая. С тобой мир становится ярким и насыщенным, тебя невозможно с кем-то сравнивать. Поверь, к Фьенне я не испытывал и десятой доли того, что испытываю к тебе. У меня были женщины с Тур-Рина в коротких отгулах еще до помолвки с Фьенной, но ни одна из них не захотела вступать в отношения. Это весь мой опыт.

Он сказал это открыто, не таясь, и у меня защипало в глазах. Льерт чувствовал меня так хорошо, будто знал десятки лет! Даже слова подобрал такие же, какими я думала недавно о бывшем муже.

Было видно, что последнее признание далось Льерту тяжело. Я не удержалась и поцеловала его. И целовала, и целовала... На миг его рука замерла на моей пояснице, а затем начала активно действовать. Ладонь сжала ягодицу, а вторая – задрала платье повыше. Невинный поцелуй превратился во что-то потрясающее. Льерт вновь наполнял меня прямо так, не раздевая, вначале тягуче-медленно, а затем опрокинул на лопатки и принялся вбиваться неистово-яростно. И снова миллионы звезд и осколков.

Лежа на вздымающейся груди любимого мужчины, чувствовала, что такими темпами мы никуда не дойдем. Даже не выйдем из домика. А по-хорошему, если сезон ненастья начался, надо уйти до вечера, иначе снова попадем под кислотник. Да и покормить его не помешает...

Внезапно мужская грудь поднялась и... замерла.
– Льерт, все в порядке?

Льерт Кассэль

Когда Селеста призналась, что ревнует меня к Фьенне, внутри все сжалось. Было стыдно признаваться в том, что невеста меня не любила и выбрала лишь потому, что я был *удобен*. Но и объяснять, что давно, как заядлый наркоман, подсел на эмоции с ароматом эдельвейса, было неловко. Для этого требовалось рассказать, что я цварг с ампутированным хвостом, облученный радиоактивной звездой. И все это вкупе с рабством у пиратов вызвало бы жалость. Я планировал рассказать правду, просто еще не собрался с мыслями и не придумал, как это донести, чтобы Селеста восприняла правильно. Вдруг испугается? Неправильно поймет мою зависимость от ее бета-колебаний?

Цварги неохотно делятся информацией о ближнем круге, в этом наша уязвимость. Помножить на закрытые границы планеты, и в итоге

получаем чудовищные слухи среди необразованного населения об эмоциональных вампирах. Да просто вампирах. И это на территории Федерации, между прочим! А мы сейчас на Оентале...

Глядя в прекрасные глаза златовласого ангела, попытался донести до нее суть: я полюбил ее безумно и не представляю жизни без нее. Хочу дышать ей, наполнять легкие ее ароматом, пропускать ее через себя как воздух. Боялся вывалить на нее правду, *насколько* она мне необходима. Что мой организм и рога выбрали ее раньше, чем я смог осознать, что с ней хочу провести весь остаток жизни.

Было немного страшно признаваться, что для другой женщины я оказался недостаточно хорошим защитником во всех смыслах слова. Цваргини привыкли выбирать лучших из лучших, а тех, кого забраквала Планетарная Лаборатория ещё на раннем этапе, вовсе называли скверным словом «отказники».

Селеста вновь поступила не так, как я ожидал, – поцеловала, вызвав такую жгучую волну желаний, что я накинулся на ее рот как одичалый, задрал платье и... Любить ее было так же естественно, как дышать. Организм за ночь отдохнул и теперь с жадностью ловил восхитительно свежие эмоции. Аромат бета-колебаний наслаивался на собственный запах Селесты, смешивался в опьяняющий коктейль и разливался горными цветами в носу, во рту, в крови. Сдерживать себя было выше моих сил. Селеста лизнула мой кадык, и самоконтроль полетел в черную дыру, уступая место первобытно-дикой потребности раз и навсегда сделать ее своей.

Никогда не думал, что можно желать женщину до судорог. Всегда опасался, что буду зависеть от чужих бета-колебаний, как заядлый наркоман.

Представить себе не мог, что все вместе может приносить удовольствие.

Когда вязкий сладкий дурман по имени Селеста стал меня отпускать, я вдруг с пугающей четкостью осознал, что не спросил самое важное! Конечно, вероятность, что девушка от меня забеременеет, стремится к нулю, но вдруг ее оттолкнет сама мысль, что я это сделал специально? Кто знает, как она относится к детям? Те же миттарки вообще не спешат ими обзаводиться...

Нет, вопрос срочный и надо решать его сейчас, иначе могу сделать только хуже.

– Селеста, я... прошу прощения. Сразу должен был подумать... все произошло так внезапно... Я не предохранялся.

– Ты переживаешь, что я могла забеременеть? – Она нахмурилась, тоже став серьезной. – Ты не хочешь детей?

Сама того не зная, она наступила на самую большую мозоль любого цварга. Сколько ни бились над этой загадкой, ученые так и не смогли выяснить, при каких условиях у нашей расы появляется потомство. Некоторые пары состоят в браке и сто, и двести лет, но так и умирают бездетными, именно поэтому Планетарная Лаборатория старается тщательно подбирать кандидатов для цваргинь, чтобы у тех была возможность забеременеть. Кому-то везет, и мальчики рождаются в первые десятилетия после свадьбы. Совсем редки случаи, когда на свет появляются несколько мальчиков или даже девочка. Для любого цварга иметь ребенка – высшее счастье, о котором можно только мечтать.

– Нет, ты неправильно меня поняла. – Улыбнулся, заметив, что морщинка между светлых бровей разгладилась. – Я переживаю, что *ты* можешь их не хотеть.

– Ах, это... – Селеста неожиданно опустила взгляд и скуксилась. – У меня не может быть детей.

– Что? У тебя проблемы со здоровьем?

Я замер, оглушенный. В голове лихорадочно закрутилась мысль, что на Захране плохая медицина, а на Оентале ее и вовсе нет. Одно дело, когда женщина не хочет иметь детей, и совершенно другое – когда хочет, но не может. По статистике все проблемы с зачатием у большинства людей именно от плохой экологии.

– На территории Федерации есть планета Миттария. Не знаю, бывала ты на ней или нет, но там самая лучшая медицина и доки... Если хочешь, я заработаю деньги, слетаем...

– Да нет, я здорова. – Селеста поморщилась. – Миттары меня осматривали и разводили руками. Просто бывают такие ситуации, когда нет детей, и все тут. – Я понимал. Взять тот же Цварг... – Мы с Мартином были в браке почти двадцать лет и чего только не пробовали. Я даже сырые яйца на ужин ела, а после каждого полового акта по полчаса лежала с ногами, закинутыми за уши, – он считал, что это поможет забеременеть. – От Селесты повеяло тревогой и обидой. Я положил руку ей на спину и мягко погладил, успокаивая. – А еще он

говорил, что у меня неправильный настрой, и в нашей семье дети не рождаются из-за меня. Из-за этого мы ссорились...

– А у тебя был неправильный настрой?

– Просто я не верила в то, что у нас может быть ребенок. Мне казалось, что дети появляются у тех, кто их очень-очень ждет. Мартину же важен был наследник как факт, подтверждающий, что он полноценный мужчина. Как статус... Он был политиком, ему было в первую очередь важно, чтобы о нем хорошо отзывались в прессе. А когда через пятнадцать лет брака я так и не забеременела, он пригласил домой ведущих доков Федерации.

– И что они сказали?

– Что я абсолютно здорова. – Селеста грустно пожала плечами и стыдливо уткнулась носом в мою шею.

По ее эмоциям я чувствовал, что она хочет сказать что-то еще, но боится. Считывать бета-колебания было все еще тяжеловато, но мне это требовалось позарез, а потому вслушивался как мог в отголоски эмоционального фона девушки. И молчал, ожидая, когда она соберется с духом. Наконец Селеста прошептала:

– При одном из обследований какой-то мерзкий док вбил ему в голову, что я не могу забеременеть из-за того, что у меня были другие мужчины^[3]. – И напряглась, явно ожидая вороха вопросов.

Но я продолжал гладить Селесту – интуиция подсказывала, что именно такая молчаливая поддержка сейчас ей и нужна.

Селеста Гю-Эль

Мне было страшно, что бывший полуконтрактник неправильно отреагирует на мою историю. Какому мужчине понравится рассказ о супружеском долге с другим? А если Льерт мечтает о детях? Я цваргиня, значит, вероятность зачатия настолько мала, что о ней и думать не стоит. С Гю-Элем, которого по анализам тщательно подбирала Планетарная Лаборатория, не получилось... Когтистая лапа страха сжала сердце. Ведь Льерт может хотеть детей. Честнее всего и по-взрослому будет сразу обрисовать ситуацию. А если он уйдет от

меня потому, что я не могу иметь детей... По крайней мере я буду честна с собой.

– Льерт? – тихо позвала, оставаясь лежать на мужской груди в вечернем платье и рубашке поверх.

– Что?

– Ты слышал, что я только что сказала?

– Разумеется.

– И ты не спросишь, были ли у меня другие мужчины до Мартина и как много?

Я замерла, готовая доказывать, что была верна первому супругу, а до него у меня и подавно никого не было, но ответ Льерта удивил:

– Нет, мне это не интересно.

– Почему? – растерянно моргнула.

– Потому что считаю неважным, сколько у женщины было мужчин до меня. Главное, чтобы я стал последним.

Глава 24. Знакомый путь не всегда короткий

Селеста Гю-Эль

«Неважно, сколько у женщины было мужчин до меня. Главное, чтобы я стал последним».

Убийственно прямая логика Льерта не давала покоя. Я шла и повторяла эти слова, пробуя на вкус. Мужчина сказал, что уже полдень и надо поторапливаться, чтобы не попасть в очередной кислотник. Я машинально хотела снять его рубашку, но Льерт настоял, чтобы она осталась на мне:

– Ты вчера сильно переохладилась, тебе важнее. Я не заболею. На астероиде условия были во много раз хуже.

Я лишь бросила взгляд на его зарастающий после ранения бок, кивнула и тихо поблагодарила. Мы шли по улицам Оенталя, негромко переговариваясь. После выпавшего кислотника гуманоиды, будь то местные или приезжие, ходили хмурые как на подбор. Кто в мембранных плащах, кто со сферами-зонтами, почти все в специальных сапогах...

На странную пару – босую меня в вечернем платье и мятой мужской рубашке и полуголого Льерта – никто не обращал внимания. Вместо того чтобы возвращаться через центр, где на нас напали, Льерт повел меня более длинным, но знакомым ему путем, через Глиняный рынок. Здесь царили шум и гам, торговцы злились, что не успели убрать палатки, у многих попортился товар. Никто не ожидал выпадения осадков так рано.

– Но как же так?! По прогнозу погоды ни кислотника, ни града не обещали... – сетовали на каждом углу.

– А какого шварха ты тентом прилавков не накрыл?! – донесся рык бородача, нависшего над тощим пареньком-помощником. – Еще две недели мог бы торговать!

– Но, господин, я же не знал...

Льерт вдруг резко схватил меня за талию, поднял воздух и отпрыгнул в сторону – визжащая парочка подростков пронеслась

мимо на скутере, забрызгивая всех застоявшейся кислотой из серо-зеленых луж. В спину молодежи понеслись недовольные крики:

– Да чтоб вам всю резину на колесах разъело!

– Безголовые! Лучше бы родителям своим помогали...

Сердце бешено заколотилось, когда пришло осознание, что нас могли задавить. Льерт дотронулся до моего лица, привлекая внимание, оторвал кусок материи от своей рубашки и тщательно вытер брызги со щеки.

– А то ожог останется, – сказал он, чему-то мысленно кивнув. – Впереди глубокая лужа, а ты босая, давай возьму тебя на руки.

Мужские ладони вновь сжали талию, но я засопротивлялась:

– Не надо, я тяжелая. За этой лужей следующая, а дорогу за рынком наверняка вообще размыло. Настил из пентапластмассы начинается только в нашем квартале. Что, будешь нести меня на руках всю дорогу до дома?

– Если надо – понесу, – упрямо возразил Льерт, буравя меня взглядом и крепче сжав руками.

– Сама дойду. У тебя бок еще не зажил, нельзя так напрягаться.

Протестующе уперлась в обнаженную грудь Льерта и закусил губу. Я тяжелее, чем кажусь на первый взгляд. Это человеческие девушки легкие, а цваргини при той же внешности имеют более плотные мышцы и кости. И так неудобно, что я отобрала у него рубашку, чтобы дойти до дома. Сегодня, к счастью, солнце достаточно сильно прогрело воздух. Ну куда Льерту тащить меня на руках? Даже если на ступнях появятся ожоги, ерунда. Следы вчерашнего приключения за ночь почти исчезли.

– На боку – царапина, ничего серьезного... – заспорил было этот невыносимый мужчина, но резко осекся и повернул голову.

Вскоре и я вычленила среди общего шума ту ссору, которая привлекла внимание Льерта.

– Вы обязаны заплатить деньги согласно договору. Я обязательства выполнил и на Глиняный рынок стадо доставил в срок, – зудел кто-то скучающе.

За чужими спинами маячила стандартная хлопковая шапочка, какие разрешалось носить лишь маэстро душ и желаний, но голос показался смутно знакомым.

– Но вы же не сказали, что приведете овец именно вчера, – растерянно лепетал коренастый орш, чьего лица я не могла разобрать. – Часть стада погибла, у остальных шерсть в проплешинах. Как я буду их продавать?

– И что? В контракте сказано, что я привожу стадо не позднее пятнадцатого числа. То, что ты не усмотрел за товаром, – твоя вина, не моя. Именно поэтому я маэстро душ и желаний, а ты лишь жалкий торгош на Глиняном рынке. Давай деньги!

– Но у меня нет столько! Я рассчитывал перепродать половину овец...

– Мне попросить моих мальчиков помочь тебе собрать нужную сумму?

– Нет-нет, – испуганно пискнул второй голос, – я сейчас все найду!

Толпа рассосалась, и я рассмотрела говоривших. Высокая угловатая фигура, торчащие рыжие клоки волос из-под шапочки, персиковый шарфик на шее, презрительное выражение лица... Да это же Аюр! Судя по шикарному деловому костюму и плащу из наносинтетической ткани, а также двум амбалоподобным телохранителям, дела у него пошли в гору.

Разговаривающий с маэстро чистокровный орш страшно побледнел, поник и метнулся в оплывшую от кислотника саманную лачугу. Аюр раздраженно дернул плечами, сбросил невидимую пылинку с плаща и... встретился взглядом со Льертом.

У меня не было способностей мужчин моей расы, но я нутром почувствовала изумление, перешедшее в плохо скрытую агрессию. Аюр не отводил разъяренного взгляда от мужчины рядом со мной. Тот, будто этого не замечая, невозмутимо наклонился и подхватил меня на руки.

Маэстро растерянно моргнул, вернул на лицо маску скучающего успешного дельца и растянул губы в улыбке.

– Ох, госпожа Эль! Как я рад видеть, что у вас все в порядке и покупка пришлась к месту.

– Здравствуйте, Аюр, – кивнула в знак того, что узнала мужчину. – Простите, почему «к месту»?

– Ну вон как вы здорово выдрессировали своего полуконтрактника! И ездите на нем, и взгляд услаждаете. Должен

отметить, что у вас он заметно похорошел. Я даже засомневался, не продешевил ли, когда подписывал документ. А вы хитры, госпожа Эль, отдаю должное и восхищаюсь как вашей деловой хваткой, так и качествами профессиональной укротительницы диких животных.

Кровь бросилась в лицо, едва я осознала, что имеет в виду этот тип, небрежно поправляющий шарфик на цыплячьей шее. На Цварге журналисты часто задавали Мартину каверзные и провокационные вопросы ради скандальных заголовков, но фраза маэстро была все мыслимые и немыслимые рекорды. С учетом прохожих, которые захотели погреть уши, *так* меня еще никто не унижал.

– Я не дрессировала... – возразила, чувствуя, как задыхаюсь от злости.

– Ох, не дрессировали, прошу прощения, – перебили меня. – Конечно же женщины, особенно такие прелестные, как вы, госпожа Эль, имеют свои собственные приемы подчинения. Боюсь, мне недоступные.

«Ну все, ты труп...»

Перед глазами помутнело от ярости. Краем глаза поймала на себе противно-липкие заинтересованные взгляды трех оршей и одного полурептилоида, но они меня волновали меньше всего. Только что моего любимого мужчину прилюдно назвали животным, а меня... даже не ночной бабочкой, во много крат хуже! Меня, чистокровную цваргиню-аристократку! «Приемы подчинения»! Память подбросила образ грязного сарая, где держали Льерта, и сердце кольнуло острой болью. Теперь, когда я призналась самой себе, что люблю Льерта, воспринимала все гораздо тяжелее.

Но я не успела и слова сказать, потому что вернувшийся коренастый орш-продавец окликнул Аюра, а Льерт развернулся вместе со мной и пошел прочь.

– Поставь меня сейчас же! Я выскажу ему все, что думаю! – разгневанной кошкой зашипела на мужчину, который уверенно прижимал меня к себе и быстро шагал через рынок. – Пихряк вонючий! Сам он животное! Да чтобы его кто посадил в тошнотворную клетку и продержал там хотя бы сутки...

– Селеста, успокойся, – неожиданно попросил Льерт.

– Успокоиться? Нет, пусть, я все выскажу! – возмутилась.

Льерт нежно поцеловал меня в висок и потерялся отросшей щетиной.

– Давай компромисс? Я тебя отпускаю, луж тут нет, но ты никуда не пойдешь и никому ничего не скажешь. Хорошо?

Моргнула. *«Он серьезно?»*

– Ладно...

Льерт поставил сбитую с толку меня на влажный песок, недовольно окинул взглядом босые ноги, но взял за руку и повел между рядов. Я молчала, пытаюсь переварить случившееся. Будь это Мартин или Юдес, я, наверное, еще и ментальную волну словила бы за то, что «позорю», однако и Льерт впервые на моей памяти поступил по-своему, ничего не объясняя. Просто унес от маэстро, и все!

Мужчина уверенно шел вперед, словно ледокол, и тянул меня за собой, а многочисленные гуманоиды расступались перед ним. Запоздало закралась зыбкая, как топь, тревога. Ведь с покойным мужем тоже начиналось именно так: вначале легкая симпатия, потом влюбленность, а дальше за меня начали принимать решения, появились своеобразные наказания за непослушание. Неужели я в который раз шагнула в этот гравитационный колодец? Смогу ли я вовремя уйти от Льерта?..

«Да нет же, он не такой!»

«Откуда тебе знать?»

– Селеста, ангел мой, я не хотел вмешивать тебя... но чувствую, что это будет ошибкой. – Мужчина обернулся и, словно прочитав мои мысли, спросил: – Ведь тебя интересует, почему я не дал поссориться с Аюром, так?

– Да, так, – растерялась, вновь поражаясь пронизательности одной сероглазой личности.

Вокруг сновали торговцы и покупатели. Шум, гам, ругань, крики... Мы мешали повозкам и тачкам, но Льерт ни на что не обращал внимания.

На миг показалось, что вокруг не разношерстные оентальцы, а толпа цваргов в деловых костюмах и роботы-репортеры, лезущие с микрофонами, чтобы взять интервью у Гю-Эля после ввода очередной поправки к закону о разработке муассанитовых шахт, и он резко сжимает мою кисть, давая понять, что я должна улыбаться, но так толком и не объяснив, почему часть населения поддерживает

нововведения, а часть возмущена. «Это не женское дело. Ты все равно не поймешь, Селеста, тебе будет скучно...» Мартин широко скалится и принимает поздравления, от него пахнет приторной жвачкой, которую он всегда жует, когда волнуется, чтобы не стесать эмаль и не испортить прикус.

И вновь через воспоминания проступает озабоченное лицо Льерта: хмурая морщинка между светлых бровей, поджатые губы, обеспокоенность в глазах цвета расплавленной ртути.

«Глупо даже думать, что Льерт имеет хоть что-то общее с заносчивыми мужчинами с моей родины».

– Ты прав... Давай отложим разговор до дома. – Смущенно отвела взгляд.

– Ну уж нет. Теперь нет. – Он мягко, но настойчиво дотронулся до моего подбородка, затем взял мое лицо в ладони, заставил посмотреть на него и, понизив голос, чтобы нас не подслушали, тихо заговорил: – Тебе не показалось странным, что он попытался тебя оскорбить и вывести на эмоции?

– Показалось...

– Живя у маэстро душ и желаний в качестве полуконтрактника, я видел многое. Это те еще жулики. Поверь, название им дали не просто так. Даже в касте торговцев они стоят на отдельной ступени.

– Да что он сделал бы? Я тебя давно купила! По договору! – горячо возразила шепотом. Со стороны мы, наверное, выглядели как влюбленная парочка, обнимающаяся посередине рынка. – Но скорее я его закопала бы. В каких отвратительных условиях он тебя держал! В конце концов, даже на Оентале рабства формально нет, есть только полуконтрактники, а значит, он обязан был тебя кормить трижды в день и дать нормальное спальное место! Ты чуть не умер в первые сутки, когда я тебя купила! А он тебя животным прилюдно обозвал!

– Селеста, ведь ты сама не хотела обращаться к властям, когда Оден пробрался к тебе в спальню. Что изменилось? – Я замолчала. Действительно, что изменилось? С тех пор как Льерт стал частью моей жизни, я уже и забыла, как до спазмов желудка боялась, что меня обнаружат и выдадут на Цварг. – Ангел мой, я тебя очень сильно люблю, но боюсь тобой рисковать, – продолжил Льерт, так и не дождавшись ответа. – Я не чувствую, что способен защитить тебя на этой планете, вчерашний вечер тому свидетельство. Но когда мы

только познакомились, ты дала понять, что с Оенталея улетать никуда не собираешься. Это так?

– Никуда... – пробормотала, неотрывно глядя в глаза, которые вновь напоминали расплавленную ртуть.

Не отнимая ладоней от лица, Льерт погладил большим пальцем мои губы.

– Я не знаю, как убедить тебя, что ты выбрала плохое место. Все, что я мог сейчас сделать, это не дать тебе влезть в неприятности. Будь моя воля, скопил бы денег на звездолет и лично увез тебя на цивилизованную, чистую, красивую и защищенную извне планету Федерации, но ты этого не хочешь.

«Цивилизованная, чистая, красивая, защищенная извне планета Федерации... Идеальная золотая клетка».

Вздрыгнула. Куда угодно, но только не туда! Ни в коем случае... Затрясла головой.

Льерт грустно улыбнулся.

– А еще помню, что ты мечтала жить без мужчины и рьяно отстаивала точку зрения, что защитник тебе не нужен. Пожалуйста, прислушайся к тому, о чем я прошу тебя. Аюр скользкий тип. Видела, как его перекосило от злости, когда он заметил меня?

– Да, и я не поняла почему...

– Потому что он был уверен, что я помру. Сомневаюсь, что он продал бы меня, если бы рассчитывал на мое выздоровление. Разве он не пытался отговорить тебя от покупки?

В голове всплыл тот день, когда я впервые увидела Льерта. И правда. Дядя Аюра уверял, что племянник с удовольствием избавится от «груза», а на деле мне пришлось с боем прорываться, чтобы заставить маэстро продать умирающего полуконтрактника.

«Госпожа, да зачем он вам? Вы такая маленькая, хрупкая, вам нужен настоящий защитник. Возьмите лучшего профессионального контрактника. У меня такие есть замечательные экземпляры...»

– Много ты заплатила?

– Отдала твои успокоители в качестве оплаты...

Льерт задумчиво кивнул.

– Тогда понятно. Формально вы совершили бартер. Полуконтрактники – живой товар. Он отдал меня в обмен на таноржские наручники. В случае бартера на Оентале, если тот, кто

инициирует договор, пожалуется на качество товара, он автоматически расторгается. Вот почему он говорил гадости и попытался тебя разозлить. Чтобы ты прилюдно ляпнула что-то не то, свидетели подтвердили бы, а он бы забрал меня себе.

– Ничего не понимаю...

– Не хотел тебя волновать, потому и не рассказывал. – Льерт вздохнул. – Когда пираты отдали меня и партию рабов Аюру в качестве оплаты услуг, маэстро душ и желаний продал всех, кроме меня. Я был апатичным, постоянно думал о Фьенне, выполнял работу паршиво, через одно место. В общем, оказался неликвидным товаром. Аюр страшно злился, пытался наказать отсутствием еды... – Мужчина поморщился. Наверняка наказания были и посерьезней голодовки. – В итоге, когда он сообразил, что я и рад бы сдохнуть, а не получается, предложил сделку.

– Сделку? – отозвалась эхом.

– Аюр заметил, что на мне все быстро заживает. – Льерт отпустил мое лицо и смущенно почесал затылок. – Неестественно быстро. Он решил поставить эксперимент во благо населения Оенталя. – Интуиция подсказывала, что я знаю какой. Перед глазами замелькали картинки, как я обмывала раны и выковыривала пинцетом нитки из язв на груди. А ноги и спина остались целыми... – Он порезал мне руки, грудь и живот, посчитав, что у меня слишком толстая кожа по сравнению с оршами, и накрыл тряпками, вымоченными в кислоте. По мнению маэстро, это уравнивало мои шансы с теми, кто попал под настоящий кислотник. Хотел получить лекарство от местной непогоды.

– Но как это поможет от ожогов?..

– От ожогов – никак. Но от них особо и не умирают, разве что представители рас, у кого кожа совсем тонкая. Один дождь не так опасен, как сезон осадков, особенно для тех, кто вынужден регулярно выходить на улицу. Ядовиты в первую очередь концентрированные пары кислот. Когда гуманоид дышит ими, у него случается ожог легких и гортани, вот это по-настоящему опасно. Аюр проводил надо мной эксперимент. Он считал, что кислотник чем-то похож на яды змей. На некоторых аграрных планетах используют крупный скот, вводят инъекции яда, а затем, когда через несколько месяцев вырабатывается иммунитет, у животного забирают кровь как материал

для противоядия. Я и был тем самым животным, над которым ставили опыт.

В памяти мелькнул ворох отвратительного тряпья, в котором лежал мужчина, когда я нашла его на досках в сарае. И ухмылочка Аюра, предложившего этой отравой накрыть Льерта на носилках. Видимо, не хотел, чтобы его драгоценный опыт прервался! Просто чудо, что я вытребовала чистую ткань...

– Вероятность того, что у него что-либо получилось бы, стремилась к нулю, – добавил Льерт. – Потому что он не знал, что хорошая регенерация – это особенность...

Слушать дальше помешало биение пульса в ушах. Сообразила наконец, почему Аюра перекосило от злости. Экспериментальный образец не только выжил, но теперь является ходячим донором секкеров. Наверняка маэстро был уверен, что, раз не поползли слухи о сбежавшем рабе, с которого сама сняла успокоители, то он умер. Я уже успела усвоить, что маэстро не любит упускать свою выгоду...

Видимо, что-то отразилось на моем лице. Но вместо продолжения разговора Льерт неожиданно меня поцеловал. Теплые губы пахли успокаивающей горько-сладкой каменной полынью и обещали защиту. «Не волнуйся, это не стоит твоих переживаний», – поцелуй словно говорил сам за себя. Столько надежности и уверенности, столько любви... Я растворилась в этих ласкающих ощущениях, забыв, что мы стоим посреди Глиняного рынка и на нас открыто пялится народ.

– В «Гаванну» проваливайте, тоже мне, шоу устроили! – выдернул в реальность злой окрик пожилой оршанки, и я отпрыгнула от Льерта.

«Вселенная! Еще несколько лет назад стеснялась взять Мартина за руку на Цварге, а тут целуюсь на улице», – пронеслось у меня в голове.

Льерт Кассэль

Селеста вновь переживала, но на этот раз за меня. Похоже, рассказ об экспериментах Аюра был тактической ошибкой.

Поцеловав эту восхитительную женщину, я окончательно решил: как только переступлю порог дома, все ей расскажу – о том, что являюсь цваргом, что хвост ампутировали пираты, а цвет и структура кожи и волос изменились из-за многолетней радиации, но все равно я был и остаюсь цваргом, и никакой Аюр меня не достанет, если я сам того не захочу. Сложно было объяснить, что я согласился на живодерский эксперимент исключительно потому, что в то время хотел умереть. Будь передо мной другая девушка, я бы сотню раз подумал, стоит ли вываливать и не посчитает ли она меня слабаком после озвученного, но спокойствие Селесты дороже собственного позора.

Захухря всю дорогу была непривычно тиха и безмолвна, безропотно давала переносить себя через кислотные лужи, глубоко погружившись в мысли. Если бы не врожденная способность улавливать бета-колебания, и не понял бы, как сильно она переживает по поводу сложившейся с маэстро ситуации.

Мы уже подходили к калитке, и я думал, с какой фразы начать признание. Когда Селеста приложила ладонь к биосканеру замка, в общем ментальном фоне произошёл всплеск бета-колебаний и послышался знакомый голос:

– Льерт, вот ты где! Наконец-то! Я тебя обыскала!

Из-за угла выскочила фигуристая оршанка с нежно-зеленой кожей. Аслог была одета в кожаные штаны и вызывающе короткий топ, подчеркивающий объемную грудь. В пупке торчала крупная серьга, тугая, как кнут, темно-изумрудная коса была перекинута через плечо, а лицо казалось припухшим от слез. Пару месяцев назад я дал оршанке адрес, где меня можно найти, – на случай, если будут срочные клиенты, как тот шерлок. Меньше всего я ожидал, что она найдет меня именно сейчас.

– Что случилось?

– Кислотник развел основание колонны, крыша рухнула. Отцу нужна помощь, а ты такой сильный... – Оршанка осеклась, заметив Селесту, и бросила на меня вопросительный взгляд.

Селеста обняла себя за плечи и поежилась. И цваргом не надо было быть, чтобы понять, что захухре не понравилась моя знакомая, но она цивилизованно промолчала.

– Льерт, пойдешь со мной? Ты же pomoжешь? – протянула Аслог после неловкой паузы и еле слышно всхлипнула.

Идти отчаянно не хотелось. Чувствовал, что это обидит Селесту, и после насыщенных событий я желал бы побыть вдвоем с любимой женщиной. Но от оршанки веяло неподдельным страхом. Похоже, случилось что-то серьезное. Ко всему, вчера я ментально воздействовал на четверых рептилоидов, надо бы выяснить, что с ними случилось и не донес ли кто на меня. О таких вещах лучше знать заранее.

– Я принесу рубашку и зонт-сферу, – шепнула Селеста и исчезла за калиткой.

Я даже сосредоточиться не успел, чтобы прочесть ее эмоциональный фон.

«Что она подумала? Как объяснить, что все не то, как выглядит, и Аслог я не видел последние три недели?»

Когда Селеста скрылась в доме, Аслог шагнула ближе, разревелась и повисла на груди.

– Отцу очень нужна твоя помощь... там все размыло... Льерт, ты же наверняка знал, что будет кислотник, почему не предупредил?.. Пойдем быстрее! Он ждет!..

– Погоди, – отодвинулся от оршанки, – сейчас возьму спидер, и поедem. Так будет быстрее. – От нее так сильно фонило бета-колебаниями, что заболели рога.

Тревога, чувство вины, какая-то совершенно детская обида при взгляде на Селесту. Не желая разбираться в этой каше, заблокировал восприятие колебаний – иначе долго рядом с Аслог не вытяну. Златовласый ангел вернулась через пару минут с одеждой, отдала и собралась молча уйти.

– Льерт, мы опаздываем! – возмутилась оршанка, но я поймал любимую женщину за руку, резко притянул к себе и поцеловал.

– Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

Аслог фыркнула и закатила глаза, без приглашения уселась позади меня и, не успев я завести двигатель, бодро скомандовала: «Прямо до конца улицы и налево».

Я думал, что испытал за прошедшие сутки весь спектр чувств, какие только может испытать гуманоид. Ошибался...

Зря я отключил рога и не слушал болтовню Аслог, хотя, как выяснилось, она действительно переживала за отца. Им оказался тот самый коренастый орш-торговец, что потерял половину стада. Про размытую кислотником колонну тоже было частично правдой, только я наивно думал, что ее отец оказался под завалом. Враньем все было...

Я настолько был поглощен мыслями о Селесте, что машинально следовал указаниям оршанки, поворачивал направо и налево, не обращая внимания, что двигались мы не на Глиняный рынок, а в квартал, где располагались участки с шикарными домами маэстро душ и желаний. Очнулся, когда нас окружил десяток профессиональных наемников, а за их спинами показался мерзко ухмыляющийся долговязый маэстро.

– Прости, – шепнула Аслог, слезая со спидера. – Отец задолжал ему крупную сумму, которую маэстро готов простить за то, что привела тебя.

Во рту разлилась горечь, в груди закололо от желания едко поинтересоваться, за какую сумму меня продали на этот раз.

– Схватить его, заткнуть рот кляпом и быстро в сарай на заднем дворе! Смотрите, не поцарапайте! Мне нужна вся его кровь, – отдал приказ мордоротам Аюр.

– Вы же сказали, что ничего ему не сделаете! – заверещала оршанка, осознав, что она наделала.

– Ну конечно, полстада овец важнее... – пробормотал сквозь зубы, наблюдая за побелевшей Аслог.

На самом деле плевать на нее. Всем вниманием завладели наемники, трое из которых заботливо приготовили ловчую сеть. Что ж не везет-то так? То рептилоиды, то эти... К счастью, Селесты рядом не было, и я вложил в ментальную атаку, не боясь задеть любимую женщину. Трое с сетью легли и жалко заскулили в ту же секунду, как до них докатилась волна бета-колебаний. Выжечь мозг не пытался, просто индуцировал эманации панического страха.

Не было ни дождя, ни гнилостно-похотливых эмоций рептилоидов в адрес Селесты, да и ее самой не было, а потому я четко и дозированно прошелся по наемникам. На Цварге такое было запрещено, но как у капитана разведывательной яхты у меня имелся

богатый опыт точечного воздействия и контроля частоты волн. Врожденные способности не раз спасали жизнь, когда надо было успокоить взбесившееся животное или отогнать стаю хищников от корабля на стоянке.

Аюра тоже задело и знатно перекошило. Уж кто-кто, а он за время нашего знакомства привык видеть во мне слабое, жаждущее умереть животное, и вдруг сопротивление. Неприятный сюрприз для маэстро, который еще ничего не понял.

Увидев, что их собратьев скрючило невидимой силой, стоящие сзади наемники молниеносно вооружились, послышалось:

– Что за ерунда?! Что за дрянью он владеет?!

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы мне элементарно не повезло. После внезапной ночной грозы местный патруль, в народе прозванный «следователями», объезжал с инспекцией улицы Оенталья...

– Эй, милейший! Я вообще-то к вам общаюсь!

Перевел взгляд с коммуникатора на столе на мужчину-орша в бежевом жилете с нашивкой следователя – Ингварр, главный в патруле, быстро отдал приказ схватить зачинщиков, отобрать оружие и электронику.

«Пять шварховых часов нас здесь держат, Селеста, наверное, места себе не находит от нервов. Наверняка надумала себе про меня и Аслог...»

– Ау! Как тебя там, полуконтрактник...

Я моргнул и посмотрел на крепко сбитого недовольного орша.

– Льерт. Меня зовут Льерт. Меня ждет... моя госпожа. И повторяю, вы зря меня задерживаете, она будет недовольна. Разрешите написать ей хотя бы сообщение?

– Однако эти уважаемые господа сообщают совершенно другую информацию. – Следователь сложил крупные ручищи на груди, проигнорировав вопрос.

– Да придумывает он все, – закивал Аюр с таким пренебрежением, что захотелось сломать ему челюсть. – Госпожа Эль сегодня на рынке отказалась от него и просила вернуть технику. Сказала, что бартер не удался. Вот, кстати, и таноржские успокоители. – Он достал из кармана наручники и помахал у меня перед глазами.

«Помнишь, как классно они бьют током? – произнес одними губами. – Живо тебя приструнят».

Его фон даже читать не пришлось, чтобы понять – он хочет вызвать у меня агрессию и продемонстрировать следователю, что такие полуконтрактники, как я, не могут быть на свободе. Буйных не любили ни на астероиде, ни у космопиратов, что и на Оентале к ним не питают приязни, я не сомневался. А если объект спора будет выглядеть опасным, то вне зависимости от договора следователь может распорядиться передать меня Аюру, ведь «слабая человеческая женщина вряд ли управится с агрессивным полуконтрактником». Я демонстративно закинул ногу на ногу и вальяжно расселся в кресле, делая вид, что впервые вижу наручники.

Маэстро с досадой цыкнул языком и, когда расхаживающий туда-сюда Ингварр повернулся спиной, пребольно ударил каблуком сапога отца Аслог. Тот охнул и поспешно залепетал, не поднимая взгляда от пола:

– Да-да, подтверждаю. Госпожа Эль была на Глиняном рынке и договаривалась с маэстро, что вернет полуконтрактника. Льерт ее не устроил.

Вот же зараза! Два голоса полноценных граждан Оенталея против одного моего. Оршанка не в счет, она спряталась, как только появились дежурные на скутерах. Откашлялся, привлекая внимание следователя.

– Как я уже говорил, можно проследовать к дому госпожи Эль и поинтересоваться у нее...

– Видите, это уловка! Он все делает, чтобы сбежать, – с визгом перебил Аюр, нервно поправляя шапочку маэстро и шарф. – Если бы госпожа Эль ему доверяла и отпускала, он как минимум имел бы при себе договор купли-продажи. Разве отсутствие договора не является доказательством, что этот... полуконтрактник врет? Отдайте мне мое имущество, господин Ингварр, и разойдемся с миром. У вас после ночного ненастья наверняка масса работы. Обещаю, с госпожой Эль я все улажу. Хотите, прямо с вашим же курьером отправлю ей товар, которым она со мной расплатилась?

Я мысленно завязал уродливый шарф на шее Аюра морским узлом, представив, как растеряется Селеста, если получит такой «подарок». Швархов договор, которому я до сих пор не придавал

значения, разумеется, валялся где-то в доме Селесты. И судя по тому, что затеял маэстро, проблемы у меня серьезные.

Следователь стоял у окна, о чем-то размышляя. В приемной повисла тишина.

– Госпожа Эль отказалась от полуконтрактника, значит, по закону Оенталья он мой... – с нажимом произнес Аюр.

– Да, вы, безусловно, правы... – Маэстро душ и желаний обрадовался, но Ингварр продолжил: – Но помимо беспорядка, который вы и ваши люди устроили на улице, этой ночью случилось еще кое-что. Господа, выйдите, пожалуйста. Мне необходимо поговорить с полуконтрактником наедине.

Аюр поднялся и удалился первым. За ним, все так же не поднимая головы, шел отец Аслог. Когда дверь закрылась, в помещении остались только я и грузный орш в пыльных штанах и бежевом жилете.

– Не понимаю, почему мы не можем все вместе дойти до дома моей госпожи и уточнить этот момент...

Орш отмахнулся от моего предложения как от назойливой мухи.

– Льерт, как ты сделал, что те трое с сетью согнулись пополам? – Я изумленно моргнул. – Я видел начинающуюся драку издалека. Для Оенталья такие потасовки не редкость, редкость – то, что гуманоид может уложить кого-то, не прикасаясь. – Мужчина оперся на письменный стол и посмотрел мне в глаза. – Оенталь – планета, которая выживает за счет экспорта еды. У нас открытый безвизовый режим и из-за этого хорошая проходимость. Не так давно на поверхность приземлился экипаж из пяти рептилоидов из далекой системы. У них на борту было много золота, которое они намеревались потратить на Оентале. На гостей напали сегодня ночью, и четверо из пяти сейчас находятся под присмотром нашего дока. – Я чуть не фыркнул при слове «гости», но сдержался. Интуиция подсказывала, что с оршем-следователем нужно вести себя сдержанно. – Все четверо утверждают, что на них напал светлокожий гуманоид с рогами, который оказал колоссальное *невидимое* воздействие. Я слуга закона, который отвечает за развитие планеты. Мне плевать на разборки торгашей с каким-то бартерным договором, но не на репутацию Оенталья. Если по сектору космоса поползут слухи, что у нас завелся маньяк, нападающий на приезжих, никто не станет приземляться

и торговать с нами. Я снова повторяю свой вопрос: почему тех наемников согнуло?

– Споткнулись, наверное. – Пожал плечами. – Никогда не слышал, чтобы на кого-то оказывали невидимое воздействие. Звучит как-то странно, не находите?

– Не нахожу. У каждой расы свои секреты. Вон у цваргов... – Орш поморщился. – Я рад, что наша планета не входит в состав Федерации.

– Я похож на этого вашего цварга? – Блеф чистой воды, но, если рассуждать логически, откуда полуконтрактнику на Оентале знать, как они выглядят, а за пределами Объединенных Миров каких только форм жизни не бывает...

Не прерывая зрительного контакта, следователь продолжил допрос:

– Ты был сегодня ночью у «Гаванны»?

– Я был со своей госпожой.

– И вы не появлялись в ночном клубе?

– Нет.

Несколько секунд Ингварр внимательно меня изучал, пытаюсь понять, вру я или нет. Он был слугой закона со стажем и, судя по всему, неплохой чуйкой.

Конечно, можно было бы на все наплевать и внушить ему доверие. А то и покопаться в бета-колебаниях и протянуть ниточки омерзения от следователя к Аюру. Да, все можно было бы сделать, но стоило ли оно того, чтобы преступать законы Цварга? Меня никто не поймал бы за руку при наведении эмоций, никто не смог бы сообщить на меня в СБЦ или арестовать за использование способностей в личных целях. Да Оенталь даже в Федерацию Объединенных Миров не входит! Но... Как сказала Селеста, «главное – наши внутренние установки». С момента, как прорезались мои рога, искренне считал, что использовать их на тех, кто не может защититься, – мерзко и низко. Одно дело, когда речь идет о самозащите, и совсем другое – вот так, в бытовых ситуациях, ссорах, недопониманиях.

Любое, даже самое маленькое бета-колебание – это воздействие на мозг. Как бокал алкоголя для большинства гуманоидов – вроде бы действие короткое и слабое, но если злоупотреблять... Если пить ежедневно? Если этот бокал алкоголя будут предлагать выпить при любых ситуациях? И при этом будут вливать насильно? Нет,

воздействие я оставлю на случай, если не получится договориться словами.

Ингварр моргнул и перевел взгляд на мою рубашку, задержавшись на кармане.

– А это что у тебя?

– Где?

Не успел сообразить, что происходит, как следователь ловко вытянул сложенный вчетверо лист. Я удивленно проследил за ним взглядом. Рубашку дала мне Селеста перед выходом, сам я ничего не прятал в карман.

Ингварр развернул бумагу, маленькие, как у большинства оршей, глаза забегали вдоль строк, в воздухе отчетливо разлилось раздражение.

– Что это такое?! Почему ты сразу не отдал? – возмутился следователь так искренне, что мне стало любопытно, что же там написано.

Мужчина бросил записку на стол, и я торопливо ее схватил. Наклонным почерком с завитушками рукой Селесты были выведены аккуратные руны:

«Уважаемый маэстро души и желаний Аюр.

В последний раз прошу прекратить присылать мне подарки и пытаться выменять полуконтрактника Льерта обратно. Уверяю, я никому не расскажу, что вы лично использовали товар до продажи, вашей репутации маэстро ничто не угрожает. Понимаю, вы не можете воспользоваться услугами официального ночного мотылька, иначе по базару поплывут неприятные слухи, но все же присмотритесь к кому-то другому, а я еще не все заборы вокруг участка поменяла. Мне он на пару лет как помощник по хозяйству точно нужен.

Госпожа Леста Эль»

Одна Вселенная знает, чего мне стоило сохранить лицо при виде этих строк. Селеста, оказывается, всю дорогу думала о нашем разговоре и наскоро сочинила записку на случай, если у меня все-таки возникнут проблемы. Да еще и какую! Для маэстро душ и желаний это удар ниже пояса во всех смыслах. Захотелось запрокинуть голову

и расхохотаться. Теперь настойчивость, с которой Аюр пытался объяснить, что я принадлежу ему как товар, выглядела еще более двусмысленной.

– Так почему ты ничего не сказал сразу?! – взбеленился орш.

Очевидно, ярлыки «ночной мотылек» и «строитель заборов» напрочь вычеркнули меня из списка вероятных маньяков.

– Простите. – Пожал плечами. – Я не умею читать. А что здесь написано?

– Все, свободен! – Он открыл дверь и крикнул: – Господин Аюр, вам штраф за нарушение порядка в городе в пятьсот секкеров.

– А как же моя собственность? – донесся растерянный голос маэстро.

– Она давно не ваша. Даже не смейте такую ерунду впредь заявлять!

Глава 25. Сколько стоит правда?

Селеста Гю-Эль

Пришедшая за помощью Льерта оршанка мне не понравилась, и дело было не в ее внешнем виде, хотя даже по меркам Оенталя он был слегка вызывающим. Вмиг сжался желудок, закололо где-то под ребрами, как бывало, когда я пряталась от эмиссаров Цварга. До сих пор я считала, что так дает о себе знать пресловутая интуиция.

«Прекрати, Селеста. Это все необоснованная ревность», – мысленно приказала себе и впервые за долгое время вспомнила горные пики, скульптуру ледяной девы-воительницы и натянула кокон холодного безразличия.

Мысль написать записку Аюру пришла сама собой. Я не хотела, чтобы Льерт передавал ее маэстро, но не смогла найти договор, и идея вспыхнула как фитилек свечи в темном подвале. Быстро черкнула несколько строк на оентальском, сложила бумажку и засунула в нагрудный карман чистой рубашки Льерта. Захватив зонт-сферу, все вынесла на улицу. Если бы на месте полуконтрактника был другой мужчина, я бы в так не поступила. На родине подобная записка по праву считалась бы оскорблением, а если бы она касалась чистокровного цварга аристократической ветви... Россыпь мурашек пробежалась по телу, и фантомно заныли виски от мысли, как тот же Юдес отомстил бы за ущемленную гордость.

После отъезда Льерта в душе беспокойно ворочалось неприятное предчувствие, но я усилием загнала его в дальний угол. Я приняла душ, нанесла маскирующую крем-пасту, приготовила обед, обошла весь дом, убеждаясь, что кислотник ничего не повредил, сделала привычные дела... Подкрались сумерки, а от Льерта не было даже весточки. Оставив ужин на столе – мужчина наверняка вернется голодным, – я отправилась спать.

Сон был мучительным и липким, как паутина, мерещились какие-то гадости: то оскал рептилоида с треугольными зубами, то обжигающий до костей кислотный дождь, то кривая ухмылка Юдеса. «Наконец-то нашел тебя, а я предупреждал, чтобы ты не пряталась...»

То вовсе Льерт, подвешенный на цепи в гнилом сарае, и множество алых трубок, выходящих из его тела. Не успевала я вынырнуть из зыбкой топи одного кошмара, как он сменялся другим, еще более жутким и пробирающим до дрожи.

Шершавые ладони скользнули по животу, горячее тело прижало спиной к себе.

– Льерт! – воскликнула – наконец-то не сплю! Обхватила широкие запястья, теснее прижимая мужские руки. – Ты вернулся!

– Конечно вернулся, иначе и быть не могло.

– Я так волновалась...

В голове вспыхнула сцена из последнего сна, и я всхлипнула, чувствуя себя глупо. Навоображала себе всякого...

– Тсс, уже поздно, спи. За записку спасибо.

– Записку? Так ты ее нашел?

Сердце пропустило удар. Я ожидала, что на меня обрушится ругань за самоуправство, но в ответ получила мягкий смех и поцелуй в затылок.

– Нашел. Это было гениально. Спи, дорогая.

И я уснула, свернувшись в колыбели сильных рук.

Льерт Кассэль

Проснувшись раньше Селесты, долго смотрел на нее, пьянея от мысли, что этот маленький ангел пыталась меня защитить. Ненавязчиво, в своей женской манере... Мой златовласый ангел-хранитель. Моя девочка из ближнего круга.

Больше не страшило, что организм физически подсел на нее как на наркотик. Я даже не придавал значения тому, что она захухря, а значит, человек с крошечной продолжительностью жизни в восемьдесят лет, весомая часть из которых уже прошли. Мне просто хотелось трогать ее и гладить, любить и лелеять.

Когда-то я считал, что ближний круг – это зло, уязвимость, которая дана цваргам природой в обмен на смертоносный шип и рога, улавливающие бета-колебания. «Пожизненная зависимость»,

«наказание», «расплата» – так называли ближний круг многие несвязанные цварги, с удовольствием проводя время с разными женщинами на Тур-Рине. Подчиненные шептались за спиной и бросали сочувственные взгляды, когда узнали, что Фьенна будет месяцами жить на «Сверхновой», – были уверены, что постоянное общение с невестой подсадит меня на ее бета-колебания.

Сейчас же отчетливо понимал, что все опасения и суеверия – ничего не значащая ерунда по сравнению с тем, что можно обнимать любимую женщину, вдыхать ее эмоции и наполнять легкие ароматом эдельвейса. Я испытывал блаженство от того, что она спала на мне, уткнувшись носом в ключицу и негромко посапывая. Светлые волосы щекотали кожу, а сама Селеста инстинктивно прижимала ко мне замерзшие ступни.

Маленькая и уязвимая. Хотелось согреть ее и закрыть собой от всех невзгод. Будь моя воля, не отпускал бы ее ни на миг. Не потому, что так решил мой организм, а потому что *мне* этого хотелось.

Селеста Гю-Эль

Если бы меня спросили, в чем заключается счастье, ответила бы не думая. В том, чтобы просыпаться с любимым мужчиной по утрам в одной постели. Лежать на широкой груди, выводить пальцем узоры на горячей коже и слышать размеренный стук сердца. Концентрированное счастье бежит по венам и артериям, оно заключается в медленных поцелуях и тихом шепоте «любимая», в прикосновениях шершавых пальцев, в томительных ласках, терпко-полынным запахе и сияющих серых глазах, превращающихся в жидкую ртуть, когда я игриво покусываю мочку уха. Даже тугой ноющий узел в животе может приносить удовольствие, если на тебя смотрят, пожирая взглядом. Когда мозг игнорирует убийственные доводы разума, что в это время я могла бы быть уважаемой женой чистокровного цварга и члена Аппарата Управления Планетой, жить в собственном особняке или замке с видом на муассанитовые копи, а вместо этого я занимаюсь любовью с бывшим рабом под

барабнящий звук дождя. Счастье нелогично, ему плевать на нормы и условности, оно или есть, или нет.

С самого утра зарядил кислотник, зашипели лужи, небо затянуло фиолетовыми, кобальтово-синими и коралловыми тучами, а мы валялись в постели. Сознание обволакивали теплые волны блаженства, ощущение нужности и желанности. Я готова была поклясться, что Льерт дышит мной как воздухом, и это подкупало похлеще, чем все муассаниты Цварга.

– Кажется, я тебя совсем замучил, – внезапно сказал Льерт, когда я пыталась отдышаться от очередной сладкой пытки, а желудок заурчал. – Принесу что-нибудь поесть.

– Прямо в постель? – изумилась я.

– Да, а что такого? – Он поднялся с кровати.

Льерт был красив... Пот поблескивал на его загорелой коже, бежево-карамельные волосы разметались по плечам и груди, внушительные мышцы вспухли на руках, когда он одним толчком отжался от матраса и встал во весь рост.

Я закусила губу, из-под полуприкрытых ресниц разглядывая мужчину. Мартин никогда не приносил мне завтраки в постель, считая это ниже своего достоинства, мол, он не слуга и не робот. Ко всему, у него были четкие правила: есть надо за столом, а кровать предназначена для сна и исполнения на ней супружеского долга, причем последний можно осуществлять только в постели. Уверена, что мысль заняться сексом на полу среди шкур вызвала бы у него высшую степень брезгливости и отвращения.

Однако не стоило часто упоминать имя бывшего супруга, каким бы спокойным и уравновешенным ни был Льерт. Как минимум некорректно. Вместо того чтобы озвучить весь калейдоскоп мелькнувших мыслей, я улыбнулась и бросила в него подушкой. Разумеется, он поймал ее в воздухе.

– Да ничего! Ходишь голый по дому. А вдруг тебя через окно на кухне соседи увидят? Прикрылся бы хоть чем-нибудь!

Льерт карикатурно вздернул бровь, бросив взгляд за окно, где стеной лил кислотный дождь. Экстремальная прецессия оси такая экстремальная...

– Думаешь, на меня засмотрится Оден или Хэварт? – Пепельные брови иронично выгнулись и взмыли на высокий лоб.

В несносного мужчину полетела вторая подушка.

– Гутрун! Нет, Льерт, я серьезно. Принеси вещи из гостиной сюда, все равно мы спим вместе, и тебе не придется ходить далеко за одеждой.

– Какой шкаф занимать – этот или тот? – подхватив мою идею, спросил Льерт, шлепнув подушкой сначала по одной дверце, затем по другой.

Все бы ничего, но вторая неожиданно открылась. Перед сном, не в силах успокоиться, я искала успокоительное, перекладывая вещи на полке, и, видимо, плохо закрыла шкаф. Тяжелое, фантастически дорогое муассанитовое кольцо с коротким «блямс» упало на пол.

Улыбка сошла с лица Льерта, он перевел потрясенный взгляд на меня.

Не узнать муассаниты сложно, драгоценные камни ценятся прежде всего за сияние.

– Откуда это у тебя? – спросил мужчина, аккуратно подняв ожерелье.

– Я не крала, – пробормотала, во рту пересохло от того, как похолодел взгляд нахмурившегося Льерта. – Клянусь, не крала!

– Ты знаешь, сколько это стоит? – Медленно кивнула. – Так откуда оно у тебя?

– Муж подарил...

– Муж? Селеста, такие крупные и чистые муассаниты можно купить лишь на одной планете Федерации. И экспорт камней с Цварга давно запрещен законом.

– А я и жила раньше на Цварге.

Льерт Кассэль

В голове шумело. Впервые пожалел, что у Селесты в доме нет алкоголя. Хотелось выпить, а с учетом врожденной регенерации для этого потребовался бы ящик виски.

Жена цварга, пардон, вдова влиятельного политика, члена Аппарата Управления Планетой и владельца парочки муассанитовых

копей. Муассанитовая вдова.

Девушка укуталась в одеяло, опустила глаза и заговорила...

Чем больше она рассказывала про свою жизнь с этим ублюдком Мартином, тем сильнее мне хотелось иметь машину времени, чтобы вернуться в прошлое и как следует проучить одного зарвавшегося аристократа. Когда прозвучала фамилия Гю-Эль, а затем еще и Лацосте, я с легким привкусом горечи осознал, что мой род и рядом не стоял с этими личностями. Род Кассэль никогда не лез в политику и не владел шахтами драгоценных камней. Даже если отбросить мое позорное прошлое, шестьдесят лет тюрьмы на астероиде и плен у космических пиратов, необратимую ампутацию хвоста – да все! – я и в подметки не годился Селесте в качестве спутника жизни.

Внезапно все крошечные нестыковки, которые я подмечал, встали на свои места. Стало понятно, откуда наследство, на которое она смогла купить дом на Оентале. Стали понятны истоки ее рассудительности и воспитания, которые невозможно скрыть напускной простотой общения и местной одеждой; утонченный вкус, мягкая походка и плавные движения тела, стремление к изучению языков, незамутненные и ясные бета-колебания... В конце концов, ни один чистокровный цварг в здравом уме и памяти не стал бы брать в жены женщину, чьи эманации ему неприятны. Глядя на Селесту, я прекрасно понимал, почему и Гю-Эль, и Лацосте запали на нее.

Светловолосый ангел все говорила и говорила, а я чувствовал, как с каждым словом жгучая злость лишь возрастает. Больше всего на свете мне хотелось объяснить Селесте, что не все цварги такие...

– Тебе очень не повезло, ты представить себе не можешь как. На самом деле далеко не все...

– Льерт, – перебила она, подняв голову и зло сверкнув огромными кофейными глазами. – Не надо меня уверять, будто я просто неудачно вышла замуж! Я жила на этой насквозь прогнившей планете много лет! И прекрасно знаю, что из себя представляют цварги! Никогда! Слышишь? Никогда не вернусь туда по доброй воле!..

Воздух вылетел из легких с хлопком, с каким лопается детский воздушный шарик. Полный неподдельного счастья, искренних улыбок, радужных надежд и наивных ожиданий. Вселенная! Как же я был наивен! Если бы мысли подчинялись законам гравитации, смело мог бы сказать, что в моей голове она отключилась, резко стало гулко

и пустынно – я словно голыми руками ворочал гравиплатформы, пытаюсь осознать масштабы катастрофы. Когда Селеста произносила «цварг», от нее исходили неподдельные волны ядовитой ненависти и страха. Такие чувства не сымитируешь.

– Они воздействуют с помощью рогов и насылают эманации. Поверь, все из них! Это так мерзко и гадко...

– Но откуда тебе знать? Ты прожила на планете всего ничего...

– В смысле «всего ничего»? – Посмотрела с изумлением.

– Ну до брака-то детство провела, наверное, на Захране, да? Я понимаю, что тебе все показалось чужим и неправильным, особенно тяжело давались этикет и правила приличий... Между человеческими мужчинами и цваргами пролегает целая пропасть – как во внешности, так и в отношениях...

Селеста с грустной улыбкой покачала головой.

– Ты так и не понял... Льерт, я – цваргиня.

Признание обрушилось и придавило меня, словно упавший с неба метеорит, в ушах зазвенело.

– Ты... Что?

«Какова вероятность встретить идеальную женщину на полуаграрной планете с экстремальной прецессией оси и кислотными дождями за пределами Федерации?»

Какова вероятность, что эта женщина будет одной с тобой расы?

Какова вероятность, что она ненавидит именно цваргов?..»

Селеста Гю-Эль

Ошеломление на лице Льерта сменилось шоком, он побледнел. Значит, он так и не понял, что я не захухря. Рассказывая о Мартине и Юдесе, я как-то забыла о внешности. В абсолютной тишине достала из тумбочки маскирующую крем-пасту и бросила на край матраса, ближе к окаменевшему мужчине.

– С помощью этого косметического средства я меняю цвет кожи, – пробормотала смущенно.

Льерт стоял не шелохнувшись, впиваясь в меня нечитаемым взглядом.

«Может, не поверил?»

С тихим вздохом потерла пальцем предплечье, где вчера наложила свежий слой красящей пасты, пока не проступил родной лиловый оттенок.

– Это не синяк, это настоящий цвет кожи. Крем проникает глубоко в эпидермис, но так как вчера я попала под дождь, часть верхнего слоя съела кислота. За ночь все зажило, а цвет я подправила, пока тебя не было. Устойчивый светлый цвет волос – миттарская разработка. А в остальном цваргини не сильно отличаются от людей, если не брать анализ крови и не проводить исследования, но на этой планете медицины фактически нет. Форму глаз и носа можно изменить макияжем, хотя и это необязательно, ну а челка, – я набрала воздух и резко дунула себе на лоб, – ее ничего не стоит отрезать. Представляешь? Ее отсутствие – элементарный шаблон моды, который мне понравилось игнорировать.

– Нет. – Льерт мотнул головой, все так же ошеломленно глядя на меня. – То есть да, представляю, но ты так отличаешься...

– От цваргинь? Ты их видел вживую?

«Ничего себе, как много планет он посетил...»

Мужчина неопределенно пожал плечами.

– Случалось.

– Все женщины разные. – Я попыталась улыбнуться. – У меня классическое для цваргини высшее образование – финансовый аналитик, если тебе интересно. Но управление активами я перепоручила своему юристу, прежде чем бежать с планеты. Чтобы меня не нашли, счетами не пользуюсь, да на Оентале это и не нужно, покупать особо нечего. На жизнь хватает благодаря кулинарии.

Льерт машинально откинул карамельно-пшеничную прядь волос с лица.

– Селеста, все это время я действительно думал, что ты захухря. Даже когда ты сказала, что была замужем за цваргом...

– К сожалению, это не так! – перебила она с едкой горечью. – Я чистокровная цваргиня и по последнему закону обязана выйти замуж как вдова, не имеющая детей от первого брака. Это унижительно! Сама планета, законы, отношение – все! А если учесть,

что мужчины на моей родине не брезгают оказывать ментальное воздействие... – Передернула плечами, вспомнив, как Юдес пытался заставить меня принять его предложение. – Чем больше развиты рога, тем мучительнее и жестче он может оказывать бета-колебания. Если бы ты был цваргом, – мельком взглянула на светлые окостеневшие рога бывшего полуконтрактника, – ты был бы очень сильным и мог бы сломать меня играючи. Льерт, ты не представляешь, как я рада, что ты не цварг!

– Да... не цварг... – Он отвел глаза, острый кадык дернулся.

Меня внезапно осенило: неужели переживает, что не сможет меня защитить от цваргов? Кажется, вспоминая прошлое, я забылась и слишком многое вывалила на Льерта. Он с начала нашего знакомства показал себя как Мужчина, который хочет быть защитником. Опять же, его военная карьера и личная эмоциональная травма – ведь он считает, что не уберет невесту. Стало стыдно, что я так распаялась, как ненавижу цваргов, и дала понять, что меня выслеживают. Заранее в красках расписала, что он при всем желании в ментальном смысле не ровня даже самому паршивому цваргу с моей планеты. Не зря же их так боятся во всех Мирах...

«Шварх, Селеста! Настоящая леди в жизни бы не усомнилась в способностях мужчины защитить, а ты буквально носом его ткнула, что он никчемный...»

Глубоко вздохнула, унимая сердцебиение и прогоняя негативные мысли. Разумеется, я так не считала.

– Льерт, – позвала мужчину, который от переизбытка чувств сжимал кулаки и так крепко сомкнул челюсти, что на скулах заходили желваки.

– Да?

Пронзительные серые глаза сосредоточили внимание на мне. Холодное серебро в них мешалось с расплавленной ртутью, и сложно было сказать, какие именно чувства испытывает мужчина.

– Если за мной явятся эмиссары, значит, так тому и быть. Видимо, судьба. Я не хочу, чтобы они тебе как-то повредили. Не уверена, знаешь ты или нет, но такие, как я – чистокровные цваргини, – на законодательном уровне все равно что собственность планеты. У тебя не будет никаких шансов меня забрать, так что предлагаю не думать о плохом.

Льерт мотнул головой, явно не соглашаясь, я видела борьбу на его лице. Чтобы он не наговорил лишнего, отбросила одеяло в сторону и поползла до края кровати, где стоял мужчина.

– Се... леста... что ты... делаешь... – сипло прошептал Льерт, когда я провела рукой по внутренней поверхности мужского бедра, а затем повторила касание языком.

– Отвлекаю тебя, – ответила совершенно честно.

– Боюсь, у тебя получается слишком хорошо...

Глава 26. Предательство

Льерт Кассэль

Отношение Селесты к цваргам и каждая ее фраза в адрес собственной расы выбивали почву из-под ног. Я хотел – по-настоящему хотел! – рассказать все, но стоило разговору зайти о цваргах, как она резко замыкалась в себе, а в воздухе разливались эманации кислого страха. Один раз удалось буквально выпытать у нее, что все же один друг на Цварге у нее был – Мишель. Смесок с наростами вместо полноценных рогов, и, видимо, поэтому Селеста изначально относилась к нему хорошо. С улыбкой она еще рассказала и о Люке, мальчишке с Зеркального рынка, где она закупала свежие овощи и фрукты.

Было так странно слышать о родной планете из уст Селесты... Всю жизнь Цварг был для меня домом – когда я бороздил космос на «Сверхновой», когда сидел в заключении на астероиде, когда меня похищали пираты... Вроде бы не рассказала ничего нового, и в то же время все, что она говорила, вверх дном переворачивало мои представления.

Я всегда считал, что Планетарная Лаборатория не так уж и плоха, особенно если учесть, что женщинам предоставляли выбор среди мужчин. Селеста же ненавидела эту организацию. Все, за что я ценил родину – высокий уровень жизни населения, финансовая стабильность, красивая природа, качественное образование, льготы для женского населения, – меркло в глазах любимой по сравнению с тем, что приходилось ей терпеть. Само название планеты стало для нее синонимом абсолютного зла. То, что Оенталь со своими кислотными дождями, высоким уровнем преступности и диковатыми оршами казался ей более чем приемлемым местом для жизни на ближайшие десятки лет, пугало.

Не представлял, как и заикнуться о том, что одной с ней расы...

Сомнения оголодавшим хищником раздирали плоть и душу. Я должен был сказать! Или не должен?..

Дни потекли полноводной рекой, такой же быстрой, как ручьи кислотника за окном. Когда разговор не касался расы, Селеста была весела и беззаботна. Мы вместе смотрели голофильмы, я рассказывал ей о космосе и приключениях на «Сверхновой», вечерами она творила кулинарные шедевры и требовала все перепробовать, а ночами... мы редко спали.

Я и представить не мог, что с цваргиней может быть так хорошо! Селеста была *теплой*. Она практически угадывала мои мысли, заканчивала за меня предложения, смеялась шуткам. В груди трепетало от одного ее присутствия рядом. От взгляда. Случайно брошенной фразы или свежих, как ветер с гор, эмоций. От того, как она забрасывала на меня ноги, когда садилась рядом на диван, чтобы почитать книгу, а я в это время подсоединялся к инфосети и перебирал карты галактик. Я наконец-то с пугающей четкостью осознал, почему мне так хорошо с Селестой, – она была моей второй половиной во всем.

Днем меня наполняло бесконечное счастье, по вечерам эта неповторимая женщина и вовсе заставляла забыть, на какой планете мы находимся, а ночью она сворачивалась клубочком, доверчиво прижимаясь всем телом. Под барабаниющие звуки дождя я молча рассматривал ангела в своих руках и с горечью думал о том, как далеко все зашло.

Согласно законам Цварга я обязан был вернуть ее на родину, а с учетом нападения рептилоидов около «Гаванны» это было бы логично и правильно. С другой стороны, если я настою на том, чтобы вернуться на безопасный Цварг, нас точно разлучат. Кто я и кто она? После смерти Фьенны мою анкету автоматически убрали из базы Планетарной Лаборатории. Если уж ее приятель-юрист не рискнул заключить брак, когда Селеста в этом отчаянно нуждалась, то у меня не остается и призрачного шанса. И все-таки речь шла о ее жизни. Что есть жизнь Селесты в сравнении с моей к ней привязанностью? Рано или поздно, так или иначе, мне надо будет убедить ее вернуться на родину.

Собственная нерешительность разъедала душу медленно и неотвратимо, как кислота пережигает органику, но тревожные размышления меркли перед осознанием: мне придется рассказать Селесте правду. И будет лучше, если я сделаю это сам, чем если она

догадается по моим многочисленным обмолвкам... Каждую ночь я смотрел на мирно сопящую цваргиню и думал, что она возненавидит меня, и оттягивал момент истины, как приговоренный к казни. Время ускользало песком в песочных часах. Оно превратилось в дождь, который крупными каплями оседал на стеклах и скатывался, скатывался...

«Надо сказать ей правду. Пока еще не поздно...»

К сожалению, «поздно» наступило слишком рано.

Селеста Гю-Эль

После моего признания я чувствовала, что Льерт стал относиться ко мне по-другому и, если честно, сожалела. Я долго думала, в чем дело, и на ум не шло ничего иного, кроме как «он за меня переживает». Каждый день Льерт желал мне доброго утра, томительно-нежно и бессовестно долго ласкал меня в своих объятиях, целовал так упоительно, что исчезало время, а затем неловко взлохмачивал свои длинные разноцветные волосы и приносил завтрак в постель. Каждое утро мы совместно принимали душ, и наполненные прикосновениями и запахом горных трав минуты напрочь стирали из головы любые тревоги. Но с того вечера, как я во всем призналась, где-то в глубине души вдруг включился таймер – какое-то неприятное тянущее чувство, будто что-то изменилось раз и навсегда. Будто я сама все разрушила... Неотвратно тикали часы, отсчитывая секунду за секундой, час за часом, день за днем. Иногда, когда я смотрела на Льерта, начинало резко колоть под ребрами. Будто сама Вселенная напоминала: «У вас времени меньше, чем вы думаете».

– Ты передашь мне пену для бритья?

Мужские губы коснулись моего плеча и собрали капли воды, по руке побежали мурашки. Льерт часто целовал открытые участки моей кожи, а я не могла привыкнуть к этим фантастическим ощущениям.

– Не-а.

Брови Льерта удивленно взмыли вверх.

– Почему?

– Мне безумно нравится твоя щетина. Она такая мягкая и светлая...

Я поднялась на цыпочки и потерлась о колючую мужскую скулу.

– Селеста, отдай пену. – Крупные ладони сомкнулись на моей талии. В душе было тесно, но я изловчилась и подкинула баллончик, чтобы Льерт не достал.

– Мне кажется, она смотрится очень грутально. У цваргов щетина обычно не растет, считай, мне это в новинку.

– Вообще-то у меня она раньше тоже не росла, – произнес Льерт неожиданно серьезно. Наши обнаженные тела практически соприкасались, но мужчина смотрел исключительно мне в глаза. – Селеста, я никогда тебе этого не говорил, но из-за того, что я долгое время был заключен на радиоактивном астероиде, внешность изменилась...

Трынть-тронь-трунь.

Трель входной калитки прервала Льерта. Мы оба замерли.

– Ты ждешь кого-то? – уточнил мужчина, нахмурившись. – Доставку с фермы на дом заказывала?

Я отрицательно покачала головой.

– Нет, у нас все есть... Может, снова Гутрун со своими сыновьями? У них вечно то забор упадет, то фундамент размочит, то крыша протечет. Может, ночная гроза в электропроводку ударила?

Трынть-тронь-трунь. Звук повторился.

– Ладно, домывайся, а я пойду открою.

Льерт вышел из кабины, надел спортивные штаны прямо на влажное тело. Я поймала себя на том, что не могу оторвать взгляда от мужской спины. Опомнилась и бросила вдогонку:

– Зонт-сферу не забудь, там же наверняка кислотник льет как из ведра.

– Да, мой ангел-хранитель. – Смех пришел уже из-за двери.

Я фыркнула и тщательно намылила волосы шампунем, затем кондиционером... Почему-то казалось, что Льерт вот-вот вернется, но его все не было. Я тщательно сполоснулась и закрыла кран. Как только шум воды стих, уловила мужские голоса, какие-то крики, грохот мебели...

– Что происходит? Неужели Оден вновь решил, что у нас открыта калитка? – пробормотала я, пытаюсь задавить из ниоткуда взявшийся страх.

Натянула спортивные штаны и футболку любимого мужчины, открыла дверь и...

– Вы не имеете права врываться! Это частная собственность...

– ...которая принадлежит гражданке Цварга!

– Тем более! Отойдите с дороги и скажите «спасибо», что вам не вменяют похищение и удержание чистокровной цваргини!

Семеро высоченных мужчин в черных мундирах, высоких сапогах, в плащах из специализированной облегченной мембранной ткани возвышались посреди гостиной. Двое из них перегородили путь Льерту. Внушительные блестящие рога, насыщенный фиолетовый цвет кожи и мощные хвосты со смертоносными наконечниками – все буквально кричало, что это цварги. Расческа выпала из моих ослабевших пальцев.

«Откуда они узнали?..»

– Селеста, скройся! – крикнул Льерт и сделал порывистый шаг ко мне, но его жестко перехватили за предплечья.

Все мужчины синхронно обернулись и рентген-зрением прошлись по мне: от босых стоп, растянутых штанов и мятой мужской футболки до светлых волос и челки, с которых вода стекала на одежду и капала на пол.

– Селеста Гю-Эль? Вдова Мартина Гю-Эля? – с сомнением спросил, видимо, старший из эмиссаров.

Я перевела растерянный взгляд на Льерта, которого удерживали двое цваргов. Он не лез в драку, но было件нятно, что еще чуть-чуть, и она начнется. Желваки ходили на скулах любимого мужчины, мышцы рук вздулись под кожей, кулаки крепко сжались – признак того, что Льерт в бешенстве.

– Да-да, это она! – воскликнул самый молодой цварг и поспешно засуетился, доставая из-за пазухи планшет. – У меня есть портрет со светлой кожей и короткими волосами у лица... минуту... это точно она.

Он сунул планшет под нос старшему, тот бросил мимолетный косой взгляд, хмыкнул, шагнул ко мне и внезапно протянул руку в типично цваргском жесте для поцелуя.

– Рад видеть вас, госпожа Гю-Эль, в здравии. Эмиссар высшего звена Фабрис Робер, Служба Безопасности Цварга. Мы прилетели за вами.

Я испуганно дернулась и инстинктивно спрятала руки за спину. Видимо, мое движение было слишком резким, потому что Льерт зарычал:

– Не смейте ее трогать!

– Держите его, – мгновенно среагировал Фабрис, не оборачиваясь, и сухо сказал мне: – Госпожа Гю-Эль, пройдемте в комнату. До Цварга две недели полета. Сомневаюсь, что все это время вы хотите быть... в *этом*.

– Я не хочу никуда лететь... – пробормотала, не в силах поверить, что у них откуда-то есть мой портрет *захухри*.

– Вас об этом не спрашивают. Согласно законам Цварга женщины не имеют права покидать родину без разрешения супруга или отца. Нахождение чистокровной цваргини вне пределов Федерации Объединенных Миров – и вовсе немыслимо и безрассудно. Оенталь – опасная планета, не имеющая собственных регулярных защитных войск, с отвратительными климатическими условиями и низким уровнем жизни, недостойным наших граждан. Каждая секунда пребывания здесь грозит вам опасностью. Я даю вам десять минут, чтобы собрать необходимые вещи, и мы улетаем.

«Опасная планета, не имеющая собственных регулярных защитных войск...» – эхом раздалось в голове, и я вдруг вспомнила слова Льерта. Он говорил точно так же! Точь-в-точь! И он знал, что я цваргиня... Мысль поразила как молния. Пальцы предательски задрожали, в груди похолодело, в горле образовался ком. Я перевела взгляд на любимого мужчину, которого удерживали уже трое цваргов.

– Льерт? – голос прозвучал непривычно низко и хрипло.

Задать вопрос целиком я не смогла физически, но он понял и так. Даже с моего места было видно, как резко побледнело его лицо.

– Нет-нет, Селеста! Клянусь, я не говорил им! Селеста!

«Не говорил, но у них есть портрет, и они знают, где я живу...»

Льерт попытался выкрутиться из жесткого захвата, видимо, чтобы подойти ко мне, но удерживающие его эмиссары отреагировали. Один из них ткнул бывшего полуконтрактника в торс, тот взбесился, вырвал

руку и ответил ударом кулака в челюсть. Цварг взмахнул руками и хвостом от боли, а двое других навалились еще сильнее.

– Дайте мне поговорить с моей женщиной! – заорал Льерт, тщетно пытаясь выпутаться.

– Уймись, убогий! Это не твоя женщина. Цваргиня никогда не соединит свою жизнь с ничтожеством, – холодно парировал Фабрис.

Что-то разлилось в воздухе, затылок заныл. Тремор рук перекинулся на все тело, меня залихорадило. Готова была поклясться, что эмиссар использовал ментальное воздействие.

– Сам ты ничтожество... – прошипел бывший раб сквозь зубы. – Прекрати, заденешь Селесту. И вообще это запрещено законом.

– Во-первых, я при исполнении и имею право. Во-вторых, за оскорбление эмиссара Службы Безопасности Цварга можно привлечь даже негражданина планеты. В-третьих, кто ты такой, швархи тебя раздери, и почему до сих пор не скулишь от страха?!

– Я – Льерт Кассэль. – Он мотнул головой, будто скидывая невидимую сеть. – Урожденный цварг, единственный сын дома Кассэль, капитан разведывательной яхты «Сверхновая». Я защищал Селесту Гю-Эль, пока она жила на Оентале, и за это время она вошла в мой ближний...

Шум в ушах нарастал, собственный пульс мешал слушать и слышать. Фабрис прекратил воздействие сразу, как только прозвучала фамилия Льерта, только мне от этого не стало легче.

Урожденный цварг.

Единственный сын дома Кассэль.

В груди образовалась удушливая черная дыра, опасно близко подошедшая к горлу.

– Вы случаем не тот самый Кассэль, который своей прекрасной защитой свел в могилу невесту? О смерти Фьенны Агасси писали во всех новостных листках. Это же какой мразью надо было быть...

Я плохо понимала, что происходит, перед глазами все замельтешило, закружилось, холод в груди полз все дальше, захватывая руки, шею, грудь, спину...

– Неужели не видите?! Ей плохо! – крик Льерта ворвался в сознание. – Помогите ей!

Что-то упало. Мелькнул плащ эмиссара, хвост со смертоносным шипом и мужские сиреневые руки. Такие же, как у Юдеса, который

схватил меня за запястье в Центральном Муниципальном Дворце, чтобы точнее распространять бета-колебания. Всем известно, что по воздуху они быстро развеиваются, а при непосредственном соприкосновении с гуманоидом или зрительном контакте...

– Я сейчас вас успокою... Госпожа Гю-Эль, ну что же вы так нервничаете, он больше вас не тронет...

Огромные витые рога приблизились, мужские фиолетовые руки потянулись ко мне.

Я закричала.

Последнее, что помню, – кромешная темнота.

Глава 27. Цварг

Селеста Гю-Эль

«Льерт меня предал... Он не говорил, что чистокровный цварг... Он вызвал эмиссаров... У них был портрет...»

Одни и те же мысли крутились в голове, пока огромный лайнер бороздил космос и на полной скорости мчался на родину. Мне выделили шикарную ультрасовременную каюту, которая по площади оказалась не меньше дома на Оентале, – с просторным кабинетом, огромной спальней, гостиной, а в качестве санузла к каюте прилегали индивидуальная парная и джакузи. На лайнере Службы Безопасности имелся даже технологичный спортивный зал и летний сад с растениями с родины, чтобы экипажу и гостям легче давались длительные космические полеты. На общую территорию я не заходила, а парной воспользовалась, чтобы вернуть себе натуральный цвет кожи. Кого теперь обманывать? Все и так поняли, что я цваргиня.

Робот-официант приносил еду пять раз в день. Она казалась мне безвкусной, хотя внешне выглядела на уровне ресторанных блюд. На меня навалилась странная апатия – хотелось спать и ничего больше. Даже плакать не хотелось. Пыталась – не получилось. Внезапно жизнь перестала иметь смысл, будто кто-то вынул все кости и содержимое и оставил от вдовы Гю-Эль лишь телесную оболочку.

Кто-то неизвестный заботливо собрал мои самые приличные платья в чемодан и положил туда фамильное муассанитовое кольцо. Я посмотрела на одежду, но всю поездку так и провела в спортивных штанах, в которых вышла из душевой на Оентале. А футболку Льерта передела. Запах каменной полыни и любой намек на аромат горных трав приносили почти физическую боль.

За всю поездку меня никто не тревожил. Лишь раз в каюту зашел цварг в халате дока и сообщил, что по прилете на родину желательно пройти медицинское обследование.

– Зачем? – сухо спросила я, глядя в черные глаза соплеменника.

С тех пор как я впала в состояние апатии, мне не требовалось мысленно представлять ледяные пики и призывать себя

к спокойствию – чувствовала, что эмоции такие же чистые, ровные и холодные, точно проклятые драгоценные камни.

– Ну как же... – Цварг нахмурился. – Уважаемый господин Фабрис Робер сообщил, что вам пришлось два года жить на планете с кислотными дождями, и кто знает, какие растения вам приходилось употреблять в пищу...

«Он это серьезно? Яды для цваргов? Неужели не смог придумать ничего лучше, чтобы официально просканировать мои мозги?..»

– Спасибо за беспокойство. У меня нет ожогов, а если и были, все давно регенерировали. Еду я всегда предварительно проверяла универсальным пищевым анализатором, приобретенным на Танорге.

– Ух ты, правда? А могу ли я взять устройство для изучения? На время поездки? – Глаза дока оживленно заблестели. – У меня только устаревшая модель, а хочется знать идеальный состав веществ...

Я молча покопалась в чемодане и передала устройство цваргу. Он вежливо поблагодарил, принимая анализатор двумя руками.

– И все-таки... Я бы настоятельно рекомендовал комплексное психологическое обследование, – уже на пороге произнес мужчина.

– Зачем? Хотите залезть мне в голову?

Удивительно, я даже не разозлилась. А ведь случись этот разговор с Мартином семь лет назад, рвала бы и метала...

– Леди Гю-Эль, пожалуйста, не воспринимайте все так остро. – Док покачал головой. – Просто, как выяснилось, вы достаточно долго проживали с цваргом. Этот мужчина ранее был осужден за жестокое обращение с женщиной. Я опасаясь, что он мог воспользоваться природными способностями, чтобы принудить вас...

Док отвел глаза. Очевидно, он имел в виду принуждение к интимным отношениям, но не знал, как вежливо сообщить пациентке. Я мысленно хмыкнула, отмечая румянец дока. После прямолинейных и простоватых фраз Гутрун «мужика тебе надо» завуалированная речь цварга казалась смешной. Здоровенный взрослый мужчина, наверняка уже перевалил за сотню лет, еще и док, а изъясняется словно невинная дева. И ведь знает, что я была замужем...

– И что ждет цварга, если выяснится, что он оказывал ментальное воздействие на цваргиню? – заинтересовалась я вдруг.

Док на миг растерялся.

– Если регулярное воздействие, еще и с последствиями для цваргини – казнь, разумеется.

Я кивнула, словно знала об этом заранее, хотя никогда особо не интересовалась законами, на это у меня всегда был личный консультант в лице Мишеля.

– А разовое ментальное воздействие можно отследить?

– Разовое... вряд ли. – Мужчина растопырил фиолетовую пятерню и задумчиво почесал затылок. – Конечно, зависит от того, насколько оно было сильным. Если налицо необратимое искажение структуры мозга, тут без вопросов. Но вы не волнуйтесь, если воздействие бета-колебаниями было ежедневным, да на протяжении минимум полугода, как в вашем случае, мы совершенно точно определим это после медицинского исследования и заставим мерзавца отвечать за содеянное! К тому же вы потеряли сознание в присутствии стольких свидетелей! Это первый звоночек, что на вас кто-то оказывал влияние... Мне отправить сигнал в клинику, чтобы подготовили палату?

– Спасибо, не стоит. Я еще подумаю.

Док замер с пищевым анализатором в руках и нахмурился.

– Госпожа Гю-Эль, вы перенесли сильнейшее нервное потрясение, и если речь идет о том, чтобы наказать подонка, уверяю...

– Спасибо, я подумаю, – повторила с нажимом. – Идите.

Когда дверь за доком закрылась, я рухнула на кровать. Мысли о Льерте причиняли столь мучительную боль, что стоять на ногах не получалось. Я не считала Льерта преступником, да и его воздействие на себя наверняка ощутила бы. За годы первого брака я научилась отделять мельчайшие бета-волны, посланные в моем направлении. Теперь, день за днем проводя в каюте космического лайнера, вспоминала все разговоры с Кассэлем в свете новой информации о его расе и думала, какой же душой была все это время. Как можно было не понять, что передо мной чистокровный цварг?

За час до приземления я все-таки переделалась в классическое для родины платье. По иронии судьбы оно оказалось траурного черного цвета – как все вещи, которые я носила до побега.

– Госпожа Гю-Эль, трап подан. Разрешите поддержать вас за локоть. – Фабрис, весь полет успешно избегавший меня, галантно протянул руку.

– Не разрешаю, – холодно ответила я и, придерживая юбку, сама спустилась по лестнице.

Роскошный хромированный аэролимузин с вытянутым капотом и откидными дверями-чайками уже ждал у трапа.

«Прямо как в старые времена, когда была замужней дамой и путешествовала по Цваргу», – мысленно фыркнула и, вновь игнорируя протянутую руку, на этот раз сотрудника космопорта, села в летательный аппарат. Через тонированное стекло было хорошо видно, как, суетясь, цварги грузили мои вещи в багажник, а затем рассаживались по флаерам сопровождения. К моему величайшему сожалению, Фабрис и двое эмиссаров сели в салон аэролимузина.

«Кто бы сомневался, что этот чопорный хлыщ изъявит желание ехать со мной. Я же драгоценность!» – подумала с раздражением и не стала сдерживать эмоции.

Мужчины каменными извинениями замерли на диване напротив. Машина мягко взмыла в воздух, за окном показался гигантский зеркальный шар – межгалактический космопорт за ним поплыли гладкие бока небоскребов, геометрически правильные линии улиц, пушистые зеленые шапки квадратных парков и прямоугольных скверов, вдалеке засияли ослепляюще белоснежные пики гор – символ Цварга. Стеклянно-зеркальный высотный лес – идеальные формы, чистота и порядок. Цивилизация. Даже воздушные трассы протянуты четкими линиями, семафоры отлажены и переключаются синхронно, чтобы экономить каждую терцию водителей.

Ясное синее небо и одинокое солнце навеяли легкую грусть. Ни тебе орбитального резонанса спутников, ни разноцветных облаков и туч, по которым гадаешь, выпадут осадки или нет, а если выпадут, то какие. Что сегодня будет: град, ледяной дождь, жара, как в пустыне, или очередной кислотник? Нужны ли резиновые сапоги или можно обойтись шлепанцами?

Аэролимузин замедлился и начал опускаться на платформу.

– А вы разве не домой меня везете? – уточнила, с легким удивлением вглядываясь в выносную площадку-парковку Серебряного Дома, когда-то здесь работал Мартин.

– Нет, вас приказано по возвращении доставить в Аппарат Управления, – отозвался один из спутников Фабриса.

– Странно, не знала, что при нем есть тюремные камеры.

– Умерьте язвительность, вас ни в чем не обвиняют, – скривив губы, бросил старший эмиссар. – Комиссия должна удостовериться, что на планету возвращена Селеста Гю-Эль, а не ее подделка. Уверяю, это не займет много времени.

– Вы так много раз пытались впарить начальству биоандроидов, что вашу работу теперь перепроверяют?

Послышался отчетливый скрип зубов.

– Это стандартная процедура, – процедил Фабрис. – Формально проверки доком на лайнере Службы Безопасности достаточно, но господин Юдес Лацосте настоял, чтобы я показал вас ему лично.

– Ах, ну если Юдес настоял, тогда конечно...

– Все понять не могу, откуда в цваргинях столько спеси и высокомерия. Мы в лепешку расшибаемся, чтобы вас защитить...

– А я просила этой защиты?

– Вы просто не знаете, как опасно за границами Цварга.

Старший эмиссар сверкнул глазами, но на этом его эмоции закончились. Своим спутникам Фабрис жестом приказал дожидаться нас в аэролимузине, что не могло не радовать. Он первым выпрыгнул и с напускной галантностью подал мне руку. Я не менее демонстративно ее проигнорировала и выбралась из флаера сама. Серебристая дорожка под подошвами туфель засияла мягким белым светом, стоило ее коснуться: в центре города фонари давно заменили на более технологичное освещение.

– Я вам настолько неприятен, что вам невыносима сама мысль прикоснуться ко мне? – будничным тоном спросил цварг, когда мы направились по воздушной платформе к боковому входу в здание.

Я взглянула на бесстрастное лицо мужчины и мысленно хмыкнула: я бы сама не смогла озвучить такой вопрос.

– Нет, просто не люблю, когда ко мне прикасаются с целью воздействовать.

– Я не хотел воздействовать, всего лишь помочь выйти... – Мужчина осекся и нахмурился. – Если вы говорите о ситуации на Оентале, то, во-первых, я находился при исполнении и имел законные основания на использование бета-колебаний во благо государства. Во-вторых, я всего лишь намеревался вас успокоить. Минимальные волны, которых вы даже не почувствовали бы.

– Да мне плевать на закон. Я почувствовала.

– Нет же!

– А я говорю – да.

Мелькнули раздвижные двери, коридор, еще один... Внезапно Фабрис резко остановился, из-за чего пришлось остановиться и мне – я не знала, куда идти дальше.

– Госпожа Гю-Эль, а вы ощущаете любые ментальные колебания? Даже самые незначительные?

Если бы не увеличенный зрачок, подумала бы, что эмиссар задает вопрос от скуки, настолько хорошо у него получалось строить из себя замороженную рыбу.

– Представьте себе.

Мужчина склонил голову к одному плечу, к другому, внимательно меня рассматривая. Я мысленно скривилась, ощущая себя зверьком в зоопарке. Когда-то давно я чувствовала только сильные и направленные исключительно на меня эманации, но совместная жизнь с Мартином заставила заподозрить, что он злоупотребляет данной от природы сверхспособностью. Постоянные попытки сопротивления, тотальный анализ и контроль собственных ощущений – все это развило гиперчувствительность к ментальному вмешательству. Пожалуй, до брака я не чувствовала так четко и трети индуцированных бета-волн. Но не объяснять же это постороннему гуманоиду, еще и цваргу.

Эмиссар внезапно кивнул каким-то своим мыслям и тихо произнес:

– Тогда прошу меня извинить, госпожа Гю-Эль. Был неправ. Не представлял, что даже низкочастотные волны на вас повлияют. Видимо, ваш обморок – это моя вина.

«Цварг извиняется? Передо мной?! За бета-колебания?!»

Измучение было столь сильным, что я забыла, что надо что-то ответить. Фабрис понял мое молчание по-своему, развернулся и пошел дальше по коридору. Через десять метров он снова остановился, приложил ладонь к биосканеру на двери и пояснил:

– Личный кабинет господина Юдеса Лацосте. Прошу пройти.

Даже если бы Робер не сказал этих слов, я бы поняла, что это кабинет кого-то из членов Аппарата Управления Планетой: высоченные потолки, мраморный пол, бесконечные окна, по центру дизайнерская инсталляция из белого золота с вкраплениями

муассанитовой крошки, мебель из натуральной кожи... Личный «кабинет» больше походил на поле для игр в антигравитационной обуви или на центральный зал завода по производству роботов, чем на стандартное рабочее помещение. Фабрис замер у дверей, а я обогнула инсталляцию, затем обошла диван, с десятков растительных перегородок и наконец у самого дальнего окна увидела Юдеса, разговаривающего по коммуникатору. Цварг расхаживал туда-сюда, включив аудио. В какой-то момент он резко повернулся, и наши взгляды встретились.

– Да-да, все верно... Извините, не могу больше говорить.

Очень медленно, не прерывая зрительного контакта, словно иное поведение могло меня спугнуть, он положил коммуникатор на стол. Неполную минуту в кабинете стояла абсолютная тишина. Я разглядывала мужчину перед собой: все те же мощные витые рога, все тот же деловой костюм и гладко зачесанные назад соболиные волосы. Два долгих года я думала, что, посмотрев в эти глаза, умру от страха. Два года мне снились кошмары. А сейчас сердце не нарушило мерного биения. Пропустить удар оно могло лишь ради одного мужчины, и им был далеко не Лацосте.

– Я же говорил, что найду тебя, Селеста, – первым нарушил хрустальную тишину цварг. – Соскучилась?

Не удержалась от фырканья.

– В твоих мечтах, Юдес.

– А ты не изменилась, – продолжил политик так, будто я с радостью поддержала диалог. – Все такая же элегантная, неприступная и холодная, как муассаниты в наших горах. Даже новый цвет волос тебя ничуть не портит, наоборот, смотрится оригинально. Цваргиня-блондинка, кто бы мог подумать!

Я пожала плечами, прошла до ближайшего кресла и села, закинув ногу на ногу. Если Юдес планирует наслаждаться триумфом, хотя бы посижу с комфортом.

– Ты тоже не изменился.

Цварг улыбнулся, расценив мои слова как комплимент. Он обошел массивный, парящий на магнитах рабочий стол и взял темно-коричневую бутылку из-за перегородки с вьюном.

– Отпразднуем твое возвращение, дорогая? – Я отрицательно покачала головой. – Шэйтарри тридцатилетней выдержки. Он был

создан, когда этот слизняк Мартин на тебе еще не женился.

– Я не пью алкоголь, Юдес. Если ты тщательно изучал мою медкарту, должен это знать.

Цварг плеснул жидкость в бокал, отпил глоток и издал низкий рокочущий звук.

– Зря не пьешь. Классная вещь, между прочим.

Я не выдержала и поморщилась.

– Итак, зачем ты меня позвал? Зачем тебе эта пародия на брак?

Юдес бросил на меня чисто мужской оценивающий взгляд, опрокинул в себя весь бокал и тут же налил второй.

– Пародия на брак? Нет, Селеста, это с Мартином у тебя могло быть такое, но со мной не будет, обещаю. Я буду взыскивать с тебя супружеский долг еженощно до тех пор, пока ты сама не начнешь меня умолять...

«Вселенная, это какую же самооценку надо иметь...»

– То есть ты не поменял своего мнения? Все еще хочешь взять меня в жены? – Вопросительно подняла брови.

Два года назад я бы нервничала и переживала, задавая этот вопрос, но сейчас без каких-либо усилий могла говорить абсолютно ровно. Парадокс, но Оенталь, где я жила в полную силу и не стесняла себя рамками приличий родины, дал мне стабильную эмоциональную броню, которую я всю жизнь тренировала, будучи чистокровной цваргиней. Мне больше не требовалось постоянно напоминать себе сдерживать эмоции или визуализировать ледяную скульптуру девы-воительницы. Теперь получалось само собой.

– Не говори ерунды, Селеста. – Юдес покачал рогатой головой, будто я его расстроила. – Не затем я тебя искал по всей Федерации и за ее пределами, чтобы, вернув на Цварг, отказаться. Поверь, мои рейтинги только выросли от того, что у меня похитили невесту прямо перед свадьбой.

«Как же я ненавижу политику...»

Я прочистила горло, прежде чем возразить.

– Меня не похищали. Я сама сбежала.

– Похищали. Разумеется, похищали.

Юдес налил себе третий бокал алкоголя, грациозно-лениво оперся бедром на перегородку с растениями и небрежно расслабил узел галстука, что в сочетании с графитово-серой рубашкой и платиновыми

запонками лишь придало ему внешнего лоска. Не отводя внимательного темного взгляда, он проговорил:

– Селеста, ты же умная женщина, не расстраивай меня. Тот бывший преступник с нестабильной психикой... как его... Льерт Кассэль, кажется. Он нарушил закон и выкрал тебя с Цварга. А еще силой удерживал на какой-то вшивой недоразвитой планете.

Я во все глаза смотрела на цварга. На блестящие черные рога. Гладкие щеки без единого признака растительности. Галстук. Идеальные стрелки брюк. Лакированные острые носы мужских туфель. Помещение наполнял тяжелый цитрусовый аромат.

Слова мужчины дошли не сразу – в них не было угрозы, лишь сухая констатация фактов. Но когда я наконец поняла, что именно имел в виду Юдес, волосы буквально зашевелились на загривке, а ладони вспотели. Лацосте открытым текстом сообщил, что заявит, если еще не заявил в прессе, что Льерт виноват в моем исчезновении. Он перевернет все, чтобы вышло ему на руку... Вселенная! Я, конечно, подозревала, что политики не всегда честны, но чтобы играть *так* грязно...

Видимо, что-то отразилось на моем лице или попало в ментальный фон, потому что Лацосте широко заухмылялся.

– А ты, смотрю, привязалась к этому светловолосому полуцваргу.

– Он чистокровный вообще-то.

– Да-да, облученный радиоактивной звездой, с ампутированным хвостом... мне уже Служба Безопасности переслала отчет по нему. Поверь, в глазах общества он в лучшем случае *полуцварг*.

Я скрипнула зубами, но спорить не стала. Оставалась последняя попытка убедить Юдеса, что я ему не пара.

– И тебе не противно жениться на мне? Я, кстати, имела неоднократную интимную связь с этим «полуцваргом».

– Ну конечно! Он же на тебя воздействовал и заставлял. – Лацосте отмахнулся и приподнял бокал в игривом тосте.

Я слотнула ставшую вязкой слюну. Льерт, конечно, предал меня, но если Аппарат Управления Планетой поверит в *это*, его казнят. Безотлагательно. Похищение, насилие, воздействие на ментальном уровне... Какие бы отношения нас с Кассэлем ни связывали, смерти я ему точно не желала. Слова вырвались сами собой:

– Да ты больной ублюдок...

– Фу, как ты одичала, Селеста. – Лацосте брезгливо поморщился. – Придется нанять репетитора по этикету и напомнить тебе, как надо вести себя на публике.

– Ты думаешь, это сойдет тебе с рук?

– Почему нет? В конце концов, это не вранье, а отображение правды. Это ничтожество не имело права прикасаться к тебе, будь он трижды чистокровным. Он тебе рассказывал, что не смог защитить собственную невесту? – презрительно фыркнул цварг.

Я непроизвольно сжала подлокотники, потому что знала историю с Фьенной и видела, как мучился Льерт, вспоминая о погибшей цваргине. Вывернутые наизнанку нормы морали Цварга клокотали кипящим ядом в горле и легких. Неудивительно, что Кассэль столько лет винил себя, если любому цваргу правильным в этой ситуации виделось как следует промыть мозги цваргине, чтобы она стала шелковой, а сверху нацепить ярлык «во благо расы».

– Население будет мне сочувствовать, рейтинги поползут вверх, и мои предложения в Аппарате Управления станут более весомыми, – тем временем продолжал Юдес, не замечая моей реакции. – Натерпевшаяся от жизни жена – очень неплохо для репутации. Ко всему, у нас восемьдесят два процента совместимости, а это означает, что рано или поздно ты родишь мне ребенка. Кстати, о детях...

Юдес отставил бокал и приблизился походкой хищника. Не сводя с меня взгляда, одним движением закинул конец галстука за плечо и оперся ладонями на подлокотники кресла. Расстояние между нашими лицами сократилось до десятка сантиметров. Я отстраненно отметила, что Лацосте олицетворял собой все, чего так хотят женщины – власть, деньги, ресурсы... А еще он был красив. По-настоящему красив, той утонченно-аристократической красотой, которая так высоко ценится на Цварге: правильный оттенок кожи, орлиный нос, черные как смоль волосы и такие же черные глаза. Вполне вероятно, что в какой-нибудь параллельной Вселенной я могла бы быть счастлива с Юдесом, насколько это в принципе возможно с цваргом. В очень далекой Вселенной.

– Селеста, ты не представляешь, насколько сексуальна... – тихий шепот коснулся моего уха. – Твои волосы, прическа. – Он чуть отодвинулся и еще раз осмотрел меня, как покупатель, собирающийся вложить все свои сбережения в понравившуюся модель флаера. –

Я чуть не кончил, когда выяснил, что ты покинула планету по визе «беллеза»... – Хорошо, что я сидела. Все-таки Юдесу удалось вывести меня из равновесия. Шокированно замерла, подумав, что мне послышалось. Лацосте криво ухмыльнулся. – Как же мне надоели эти снулые цваргини! Сколько раз я выискивал тебя взглядом на светских мероприятиях... При всех кажущихся приличиях и выполнении норм этикета в твоих глазах всегда полыхал яростный огонь несогласия. Долгих двадцать лет я жалел, что Мартин встретил тебя раньше. Я желал тебя больше жизни все эти годы. Разве ты не чувствовала, что между нами натянулась невидимая нить? Ты всегда мне улыбалась и соблазнительно облизывала губы, когда я приходил к вам домой. Признайся, ты всегда думала об интиме со мной.

Во все глаза глядя на Юдеса, я заторможенно пыталась понять, о чем он, какая нить?! Какие улыбки?! Замутило. Затошнило. Нет, он не воздействовал на меня ментально, просто его подавляющая аура в купе с резким цитрусовым одеколоном меня отталкивали.

– Какие еще мысли об интиме? – хрипло просипела я.

– Не знаю, тебе виднее. – Юдес прищурился, внимательно меня рассматривая. – Но я точно знаю, что ты хотела меня, а не своего мужа. Как иначе объяснить, что всякий раз после того, как я приходил к Мартину по работе, у вас с ним был секс? Я проверял. Несколько раз возвращался через час или два, якобы забыл бумаги. Поверь мне, остаточные эманации после секса ни с чем не спутаешь, и они достаточно долго рассеиваются. – Юдес сделал секундную паузу и добавил почти обвиняющим тоном: – У вас с Мартином всегда был секс после моих визитов!

Во рту пересохло. Я не знала, что сказать. Вероятно, был, а может, не был... Я никогда об этом не задумывалась. Супруг был ревнив и запрещал мне видиться даже с Мишелем. В то время я воспринимала это как должное... Неожиданная страшная догадка поразила вспышкой молнии. А может, Гю-Эль чувствовал внимание коллеги по работе к его жене? Все цварги – страшные собственники, это заложено в наших мужчин природой. Вероятно, он таким образом утверждал свои права на меня?

Лацосте, несколько секунд помолчав, продолжил с внезапной экспрессией:

– Мне нужна именно такая женщина, как ты, – сильная, яркая, страстная, находчивая, неповторимая во всем! Признайся, ты переделалась в шлюху, нацепила муассаниты и покинула Цварг, чтобы меня позлить?! – Он прикрыл веки и шумно вдохнул ноздрями, а я сглотнула слюну. Стая мурашек прошлась по шее именно там, где только что был нос мужчины. – Ты ведьма, Селеста, просто ведьма... Ни одна не унижала меня так, как это сделала ты в Центральном Дворце! Ни одна женщина не выводила меня на такие эмоции... Я снимал ночных бабочек на Тур-Рине пачками и ни с одной не мог достигнуть пика, пока не представлял твое лицо! Я на тебя подсел, как на наркотик!

На скулах Юдеса проступил румянец, его зрачки расширились, дыхание буквально ошпаривало кожу.

«Гравитационная аномалия, да он действительно болен...»

– Тебе не подходил слюнтяй Гю-Эль, а это ничтожество Кассэль вообще не считается. Селеста, неужели ты не понимаешь? Ты – совершенство, которое уготовано мне судьбой! Я уверен, что ты забеременеешь сразу же, как только...

– Фабрис! – закричала я так громко, как только могла.

Рука Юдеса, скользнувшая на мое бедро под платье, мгновенно исчезла. Губы мужчины сложились в жесткую линию, и, прежде чем выпрямиться, он тихо шепнул:

– Зря, дорогая. Очень зря. Знаешь, что случается с дичью, которая слишком долго дразнит тигра?

Когда эмиссар быстрым шагом появился из-за перегородки с растительностью, Юдес уже отошел к окну. Кроме моего зашкаливающего пульса и стука молоточков в ушах ничто не выдавало того, что только что могло произойти.

– Господин Лацосте, вы уже закончили? Я могу отвезти госпожу Гю-Эль к ней домой? – вежливо уточнил эмиссар, кинув на меня беглый взгляд.

– Да, конечно, – скусающе бросил Юдес, рассматривая что-то сверхинтересное за стеклом.

На подрагивающих ногах я встала с кресла и инстинктивно оперлась на руку Фабриса, чтобы не упасть. Брови эмиссара высшего звена на миг удивленно взмыли на лоб, но он тут же расслабил лицевые мышцы и сделал вид, что так и надо.

Мы уже двигались к выходу, когда в спину кинжалом вонзились слова:

– Ах да, Селеста, совсем забыл сообщить: свадьба назначена на завтра. Мой секретарь все организовал. Будь готова к восьми утра.

Льерт Кассэль

Я мерил каюту шагами и тщетно пытался успокоиться. Гнев клокотал где-то за ребрами – то ли в сердце, то ли в легких, тугой пульсирующей болью отдавался в копчик, откуда когда-то рос хвост, и включал фантомные рецепторы. Будь у меня сейчас пятая конечность, я уже посшибал и покрошил бы в щепки всю каюту...

Нет, меня не связали, не били и не морили голодом – просто изолировали, но как же это бесило! Стоило вспомнить бледное лицо Селесты и ее испуг, когда старший эмиссар потянул к ней свои лапищи, как хотелось выломать дверь, найти любимую женщину, успокоить, крепко сжав в объятиях, и... набить морду этому недоумку!

Но любой порыв броситься с голыми кулаками на дверь и добиться своего глушился воспоминанием неприкрытой муки на лице Селесты, когда я признался, что являюсь чистокровным цваргом. Помножить это на потерю сознания – док сказал, это уже даже не звоночек, а пушечный выстрел, свидетельствующий, что у госпожи Гю-Эль колоссальный стресс. Ей сейчас нужен только покой.

Как только цваргиня потеряла сознание, я угрозами потребовал взять меня на борт СБЦ. Фабрис Робер считал меня лишним балластом, но, когда я упомянул, что уже полгода живу с Селестой и являюсь гражданином Цварга, им пришлось взять и меня. Правда, вышло все не так, как я хотел. Мало того что я так и не увидел любимую женщину, никто не сказал, где она и как себя чувствует.

Нестабильная сингулярность! Не вытерпев, с силой ударил кулаком по обшивке иллюминатора.

– Bravo, – раздался позади ехидный голос. – Разнесите каюту к шварховой матери, нарушите герметизацию корабля, и давайте мы все вместе погибнем в открытом космосе.

Я стремительно развернулся и одарил дока испепеляющим взглядом. Правда, ему было хоть бы хны.

– Эта модель межзвездного лайнера изначально разрабатывалась под гражданские нужды и была спроектирована так, чтобы в случае пьяных драк на борту никто не мог повредить внешнюю часть. Перегородки между каютами хлипкие, но обшивки иллюминаторов укреплены дополнительно. Вреда кораблю я бы не нанес.

– Какие у вас интересные познания, – хмыкнул док. – Если поначалу я сомневался, что вы дали о себе правдивую информацию, то сейчас сомнения отпали.

– Что с Селестой?

– Вас это не касается, – дежурно ответил док, ставя на стол переносную аптечку. – Мне необходимо повторно взять у вас кровь на анализ, чтобы к прилету ваша личность была официально идентифицирована. Сядьте, пожалуйста.

– Вы можете мне объяснить, как эмиссары нашли ее?

– Вас это не касается.

– Она никому, кроме меня, не говорила, что является цваргиней! – мой голос перешел в рык. – И сейчас думает, что это я ее подставил...

– Если вы полагаете, что угрозами чего-то от меня добьетесь, то крайне заблуждаетесь, – ощерившись, резко перебил мужчина. – Я вам не беззащитная девушка, над которой можно измываться, а полноценный цварг! С хвостом и рогами! И я уже составил отчет о вас и с удовольствием добавлю туда строку о повышенной агрессивности. Сядьте!

Ярость плетью хлестнула по нервам, но колоссальным усилием воли я взял себя в руки и сел на табурет. Док приступил к делу.

– Я никогда не сделал бы ничего из того, чего Селеста не хотела бы сама. Я чистокровный цварг из рода Кассэль...

– Любой чистокровный цварг сразу бы сообщил в СБЦ или АУЦ о нахождении цваргини не просто за пределами родной планеты, а за пределами Федерации, – рявкнул док. – Это опасно для всех нас! Вы понимаете, насколько мало девочек рождается в последние столетия?! Раса на грани вымирания! То, что вы умалчивали о местонахождении госпожи Гю-Эль, не делает вам чести! Хотя сомневаюсь, что вы вообще знаете такие слова, как «честь», «долг» и «совесть». Я успел

посмотреть вашу богатую биографию, оказывается, из-за вас однажды уже умерла цваргиня...

– Хватит!

Беспокойство за Селесту, ярость, чувство вины перед Фьенной и бессилие перед прошлым слились в жгучий коктейль эмоций, который отчаянно требовал выхода... А выхода не было.

Док одним движением вогнал шприц в вену и продолжил:

– Что, правда по рогам бьет? Будете отрицать, что решили воспользоваться ситуацией и молодой красивой женщиной в угоду своим низменным желаниям?

– Я ничего не делал с Селестой против ее воли...

– Ну разумеется! Вам и не нужно было! По первичному медицинскому анализу, несмотря на убогий внешний вид, у вас здоровые мощные резонаторы. Всего-то навеять нужные эмоции. И как удобно! Ни одного цварга за парсек, кто бы почувствовал, что вы играете нечестно.

– Я не использовал на Селесте бета-влияние!

– И будучи невестой Юдеса Лацосте, она выбрала *вас*, – док окинул меня презрительным взглядом, – по доброй воле? Я должен поверить в эту сказку?!

Кажется, я как никогда начал понимать Селесту, которая ненавидела Цварг...

– Она сбежала от вашего ненаглядного Лацосте, это вам ни о чем не говорит? – глухо прорычал, стараясь, чтобы голос не выдавал бешенство, которое меня обуяло.

– Ну и что? Женщины часто ведут себя как дети, – собеседник выразительно пожал плечами, – вечно говорят «нет», имея в виду «да», и «да», склоняясь к «нет», а еще любят путешествовать и смотреть другие Миры. Иногда им и вовсе приходит в голову дурь, например сунуться в подводные города Миттарии, не имея жабр. А Планетарная Лаборатория подобрала госпоже Гю-Эль идеального партнера для зачатия, уж в ее-то возрасте каждая женщина мечтает о ребенке. А если не мечтает, это тем не менее остается ее долгом перед расой.

– Селеста – давно не ребенок! Я не встречал женщины разумнее, которая так тщательно взвешивала бы каждое решение...

– Серьезно? – Цварг насмешливо приподнял брови. – Несанкционированный отлет с родины без охраны и сопровождения –

это «разумное» решение? Кажется, я что-то слышал о том, что уважаемая Селеста Гю-Эль оформила себе визу категории «беллеза». Кассэль, вы просто ее использовали, чтобы вам жилось комфортно на Оентале. На этом я предлагаю завершить наш спор. И ваши вопросы о состоянии госпожи неуместны. – Док раздраженно чиркнул хвостом по полу.

Я потряс головой. Со стороны все выглядело действительно очень скверно.

– Спросите ее о наших отношениях... – пробормотал и осекся.

Обжигающий холод запустил цепкие коготки под кожу. Она же не знала, что я цварг. А вдруг действительно думает, что я на нее влиял, как и ее первый муж?

Док грустно усмехнулся, явно по-своему поняв оборванную фразу, но не было смысла что-то ему доказывать. Он убрал медицинские инструменты в чемоданчик.

– Учтите, Кассэль, – сказал он на выходе из каюты, – если выяснится, что у вас с госпожой Гю-Эль была интимная связь, я вам не завидую. Даже без учета вашего сомнительного прошлого и печальной ситуации с Фьенной Агасси, налицо использование цваргини. Зря вы настояли на том, чтобы вас забрали с Оенталя. Теперь вас будут судить по законам родины.

– Я люблю Селесту! Она вошла в мой ближний круг! Вы не имеете права не давать с ней видеться!

– Искренне сочувствую. – Мужчина неожиданно вздохнул, задержавшись у двери. – Привязаться к женщине, которая не отвечает взаимностью, – большая трагедия. Но цваргинь слишком мало. Элементарная математика не сходится.

Селеста Гю-Эль

Фабрис вел меня куда-то, мы спустились на лифте, свернули налево. Стены, мраморный пол, коридоры. Я машинально переставляла пудовые ноги, чувствуя себя роботом. Понимание, что

мы идем не на воздушную платформу, пришло, когда мы сделали пару десятков шагов по тротуару.

– А куда мы идем? – уточнила скорее на автомате, сил удивляться не осталось.

– Я отпустил ребят. Смена вышла длинной, плюс перелет за границу Федерации, они устали... Служба Безопасности вернула вас на родину, задание выполнено. На Цварге вам ничто не угрожает, а я взял на себя обязанность довести вас до дома. Мой личный флаер припаркован на наземной территории Серебряного Дома. Нам сюда.

«А он заботится о своих людях...» – пронеслось в голове.

Внезапно справа раздался громкий хруст-хлопок, цварг резко схватил меня и отдернул почти на метр.

– Простите-извините, я вас не видел!

Двухколесный оранжевый скутер лежал на боку, вокруг валялись стекляшки от фар и разбитые боковые зеркала, тощий парнишка смотрел на меня огромными от страха глазами.

– Ты с ума сошел? Гонять на парковке! – зарычал Робер. – Сейчас вызову сотрудников Системной Полиции, молись, чтобы отделаться всего лишь штрафом!

– Я не специально, честное слово! – Парнишка расплакался. – Как только увидел госпожу, тут же положил скутер на бок, чтобы не задеть, как учат в автошколе! Господин, я же и так остановился ценой скутера! Специально тут тренировался, а не на трассе...

Передо мной будто стекло поставили. Слух улавливал отдаленное рычание взбешенного Фабриса и лепет начинающего горе-водителя, а перед глазами в красках стоял Глиняный рынок. Картинка просвечивала через картинку, как мираж иллюзиониста. Мир наполнился нецензурными криками торговцев, в воздухе запахло дикой смесью мокрого песка, чеснока, свежей рыбы и овечьей шерсти, стопы фантомно защищало от кислотника, а кожа на животе загорелась, ведь там только-только побывали ладони Льерта.

В тот день мы возвращались из лесного домика.

Босая, с растрепанными волосами, в вечернем платье и мужской рубашке поверх, я думала о том, что люблю этого мужчину. Я была счастлива.

Хлоп! Физически ощутила, как внутри лопнула натянутая струна колоссального напряжения, сковавшего меня по рукам и ногам после

признания Льерта. Невидимая защитная броня от переизбытка эмоций дала трещину. Чувства, которые я испытала, поняв, что Льерт меня предал, – неверие, потрясение, ужас, отчаяние, – все то, что я усилием воли загнала под кожу и намертво запечатала в сердце, пирокластическим потоком вырвалось наружу.

Вселенная, как же сильно я люблю его... Никогда его не забуду. Что бы он ни сделал, что бы ни сказал, но те месяцы на Оентале были лучшими в моей жизни. Осознание безнадежности, абсурдности и глупости ситуации, иррациональности собственных чувств душили похлеще удавки. Я задыхалась.

– Госпожа Гю-Эль! Селеста! Он вас задел?! Где больно?!

Эмиссар обеспокоенно всматривался в мое лицо, а я вдруг почувствовала влагу на щеках.

Я плакала? Прилюдно? На Цварге? Как неприлично-то...

– Если он вас задел, его арестуют! – Парнишка затих и совсем побелел. – Селеста, скажите хоть что-нибудь! Где болит? – настойчиво повторял Фабрис.

«Везде...»

Я наконец взяла себя в руки и отрицательно покачала головой.

– Нет, этот мальчик меня не задел. Не надо никого вызывать. Точнее... Док на лайнере сказал, что я могу пройти обследование по прилете. Как думаете, свадьбу отложат, если я буду лежать в клинике? Это не нарушит никакие законы?

Цварг смотрел на меня со смешанным выражением лица. Ноздри его расширились, будто он испытывал злость, а губы сжались в тонкую линию – признак разочарования, в глазах же клубилась непроглядная тьма.

«О чем он думает? Наверняка о том, что на его шею повесили очередную взбалмошную цваргиню...»

– Конечно, свадьбу отложат, – не разжимая зубов, проговорил он. – И я буду первым, кто запретит приближаться к женщине, нуждающейся в медицинской помощи.

– Тогда отвезите меня в клинику, будьте так любезны.

Глава 28. Клиника № 356

Селеста Гю-Эль

– Привет, Селеста. Вот уж не думал, что мы так скоро увидимся.

Я открыла глаза и искренне улыбнулась. Короткие рога-наросты, глаза цвета горчицы и россыпь веснушек. Друг детства навестил, как только я проснулась и написала короткое сообщение, где меня можно найти. Клиника № 356 по праву считалась одним из лучших частных медицинских учреждений на планете.

– Мишель, как же я рада тебя видеть!

Я откинула больничное одеяло и попыталась встать, чтобы поприветствовать юриста, но тот опередил меня, от дверного проема пробежал к кровати и крепко обнял, не давая подняться.

– Зачем встаешь? Лежи! Что это вообще такое, куда собралась? – с напускной строгостью спросил он, сжимая мои косточки.

– Да никуда я не уйду! Эта палата – моя крепость, – рассмеялась я. – Пока лежу здесь, ко мне пускают только тех, кого я разрешаю, и никто не тычет носом, что я нарушаю законы Цварга, потому что до сих пор не замужем. Я шикарно устроилась, вход в палату охраняют эмиссары из Службы Безопасности Цварга. Видел, да?

Приятель ослабил хватку и отстранился, с тревогой заглядывая мне в лицо.

– Все так плохо?

Со вздохом пожала плечами. Вопрос был... сложным.

Мишель обернулся в поисках кресла или стула, но я потянула его за рукав, усаживая на матрас. Полуцварг посмотрел на меня с легкой укоризной, мол, не пристало мужчине сидеть на кровати женщины. Я обвела помещение взглядом, намекая, что здесь нет никого, кроме нас. После Гутрун и ее сыночков такие вольности уже не казались мне чем-то «из ряда вон». Мишель, пожалуй, был единственным гуманоидом на всей планете, кого я была рада видеть.

Пару секунд он колебался, но махнул рукой, скинул пиджак и сел рядом со мной.

– Расскажешь, как ты? – попросил мягко. – В новостях столько всего писали, я даже не знаю, чему и верить.

– Да нечего рассказывать... Федерация, оказывается, огромная. Я успела посетить массу планет, мне очень понравилось на Танорге. Люди – удивительные существа, представляешь, они... – и слова полились рекой.

Я перечисляла путешествия и открытия первого года после побега с Цварга. Одно светлое воспоминание тянуло за собой другое, вдруг вспомнился миллион мелочей, которые поначалу удивляли. Говорить о Миттарии, Захране, Тур-Рине, Зоннене, Эльтоне, Пиксе было легко. Безграничный космос, я и не задумывалась, как много всего увидела, прежде чем осесть на Оентале!

– И так я оказалась на той планете, – сказала и замолчала, потому что Оенталь у меня ассоциировался в первую очередь с Льертом.

– Хм, – Мишель почесал подбородок, – не помню такой, но я и в Федерации не везде бывал... Хороший климат?

– Ну... когда не изматывающая жара, то идут кислотные дожди или град размером с кулак. Местное население имеет толстую кожу и довольно мощный скелет. Еще бывает сезон ветров, и повезет, если он не примчит облако саранчи, мошкары или еще какой дряни.

Полуцварг запрокинул голову и расхохотался.

– Вселенная, Селеста! Я, конечно, знал, что у тебя специфические вкусы, но не до такой же степени!

Да, в уютной современной палате лучшей на планете клиники пересказ моих скитаний и вправду выглядит несколько эксцентричным.

Неожиданно Мишель стал серьезным.

– А то, что говорят про того мужчину, Льерта? Это правда? Тебя точно положили в клинику не из-за того, что он с тобой сделал?

В глазах резко защипало.

– Он никогда ничего плохого мне не сделал бы, Мишель. Ну а то, что сделал, видимо, было продиктовано благими намерениями.

– И что он натворил? Можешь сказать хотя бы общими словами? – серьезно попросил друг, а я задумалась, не зная, с чего начать.

В этот момент дверь в палату бесшумно отъехала в сторону, и на пороге показался цварг в белом халате с планшетом в руках. Мишель сидел ко входу спиной, поэтому не сразу отреагировал на вошедшего.

– Селеста, мне необходимо перепроверить ваши анализы крови, могу ли я... – Док оторвался от электронного устройства и резко остановился. – Прошу прощения, у вас гости, я не знал...

– Мне уже пора, – взволнованно забормотал юрист, вскочив с койки и хлопая по карманам костюма, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – Завтра заседание рано утром, мне еще подготовиться к суду надо. Все доступы к твоим счетам я перешлю на коммуникатор. И полный отчет о ведении дел...

В легком изумлении я наблюдала, как Мишель торопливо надевает пиджак, и лишь спустя несколько секунд осознала, в чем дело.

«Селеста, ты слишком отвыкла от Цварга. Мало того что мужчина сидел с тобой на одной кровати, еще и позволил себе раздеться... Полуцварг, чью анкету даже не рассматривали в Планетарной Лаборатории».

Док бесстрастно наблюдал за сборами посетителя.

– Мишель, останься. – Я схватила друга за рукав и потянула к себе. Хватит с меня того, что Мартин столько лет запрещал с ним общаться. В конце концов, только Мишель меня поддержал, когда я хотела сбежать с планеты, и фактически никого ближе у меня нет. – Это док Иарлэйт. Он ведет меня и зашел наверняка ненадолго.

Юрист растерянно посмотрел на мою руку, сжимающую ткань костюма, перевел взгляд на цварга в белом халате. Тот прочистил горло.

– Госпожа Гю-Эль... Селеста, я же могу вас так называть, да? Я... э-э... на самом деле мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Я всеми фибрами души почувствовала, как полуцварг принял эти слова за астероид в свои турбины.

– Ничего страшного, я приду к тебе завтра...

– Нет. – Теперь это уже был вопрос принципа, чтобы юрист остался и выслушал все, что говорит док. – Это Мишель, мой хороший друг. Прошу, Иарлэйт, говорите, что вы хотели, берите анализы и идите.

Док с сомнением пожевал губу и почему-то остановил взгляд на юристе.

– Вы точно уверены, что я могу говорить при вашем госте *все*?

Я изумленно пожала плечами – чего стесняться-то? Я сама попросила Фабриса связаться с клиникой и легла на обследование под предлогом, что подозреваю у себя нервный срыв. Сомнительно, чтобы он у меня был, но всегда можно пожаловаться то на одно, то на другое и попытаться задержаться подольше в гостеприимном местечке. Тем более я с нескрываемым злорадством услышала, что ко мне будут допускать лишь тех посетителей, кого сама пожелаю увидеть. Стоит ли упоминать, что взбешенный Юдес Лацосте, начавший названивать с восьми утра, не вошел в их число?

– Разумеется. Вы можете говорить все.

Док несколько секунд побарабанил пальцами по пластмассовому чехлу планшета, перевел взгляд на меня и спросил:

– Селеста, скажите, сколько раз за последнее время вы теряли сознание?

– Всего один.

– А тошнота как долго длится?

Я вспомнила невкусные блюда на лайнере...

– Недели две где-то.

– А реакция на запахи есть?

– При чем тут запахи? Конечно нет! – Нахмурилась. К чему ведет док? Разве при нервных срывах органы обоняния функционируют по-другому? Тут вспомнился удушливо-неприятный аромат одеколona Лацосте, и я с сомнением добавила: – Хотя, наверное, все-таки есть...

Док переглянулся с Мишелем, будто они уже что-то знали, а я все не могла понять, что не так.

– Судя по анализам, беременность протекает в пределах нормы, но есть некоторые отклонения – слишком мало витамина Д в организме. И железа не хватает. Странно, что токсикоз начался так поздно, обычно к этому времени он уже проходит...

В ушах загромыhalo. Уставилась в ошарашенное лицо Мишеля, в голове эхом раздавалось: «Беременность протекает в пределах нормы». Так и хотелось ляпнуть: «Да быть такого не может, вы что-то перепутали!» Голова закружилась от нехватки воздуха. Док подошел к пультау управления климат-контролем и крутанул колесико подачи кислорода в палату.

– Так будет лучше, – резюмировал он, выжидательно посмотрел на нас и продолжил: – Признаться, я недоумевал, почему вы мне сразу

не сказали, а господин Робер настаивал на эмоциональном истощении. Теперь понятно, почему вы скрываете беременность. Но поймите, моя обязанность как медицинского работника – известить об этом Планетарную Лабораторию. Я с утра уточнял, у них нет информации... – Его взгляд остановился на Мишеле, уголки губ скорбно опустились вниз: – И я не представляю, как они отреагируют, когда узнают, кто отец ребенка. Особенно если учесть, что Селеста помолвлена с другим мужчиной...

До меня наконец дошло – док посчитал, что я специально утаила информацию о ребенке, и логично предположил, что отцом является Мишель. Друг вскинулся, чтобы возразить, но я отчаянно сжала его запястье и умоляюще посмотрела в желтые глаза. Юрист открыл рот... и тяжело вздохнул.

– Возьмите, пожалуйста, анализы крови у Селесты, чтобы подобрать оптимальный комплекс витаминов и минералов. Буду глубоко признателен, если вы немного придержите информацию для Лаборатории.

Иарлэйт кивнул, быстро и безболезненно провел процедуры. Оглушенная новостью, я ведь так и не спросила, каков срок беременности. Если я ее «скрываю», по идее, должна знать хотя бы приблизительно. Тщательно подбирая слова, я уточнила:

– А когда должен был закончиться токсикоз? На моем сроке его обычно нет?

– Все очень индивидуально. – Док пожал плечами. – Обычно на двенадцатой неделе токсикоз уже заканчивается, но у вас почему-то только начался. Возможно, повлияли смена климата и уровень стресса.

– Двенадцать недель... – эхом откликнулась, подумав, что забеременела не просто на Оентале, а чуть ли не в первый раз, когда мы остались в лесном домике.

«Как это вообще возможно?!»

Иарлэйт воспринял слова по-своему.

– Селеста, у вас отличная фигура, вы явно занимались физическими нагрузками, но учтите, еще неделя-другая – и уже никакая одежда не скроет эту сенсацию. И да, – он повернул голову в сторону юриста, – будьте так добры, попросите вашу клинику переслать генетическую карту мне на почту. Я хочу сделать расчет и убедиться, что у ребенка не будет отклонений. Надеюсь, вы

понимаете, что это важно, особенно с учетом... – взгляд дока скользнул по коротким рогам и веснушкам моего друга... – вашей расы.

С уходом дока в палате наступила тишина. Мишель посмотрел на меня с плохо скрытым укором.

– Селеста... – начал он.

– Знаю, прости, – забормотала, закрыв лицо руками, – я растерялась... Не знала, что сказать... А вдруг Лацосте настает на скорой свадьбе, чтобы дать ребенку свою фамилию? Хотя... погоди!

«Ребенок!» – внезапно осенило, надежда вспыхнула ослепительным солнцем.

– Мишель, а разве я теперь обязана?..

– Обязана, – хмуро перебил приятель. – Я вдоль и поперек изучил этот идиотский закон. Там сказано: «Вдова, не имеющая детей от первого брака». При всем разнообразии рас во Вселенной, Мартин Гю-Эль был чистокровным цваргом, а у цваргов не рождаются «спящие дети». Да и семь лет для замороженной беременности – многовато. Опять же, при любом сомнении у твоего ребенка возьмут кровь на анализы, и все станет ясно – детей от Мартина у тебя нет. Боюсь, это все осложняет, ты права. – Он устало потер лоб рукой. – Когда Лацосте узнает о твоей беременности, он будет настаивать на скоропалительной свадьбе, и Аппарат Управления Планетой его всецело поддержит. Цваргиня, воспитывающая сына в одиночку, это нонсенс.

Я прикрыла глаза, пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

– А если мы поженимся? С тобой? Ну... при условии моей беременности... Даже если станет ясно, что ребенок не твой, Юдес Лацосте имеет на него права такие же липовые, как и ты. Я могу тебе заплатить! Компенсирую все неудобства, которые вызовет наш брак. Все что хочешь! Так как у нас официально будет полная семья, я уверена, что добьюсь, чтобы тебе дали мою фамилию, ты войдешь в аристократическую ветвь... – Я лихорадочно подбирала аргументы, чтобы уговорить Мишеля на очередную авантюру, но по выражению лица уже видела, что он не согласится.

Мужчина вновь сел рядом и сжал мою ладонь. Я машинально отметила, что у юриста очень теплые руки. Или это я так замерзла?

– Селеста, мне кажется, ты совсем запуталась и вот-вот совершишь самую большую ошибку, о которой будешь жалеть всю жизнь, – мягко произнес друг. – Скажи, ты любишь Льерта?

Я сглотнула колючий ком в горле и отвернулась. Люблю ли я Льерта?

Всякий раз, закрывая глаза, я вижу его лицо, скулы, высокий лоб, упрямый подбородок и короткую щетину. Светло-бежевые рога, выцветшие и потрескавшиеся от радиации на астероиде, серые глаза, которые в минуты гнева или возбуждения напоминают расплавленную ртуть. Неравномерно выгоревшие волосы – от жемчужно-пепельных прядей до карамельных. И вся эта копна волос удивительно мягкая и шелковистая, впрочем, как и смех Льерта, его взгляд и руки, которые умело ласкают и в коконе которых так уютно и надежно засыпать даже на деревянном полу. Память живо подбрасывает воспоминания, как дождливой оентальской зимой я сидела на диване и учила таноржский язык, закинув стопы на колени Льерта, а он щекотал мои пятки. Как я прижималась к нему сзади, когда он уверенно вел спидер, и мощная спина закрывала меня от хлесткого встречного ветра. Как он ловко поймал меня, когда я полезла за зернами кофе на кухне...

– Люблю, – произнесла тихо, словно сознаваясь в преступлении.

– Тогда в чем дело? – резонно уточнил Мишель.

Я прикрыла веки. Как можно объяснить те чувства, что бурлят во мне, когда кто-то упоминает одно лишь его имя? Я доверяла Кассэлю, рассказала все, а он врал, врал и, наконец, предал. После всего, что у меня было с первым мужем. После того, как я глотнула настоящей жизни и свободы. Как сделать гуманоида счастливым? Отобрать у него все, а затем вернуть половину. Как сделать гуманоида несчастным? Показать ему все, а затем оставить лишь с половиной. Я чувствовала себя статуэткой, которую вдребезги разбили, и склеить ее по кусочкам уже нельзя. Легче выкинуть на помойку и купить новую. Даже муассаниты можно разбить, если очень постараться...

– Он чистокровный цварг.

– А ты цваргиня. Продолжай.

– Он умалчивал о своем происхождении!

– А разве ты не прикидывалась захухрей, когда вы познакомились?

Я скрипнула зубами от злости.

– Это другое. У меня были причины молчать! В конце концов, меня разыскивали!

– Возможно, у него тоже были причины не рассказывать о своем прошлом.

– Мишель, он узнал, кто я, и вызвал эмиссаров Цварга.

– А ты в этом уверена?

Вопрос сбил с толку. В смысле «уверена»? А есть варианты, как меня еще могли отследить?

– Он был единственным, кто знал, кто я такая, и неоднократно предлагал перебраться на более защищенную и цивилизованную планету. А еще у эмиссаров был мой портрет. Как захухри! Кто мог его дать им, кроме Льерта? О том, что я цваргиня, но выгляжу как человеческая девушка, знал только он! Ну и ты, разумеется...

Внезапно веснушчатые щеки юриста окрасились ярким румянцем. Я осеклась.

– Мишель?

– Твой портрет у эмиссаров не от Льерта. – Я молчала, давая другу детства выговориться. Полуцварг смущенно продолжил: – Когда ты пропала, Лацосте первые пару месяцев думал, что ты ловко прячешься на Цварге. Затем до него дошло, что ты покинула планету, и тогда началось... Служба Безопасности вызывала в отделение и опрашивала всех, с кем ты контактировала. На первом кругу допросов пронесло – ввиду того, что мы редко общались при жизни Мартина, они не обратили на меня внимания. Ко всему, с планеты исчезли еще несколько цваргинь приблизительно в то же время, и СБ думала, что это серийные похищения или что-то в этом роде. Искали женщин по Федерации в привычном им темпе. Примерно через полгода ниточки к историям других исчезновений нашлись, а к твоей – нет. Меня снова вызвали на допрос, на этот раз мне уже не повезло. Юдес узнал, что твоими активами управляю я, и явился лично. Я пытался врать, что понятия не имею, что с тобой. Собственно, я же действительно не поддерживал с тобой связь и не знал, где ты. – Мишель поморщился и машинально положил руку на затылок. Я с неверием и ужасом поняла, что Юдес, вероятно, пытал его. – В общем, как цварг он оказался гораздо сильнее. Пришлось признаться, что я помог тебе сбежать с планеты. Ну а дальше дело техники. Специалисты подняли видеозаписи в космопорту, нашли твое

изображение. Когда Юдес понял, что ты покинула Цварг по визе «беллеза», я думал, что он размажет мое сознание тонким слоем, но нет. Представляешь, он решил, что это была полностью твоя идея! – Я усмехнулась – представляла... – Так они получили твой портрет, – тихо закончил собеседник.

– Но это не объясняет, откуда Служба Безопасности знала, где меня искать! – сказала сердито.

– Знаешь, у меня сложилось ощущение, что Юдес был настолько не в себе из-за того, что официальные службы не могут тебя найти, что обратился к частникам.

Я фыркнула и внезапно замерла. В голове запульсировали слова, которые я однажды прочла в личном кабинете Межгалактического Банка: *«Я найду тебя, Селеста, чего бы это ни стоило. И чем дольше ты от меня прячешься, тем злее я становлюсь»*. Очевидно, Юдес смог выяснить, что я несколько раз снимала деньги через банкоматы-анонимайзеры, да и само сообщение было размещено не самым легальным путем – то ли он подкупил менеджеров банка, то ли нанял хороших хакеров... Кто сказал, что «частники» – это профессиональные детективы?

Перед глазами встали голые черепа, острые треугольные зубы, тяжелые ботинки и синтетические комбинезоны, точно изготовленные не на Оентале. Напавшие на нас с Льертом определенно были «космопиратами на отдыхе». Кто сказал, что взбешенный безрезультатными поисками Юдес не мог передать мое фото и имя пиратам? Более того, если отбросить мораль, то это гораздо логичнее: во-первых, такие услуги стоят дешевле, чем детективы, точнее бесплатно, ведь награда дается только тому, кто предоставит информацию. Во-вторых, нечестные на руку гуманоиды появляются в таких местах, где приличные детективы не стали бы ошиваться специально. Пираты бороздят гораздо больше планет и вылетают за края Федерации, их кораблей в сотни раз больше...

Сердце пропустило удар. Если под дождем пираты меня и не узнали, то окрик Льерта «Селеста, беги!» должен был навести их на соответствующие мысли.

– От Оенталю до Цварга на хорошем корабле две недели лету. Сколько времени прошло с тех пор, как ты рассказала Кассэлю о своем происхождении? – влез в мои мысли Мишель.

Я прикрыла глаза.

– Приблизительно двенадцать недель.

– Двенадцать? – Друг выразительно приподнял брови, намекая, что отрезок совпадает со сроком беременности.

Я махнула рукой, не собираясь вдаваться в детали. Мысли лихорадочно скакали.

– Идеально, чтобы рептилоид мог на автопилоте добраться до какой-нибудь нелегальной станции, пролечить глаза от попавшей в них кислоты, долететь до Цварга...

– Что? – Мишель нахмурился, не понимая, о чем я.

– Проклятые астероиды! – схватила за виски. – Льерт ничего не передавал эмиссарам! Это пираты... Они на нас напали и точно знали мое имя и как я выгляжу! А еще Льерт поссорился с маэстро душ и желаний. Аюр имел на меня зуб и легко мог сказать прибывшим на Оенталь, где мы живем... Ох! Льерт действительно ничего не рассказывал!

Несколько секунд я обрадованно смотрела на Мишеля, но счастье мое поутихло, стоило вспомнить, что Льерт все равно мне врал.

– Селеста, это неразумно, – сказал друг детства, будто прочтя мои мысли.

А я неожиданно разозлилась:

– Что неразумно, Мишель? Неразумно злиться на Льерта за то, что он скрывал свою расу? Зная, что я терпеть не могу цваргов? Зная, какой у меня был первый муж?!

– Неразумно отталкивать мужчину, если ты его любишь, – просто ответил приятель.

Я так и открыла рот, не зная, что возразить. В конце концов, если размышлять логически, Мишель прав. У меня ребенок от Льерта, значит, Юдес не сможет надавить на Планетарную Лабораторию и опротестовать нашу свадьбу, если я выйду замуж за отца ребенка. Только внутри все жгло от понимания, что он *чистокровный* цварг. Все то время, что мы были на Оентале, он неоднократно упоминал, что хотел бы вывезти меня на «нормальную» планету. Что с этим делать? Ведь очевидно, что он, как и Мартин, запрет меня в золотую клетку на Цварге. А если у меня родится не сын, а дочь? Озноб прошелся по коже от мысли, что моя дочь столкнется с жуткими законами Цварга.

– Нет, Мишель. – Покачала головой. – Твой вариант решения ситуации не подходит. Хотя бы потому, что док Иарлэйт не станет ждать еще месяц, а долететь до Оенталя и попросить Льерта приехать... Мы просто не успеем.

Юрист посмотрел на меня так, будто я сказала что-то совсем уж дикое.

– Селеста, ты вообще новости не читаешь?!

Глава 29. Мишель Марсо

Льерт Кассэль

После приземления на поверхность Цварга меня час продержали в каюте и лишь затем отворили дверь, чтобы вывести под локти и посадить в закрытый кузов служебного флаера. Темнота, гул мотора, закрытая территория и снова замкнутое пространство без окон с прочной стальной дверью. Хорошо, наручники не надели...

«Выяснение личности». «Вашим делом занимаются». «Не волнуйтесь, вам положен адвокат»...

Какой еще адвокат к шварховой матери?! Я не нарушал закон!

Конечно, я не рассчитывал на красную ковровую дорожку и фанфары, но изолированная камера и полное игнорирование – не совсем так радуются спасшемуся гражданину вымирающей расы.

За дверью слышались шаги, пикнуло над небольшой ячейкой, куда три раза в день в одно и то же время ставили еду. Крохотная створка открылась, и на столе с моей стороны появился поднос с контейнерами. Сквозь щель мелькнули черные брюки.

Я метнулся к створке.

– Эй! Скажите, как долго меня еще здесь продержат? Что с Селестой Гю-Эль?!

– Простите, не могу сообщить никакую информацию, – пробормотал неизвестный с той стороны и быстрыми, чуть шаркающими шагами удалился.

– Какого шварха вы не можете нормально ответить?! – крикнул вдогонку черным брюкам, но, разумеется, никто не откликнулся.

Я резко разогнулся и задел поднос, контейнеры с грохотом упали. Кусок мяса вылетел, оставив за собой жирный след, вода из стакана выплеснулась на столик и тонкой струйкой закапала на пол.

«Поздравляю, Льерт, ты не просто придурок, а теперь еще и голодный придурок».

Глухая ярость накатывала волнами, смешиваясь со страхом и бессилием. Где Селеста? Почему мне о ней ничего не говорят?

Допустим, она не хочет меня видеть и слышать после всего случившегося, но могу же я знать, что с ней?!

Стоило закрыть глаза, как перед взором возникала испуганная, бледная, теряющая сознание Селеста. С влажными светлыми волосами, в растянутых спортивных штанах и моей футболке. Я думал, что самое плохое было на лайнере. Ошибался. За толщиной пластика и перегородок я хоть и не слышал ее эмоций, но *чувствовал* ее присутствие. Здесь же, в чистом и цивилизованном каменном мешке, я вообще ее не ощущал.

Меня страшно ломало, и я уже плохо понимал – то ли я накрутил себя на нервах, то ли это откат, ведь организм давно не потреблял бета-колебаний ближнего круга.

Две недели в одиночной каюте в космосе.

Семьдесят часов в изоляторе.

Тревога переросла в беспокойство, периодически трансформируясь в панику. Хуже всего было по ночам, когда мне снились до судорог знакомая шляпка и истекающая кровью женщина на руках.

«Льерт, умоляю... убей меня».

Сволочное подсознание играло по-грязному, выворачивая страхи наизнанку. И среди излюбленных вывертов этой твари – подсовывание лица Селесты. Теперь уже она истекала кровью и просила ее убить за то, что из-за меня ей пришлось вернуться на Цварг. Я просыпался в поту на узкой койке и долго сжимал простыню в кулаке, уговаривая себя, что все это лишь сны.

– Кассэль, пройдите в переговорную номер пять. Вас ждет адвокат, – раздался электронный голос в динамике под потолком, выдергивая меня из пучины всепоглощающих мыслей о любимой женщине.

Мощная входная дверь отъехала в сторону. На полу коридора загорелись оранжевые диодные стрелки, куда мне следует идти. Полная автоматизация... и бежать некуда – вокруг лишь бетон и камень. Впрочем, бежать я и не собирался. Цварг всегда был цивилизованной планетой, и в глубине души теплилась надежда, что все вот-вот закончится и я наконец увижу Селесту.

Когда очередная дверь, теперь с табличкой «№ 5», отъехала в сторону, пришлось подслеповато сощуриться – в отличие от

коридора и камеры здесь были окна. Узкие как бойницы и высоко под потолком, чтобы через них нельзя было совершить побег, но до рези яркий полуденный свет заливал все помещение.

«Как же на Цварге ярко... совсем забыл».

Через белое марево постепенно проступили очертания металлического стола и нескольких белых пластиковых стульев. На одном из них с кипой бумаг и папок сидел усталый худощавый полуцварг с небольшими рогами-наростами. Он поднял задумчивое лицо, сплошь усыпанное желтыми веснушками, и стекляннотрешенным взглядом посмотрел сквозь меня. Рассеянно моргнув, сконцентрировал зрение на новом объекте и... удивился. Эмоции отчетливо слышались в воздухе и проступили на необычном лице. Полуцварг резко поднялся, протягивая ладонь для рукопожатия.

– Здравствуйте, меня зовут Мишель Марсо, я ваш адвокат. А вы Льерт Кассэль, верно? Приятно познакомиться.

Теперь настал мой черед удивляться. Постоянное раздражение – спутник, с которым я спал, ел и бодрствовал, – на некоторое время улеглось и тихо заворчал. Впервые за последние дни кто-то весьма нейтрально назвал мое имя, не облив с ног до головы презрением. Я машинально пожал руку и кивнул.

– Да, это я.

– Простите. – Мишель повторно потряс мою руку. – Я просто... ожидал увидеть кого-то другого... в смысле, я представлял вас по-другому, – сбивчиво произнес он.

Я хмыкнул.

– Врожденная регенерация работает отлично, на теле нет ни одного шрама. Рога, к сожалению, высохли под ярким солнцем на астероиде, там же изменился цвет кожи, но по большому счету это все. Если вам сказали, что ваш клиент бывший заключенный и раб, то это преувеличение...

– Да нет, не в этом смысле. – От юриста пахло легким смущением, но как только рукопожатие распалось, оно пропало. – Селеста говорила о вас, но я и представить не мог, что она... ей... могут нравиться цварги с настолько крупной фигурой и мощными рогами. Всегда замечал за ней, что...

Я перестал дышать.

– Вы знаете Селесту? Видели ее по прибытии? Как она?! Почему мне не дают ее увидеть?!

Внезапно в голове щелкнуло: она же рассказывала о друге детства по имени Мишель, который помог ей сбежать с Цварга. Неужели это он? Шевельнулась неуместная ревность, но я задавил ее на корню.

«Спокойствие, Льерт. Ты же не идиот, чтобы ревновать Селесту».

Мишель несколько секунд изучал меня странными желтыми глазами, моргнул и опустил на стул.

– Садитесь, разговор будет длинным. С Селестой все в порядке настолько, насколько это может быть, а вот с вами...

– В смысле «натурально, натурально это может быть»?! – воскликнул я, не вытерпев.

Под гипнотическим взглядом Марсо я все же опустил на стул, и лишь после этого он заговорил:

– Госпожу Гю-Эль доставили на Цварг в целости и сохранности, с медицинской точки зрения она здорова, но сейчас лежит в клинике № 356 под наблюдением... формально у нее диагностирован нервный срыв.

– Да разве это нормально?! – Они что, с ума все походили? – Дайте мне ее увидеть и объясниться! Уверяю, я не сделаю ей хуже!

Юрист поднял руки в успокаивающем жесте.

– Тише, тише. Я же сказал, что «формально».

– Тогда в чем дело? Почему меня заперли здесь и не дают увидеть любимую женщину? В чем меня обвиняют?

– А вот с этим давайте поподробнее. – Марсо вздохнул, активируя тонкий планшет. – Уважаемый Льерт Кассэль, у нас не так много времени. Обещаю, в рамках разумного я отвечу на ваши вопросы, но давайте вначале коротко все обговорим и выработаем стратегию защиты. Официально вам пока не выдвинули никаких обвинений, но вами плотно заинтересовалась Служба Безопасности Цварга, а также Аппарат Управления, поэтому вы здесь. Из того, что мне удалось узнать, вам предъявляют побег с тюремного астероида ША-945, на который вас определили согласно делу № 267–203. Начальство тюрьмы заявило, что вы сбежали с пиратами.

– Я не сбежал, – зло прервал юриста. – Если вы внимательно смотрели дело... Меня осудили на шестьдесят лет, а я пробыл там

шестьдесят три, пересидев лишних три года. Меня доставили туда в военное время по скорому суду. Обвинения основывались на протоколе депрессии альфа-волн.

– О, это же замечательно! Получается, из-за халатности администрации ША-945 вас не отпустили вовремя... – Видимо, что-то отразилось на моем лице, потому что адвокат закашлялся. – Я имел в виду, что в деле не зафиксирована дата вашего мнимого побега. Я свяжусь с астероидом, подниму документы и смогу доказать, что ничего подобного не было. Более того, вы как гражданин даже пострадали... – Я хмуро кивнул. – Так, – полуцварг вновь сосредоточился на планшете, – СБЦ также выдвигает обвинения в том, что вы не сообщили о пребывании чистокровной цваргини на Оентале. Думаю обыграть этот пункт тем, что вы были не в курсе. В конце концов, Селеста действительно качественно скрывалась и маскировалась под захухрю...

– Не надо, – отрицательно покачал головой, – врать не буду. Она рассказала правду почти три месяца назад. Я все знал и молчал намеренно. Никогда не предал бы доверие Селесты.

Юрист тяжело вздохнул, отложил планшет и потер виски. «Как же тяжело с бывшими военными», – пробормотал он себе под нос, а затем продолжил громче:

– Я все понимаю, Льерт, но и вы поймите... Ситуация, в которой вы оказались, откровенно паршивая. Да, вы честно отсидели свое на ША-945, но причина, по которой вас туда заключили... это очень плохо. Фьенна Агасси была молодой и здоровой цваргиней, которая могла бы продлить род, но погибла во цвете сил. АУЦ будет склонен наказать вас за то, что вы фактически пользовались Селестой Гю-Эль. С учетом заключения протокола депрессии альфа-волн, ни у кого нет сомнений, что вы оказывали ментальное воздействие...

Гнев вскипел в жилах. Неужели и этот туда же?!

Одно словосочетание «пользоваться женщиной» вызывало такую волну негодования и протеста, что я вскочил со стула и прорычал адвокату в лицо:

– Я ее люблю и никогда не распространял на нее даже малейших волн!

Марсо вновь вкинул руки ладонями вверх.

– Кассэль, я верю! Пожалуйста, успокойтесь! Я лишь очертил ситуацию, как она смотрится со стороны.

Желтые веснушки на лице полуцварга побледнели, зрачки стремительно сузились, в воздухе разлился чуть кисловатый запах. Я со стоном опустился на стул.

Браво, Льерт. Уравновешенность – твое второе я.

– Прошу прощения, – буркнул, хотя не испытывал раскаяния, и с неохотой вновь опустился на стул. Пластик натужно скрипнул под моим весом. – Селеста вошла в мой ближний круг, и по законам Цварга меня не имеют права с ней разлучать. Я не понимаю, почему все это происходит. Какой-то фарс и страшный сон в одном флаконе.

Мишель несколько секунд молчал, затем шумно выдохнул.

– Ничего страшного. Я понимаю, вы долго не были на Цварге. Вы самой Селесте о ближнем круге, стало быть, не говорили?

Вопрос явно был риторическим.

«Не говорил. Потому что как последний трус боялся, что после признания она станет хуже относиться ко мне. И вот к чему привело... Она не хочет меня видеть».

Адвокат потер подбородок.

– Это, конечно, хорошо, что Селеста в вашем ближнем круге... – заключил он после пары секунд раздумий. – Как друг я очень рад за нее. Но касательно текущего дела, боюсь, сообщать эту информацию членам Аппарата Управления не стоит. Закон распространяется только на граждан Цварга, а ваше гражданство – предмет рассмотрения. Я уверен, что упоминание о ближнем круге настроит сенаторов против вас, так как в данном контексте будет считаться попыткой манипулирования. Ваша же вспышка эмоций... даже я с недоразвитыми резонаторами почувствовал. Если так вспылит женщина, это просто неприлично. Если так поведет себя мужчина, последует наказание. От небольшого штрафа до изоляции как опасного элемента в медицинском учреждении. И, разумеется, его анкету вычеркнут из базы Планетарной Лаборатории.

Шварх! Я все понимаю...

Мишель говорил очевидные вещи совершенно нейтральным тоном. Он предупреждал, не испытывая брезгливости или презрения по отношению к клиенту.

«Сумасшедший кусок идиота», – перевел внутренний голос речь юриста.

– Я вспылал, потому что уже семнадцать дней не видел Селесту и не знаю, что с ней. Пытаюсь выяснить, почему мне не дают с ней увидеться, но мне не сообщают никакой информации. Вообще никакой!

Адвокат, до сих пор не выпускавший планшет из рук, медленно отложил устройство в сторону и посмотрел мне в глаза. Неполную минуту он молчал, что-то взвешивая про себя, и наконец выдал:

– Селеста беременна.

– Что?..

Показалось, что я ослышался.

Да если бы у меня вдруг вырос хвост, потрясение было бы меньшим, чем от этой новости! Слишком невероятно это прозвучало. Когда? Как?! Нет, я прекрасно понимаю, откуда берутся дети, но все же *как?!*

– Селеста ждет ребенка, она уже на двенадцатой неделе, – устало повторил Мишель тоном, каким разговаривают с умственно отсталыми. – Срок большой, сегодня ей пришлось сделать заявление в прессе.

Вселенная, как такое возможно? Это чудо! Настоящее чудо! Внезапно нахлынула такая волна тепла, любви, благодарности космосу и потребности обнять любимую женщину, что захотелось куда-то бежать, мчаться... Новость распространилась по крови пузырьками шампанского и основательно ударила в голову.

– Как же я рад...

Несколько секунд я представлял, как счастлива должна быть сама Селеста, ведь она упоминала, что считает себя бесплодной, но тут же набежала мрачная мысль: почему она не пришла сюда? Почему не захотела сказать лично? Неужели настолько на меня обижена?! Я же действительно не говорил ничего о ее местонахождении! Ну а то, что цварг... Да, умолчал...

– И Селеста Гю-Эль по-прежнему считается невестой господина Юдеса Лацосте, – вернул с небес на землю спокойный голос Марсо. – Он пока не в курсе ее положения, но, уверен, будет рад признать ребенка своим.

– Своим? – я оторопело переспросил и от волнения облизал пересохшие губы. В сердце вонзили тупой кинжал. – Она не хочет меня видеть? Считает, что я ее предал?

Мишель смотрел на меня странно, как на безнадежно больного. Это снова разозлило. Но прежде чем я успел высказаться, юрист горестно вздохнул и повернулся к окну.

– Льерт, вы знаете, что на Цварге нет детских домов?

«При чем тут это...»

– Разумеется, знаю.

– А знаете почему? – вновь огорошил собеседник.

Я пожал плечами. Какая разница почему?

– Потому что все дети на Цварге желанные, – ровным тоном сообщил Мишель.

– Ну конечно желанные! За триста с лишним лет не каждая пара может завести ребенка... А уж про процентное соотношение мальчиков и девочек вообще молчу, – ответил, чувствуя, что логика юриста мне непонятна.

– Нет, – Марсо внезапно улыбнулся, – вы меня не поняли, Льерт. Я имел в виду... В общем, мне всегда было интересно, почему отец выбрал мою мать и я родился таким... – Он махнул рукой на веснушки и короткие рога. – И совершенно случайно узнал, что еще до встречи с моей матерью одна цваргиня выбрала его анкету через Планетарную Лабораторию, а он ей отказал. Представляете?

Представлял. Сам хотел отказать Фьенне, но не смог.

Общественное порицание – вещь сложная, но при этом... Женщина выбирает подходящего мужчину из списка анкет, однако за последним остается право отказа. Мало кто отказывается от подарка судьбы, но порой такие уникалы находят.

– Я как-то спросил у отца, почему он пренебрег чистокровной цваргиней. Меня все детство дразнили, моя анкета и по сей день не рассматривается Планетарной Лабораторией... Будучи подростком, я запирался в своей комнате на дни и протестующе голодал, проклиная судьбу за свою внешность. – Мишель на мгновение прикрыл глаза, вспоминая прошлое. – Мне всегда казалось, что, не имея я этих пигментных пятен, желтых глаз и коротких наростов, жизнь сложилась бы иначе. И однажды отец принес целую гору заметок из различных новостных лент, электронных бумаг, флешку с личной перепиской...

Оказывается, отец еще в молодости предположил, что Лаборатория учитывает не все аспекты.

Я скептически приподнял брови. Не все аспекты? Да Планетарная Лаборатория исследует все отклонения в генах и рассматривает древо до шестого колена, а Аппарат Управления обязал цваргов еще и указывать финансовое состояние, прикладывать банковские выписки и документы о недвижимости. Ну-ну.

– Не все аспекты, – повторил Мишель. – Отец проводил собственные исследования уже по факту рождения детей, уделяя особое внимание многодетным семьям. Он пошел волонтером на социальные работы, чтобы познакомиться с как можно большим количеством пар. Согласно его наблюдениям выходило, что дети у цваргов рождаются только тогда, когда они действительно любят друг друга. Это сложно объяснить... Он сказал мне, что на каком-то глубинном уровне почувствовал, что с той цваргиней у него не будет детей, несмотря на высокую совместимость, гарантированную Планетарной Лабораторией. И если бы он согласился на брак, меня не было бы на свете. А мою маму он очень любит, хотя она постоянно скандалит и грозит разводом. – Мишель улыбнулся и тряхнул головой. – Был целый пласт пар, которые утверждали, что любят друг друга, но во всех случаях я нашел те или иные пометки, что, с точки зрения отца, цварг оказывал хотя бы легкое воздействие, чтобы цваргиня в него влюбилась. Когда он расспрашивал их об отношениях до свадьбы, практически все женщины описывали конфетно-букетный период как «опьяняющую влюбленность» или что-то в этом роде. Разумеется, все это лишь его собственные догадки и наблюдения, но... Если я что-то и вынес из детства, так это уверенность, что у цваргов дети не рождаются просто так. Даже если сейчас Селеста на вас злится, все меркнет перед тем, как она вас любит. Искренне. По-настоящему.

Я невидяще смотрел на стену перед собой, пытаюсь собрать ускользающие мысли. Внутри разрастался ураган, я никогда не чувствовал себя столь нестабильным эмоционально. Ураган грозился свернуться в воронку и обернуться катастрофой.

«Селеста беременна! От меня! Моим ребенком! Какой-то хлыщ хочет отобрать их у меня!»

– Ни за что их не отдам! – Я резко поднялся со стула. – Что я должен сделать?

Позади раздался громкий треск – хлипкий пластик не выдержал. Кажется, я немного не рассчитал.

– Вот этого я и боялся, – покосившись на стул, произнес Мишель. – Льерт, вы цварг, следовательно, вы не имеете права на яркий эмоциональный фон. Кроме того, вас однажды уже судили по протоколу депрессии альфа-волн. Вы понимаете, что вам придется пройти полную проверку на стабильность из-за вмененного жестокого обращения с невестой?

– Понимаю.

– Нет, Льерт, не понимаете. – Мишель покачал головой и устало потер лицо руками. – Всякий раз, когда речь заходит о Фьенне Агасси, даже я чувю вину в ваших бета-колебаниях. Протокол депрессии альфа-волн существует исключительно на Цварге, потому что рога – такие же органы чувств, как зрение или обоняние для большинства рас. Если гуманоид видит труп, а над ним другого гуманоида с занесенным окровавленным ножом – это доказательство в суде. Если цварг видит другого цварга с мертвой цваргиней на руках, а в воздухе отчетливо разливается вина, боль, да еще и следы воздействия... – Мишель тяжело вздохнул. – В общем, это плохо. Вы должны перестать винить себя за смерть невесты. Только тогда появится шанс остаться с Селестой. В противном случае не хочу и думать, что будет с вами и с ней.

– Хорошо, я понял.

Адвокат поднялся, мельком глянув на коммуникатор. Очевидно, время встречи истекло.

– Ваше дело разбирается завтра, – сказал он перед выходом.

– Завтра? Вот уж не думал, что АУЦ так благодарны за многолетнюю службу, – я не удержался, чтобы не съязвить.

– Не в этом дело. Селеста сегодня заявила в прессе, что беременна. От вас. Общественность негодует, кто-то уже раскопал ваше прошлое... АУЦ должны как можно быстрее разрешить ситуацию, иначе столь резонансный случай может вызвать волнения. Вам что-то нужно до завтра? Средства связи пронести не могу, но в рамках разумного...

– Карты галактик Федерации принесите, пожалуйста. Я долго был заперт на астероиде, хотел бы освежить знания.

Мишель бросил на меня удивленный взгляд, но кивнул.

Глава 30. Серебряный дом

Селеста Гю-Эль

- Назовите, пожалуйста, свое полное имя и звание.
- Льерт Кассэль, капитан разведывательной яхты «Сверхновая».
- Вы готовы пройти освидетельствование работы резонаторов?
- Да, готов.

Я смотрела во все глаза на широкую спину мужчины и старалась держать себя в руках. Невзрачная серая ткань обтягивала напряженные плечи и руки Льерта. Светлые волосы с разноцветными прядками были собраны в строгий высокий хвост и сияли в ослепительных лучах солнца, пронизывающих зал через прозрачную крышу и окна. На весь зал было всего два светловолосых гуманоида – мы с Льертом. Только я, чтобы не привлекать лишнего внимания, надела черную шляпку вдовы и закрыла лицо вуалью, а на Льерте сходились взгляды десятков цваргов.

Отдельно стоящие кафедры членов Аппарата Управления Цварга расположились полукругом, несколько эмиссаров Службы Безопасности Планеты замерли ближе к выходу из помещения, неподалеку разместились пресс-секретари и несколько специалистов по связям с общественностью. Парочка самопишущих дронов зависли в воздухе, а все остальные – частные лица по спецпропускам, среди которых затесалась и я, агент от Планетарной Лаборатории, цварги в форме ВКСЦ, – заняли места на стульях.

«Маленькое быстрое заседание на полдня, чтобы определиться, что делать с Льертом», – объяснил мне Мишель. Вот же свинтус! Специально так сказал, чтобы я не нервничала, но, когда я увидела эту толпу, мне стало дурно. Морально. Ну и немного физически – тошнота подкатила к горлу.

С замиранием сердца я смотрела, как высокий щуплый цварг с тонкими кистями и невероятно длинными рогами подошел к Льерту и замер напротив.

– Он проходит освидетельствование, что его рога в рабочем состоянии. Держится молодцом, – тихо прокомментировал на ухо друг.

Льерт не знал, что я здесь нахожусь, и Мишель был против моего появления на процессе, но я настояла, зная, – от тревоги полезу на стену. Едва ли не шантажом вынудила Марсо сделать мне пропуск и сидела молча, как в скафандре, у него за левым плечом. Мишель сказал, что, если Льерт меня увидит, может отреагировать слишком бурно, а ему, наоборот, нужно продемонстрировать совету полную эмоциональную стабильность. Зато меня заметил и узнал Лацосте и теперь сверлил пристальным темным взглядом. Не представляю, как он перенес новость о моей беременности, ведь в итоге я разрешила доку Иарлэйту отправить сообщение в Планетарную Лабораторию. К счастью, сейчас Юдес не мог покинуть своей кафедры.

– Подтверждаю медицинское заключение дока Службы Безопасности Цварга, – тем временем отозвался высокий тип. – У господина Кассэля очень мощные резонаторы. Заключение на астероиде не повлияло на его способности.

– Это хорошо или плохо? – тихо спросила Мишеля.

Он с сомнением пожевал губу.

– Вообще-то, хорошо. Но в нашем случае не очень. Для совета это значит, что он с легкостью мог на тебя воздействовать на Оентале.

– Я бы заметила! – возмутилась, и друг тут же на меня шикнул.

– Итак, минуту внимания. – Пожилой цварг за центральной кафедрой откашлялся. – Сегодня обсуждается весьма щекотливая ситуация с господином Льертом Кассэлем. Напоминаю, что вопрос весьма срочный. На днях вернулась вдова Селеста Гю-Эль, и она утверждает, что Кассэль – отец ее ребенка. Согласно законам Цварга обычно мы не разлучаем такие пары, но ввиду сомнительного прошлого гражданина, шестидесяти лет тюремного заключения на ША-945, а также невыполнения долга перед родиной – Кассэль не сообщил о месте нахождения чистокровной цваргини, вопрос о судьбе капитана и его гражданстве остается открытым. Даю слово стороне защиты.

Марсо только этих слов и ждал. Он буквально вспорхнул со своего места, уверенной походкой обошел Льерта, приблизился к членам АУЦ и залился соловьем:

– Уважаемые члены Apparata Управления Планетой, прошу обратить внимание на документы, которые я прислал накануне... – Мишель говорил так легко и четко, что неожиданно стало понятно,

почему его считают успешным юристом. Несмотря на внешность полукровки, Марсо был профессионалом своего дела. – Капитан «Сверхновой» в прошлом неоднократно был награжден медалями первой и второй степени за отвагу и верность Цваргу, медалью «Новые горизонты» за исследование сектора К-47 и открытие трех планет с ценными ресурсами. Военно-космические силы Цварга отметили капитана Кассэля знаками «За безупречную службу» и «Самые точные навигационные разработки». За двадцать пять лет службы на благо родины Льерт Кассэль показал себя первоклассным капитаном. К сожалению, у меня не было времени собрать письменные показания бывших сослуживцев Льерта, да и часть военных погибла в войне с трасками, но в зале находятся двое офицеров, раньше служивших под началом капитана «Сверхновой».

Я так волновалась, что периодически переставала слушать речь Мишеля. Пульс отбивал бешеный ритм танго-милоренго, сердце билось где-то в горле, а внимание то и дело сползало на каменную спину Льерта. Он стоял неподвижно, гордо расправив плечи, но я чувствовала, что он напряжен как струна.

«Только бы у Мишеля все получилось, только бы получилось... Вселенная, мне ничего больше не надо...»

Еще неделю назад чувствовала боль при одном лишь упоминании имени Льерта.

Еще вчера я сомневалась, кого объявить отцом ребенка...

А сейчас, глядя на эту фигуру, я понимала, что никогда и ничего не хотела так отчаянно, как быть с этим мужчиной. И отдала бы все свое состояние, все имеющиеся муассаниты, лишь бы только Льерту оставили гражданство! И мне абсолютно плевать, что у него есть рога и на самом деле он может полноценно воздействовать бета-колебаниями, как тот же Мартин или Юдес. Плевать, что за полгода он так и не удосужился сообщить мне о своей расе.

Цварг в форме ВКСЦ, внешне ровесник Льерта, поднялся с места.

– Меня зовут Патрик Лефи-Гуфье. Я служил в звании младшего лейтенанта и должности личного помощника капитана Кассэля на момент начала войны с трасками...

Часть вопросов я не понимала, но собравшиеся слушали внимательно и еле заметно кивали, а потому я старалась убедить себя, что все идет хорошо.

– Подскажите, пожалуйста, какие карты составлял Льерт?

– Стандартные астрономические, общие галактические, специальные узкопрофильные для посадки-взлета.

– Приходилось ли вам помогать в расчетах со странной материей или гравитационными поправками на черные дыры и нестабильные туннели?

– Слава космосу, нет.

«Интересно, это хорошо или плохо? Судя по тому, как переглянулись военные, хорошо».

Некоторые вопросы звучали странно, но я понимала их природу.

– А при высадке на новой необитаемой планете каков был план действий?

– Вы имеете в виду в плане бета-колебаний? Капитан Кассэль разрешал нам все прощупывать, но требовал пользоваться ментальным внушением лишь при самой крайней необходимости.

– И часто такие наступали? Сам капитан, наверное, с удовольствием тренировал способности на местной флоре и фауне?

– Нечасто.

– Приведите пример.

– Однажды нам пришлось потратить все запасы сетей и парализаторов, когда огромная рыба вылезла из воды и нацелилась на турбины «Сверхновой». И только когда команда использовала все средства, капитан разрешил навести сон на животное.

Вопросы совета о погибшей невесте вызвали внутреннее смятение.

– Скажите, Кассэль хотя бы раз на ваших глазах воздействовал на госпожу Фьенну Агасси?

– За исключением того раза, как я увидел ее тело на руках капитана, – нет.

– То есть капитан был против покидания Агасси «Сверхновой», но все-таки ментально не вложилась?

– Да.

– Кассэль на вашей памяти хотя бы раз нарушал Устав военно-космических сил Цварга?

– За исключением того случая – нет.

Внутренний компас цваргской морали дал сбой.

«Это хорошо или плохо, что Льерт не воздействовал на Фьенну, когда она нацелилась на встречу с трасками? Если судить по хмурым взглядам членов Аппарата Управления, видимо, все же плохо...»

Не успела я додумать, как Мишель вновь подал голос:

– Уважаемые господа, надеюсь, вы рассмотрите этот факт с того ракурса, что у капитана Кассэля колоссальная выдержка, соответствующая мощности его резонаторов.

Несмотря на то что эмиссары Службы Безопасности выглядели недовольными, лица большинства участников совета расслабились. Заседание потекло в прежнем русле.

– ...И в конце концов, как вы уже обратили внимание, господин Леандр Ламбе, – подводя итоги, Мишель обратился к пожилому сенатору, открывавшему заседание, – госпожа Селеста Гю-Эль зачала от чистокровного цварга, срок уже большой, и будущему члену общества нужен отец. Я считаю, что Льерт Кассэль будет идеальной кандидатурой для этой роли.

Ламбе кивнул.

– Что ж, спасибо большое, господин Марсо, что так быстро и полно собрали информацию. Если ни у кого из собравшихся нет вопросов, предлагаю голосование...

– У меня есть.

Я знала, что Юдес просто так меня не отпустит. Он предупреждал. И все равно от жесткого и бескомпромиссного голоса Лацосте мгновенно вспотели ладони, внутри что-то предательски сжалось, натягивая и без того расшатанные нервы.

«Что он задумал?»

– При всем уважении к госпоже Гю-Эль...

Юдес демонстративно махнул рукой в мою сторону, и все мельком посмотрели на меня. Кто-то удивился, кто-то не придавал этому значения... Привыкнув в прошлом к публике, я не сразу сообразила, зачем Юдесу было меня обнаруживать. Прессы здесь нет, да и если кто-то полезет с неуместными вопросами, эмиссары выпроводят из зала. Однако увидев, как вздрогнули каменные плечи Льерта, от поведения которого сейчас зависело многое, поняла – эффектный жест достиг цели.

– Так вот, при всем уважении к присутствующей здесь леди Гю-Эль, мне не совсем понятно, почему Аппарат Управления Цваргом

должен верить одному лишь голословному заявлению этой женщины.

В голосе Юдеса сквозило ленивое презрение. Ровно столько, сколько требуется, чтобы взбесить мужчину, когда его любимую называют «этой женщиной» и сомневаются в ее честности, но чтобы фраза при этом выглядела не слишком грубой.

– Если Льерт Кассэль не является биологическим отцом, вообще неясно, что тут обсуждать.

«Вот же... морда рогатая!»

С моего места было видно, как Льерт стиснул кулаки.

«Тише, мой хороший, тише, – мысленно уговаривала бывшего полуконтрактника, кусая от злости губы. – Скоро все закончится, и он подавится своим ядом».

– Разумеется, – перехватил инициативу Мишель, напрочь проигнорировав выпад в мою сторону. Похоже, он предполагал такую выходку от Лацосте. – Вчера сотрудник Планетарной Лаборатории посещал клинику № 356 и лично брал анализы у госпожи Селесты Гю-Эль. Раз уж *настоящий* отец ребенка здесь, давайте прямо сейчас сравним образцы ДНК.

Я оценила, как Марсо ловко заменил слово «биологический», и медленно выдохнула. Терпеть не могу грязные психологические игры в софизмы и подмену понятий. Не зря когда-то Мартин оплатил мне репетитора... «То, что ты не терял, – ты имеешь. Рога ты не теряла, значит, они у тебя есть». Видимо, Юдес хотел проверить что-то в этом роде, а может, действительно сомневается, что Льерт отец. Да кто его, больного маньяка, знает.

Тем временем тот же цварг, который в начале заседания проводил медицинское освидетельствование резонаторов Кассэля, прилюдно срезал прядь его волос и пробормотал:

– Это не займет много времени – от силы пятнадцать минут, освободите мне тот стол, пожалуйста.

В густой напряженной тишине мужчина стал раскладывать на столешнице крайней кафедры переносную лабораторию. Молчание ощутимо давило.

«Пятнадцать минут. Всего лишь пятнадцать минут, Селеста, надо достойно продержаться, и все закончится. Юдесу желчь свою деть некуда, вот и распинался... У него нет никакого плана...»

Стоило так подумать, как Лацосте кашлянул.

– Ну а пока мы ждем результатов от Планетарной Лаборатории, я хотел бы задать несколько вопросов господину Адноту Грэфу.

«Кому?»

Я растерянно окинула взглядом зал и в подошедшем цварге узнала дока с лайнера Службы Безопасности.

– Подскажите, вы осматривали Льерта Кассэля на корабле? – последовал первый вопрос от Юдеса.

– Разумеется. Это моя прямая обязанность.

– И как он себя вел те две недели, что лайнер преодолевал пространство от Оенталья до Цварга?

– Нормально, – скупно бросил док.

– Нормально?! – Брови Лацосте черными птицами взмыли вверх. Он нажал на кнопку пульта, которым оснащались кафедры членов Аппарата Управления. – Подскажите, а это тогда что такое? Почему вы не отразили это в отчете?

На гигантском проекторе, на который Мишель выводил документы, возникло короткое заикленное видео. Сердце облилось кровью, когда я увидела перекошенное яростью лицо Льерта, раз за разом со всей силы бьющего в край иллюминатора. Как же ему, оказывается, было плохо, когда нас разлучили...

Скулы дока заалели.

– Я обсуждал с господином Кассэлем его поведение, и он привел разумное объяснение...

– Разумное? И какое может быть разумное объяснение намеренной порче имущества Цварга?

– Он говорил про перегородки на корабле... и проектирование. Я, честно, не запомнил... – забормотал док.

– Да тут неприкрытая агрессия налицо! – резко перебил Юдес и, все повышая и повышая голос, продолжил: – Обшивка иллюминатора – безобидная неодушевленная смесь пентапластмассы и титана! А если бы этот *неуравновешенный* тип с такой же силой ударил бы женщину?! Господа коллеги, как вообще можно всерьез говорить о том, чтобы подпустить настолько не контролирующего себя гуманоида к женщине! К *нашей* женщине! К цваргине!

Про таких, как Лацосте, говорят «оратор межгалактического масштаба». Я бы восхитилась тому, как ловко управляет интонациями и якобы забыл выключить видео на стене. Только по браку с Мартином

знала, что все подстроено, тщательно отрепетировано и выверено до каждой терции. Самовоспроизводящаяся каждые три секунды запись создавала образ того, что Льерт колотил эту стену часами напролет. Невнятное бормотание дока Службы Безопасности отчетливо трактовалось как то, что Кассэль запугал его.

Вселенная, да выключите это треклятое видео!

Сжав кулаки, бросила взгляд на лица советников. Какого шварха они дают управлять собой?! Почему не прервут обвинительную речь Юдеса с субъективной оценкой и уничижительными эпитетами?! Тень неодобрения проскочила на лице Леандра Ламбе, он набрал в грудь воздуха, явно чтобы остановить тираду Лацосте, но громкий, четкий, уверенный голос Льерта раздался под сводом зала раньше.

– Я никогда в жизни не навредил бы ни цваргине, ни любой другой женщине! – сдерживая себя колоссальной силой волей, практически прорычал мой мужчина. – Мне две шварховы недели не давали видеться с Селестой! Две шварховы недели даже не говорили, как она! Последнее, что я видел, – как она потеряла сознание! Селеста вошла в мой ближний круг, мне просто требовалось ее увидеть и услышать эмоции, чтобы понять, что с ней все в порядке!

В глазах Юдеса мелькнуло торжество, а я внутренне застонала. Льерт – ни разу не политик, он бывший военный. Не понимает, что Лацосте специально втягивает его в перебранку, в которой мнение большинства присутствующих поменяется...

– Вы не имеете права говорить о ближнем круге! Это дешевая попытка давления!

Уж кто бы тут о манипулировании говорил!

– Я просто объяснял свое состояние. Я бы в жизни не использовал на Селесте бета-колебания! Да я вообще не стал бы пользоваться ими во вред!

Лацосте явно ждал этой фразы. С плохо скрытым триумфом он нажал еще одну кнопку на пульте кафедры.

– Да ну?! Тогда объясните это!

«Дифренова туманность...»

Липкий, колючий, как шиповник, ком подступил к горлу. Если еще несколько секунд я хотела, чтобы предыдущее видео прервалось, то теперь мечтала, чтобы Юдес включил его обратно. Потрясающе.

Каждый последующий факт все увесистее и увесистее предыдущего, чтобы постепенно подогреть нервы публики, а затем шокировать...

Браво, Юдес, политический деятель из тебя – совершенство. Даже Мартин так не умел...

На экране появилась палата, на четырех койках безвольными овощами лежали печально известные рептилоиды. Вспененные желтоватые слюни текли по их подбородкам, они как глупые рыбы открывали и закрывали рты, иногда поднимали скрюченные руки и начинали истошно визжать.

В ту коралловую грозу я так и не спросила Льерта, что он сделал с напавшими на нас тварями. В лесном домике было не до этого, а потом как-то забылось. Сейчас все стало очевидно: он выжиг им мозги...

В груди похолодело.

«Вселенная, теперь никто не поверит, что это была самозащита...»

Словно вдогонку моим мыслям Лацосте щелкнул пультом, и видео сменилось другим – записью пятого уродца, зажавшего меня в тупике, чтобы изнасиловать. С ядовитым злорадством я отметила, что у лысого половина лица в красных пятнах, а вокруг глаз кожа съежилась и напоминает высохшую кожуру.

– Мы вышли из бара, а на улице нас подкарауливал ужасный тип с бежевыми рогами. Он напал на нас! Этот монстр делал что-то жуткое, казалось, мозг вскипает прямо в черепушке. Я думал, он нас всех убьет! Мне повезло, что удалось сбежать от психопата, а вот мои четыре собрата... – Реплоид с экрана оглушительно всхлипнул. – Администрация этой поганой планетки показала, что с ними стало... Мои товарищи, с которыми я прошел огонь, космос и черные дыры, уже не гуманоиды, а безвольные овощи! А мы ведь приземлились всего на несколько дней... просто хотели отдохнуть... Ребята теперь неспособны даже ложку держать в руках! Лучше бы этот псих их убил... Было бы гуманнее...

И снова визгливые крокодильи рыдания с проектора.

Я прикрыла веки, пытаюсь сдержать рвущийся наружу гнев. Какая же Юдес все-таки гнида... Послал пиратов искать меня... Если бы не Льерт, не представляю, чем все могло бы закончиться, а теперь эта тварь смеет выставить Льерта виноватым!

Лацосте с видимым удовольствием нажал на кнопку выключения видео и обратился к Кассэлю:

– Если уж вы *это* называете нормальной реакцией и отсутствием воздействия на слабых честных гуманоидов, не имеющих возможности сопротивляться бета-колебаниям, то я боюсь вообразить, как вы можете общаться с доверенной вам цваргиней.

Мой любимый мужчина стоял и молчал. Напряженные плечи. Сжатые кулаки. Вздувшиеся на шее и предплечьях синие вены. Я чувствовала, как ему плохо, хотя не видела лица. Больше всего на свете хотелось подойти, обнять и сказать, что, если бы и знала, что он сделал с пиратами, еще там, в лесном домике, мое отношение к нему не изменилось бы. Для меня он защитник. Я никогда не усомнюсь в его качествах.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, – тихо проблеял из угла зала сотрудник Планетарной Лаборатории, притягивая взгляды собравшихся. – Я проверил. ДНК совпадают. Отцом является господин Кассэль.

И все бы ничего, но после слов и доказательств, приведенных Юдесом, это прозвучало как издевка. Словно кто-то свыше оглушительно проорал: «И этому ужасному чудовищу вы доверите беременную цваргиню?!»

В уголках губ Юдеса промелькнула усмешка. Все рассчитал идеально. Вот же тварь.

Лацосте обошел кафедру и оказался напротив капитана «Сверхновой», всем своим видом показывая Аппарату Управления, что есть он – здоровый чистокровный цварг в элегантном деловом костюме с драгоценными запонками, кричащими о внушительном состоянии на банковских счетах, с аристократически-фиолетовым оттенком кожи, идеальными черными глянцевыми рогами и мощным хвостом. А есть Льерт – убогий бывший каторжник и раб в серой невзрачной одежде с выцветшей внешностью и ампутированной пятой конечностью, агрессивный солдафон-вояка.

Концентрированная ярость кнутом хлестнула по оголенным нервам, и, не выдержав этого фарса, я поднялась с места и громко заявила:

– Это была самозащита! Льерта Кассэля нельзя обвинять в применении бета-колебаний, так как речь шла о наших жизнях. Это

рептилоиды на нас напали.

– Леди Селеста Гю-Эль, я рад, что вы присоединились к заседанию, хотя в вашем положении лучше избегать даже незначительных переживаний. – Юдес стремительно развернулся ко мне с непринужденной улыбкой на лице. – Не волнуйтесь, вас лично ни в чем не обвиняют. Понятно, что вы лишь жертва. – *«Сидела бы ты в клинике, пока я смешиваю с грязью Льерта...»* – Но раз уж вы все-таки хотите выступить как свидетельница, повторюсь: вы уверены, что это была самозащита?

Лацосте якобы удивленно вскинул брови, а я почувствовала, что вот-вот попаду в очередную расставленную ловушку. Но гнев кипел в крови и требовал выхода, я видела, как изменились лица членов совета, я чувствовала, что если что-то не предпринять, все покатится в черную бездну...

– Разумеется, я уверена!

– То есть получается, что Льерт Кассэль использовал максимально тяжелые бета-колебания, которые выжгли мозги четверем гуманоидами, при вас? Он еще и вашей жизнью рисковал? Какой кошмар. – Юдес нарочито громко осуждающе поцокал языком.

Спина Льерта дрогнула, краем глаза я видела, как беззвучно выругался Мишель...

Шах и мат. За намеренное подвергание чистокровной цваргини ментальному воздействию такого уровня может быть только смертная казнь.

«Вселенная! Что я наделала...»

Руки похолодели, ноги отнялись, позвоночник прострелило молнией страха, склизкие щупальца ужаса обвили затылок.

Сердце остановилось.

Легкие забыли, как нагнетать кислород.

В зале стояла густая тишина, если бы кто-то пошевелился, это услышали бы все. Воздух превратился в хрупкое стекло, готовое разбиться на миллионы осколков. Десятки цваргов замерли, переваривая услышанное. Я облизала пересохшие губы и через сжавшееся горло с трудом протолкнула каркающие звуки:

– Нет, он не подвергал. Прошу прощения, меня там не было. Я не могу выступить свидетелем.

Зал взорвался шепотками, шуршанием, охами, ахами, вздохами, скрежетом стульев, переговорами и руганью. Я обессиленно рухнула на стул, обхватив низ живота руками. Мне было все равно, что творится «там». Слезы текли по щекам, мир размылся...

«Что делать? Как дальше жить?..»

Что бы ни сказала, Юдес уже завладел мнением большинства и вывернет все наизнанку. Если Льерт воздействовал на рептилоидов без меня, то я не свидетель. Если при мне – его сразу же казнят. Если скажу, что убежала в последний момент и меня чуть не нагнал тот пятый, вновь сакцентрирую внимание сенаторов на мысли, что Льерт умалчивал о чистокровной цваргине на опасном Оентале. Если Юдес додумается сопоставить срок беременности с датой нападения рептилоидов, у него появится еще одна благодатная причина убедить собравшихся, что полуконтрактник манипулировал, ведь секс – валюта на отсталых планетах. Отношения между нами будут выглядеть оплатой «защиты». С нарастающей волной отчаяния я кусала губы, осознавая, что понятия не имею, что делать.

Чувство беспомощности и безысходности черным туманом зарождалось в груди и стремительно растекалось по венам, смешиваясь токсичным тяжелым свинцом с кровью, удавкой затягивалось на горле.

– Селеста! – Кто-то совершенно невоспитанно тряс меня за плечо. – Селеста, да очнись же!

– А?..

Я подняла взгляд и с трудом сконцентрировала его на веснушчатом лице старого друга, который стоял передо мной на коленях.

– Быстро возьми себя в руки! – жестко и быстро прошипел юрист. – Еще немного, и ты сделаешь Льерту хуже. Его не казнят, ты же отозвала свое свидетельство. Просто по видеопозаказаниям какого-то рептилоида – не цварга даже! – Льерту ничего серьезного не сделают. Да, гражданства лишат, может, выпрут с планеты, но жить он будет. Это раз. Два, на тебя все косятся, быстро приходи в себя. Сейчас Юдес скажет, что твое состояние – прямое доказательство того, что Льерт тучу времени на тебя воздействовал и привязывал эмоционально.

Слезы мгновенно высохли, но все равно поздно. Меня настолько поглотили собственные чувства, что громкая речь Лацосте дошла до

мозга с опозданием.

– ...это следствие многократного внушения. Скорее всего, использовались еле заметные поверхностные колебания, чтобы медицинский персонал ничего не смог найти даже при тщательном сканировании.

По шевельнувшимся губам друга прочла все, что он думает о Лацосте, и была полностью с ним согласна.

– Давайте закругляться, господа. Если это все, то Аппарату Управления требуется несколько минут перерыва, чтобы вынести окончательное решение, – прогромыхал Леандр Ламбе.

Зал ожил, члены совета подошли ближе к пожилому цваргу, эмиссары Службы Безопасности скучаяще подперли двери, частные лица встали и ушли – им было уже очевидно, к какому заключению придет Аппарат Управления. Льерта лишат гражданства, возможно, назначат разбирательство ситуации с рептилоидами на Оентале, а может, и нет, а я как ценный трофей стану женой влиятельного политика.

Мишель неожиданно сунул мне в руку сложенную бумажку.

– Я не думаю, что стоит соглашаться, но должен был тебе ее передать... – пробормотал друг, отводя глаза.

Подрагивающими пальцами я развернула записку:

«Если хочешь, чтобы твоего любовника вновь не отправили в тюрьму, объяви во всеуслышание прямо сейчас, что все это время любила только меня».

Подписи нет, но догадаться, от кого записка, было несложно. Я подняла голову и встретилась взглядом с Юдесом. Он, словно не происходит ничего важного, стоял, вальяжно прислонившись бедром к одной из кафедр, и вполуха слушал коллег. На дне темных глаз кипело неприкрытое возбуждение. Ему все нравилось, он считал это игрой, а себя – победителем.

«Твой выбор, дорогая».

Я сглотнула. Даже в такой ситуации, когда все вроде бы ясно, он умудряется шантажировать и оборачивать в свою пользу. Прямо как Мартин. Хотя нет, умелее и ловчее Мартина. Громкий вздох не удержался в легких и прозвучал сиплым карканьем. Перевела взгляд на Льерта, на его потрясающе мужественный профиль, сильные плечи,

гордо поднятую голову и светлые волосы, стянутые простой резинкой...

Прости меня. Прости, что сделала только хуже.

Прости за то, что такой ценой хочу спасти от наказания, которого ты не заслуживаешь. Надеюсь, ты когда-нибудь поймешь.

Льерт словно почувствовал, что я собираюсь сделать, и внезапно резко развернулся. Серые глаза блеснули таким гневом и вместе с тем мольбой не делать этого, что сердце сжалось.

«Стой».

«Нет, я должна».

«Стой, я сказал!»

«Нет!»

Откуда он знает? Почему так хорошо меня чувствует? Почему всегда понимает? Да что же за гад-то такой идеальный...

Серый взгляд смягчился.

«Это ты у меня идеальная».

В горле стояли слезы, еще минута – и просто не успею. Поднялась со своего места, не обращая внимания на удивленный вопрос Мишеля «ты куда?», обогнула ряд с пустыми креслами, сделала шаг в центр зала. Большинство цваргов как раз вернулись за свои кафедры.

– Мы посоветовались и пришли к выводу... – начал Леандр.

– Я требую открыть протокол депрессии альфа-волн! – громогласный голос Льерта не расслышал бы даже глухой.

Я замерла, не понимая, что происходит.

– Вы уверены? – неожиданно мягко переспросил самый пожилой член совета. – Вы понимаете, чем рискуете?

– Да, я все понимаю.

А дальше произошло что-то странное: цварги загудели. Кто-то разочарованно взвыл: «Да ну, еще несколько часов просиживать штаны, чтобы узнать, чем все закончится?!» Юдес рыкнул: «Это какой-то фарс! Я отказываюсь в нем участвовать». Трое других цваргов почти одновременно как-то устало-обреченно произнесли, что готовы к протоколу. Большая часть толпы хлынула из самого большого зала Серебряного дома. Мишель схватил меня за локоть и со словами: «Давай скорей, пока Льерт готов», вывел в коридор, а затем на какой-то балкон.

– Что происходит? Мишель?! – Вцепилась юристу в лацканы пиджака и с мольбой посмотрела в горчичные глаза. – Я не понимаю... Объясни, при чем тут протокол депрессии альфа-волн?! Он же уже отсидел на астероиде! Что происходит?!

Адвокат посмотрел с жалостью, мягко отцепил мои пальцы, усадил и только после этого произнес:

– Селеста, ты понимаешь, как работает этот протокол?

– Ну да... – Я растерянно взмахнула рукой. – Когда случается что-то плохое, а цварг при этом испытывает вину, в воздухе разлиты альфа-волны. Я их не чувствую – рогов у меня нет, но по законам Цварга на основании этих колебаний можно осудить мужчину.

– Почти так. – Мишель бледно улыбнулся. – Альфа-волны – собирательное название для всех ярко выраженных негативных эмоций – колоссальная боль, чувство потери, вины, жгучая ненависть, когда цварг готов пойти на убийство. В последних случаях цварги, как правило, достаточно быстро сходят с ума от своего же фона. Все мы разные, каждый живой организм думает, а его головной мозг ежесекундно выдает множество самых разнообразных колебаний. Это понимаешь?

Кивнула. Это я понимала.

Мишель нервно почесал затылок.

– Льерта первый раз осудили именно по протоколу депрессии альфа-волн. Потому что его нашли рядом с трупом невесты, а вокруг были альфа-волны и следы колоссального воздействия на цваргиню. Я читал судебный отчет, когда готовился к этому делу. Сейчас же Юдес Лацосте притащил доказательства, пускай косвенные и непроверенные, что Льерт вновь переступил черту и выжег мозги рептилоидам. Конечно, пока что никаких обвинений не выдвинуто. По большому счету, Цваргу дела нет до планеты, которая даже в состав Федерации Объединенных Миров не входит. Но видео с рептилоидами раз и навсегда бросает тень на репутацию и имя Льерта. После такого он уже не смог бы на тебе жениться.

– Плевать на замужество, – пробормотала, всхлипывая. – Лишь бы с ним все было в порядке.

Мишель угрюмо кивнул.

– Требование Кассэля провести протокол депрессии альфа-волн означает, что сейчас его, по сути, будут судить. До этого решался

вопрос гражданства, твоего будущего, возможных штрафов, но никак не полноценных наказаний. На любое действительно резкое заявление Аппарата Управления я бы потребовал перенести дело в суд, а там, если еще добиться заседания где-нибудь на Ионе и нормального судью, в принципе еще можно пободаться. Протокол же проводят исключительно цварги, ориентируются на свои собственные ощущения от резонаторов, и результатом может быть все что угодно – вплоть до реальной смертной казни через выжигание мозга. – Марсо поморщился и отвернулся, тихо добавив: – Это при условии, что он нормально будет себя чувствовать после самой процедуры. Пять цваргов открыли полное ментальное сканирование Кассэля и пытаются его вытолкнуть на самые гнилые и гадкие эмоции, чтобы оценить, насколько он опасен. Если будет много альфа-... если будет много вины перед погибшей невестой...

Полуцварг вздохнул, а я подавила тихий вскрик.

– Это больно? – прошептала одними губами.

Мишель криво усмехнулся.

– Те, кто это проходил, говорят, что сродни тому, чтобы пережить все самые ужасные моменты прошлого, помноженные на кошмары.

– И зачем он на это пошел?

– Ради тебя, Селеста. – Юрист посмотрел на меня как на глупенькую. – Ради тебя. Если он полностью переживет прошлое и не почувствует за собой вины, а те, кто проводит протокол, поймут, что он предельно искренен, – его отпустят. Заключение насчет смерти Фьенны уберут из личного дела, а ему принесут глубокие извинения.

– Да на что ему эти извинения, лучше бы судили нормально, – прошипела раздраженно.

Мишель промолчал. Мы сидели на балконе и смотрели на пролетающие мимо флаеры, на идеально-гладкие зеркальные здания вокруг, на белоснежные пики высоких гор на горизонте, на яркое солнце, которое уже клонилось к горизонту. В голове роилось так много мыслей и тревог, что хотелось от всего избавиться, отмотать время вспять и вновь оказаться на Оентале. Да, там пыль, грязь и дожди, но там я была счастлива. Там *мы* были счастливы. Вселенная, это были самые лучшие дни в моей жизни. Потому что в них был Льерт.

Друг несколько раз порывался меня накормить, но кусок не лез в горло. Есть не хотелось, а вот пить – да, пила я много. Юдес намеревался поговорить со мной наедине, но, когда он попытался закрыть дверь на балкон и сделать вид, что ее заклинило, удачно вовремя вернулся Мишель с сэндвичем и бутылкой воды.

Меня мутило от Лацосте.

Меня мутило от нервов.

Меня просто мутило...

В какой-то момент у Мишеля пиликнул коммуникатор. Он бросил взгляд на устройство, вскочил на ноги, отряхивая с себя крошки, и бодро гаркнул:

– Пора!

– Что? Что решили?! – Вцепилась в рукав юриста.

Ничего не сказав, он повел меня обратно в сторону того ужасного зала. В коридоре я увидела пять высоких рогатых фигур – членов Аппарата Управления, согласившихся провести протокол, и Кассэля. Он о чем-то серьезно разговаривал с мужчинами, но резко замер и обернулся. Бесконечно долгий миг мы смотрели друг на друга, а затем, наплевав на все приличия, я рванула к Льерту, а он, улыбаясь, шагнул навстречу и широко раскинул руки. Черная шляпка с вуалью слетела с головы посередине пути, но мне было плевать. Плевать на то, что в общественном месте, плевать на изумленные взгляды цваргов, да на все – плевать.

Слезы текли по щекам, но на сей раз это были слезы облегчения. Я влетела в объятия мужчины, сцепила руки у него на талии, как тогда, в лесном домике, и вдыхала такой любимый и такой родной аромат каменной полыни.

– Льерт... Зачем же ты так... Все? Тебя отпускают?

Давилась всхлипами и рассматривала его лицо. За те дни, что мы не виделись, у него проступили морщины вокруг рта и на лбу, появились тени под глазами, заострились скулы. Он заметно изменился внешне. Как же ему было плохо без меня...

– Да, отпускают. Все наконец решено. А зачем – по-моему, очевидно, Селеста.

Серые с прожилками радужки ласкали взглядом и согревали теплом.

– Вот же дурак... – Я от обиды и нервов ударила его кулачком в грудь. Плевать, насколько вопиюще неприлично это смотрится со стороны! Мне нужно выплеснуть эмоции! – А если бы не получилось?! А если бы ты не выдержал сканирования? А если бы?..

– Получилось бы. Без всяких «если», – совершенно серьезно прервал мою тираду Льерт. Наверное, целую вечность мы стояли в коридоре Серебряного дома и смотрели друг на друга. Кассэль очнулся первым. – Селеста, ты же знаешь, что это не я сообщил Службе Безопасности о твоём пребывании на Оентале?

– Конечно знаю! – Не выдержав, снова стукнула его.

Он порывисто выдохнул и чуть расправил плечи.

– Это хорошо. А то, что я не сообщил тебе о расе... прости. Я не должен был скрывать это от тебя. Просто боялся, что ты от меня отвернешься. – И, не давая мне вставить хоть слово, зачастил: – У меня вчера было время изучить Федерацию и как она развилась, пока я был на астероиде... Конечно, за пределы ФОМа тебя не выпустят, но в пределах охраняемой Космофлотом территории как мою жену – пожалуйста. Я очень хотел бы, чтобы тебе было комфортно. Не так давно стали стремительно развивать и отстраивать Юнисию, планету на окраине Федерации. Лететь туда довольно долго, зато там потрясающая природа и есть филиал одной из Академий Космофлота, именно поэтому я и заинтересовался Юнисией. Это очень чистое и красивое место со своими особенностями. У планеты постоянно меняющийся магнитный фон, а как следствие – гравитационный. Мои знания будут востребованы, я смогу работать, получать стабильный оклад, содержать тебя и нашего ребенка. Мне не придется выходить в космос на месяцы, а ты сможешь готовить и устраивать кулинарные эксперименты – на Юнисии совершенно уникальная флора. А если тебе не понравится, я договорюсь, чтобы ты читала лекции по финансовому делу в самой Академии. Все что пожелаешь! Там помимо цваргов много рас, но ввиду твоего знания языков, тебе будет легко. Только не отказывайся сразу, подумай.

Он был настолько собран и серьезен, что я не могла поверить, пока не увидела дрогнувшие ресницы, дернувшийся уголок рта. Серые глаза смотрели спокойно, но на их дне клубилась тревога. После всего, что Льерт пережил, он боялся! Но не Аппарата Управления Цваргом или суда по протоколу депрессии альфа-волн. Нет! Мой мужчина

боялся, что я могу отказаться от него! И тщательно пытался скрыть волнение...

Сердце защемило от бесконечной нежности.

– Уважаемый Льерт Кассэль, – произнесла я максимально официально, с тихой радостью глядя, как удивленно ползут на лоб пепельные брови, – я заявляю, что ты совершенно не умеешь делать предложение женщине, ты отвратительный полуконтрактник и паршивый оратор. Но да, я выйду за тебя замуж и улечу с тобой в любое место во Вселенной, лишь бы быть рядом. – Положила руку на живот и поправилась: – Лишь бы мы были рядом.

Льерт расхохотался и крепко прижал меня к себе, целуя в лоб.

Именно в этот момент позади раздался ненавистный голос Лацосте:

– Кошмар, Селеста. Я, конечно, знал, что ты слегка одичала на Оентале, но не до такой же степени, чтобы в Серебряном доме прилюдно обниматься с бывшим полуконтрактником!

Я моментально взъярилась и захотела напомнить этому типу, как он вел себя несколько дней назад в этом же здании, только в личном кабинете, но Льерт опередил. Обернулся и ровным тоном сообщил:

– Кстати говоря, вас уже разыскивают ваши коллеги.

Юдес пренебрежительно фыркнул, но напрягся всем телом.

– Мой рабочий день закончился. С чего бы им меня разыскивать?

– Вы так ловко, господин Лацосте, добыли видеозаписи с рептилоидами, что вашими с ними отношениями заинтересовались коллеги. Я напомнил совету, что помимо меня космические пираты похитили с ША-945 других граждан Федерации, среди которых, кстати, были и цварги, и все они, вероятно, сейчас находятся в рабстве. А у вас, несомненно, настолько потрясающие связи с... разными представителями рас, бороздящих космос. И эти связи в случае Селесты оказались настолько эффективнее целой Службы Безопасности Цварга и частных детективных агентств, что я, каюсь, подбросил им идею, что вы могли бы заняться поиском пропавших честных граждан. Ну и логично, что имеет смысл вести поиски в первую очередь на той планете, где пираты точно бывали и где в рабстве в таноржских успокоителях был я, полноценный цварг. Предполагаю, что на ближайшие десять или двадцать лет вам предстоит командировка на «дикую» планету.

Стоит отдать должное Юдесу, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он прошипел: «Ненавижу», резко развернулся на каблуках и стремительно зашагал в центральный зал заседаний АУЦ. Я смотрела в мощную спину, обтянутую лоснящейся тканью пиджака, и думала, что Юдес не просто получил по заслугам – по сути, рухнула вся его многолетняя карьера. Я кожей ощущала его гнев и ненависть, но мне ни капельки не было жалко. Принеся в зал суда записи с рептилоидами, он сам себе подписал приговор на ссылку. Если же Льерт рассказал и об опытах Аюра, основанных на регенеративных свойствах крови цваргов, ссылка эта будет пожизненной.

Оенталь – полуаграрная планета с экстремальной прецессией оси. Она олицетворяет собой все то, что такие, как Юдес, ненавидят всеми фибрами души: ужасные климатические условия, тоскливые длительные кислотные дожди, пыль и грязь, нищету и низкую культуру общества. Такие, как Лацосте, неспособны оценить природу и свободу, зато собственный статус и комфорт значат для них все. В каком-то смысле Оенталь для Юдеса – тюрьма сродни астероиду с высокой радиацией.

Ладонь Льерта коснулась моего подбородка.

– Селеста, ты что, загрустила?

Я улыбнулась любимому мужчине и отрицательно покачала головой.

– Нет. Просто есть кое-что, что ты должен знать. Но... – Оглянулась, пытаюсь понять, может ли нас кто-то услышать. Цварги разбрелись по своим делам, у большинства закончился рабочий день, и вроде бы говорить было безопасно. – Я думаю, нам стоит поторопиться с билетами на Юнисию. Хочу улететь как можно скорее. Как думаешь, когда у нас получится?

Между бровями мужчины залегла глубокая складка.

– Я хотел подготовиться к путешествию, съездить в банк и проверить счета. Большую часть у меня конфисковали, когда обвинили в смерти Фьенны, но какие-то сбережения остались. Опять же, некоторые вещи купить лучше тут. И мне бы хотелось, чтобы нас зарегистрировали как семью в базе АУЦ. Думаю, две или три недели на все дела...

– Если вопрос в стоимости билетов, у меня есть собственные накопления, это не проблема. Давай купим их прямо сейчас.

– Но, Селеста... К чему такая спешка? Мы выиграли. Теперь мы будем вместе, это точно. С меня сняли все обвинения, вообще все. И даже звание капитана вернули.

Я улыбнулась, глядя на Льерта. Такой серьезный, основательный, такой любимый. Бескрайний космос! Я думала, что невозможно любить так сильно, без оглядки, так, что хочется всю жизнь дышать его запахом, слышать уверенный голос и просыпаться в крепких объятиях. Никогда и ни с кем я не чувствовала себя так. Вселенная, как же ему намекнуть-то? Я вновь положила руку на живот и прошептала:

– Док Иарлэйт передал не всю информацию в Планетарную Лабораторию. Мне бы очень не хотелось здесь задерживаться.

– Я не понимаю... – В серых глазах плескалась растерянность. – С малышом что-то не так? Тебе потребуется медицинская помощь?

Я закатила глаза.

– Нет, с ними все в порядке.

– «С ними»? – эхом переспросил любимый.

– Да, с ними, – повторила с нажимом. – И имена надо будет придумывать женские.

Несколько секунд у него ушло на то, чтобы сложить два и два, а затем на лице Льерта отразилась бешеная радость. Он подхватил меня на руки и закружил.

– Льерт, прекрати так радоваться, – зашипела на будущего супруга. – Сейчас к нам все сбегутся. Я не хочу сообщать о факте в прессу, меня могут не выпустить!

– Девочки! Две! Мои принцессы! – восторженно прошептал мужчина, зарываясь носом в мои волосы, ничего не слыша и покрывая шею нежными поцелуями.

Вырваться сразу расхотелось.

«Вообще-то три, но скажу ему об этом позднее...»

– Да, и поэтому я очень прошу, давай улетим как можно скорее. Не хочу, чтобы наши дочери росли на Цварге.

– Как скажешь, дорогая. Улетим хоть сегодня.

Конец

Примечания

1

Фён – интересное природное явление; сильный тёплый и сухой ветер, дующий с гор в долину.

Муассанит – драгоценный камень, который обладает практически той же твердостью, что и алмаз, но более высоким показателем преломления света и дисперсией, из-за чего он демонстрирует больше цветных радужных вспышек.

3

У цваргинь, ввиду анатомического отсутствия гимена, невозможно определить, мужчина первый или нет.